

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
КОМИ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

Д. В. Милохин   А. Ф. Сметанин

**Коми
колхозная деревня
в послевоенные годы
1946-1958**

*Социально-экономические
аспекты развития*

МОСКВА НАУКА 2005

УДК 94(47 + 57)
ББК 63.3(2)63
М60

Работа подготовлена при поддержке РГНФ
(исследовательский проект № 02-01-00470 а/С) и гранта Президента РФ
молодым ученым – кандидатам наук (МК-1215. 2004.6)

Ответственный редактор
доктор исторических наук, профессор А.А. Попов

Рецензент
доктор исторических наук, профессор Л.Н. Денисова

Милохин Д.В., Сметанин А.Ф. Коми колхозная деревня в послевоенные годы, 1946–1958: соц.-экон. аспекты развития / Д.В. Милохин, А.Ф. Сметанин; отв. ред. А.А. Попов; Ин-т языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. – М.: Наука, 2005. – 292 с. – ISBN 5-02-010298-9 (в пер).

В монографии рассмотрены вопросы развития коми колхозной деревни после Великой Отечественной войны: аграрная политика советского государства, ее влияние на состояние производительных сил колхозов и приусадебных хозяйств колхозников, развитие сельскохозяйственного производства, материальное и социально-правовое положение колхозного крестьянства.

Для историков и читателей, интересующихся историей родного края.

По сети “Академкнига”

ISBN 5-02-010298-9

© Милохин Д.В., Сметанин А.Ф., 2005
© Российская академия наук, 2005
© Издательство “Наука”, редакционно-художественное оформление, 2005

ОТ РЕДАКТОРА
**НОВЫЕ ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ
“ВЕЛИКОГО НЕЗНАКОМЦА”**

Новейшая историография российской деревни вернула в отечественную историко-аграрную науку такую дисциплину, как “крестьяноведение”. Целый ряд аспектов социальной, политической, экономической и духовной жизни деревни времен советской эпохи до недавнего времени был за пределами свободного, объективного анализа. А ее основное население – колхозное крестьянство – по образному и весьма точному определению авторитетного крестьяноведа Т. Шанина по существу продолжало оставаться для исследователей “великим незнакомцем”. И это в одной из самых аграрных стран мира в XX столетии. Настоящая работа, являясь первым обобщающим историческим исследованием коми деревни послевоенного периода (1946–1958), представляет собой еще один штрих (в данном случае региональный) в воссоздании коллективного портрета и в прояснении российского феномена этого “великого незнакомца”.

Научная актуальность обращения к послевоенному состоянию и развитию аграрной подсистемы общества очевидна. Колхозная система, с присущими ей высочайшими мобилизационными возможностями, послужила основным источником модернизации государства, обеспечив создание наиболее современной на тот момент индустрии, способствовала победе в войне, а затем последующему восстановлению и хозяйственному подъему. Обосновывая хронологические параметры исследования, авторы определяют их от начала восстановления страны после Великой Отечественной войны до изменений в аграрном секторе в конце 1950-х годов, приведших к принципиальным сдвигам в статусе колхозно-кооперативной формы собственности. Анализ историографической ситуации позволил авторам наметить проблемы, нуждающиеся в углубленном рассмотрении: развитие экономики колхозов, материальное положение членов сельхозартелей, методы стимулирования труда колхозников в сельскохозяйственном производстве, формы социального протеста коми колхозного крестьянства.

Авторы аргументированно обосновывают, что в 1946–1953 гг. экономика сельхозартелей Коми АССР все более приобретала

черты кризисного развития. Довоенный уровень производства не был достигнут. К началу 1950-х годов ряд важнейших показателей был ниже, чем в середине 1940-х. Новый этап в аграрной политике начинается с деятельностью политического руководства страны, пришедшего к власти после смерти И.В. Сталина. Было инициировано реформирование колхозной системы. Уже первые результаты нового экономического курса были весьма ощутимыми. У большинства артелей резко возросли экономические показатели, а период 1953–1958 гг. был самым успешным за всю предшествующую историю колхозов в Коми АССР. Однако отставка Г.М. Маленкова с поста главы правительства негативно повлияла на концептуальную завершенность и последовательность реализуемых мер в аграрной сфере страны. К концу 1950-х годов явные просчеты в руководстве привели к негативным последствиям и в развитии колхозной экономики Коми АССР.

Данные, представленные во второй главе монографии, свидетельствуют, что в материальном обеспечении колхозник не мог рассчитывать на доходы от труда в общественном хозяйстве. Основным источником для этого служило индивидуальное приусадебное хозяйство. Предпринятые в 1953 г. меры привели к тому, что в последующие годы денежные выдачи колхозникам на выработанные трудодни значительно возросли. Однако к 1958 г. доходы крестьян оставались несравненно ниже оплаты труда индустриальных рабочих и государственных служащих.

Значительный интерес представляет анализ методов интенсификации труда колхозников. В частности, детально описано использование развитой системы мер от внеэкономического принуждения до мероприятий пропагандистского и административного характера. Данная система была достаточно эффективной, хотя и не могла полностью предотвратить “нежелательные” проявления социального поведения крестьян.

Исследование основано на богатой своими информационными возможностями источниковой базе. Это материалы партийных и государственных органов, статистическая документация, периодическая печать, жалобы населения в различные органы власти, сводки органов госбезопасности, документы правоохранительных органов. Основную массу источников составляют архивные материалы, что придает научным положениям и выводам большую достоверность и репрезентативность. При этом основная часть эмпирических данных впервые вводится в научный оборот.

Итак, данная работа не только решает научно-познавательную историографическую задачу; она актуальна еще и потому, что современное российское общество, а следовательно, и российская деревня вновь находятся на крутом историческом перело-

ме. Анализ предшествующего опыта, возможно, будет востребован в ходе нынешней реформации аграрных отношений.

Уместно также отметить, что настоящая монография является результатом многолетних исследований авторов – сотрудников отдела отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Она подготовлена к изданию в рамках коллективного исследовательского проекта Российского гуманитарного научного фонда “Коми деревня в XX веке. Советский период. 1921–1990 гг.” и при поддержке гранта Президента Российской Федерации молодым ученым. Работа получила положительную рецензию в Институте российской истории РАН со стороны крупного специалиста отечественной историко-аграрной науки доктора исторических наук, профессора Л.Н. Денисовой.

Зам. директора Института языка,
литературы и истории Коми НЦ УрО РАН,
доктор исторических наук, профессор
А.А. ПОПОВ

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование посвящено истории колхозов и колхозного крестьянства Коми АССР в послевоенные годы (1946–1958). Тема является составной частью общей проблематики аграрной истории советского общества, разработка которой имеет большое научное и практическое значение. В научной литературе справедливо отмечается, что “история крестьянства России находится в центре многих экономических, исторических, философских, социологических исследований. И это вполне оправданно, так как именно крестьянство, будучи самым многочисленным в социальной структуре российского общества, в течение столетий создавало национальное богатство страны”¹.

Необходимо отметить, что во всем мире интерес обществоведов к аграрной проблематике в последнее время значительно усилился, при этом в литературе отмечается недостаточная изученность такого социального феномена, как крестьянство. Не случайно, вышедший в 1987 г. на Западе, а в 1992 г. в России сборник последних работ зарубежных социологов-крестьяноведов назван его составителем Теодором Шаниным “Великий незнакомец”². Данное заглавие, с одной стороны, указывает на высокую общественную значимость класса аграрных производителей, с другой – на недостаточную степень изученности данного социального феномена. Рост внимания к изучению истории деревни характерен и для отечественной исторической науки. В 1990-е годы в междисциплинарном академическом центре социальных наук Института российской истории РАН состоялся теоретический семинар “Современные концепции аграрного развития”, в котором приняли участие видные исследователи В.П. Данилов, Ю.Г. Александров, И.Е. Зеленин и др.³ На этом семинаре подчеркивалась необходимость углубленного изучения прошлого деревни⁴, “критического переосмысления наших представлений, обращения к новым взглядам на историю российского крестьянства, складывающимся в наши дни”⁵.

Аграрная подсистема советского общества оказала огромное влияние на историю нашего государства. Известно, что уровень

развития страны определяется степенью совершенства ее производительных сил, в том числе и в сельском хозяйстве. Советская деревня долгое время играла важнейшую роль в экономике СССР – служила источником роста народного хозяйства: снабжала промышленность сырьем и трудовыми ресурсами, обеспечивала население жизненно необходимыми продуктами питания. Ресурсы деревни позволили в конце 1920 – начале 1940-х годов провести индустриализацию – всеобщую модернизацию российской промышленности. Беспрецедентный рывок от аграрного уровня развития отечественных производительных сил до широкого внедрения самых современных на тот момент технологий, давших возможность выпуска индустриальным способом любого известного вида промышленной продукции, был произведен в фантастически короткий срок – 15–20 лет. Данный скачок, образно говоря, от “деревянной сохи” к “атомной бомбе” обеспечил СССР статус мировой супердержавы на последующие десятилетия. Созданный по замыслу и инициативе политического лидера советского государства И.В. Сталина особый тип аграрного строя позволил сосредоточить путем перераспределения средств значительные накопления, обеспечив, тем самым, сверхбыстрый рост советской экономики, как в количественном, так и в качественном отношении.

После победы в Великой Отечественной войне перед Советским Союзом встали важнейшие задачи восстановления и дальнейшего развития разрушенной экономики, перевода ее на рельсы мирного развития. Колхозной деревне отводилась ключевая роль в данном процессе. В ней государство видело безотказный источник пополнения всевозможных ресурсов (людских, материальных, финансовых) для всех остальных отраслей народного хозяйства. Собственные интересы советской деревни учитывались при этом далеко не в первую очередь. Вновь был взят курс на приоритетное развитие тяжелой индустрии. Реализация данной доктрины привела к началу 1950-х годов к глубокому социально-экономическому кризису колхозной системы. Смена политической элиты в 1953 г. ознаменовала изменение подхода государства к руководству аграрной отраслью в сторону большей социальной ориентированности. Аграрные реформы нового правительства весьма благоприятно сказались на развитии колхозного производства и решении острых социальных вопросов, однако этой тенденции не суждено было иметь долговременный характер. Отставка Г.М. Маленкова с поста главы Советского правительства в 1955 г., политика ущемления личного подсобного хозяйства колхозника и ликвидация системы машинно-тракторных станций в 1958 г. негативно повлияли на указанные процессы.

Таким образом, во второй половине 1940 – начале 1950-х годов наблюдается пик развития колхозной системы специфически сталинского типа и, в то же время начало ее конца – реформ, связанных с именами Председателя Совета Министров СССР Г.М. Маленкова и Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева. За этот период советской деревне пришлось преодолевать разрушительные последствия войны, испытать на себе жесткий аграрный курс политического руководства в условиях нараставшего социально-экономического кризиса конца 1940 – начала 1950-х годов, попытка выхода из которого с 1953 г. открывает новый этап развития колхозной системы, приведший к ликвидации колхозов, началу массовой замены их на совхозы в 1960-е годы. Именно в этот период решался вопрос – насколько успешным будет дальнейшее развитие СССР во второй половине XX в. Исход данного процесса в немалой степени зависел от общественной позиции крестьянства и экономического состояния аграрной отрасли. В силу этого представляется важным и необходимым попытаться на конкретно-историческом материале воссоздать историю того нелегкого пути, который прошла коми колхозная деревня вместе со всей советской деревней, пытаясь решить поставленные государством задачи.

Выявление общих закономерностей и специфики развития регионов, безусловно, помогает лучше узнать историю страны в целом, история отдельных классов важна для понимания развития всего общества. Коми колхозная деревня была неотъемлемой составной частью советской аграрной подсистемы, коми колхозное крестьянство – всего советского крестьянства. Экономическая специализация, суровые природные условия данного региона обусловили некоторые особенности в развитии сельского хозяйства и крестьянства в рассматриваемый период.

Актуальность исследования обусловлена и спецификой условий, в которых оказалась Россия в начале XXI в. Недавно принятый Земельный кодекс открывает новую страницу в истории российской деревни. Законодательная регламентация купли-продажи земли открывает дорогу, по замыслу его авторов, к всеобщей “фермеризации” российской деревни, т.е. решает проблему модернизации сельскохозяйственного производства. Насколько эта идея окажется состоятельной – покажет время. В любом случае поиск путей перспективного развития аграрной подсистемы предусматривает необходимость обращения к прошлому с целью его изучения, понимания и учета опыта решения указанных проблем.

Исследование проблем послевоенной колхозной деревни в рамках советской историографии (т.е. основанной на марксист-

ско-ленинской методологии – “историческом материализме”) велось чрезвычайно активно. Подробная характеристика этой обширной литературы выходит за рамки настоящего исследования, тем более, что имеется ряд крупных историографических работ по данной теме⁶. Однако следует сказать несколько слов о достоинствах и недостатках советской историографии в целом.

К положительным моментам можно отнести то, что были заложены основы изучения ключевых проблем аграрной истории, таких, как развитие колхозной экономики, культуры села, социально-экономического положения советского крестьянства. В научный оборот был введен богатейший фактический материал. Трудовой героизм целого социального класса – колхозников – стал достоянием исторической памяти. Огромный вклад в изучение важнейших проблем послевоенного развития советской колхозной деревни внесли работы таких крупных исследователей, как И.М. Волкова⁷, М.А. Вылцана⁸, И.Е. Зеленина⁹, Ю.В. Арутюняна¹⁰, В.Б. Островского¹¹, А.П. Тюриной¹² и др.

К отрицательным моментам, на наш взгляд, относится то, что рассмотрение большинства сторон аграрной истории послевоенного периода, так или иначе, носило печать государственной идеологии. Научная литература вразрез реалиям жизни представляла читателю колхозную деревню вполне благополучной. Авторы стремились показать якобы всецело прогрессивное развитие аграрной подсистемы советского государства¹³. Несмотря на признание “отдельных недостатков и трудностей”, исследователи демонстрировали твердую убежденность в правильности государственной политики на селе и прекрасных перспективах советской деревни. Кроме того, характеристика роли тех или иных политических деятелей в сфере руководства сельским хозяйством зависела от господствовавших на тот момент официальных оценок. Показательно в этом смысле всяческое замалчивание деятельности Г.М. Маленкова как инициатора реформирования колхозной системы середины 1950-х годов¹⁴, что не отвечает принципам восстановления исторической справедливости. К сожалению, советское крестьяноведение нередко шло в фарватере политической конъюнктуры, что мешало добытым знаниям всецело претендовать на достоверность и объективность.

С конца 1980 – начала 1990-х годов характер исследований по аграрной проблематике стал меняться. Резкое ослабление политической цензуры, доступность закрытых ранее архивных материалов, работ зарубежных историков – все это позволило наметить новые подходы в изучении актуальных проблем прошлого советской деревни. В связи с этим появились новые, ранее не рассматривавшиеся или почти не рассматривавшиеся сюжеты, та-

кие, как социальный протест колхозного крестьянства¹⁵, причины и размах послевоенного голода¹⁶, роль личного подсобного хозяйства в жизни колхозной семьи¹⁷, негативные последствия “жесткого” внутривластного курса в отношении села¹⁸ и т.д. Важным этапом переосмысления истории колхозного крестьянства в послевоенный период стал выход монографии О.М. Вербицкой¹⁹. В то же время, несмотря на определенные успехи в изучении истории послевоенной колхозной деревни в целом, эта тема нуждается в специальном комплексном рассмотрении на основе самого широкого круга источников. Большим подспорьем в создании такого обобщающего труда могла бы стать разработка истории сельского хозяйства и крестьянства по отдельным регионам страны.

В изучении аграрной истории Коми АССР 1946–1958 гг. можно выделить несколько этапов. Рассмотрение отдельных вопросов сельскохозяйственной проблематики началось в конце 1940 – начале 1950-х годов, когда появились исследования ученых-экономистов²⁰. Эти работы содержат большое количество статистических сведений, иллюстрирующих динамику развития колхозов. Специальные исторические исследования колхозного строя в этот период отсутствовали, что было связано с неблагоприятной политической конъюнктурой и ограниченным доступом к некоторым группам архивных источников. Даже диссертационные исследования до второй половины 1950-х годов могли быть выполнены на основе данных периодической печати²¹. При этом официальная информация была зачастую не вполне достоверна, а публикация таких важных для исследователей данных, как амбарный сбор зерновых, средняя урожайность, продуктивность животноводства, состав и численность колхозного крестьянства, средняя выдача на трудодень и многое другое, была запрещена²², ибо правительство, в целях сохранения внутривластной стабильности, было не заинтересовано в информировании общественности о реальном положении дел в сельском хозяйстве. То же самое было характерно для союзной историографии²³.

Новый этап в изучении коми колхозной деревни начался на рубеже 1950 – начале 1960-х годов в период подготовки “Очерков по истории Коми АССР”, опубликованных в 1962 г.²⁴ “Очерки” явились первым опытом исторического изучения аграрной проблематики региона на основе архивных материалов, были выходом на качественно иной, по сравнению с предыдущим, уровень развития советской историографии. В них впервые получили освещение вопросы развития сельскохозяйственного производства, его материально-технической базы, трудовой активности колхозников, политики партии в деревне.

Следует отметить, что в силу известных причин допускалась значительная лакировка положения в аграрной отрасли, недостаточно критично оценивалась государственная политика, не раскрывалась ее сущность. Больше внимания авторы уделяли наиболее крепким, передовым хозяйствам республики, не пытаясь глубоко проанализировать причины запустения большинства экономически слабых колхозов. Кроме того, из-за обобщающего характера указанного издания, аграрная история представлена в нем лишь в самом общем виде.

Схожую оценку можно дать концепциям, реализованным в более поздних обобщающих работах, таких, как “Очерки истории Коми партийной организации”²⁵, “История Коми АССР с древнейших времен до наших дней”²⁶. Положительное значение этих изданий состоит прежде всего в том, что был введен в научный оборот дополнительный фактический материал.

Специальные исторические исследования развития сельского хозяйства Коми АССР послевоенного периода начались во второй половине 1970-х годов (статьи Т.Г. Каляновой²⁷). На основе новых архивных источников была предпринята попытка осветить такие малоизученные аспекты аграрной истории Коми АССР, как рост политической активности сельского населения, его численность и материальное положение, влияние реформ 1950-х годов на развитие экономики колхозов. Был сделан вывод о положительном влиянии аграрной политики государства на развитие колхозного производства и рост благосостояния колхозников. Однако Т.Г. Калянова не только не раскрывает причины ее весьма значительного изменения, но и не акцентирует внимание на принципиальной разнице в государственных подходах к послевоенной деревне до и после 1953 г. Утверждения о том, что к 1958 г. “большинство колхозов республики превратилось в экономически крепкие хозяйства”, а реформа машинно-тракторных станций “еще более укрепила материально-техническую базу колхозов и создала условия для быстрого подъема общественного хозяйства”²⁸, выглядят просто ритуальными для того времени. Тем не менее необходимо подчеркнуть, что это был первый опыт специального исследования коми колхозной деревни второй половины 1940 – конца 1950-х годов, что позволяет говорить о качественно новом уровне развития историографии указанной проблематики.

Важным этапом развития советской исторической литературы о послевоенном развитии коми колхозной деревни стал научный отчет А.Н. Александрова, Л.А. Габова, Т.Г. Каляновой, А.Ф. Сметанина и др. “Советское крестьянство и сельское хозяйство Коми АССР в период завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму

(1938–1975 гг.)”²⁹, выполненный в 1975–1980 гг. На основе опыта предшествующих работ и широкого круга источников в главе “Колхозное производство и крестьянство Коми АССР в послевоенные годы (1946–1958 гг.)” более глубоко рассмотрены следующие, касающиеся развития колхозов и колхозного крестьянства вопросы: организационно-хозяйственное укрепление колхозов, рост аграрного производства в республике, социально-экономическое положение сельских тружеников, их трудовая активность. В работе был представлен ценный, ранее не использовавшийся фактический материал.

Оценивая итоги развития сельскохозяйственного производства в Коми АССР к 1953 г., авторы отмечали, что его темпы “в силу ряда причин как объективного, так и субъективного характера заметно снизились”³⁰, однако, в чем именно заключались эти причины и насколько существенна степень указанного снижения далее не пояснялись. Следует отметить, что должного внимания дореформенному периоду послевоенного развития коми колхозной деревни в отчете уделено не было. В результате этого остался невыясненным вопрос об уровне объективности решений по подъему сельского хозяйства, принятых на сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС.

Достаточно обоснованная оценка была дана проведению реформ второй половины 1950-х годов, отмечалось, что в результате “выросли денежные доходы колхозов, укрепились их экономика. Сократилось число слабых колхозов... улучшилась организация труда, расширилось колхозное производство”³¹, возросла оплата труда колхозников³². Однако весьма спорным остается вывод о том, что преобразование машинно-тракторных станций в 1958 г. “способствовало развитию производительных сил сельского хозяйства”³³.

С момента завершения данного научного отчета наблюдается некоторый перерыв в процессе изучения аграрной истории послевоенного периода региона, несмотря на то, что многие ее аспекты оставались не раскрытыми. Можно отметить лишь несколько небольших разделов в обобщающих работах по истории Республики Коми, в которых интересующая нас проблематика, в силу научно-популярного характера изданий, освещена в предельно сжатом виде³⁴. К положительным сторонам этих публикаций можно отнести некоторую переоценку наиболее устаревших положений советской историографии и, прежде всего – вывод о неуклонном поступательном прогрессивном развитии колхозной деревни в СССР. Более объективно охарактеризованы принципы взаимоотношений государства с колхозами, уделяется внимание анализу причин неблагоприятного положения в сфере колхозно-

го производства, социальным проблемам крестьянства. Однако все эти вопросы требуют дальнейшего углубленного изучения.

Подводя итоги изучения коми колхозной деревни второй половины 1940–конца 1950-х годов, необходимо отметить, что был накоплен и введен в научный оборот большой фактический материал, многие аспекты таких актуальных проблем, как государственная политика в деревне, сельскохозяйственное производство и его материальная основа, трудовая и общественно-политическая активность колхозного крестьянства и некоторых других, получили достаточное освещение и могут служить надежной опорой в дальнейшем научном поиске.

Но, в целом, данная тема исследована недостаточно. Историки отмечают, что в изучении отдельных периодов истории коми деревни существуют значительные диспропорции³⁵. Представляется, что период первых послевоенных пятилеток (1946–1958) – именно такой случай. Обращает на себя внимание отсутствие каких-либо обобщающих специальных монографий или диссертационных работ по периоду послевоенного развития деревни и реформ 1950-х годов, в отличие от других этапов истории коми деревни³⁶. В относительно недавно изданных тематических сборниках по аграрной истории Республики Коми период 1946–1958 гг. вообще не представлен³⁷, несмотря на то, что это был важнейший, переломный этап развития сельского хозяйства и класса колхозного крестьянства как в целом по СССР, так и по Коми АССР.

В настоящее время назрела настоятельная необходимость пересмотра многих устаревших положений и оценок советской историографии. Представляется актуальным заново дать ответы на следующие вопросы: насколько велика оказалась цена указанным переменам в жизни советского общества, которую пришлось в итоге заплатить советской деревне и колхозному крестьянству, и насколько удачными были попытки политического руководства по реформированию колхозной системы в послевоенный период ее развития.

Исходя из вышеизложенного, следует определить цель и задачи представленного исследования. Целью настоящей работы является попытка рассмотреть сложный и противоречивый процесс развития колхозов и колхозного крестьянства Коми АССР в послевоенные годы. Для ее достижения необходимо решить следующие задачи:

- на базе новых архивных источников оценить реальное положение коми колхозной деревни к окончанию Великой Отечественной войны;
- выявить реальные цели и задачи послевоенной государственной политики в аграрном секторе, причины ее достаточно радикального изменения, краткосрочные и долгосрочные последствия ее реализации;

- рассмотреть процесс развития колхозной экономики и определить весь спектр конструктивных и деструктивных экономических факторов, влиявших на состояние и развитие колхозного производства в послевоенный период;
- дать анализ материально-экономического положения колхозного крестьянства Коми АССР;
- раскрыть характер методов государственного управления трудовой активностью членов сельхозартелей;
- рассмотреть формы социального протеста колхозного крестьянства Коми АССР, возникшего в качестве ответной реакции на “жесткое” вмешательство государства практически во все сферы деревенской жизни.

Источниковой базой исследования послужил большой комплекс опубликованных и неопубликованных материалов различных типов. Основу работы составляют архивные документы.

Первый тип источников представляют документы партийных и государственных органов власти – комплекс постановлений Совета Министров СССР и Политбюро ЦК ВКП(б) (КПСС), Совета Министров Коми АССР и Коми обкома ВКП(б) (с 1952 г. – КПСС)³⁸, резолюции и решения съездов, конференций и пленумов ЦК ВКП(б) (КПСС), принятых в период с 1935 по 1958 г. и, в той или иной степени, регламентировавших деятельность коллективных хозяйств, стенограммы сессий Верховного Совета Коми АССР. Они дают возможность изучения аграрной политики государства, раскрытия ее приоритетов, реальных целей и задач. В этом аспекте привлекались работы главы партии и государства И.В. Сталина по теории социалистического строительства в СССР. Особенно интересна последняя его работа “Экономические проблемы социализма в СССР”, вышедшая менее чем за год до смерти (1952), которую можно рассматривать как своеобразное политическое завещание. В ней, кроме всего прочего, советский политический лидер поднимает вопросы теории и практики колхозного строительства, подводит итоги 20-летнего существования колхозной системы, намечает возможные перспективы ее дальнейшего развития³⁹. Эта работа позволяет оценить возможные направления и результаты эволюции колхозного строя в СССР, при условии, что предыдущий курс был бы сохранен преемниками. Такое сравнение представляется необходимым для более глубокого понимания сущности аграрных реформ правительств Г.М. Маленкова, Н.А. Булганина и Н.С. Хрущева.

Подробную информацию о ходе реализации аграрной политики государства в Коми АССР содержат протоколы заседаний Бюро Коми областного комитета ВКП(б) (КПСС).

Вторым типом привлеченных источников является периодическая печать. При рассмотрении такого мощного мобилизующего фактора развития общества, как официальная идеология, необходимо обращаться к инструментам ее распространения, в данном случае – средствам массовой информации. С этой целью были использованы материалы республиканской газеты “За новый Север” (с 18 марта 1955 г. – “Красное Знамя”) за 1946–1958 гг. – печатного органа Коми обкома, Сыктывкарского городского комитета ВКП(б) (КПСС) и Верховного Совета Коми АССР. Материалы официальной периодической печати дают возможность выявить формы и методы идеологического воздействия на тогдашнего читателя, определить, какого рода темы власть считала наиболее общественно значимыми, погрузиться в информационное пространство и яснее представить себе, то, что называется “духом времени”. При работе с газетными материалами, касающимися экономического развития аграрной отрасли народного хозяйства, нужно учитывать то обстоятельство, что они освещают, главным образом, успехи и достижения. Негативная информация подавалась в них как “недостатки”. Однако, исходя из опыта работы, следует отметить, что эти “отдельные недостатки”, коль скоро они попадали в прессу, на деле были достаточно распространенными явлениями.

Большое значение в изучении аграрной истории имеют материалы статистического характера, составляющие *третий тип* источников. Особенно ценными являются сводные годовые отчеты колхозов Коми АССР. Они содержат очень важный, в ряде случаев уникальный материал, раскрывающий практически все стороны развития экономики коллективных хозяйств: общую земельную площадь и поголовье скота, размер и структуру денежных и натуральных доходов и расходов, состояние неделимых фондов, наличие различных материалов, техники и инвентаря, объемы выполненных работ, показатели развития растениеводства и животноводства, оценку материально-технического оснащения подсобных предприятий и др., а также ценнейшие сведения социально-демографического характера: наличие колхозных дворов, численность и половозрастной состав колхозников и их семей, эффективность использования трудовых ресурсов, уровень оплаты труда, натуральные и денежные доходы артелей, структуру их распределения и т.д.⁴⁰ Более развернутая характеристика данному источнику дана в ряде публикаций⁴¹. Были всесторонне изучены плановые задания и динамика развития сельского хозяйства республики, группировка колхозов по состоянию их экономики, сводные годовые отчеты МТС, аналитические записки, донесения, справки различных министерств и ведомств⁴².

Опубликованные статистические сборники также содержат широкую информацию о динамике развития различных отраслей сельского хозяйства Коми АССР в рассматриваемый период⁴³. Как показало настоящее исследование, эти данные в массе своей достаточно достоверны, однако носят весьма отрывочный и, в силу этого, труднодоступный характер.

Уровень социальной активности и формы протеста крестьянства были изучены на материалах разных типов источников – жалоб населения в различные инстанции и решений по ним, наказов депутатам Верховного Совета Коми АССР и отчетов по ним⁴⁴, докладных записок НКВД, МВД о политических настроениях жителей деревни с приведением их высказываний по различным актуальным вопросам⁴⁵, материалах ревизий, проводившихся в колхозах полномочными представителями Совета по делам колхозов при Совете Министров СССР⁴⁶. В оценке достоверности такого специфического рода документов, как материалы органов государственной безопасности, важен и тот факт, что власть всегда нуждается в правдивой информации для управления обществом и стремится получить ее. Не случайно, информация служебного пользования всегда является закрытой. Спецсводки, информационные сообщения НКВД (МГБ) Коми областному комитету партии (под грифом “секретно”) содержат богатейший материал о политических настроениях и уровне социального протеста в среде колхозного крестьянства. Однако важно учитывать специфику данной информации, заключающуюся в том, что она носит в основном негативный характер. Работая с документами органов госбезопасности, следует иметь в виду, что они показывают только одну из сторон общественной жизни, а не все многообразие явлений и настроений в обществе.

Использование нескольких видов источников дает возможность для взаимной проверки информации, содержащейся в них. Принципом проверки приводимых данных послужило также соотнесение их с общим историческим фоном и накопленными знаниями. Е.А. Осокина справедливо отмечает, что “сведения, которые мы получаем из источников, должны найти свою нишу в наших представлениях о времени, которое мы изучаем. Если эта ниша уже занята другой, противоположной по смыслу информацией, необходимы новые документы и свидетельства, чтобы разобраться, где правда”⁴⁷.

В целом, рассмотренный комплекс источников позволяет, на наш взгляд, решить задачи, поставленные в работе.

Географические рамки работы совпадают с административными границами Коми АССР (ныне – Республики Коми), расположенной в Северо-Восточной части Европейской России. Она

является неотъемлемым элементом Северного экономического района и российского Нечерноземья.

Хронологические рамки предлагаемой работы охватывают чрезвычайно важный, сложный и противоречивый этап развития колхозной деревни, начавшийся в 1946 г. после окончания Великой Отечественной войны, отмены чрезвычайного положения в государстве и проведения частичной демилитаризации экономики. Заключительной датой исследования является 1958 г., когда произошла реформа машинно-тракторных станций, в результате которой колхозы оказались владельцами части основных средств производства, а именно – сельскохозяйственной техники, принадлежавшей ранее государству. В это время произошли серьезные перемены в аграрной политике государства, обусловленные проведением реформ, которые привели к качественным сдвигам в развитии колхозно-кооперативной собственности. Изменение статуса колхозно-кооперативной собственности, связанное с вынужденным выкупом колхозами машин у МТС, неизбежно повлекло за собой преобразование всей колхозной системы. Начался новый этап в развитии колхозного строя.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

РАЗВИТИЕ КОЛХОЗНОГО СТРОЯ В КОМИ АССР В 1946–1958 гг.

Положение колхозной деревни после Великой Отечественной войны

Наше сельское хозяйство больше давало государству, чем могло получить от него... И это естественно, так как государство вело войну¹

М.И. Калинин

Великая Отечественная война нанесла колоссальный ущерб всему народному хозяйству СССР. Наряду с промышленностью, огромные потери понесло и сельское хозяйство. В первые месяцы войны, в период общего отступления советских Вооруженных сил, главное внимание государства было уделено эвакуации крупных промышленных предприятий на более безопасную территорию (Урал, Сибирь), при этом большинство аграрных производственных единиц было оставлено в зоне оккупации. При таком положении наибольший экономический ущерб от войны в сельском хозяйстве понесли колхозы на временно захваченной территории Советского Союза.

По данным Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, оккупанты разорили 98 тыс. колхозов, 1 тыс. 876 совхозов, 2890 МТС, более 40% всех колхозов и МТС страны, более 45% совхозов. Они уничтожили или вывезли 137 тыс. тракторов, 49 тыс. комбайнов, что составило примерно четверть всего довоенного тракторного и комбайнового парка, истребили или вывезли в фашистскую Германию более 26 млн голов крупного рогатого скота, 7 млн лошадей. На оккупированной территории было разрушено 285 тыс. животноводческих построек, ликвидировано 505 тыс. га плодовых насаждений, материальный ущерб, нанесенный колхозам, составил 181 млрд руб. (в довоенных ценах)².

В силу того что в годы войны и тяжелейших условиях последующего восстановления национальной экономики приоритет был отдан всемерному развитию тяжелой индустрии, государство не могло отпускать сельскому хозяйству достаточно средств. В результате деревня работала на пределе своих возможностей. На фоне

резко ухудшавшейся демографической ситуации падали доходы колхозников, осложнялось хозяйственное положение коллективных хозяйств. Все это было свойственно и для артелей Коми АССР.

Хотя территория Коми АССР не подверглась вторжению агрессоров и на протяжении всего периода военных действий находилась в числе тыловых районов страны, тем не менее условия чрезвычайного военного времени не могли не сказаться на условиях хозяйствования, экономике колхозов республики. Ущерб, понесенный ими за годы войны, был весьма ощутимым.

Крайне деструктивному влиянию подверглись, прежде всего, трудовые ресурсы артелей. С 1940 по 1946 г. наличное население колхозов Коми АССР сократилось со 179,7 тыс. до 126,6 тыс. человек, или почти на 30% (Прил., табл. 44). В деревне практически отсутствовала система бронирования, а это означало, что почти все колхозники, годные по возрасту и состоянию здоровья, призывались в армию, уходили на фронт. В силу того что это коснулось наиболее квалифицированной и дееспособной части работников – трудоспособных мужчин, потери трудовых ресурсов колхозов были невосполнимыми. Многие из ушедших на фронт погибли, часть, после демобилизации, не вернулась в колхозы, предпочитая трудоустроиться на предприятиях промышленности.

В результате, качественный и количественный состав членов сельхозартелей республики к 1946 г. ухудшился по сравнению с довоенным периодом и не отвечал задачам послевоенного восстановления и развития сельского хозяйства Коми АССР. Несмотря на начало процесса демобилизации из армии летом 1945 г., число трудоспособных мужчин в возрасте от 16 до 60 лет, принимавших участие в колхозном производстве республики, сократилось к концу 1946 г. до 7,9 тыс. человек, против 26,3 тыс. в 1940 г., т.е. в 3,3 раза. Их удельный вес, по отношению к количеству всех работавших в колхозах в 1946 г., не превышал 10%, тогда как до войны составлял 23,1%³.

Количество трудоспособных женщин, участвовавших в общественном хозяйстве Коми АССР, также уменьшилось в 1940–1946 гг., в 1946 г. – на 31%, или на 13 тыс. человек. Общее число трудоспособных, работавших в колхозах, сократилось с 68,8 тыс. до 37,4 тыс., т.е. на 45,7%. В 1946 г. на один колхозный двор приходилось всего 0,9 работавших трудоспособных, против 1,5 в 1940 г. (Прил., табл. 40). Таким образом, наиболее дееспособная часть колхозников, труд которых имел определяющее значение для колхозного производства, всего за первую половину 1940-х годов понесла беспрецедентный ущерб, сократившись почти в 2 раза. Трудно не назвать такую стремительную убыль населения за столь короткий промежуток времени катастрофической для коми деревни.

Значительному сокращению подверглись и все остальные категории колхозного населения Коми АССР – подростки, престарелые и нетрудоспособные. Так, к концу 1946 г. число работавших престарелых колхозников снизилось до 13,3 тыс. против 27,4 тыс. в 1940 г. (более чем в 2 раза). Меньше пострадала категория трудившихся подростков от 12 до 16 лет – на 16,1%, или на 2,8 тыс. В итоге общая численность всех участвовавших в колхозном труде колхозников составила в 1946 г. лишь 79,4 тыс., против 113,7 тыс. в 1940 г., снизившись на 30,2% (Прил., табл. 44).

Следует учесть, что значительные потери в трудовых ресурсах колхозов за четыре военных года не были в должной мере компенсированы за счет повышения уровня механизации наиболее трудоемких работ в сельском хозяйстве и роста производительности труда. К концу войны труд в колхозах оставался по-прежнему физически крайне тяжелым и, по большей части, ручным. Несмотря на то что среднегодовая выработка трудодней трудоспособными колхозниками значительно выросла, общая их выработка в колхозах сократилась. Так, трудоспособному мужчине в 1946 г. был начислен 331 трудодень, против 259 в 1940 г., трудоспособной колхознице – соответственно 292 против 216. На одного условного трудоспособного (без учета пола) выработка среднегодового количества трудодней повысилась с 233 до 300, или на 28,7% (Прил., табл. 42). С другой стороны, в республике с 1940 по 1946 г. значительно снизилась средняя годовая выработка трудодней из расчета на один колхозный двор – с 423 до 364, и на один гектар посева – с 254 до 183, соответственно⁴. Сокращение общей численности колхозного населения и ухудшение его качественного состава обусловило снижение выработки трудодней в колхозах Коми АССР с 19 млн 632 тыс. в 1940 г. до 14 млн 896 тыс. в 1946 г., или на 24,1% (Прил., табл. 41).

Важно учесть, что социально-экономические условия жизни в колхозах, по всей видимости, не оставляли сколько-нибудь реальных шансов не только на некоторое восстановление трудовых ресурсов деревни, но и ставили под большое сомнение их неизменность, даже на исходном, послевоенном, чрезвычайно низком уровне. За годы войны материальное положение колхозников Коми АССР последовательно ухудшалось.

Очевидно то, что колхозная деревня выдержала тяготы войны (что фактически можно считать успехом с точки зрения государства), это было достигнуто лишь за счет сверхусилий крестьян, их настоящего трудового героизма, основанного на патриотических чувствах, ненависти к врагу, которые временно замещали фактическое отсутствие реального материального вознаграждения. В связи с окончанием войны данный моральный стимул к

труду неизбежно должен был потерять свою актуальность, уступив место более высоким социальным запросам, ожиданию лучшей послевоенной жизни.

Однако к 1946 г. материальное положение колхозного крестьянства Коми АССР, бывшее до войны и так весьма трудным, еще более ухудшилось. Как известно, роль материального вознаграждения колхозникам за работы в общественном хозяйстве, в отличие от рабочих и служащих, должны были играть не деньги, в виде заработной платы, и не продовольственные карточки, а натуральные и денежные выдачи, которые начислялись в зависимости от выработанных трудодней. “Трудоднем” называлась весьма специфическая форма учета труда колхозников, учитывающая его количество и качество, согласно утвержденным государством расценкам и нормам выработки. Однако на практике реальный уровень распределения на трудодни в колхозах не мог обеспечить функцию воспроизводства рабочей силы. Еще одно отличие состояло в том, что рабочий или служащий получали зарплату ежемесячно, а колхозник – раз или два в год, по итогам хозяйственной деятельности артели.

Средний объем продуктов, выдаваемых в колхозах Коми АССР на один трудодень, не только по-прежнему исчислялся граммами, но и претерпел значительное сокращение. Так, средняя выдача зерна в 1940 г. составляла 0,96 кг, а в 1946 г. – 0,42, снизившись почти в 2,3 раза. Картофеля было распределено на трудодень в 1946 г. 50 г, против 400 в 1940 г., или в 8 раз меньше; сена, соответственно, 1,01 кг, против 2,24, или в 2,2 раза меньше. Такие ценные в пищевом отношении продукты питания, как мясо, масло, молоко в колхозах Коми АССР в качестве натуральной оплаты труда колхозникам практически не выдавались (Прил., табл. 52). Продовольственные карточки, распространенные в основном в городах и на промышленных предприятиях и гарантировавшие хотя бы минимум потребления жизненно важных продуктов питания, для колхозного крестьянства были недоступны.

Несмотря на то что денежная составляющая трудодня номинально выросла в среднем с 64 коп. в 1940 г. до 1 руб. 31 коп. в 1946 г. (Прил., табл. 52), покупательная способность советского рубля была намного ниже довоенного уровня. При среднегодовой выработке трудоспособным колхозником Коми АССР в 300 трудодней (Прил., табл. 42), его средний денежный доход в 1946 г. равнялся 393 руб. в год, или 32,75 руб. в месяц (Прил., табл. 42 и 52). Этих денег, в лучшем случае, могло хватить лишь на уплату высокого сельскохозяйственного налога, различного рода государственных займов и “самообложения”. Как видно, вопреки пропаганде даже добросовестный, интенсивный и самоот-

верженный труд в колхозе не мог надлежащим образом повысить уровень доходов колхозника. В слабых колхозах, а их было большинство, разница между доходами от общественного хозяйства честно работавших “передовиков” и уклонявшихся от общественных работ “нерадивых”, была совершенно несущественна. Только за счет работы в колхозе крестьянин не мог обеспечить даже себя, не говоря уже о своей семье. Уровень жизни в послевоенной Коми деревне был крайне низким.

За годы войны увеличилось число и удельный вес колхозов Коми АССР, вообще не распределявших денежные средства среди крестьян, – с 18 артелей в 1940 г. (2,5% от их общего числа) до 53 в 1946 г. (7,9%). Резкий рост числа относительно “благополучных” колхозов с выдачей на один трудодень более 2,5 руб. до 98 хозяйств в 1946 г., против четырех хозяйств в 1940 г. (Прил., табл. 53), также во многом объясняется инфляционными процессами. Исследователь колхозной деревни Г.Е. Корнилов приводит следующие данные: “Сумма эмиссии за 2-е полугодие 1941 г. была равна 16,2 млрд руб. Общая масса денег, выпущенных в обращение, увеличилась к концу 1941 г. по сравнению с предвоенным уровнем на 88% . За 1942 г. эмиссия составила 13,1 млрд руб. Вся денежная масса к январю 1943 г. возросла в 2,6 раза. В целом за годы войны было напечатано 46,1 млрд руб.”⁵ Разумеется, при экономическом росте денежная эмиссия – технически необходимая вещь, не приводящая к инфляционным процессам, однако в условиях переориентации советской промышленности на выпуск военной продукции и сокращении производства товаров широкого потребления, рост цен и обесценивание национальной валюты были неизбежными.

В то же время нельзя отрицать и влияние таких факторов, как рост реальных денежных доходов сельскохозяйственных артелей в связи с повышением цен на колхозном рынке и увеличением числа колхозов, отчислявших в фонд оплаты труда значительный процент от всех своих финансовых поступлений. Так, количество колхозов Коми АССР, распределивших на трудодни свыше 50% от своих общих доходов, составило в 1946 г. 78 хозяйств, или 11,6% от их общего количества, против 35 хозяйств, или 4,9% в 1940 г. (Прил., табл. 54).

В связи с вынужденным ростом военных расходов, государством был значительно повышен уровень налогообложения личного подсобного хозяйства колхозников. В июле 1941 г. была введена 100%-ная надбавка к денежному сельскохозяйственному налогу. С 1 января 1942 г. она была заменена специальными военным налогом, носившим подушный характер, размеры которого превысили поступления в государственный бюджет по всем довоенным нало-

гам с населения. Уплачивали его все взрослые граждане, начиная с 18-летнего возраста, не принимавшие участия в военных действиях, независимо от источника доходов. В 1941 и 1943 гг. дважды были повышены нормы “доходности” крестьянского подворья и усилена прогрессия ставок обложения по сельскохозяйственному налогу с увеличением их более чем в 5 раз против 1940 г.⁶, а для некоторых категорий колхозников – в 6 раз⁷. После окончания войны, с 1946 г., обременительный чрезвычайный военный налог был отменен, однако высокие ставки обложения сельскохозяйственным налогом оставлены в неизменном виде.

В средствах массовой информации республики, как и во всем СССР, ситуация с тяжелым материальным положением колхозников официально не признавалась и тщательно замалчивалась. Приводились лишь отрывочные данные о передовых хозяйствах, причем, как правило, в разных публикациях ссылались на одни и те же примеры⁸. Так, после войны в Коми АССР широкую известность получил колхоз “Звезда” Летского района, в котором на один трудодень в 1944 г. было выдано 3,4 кг хлеба и 3 руб. 44 коп. деньгами, вместо 2,2 кг хлеба и 35 коп. в 1940 г.⁹ В качестве демонстрации “безграничных возможностей колхозного строя” публиковалась информация о высоких доходах колхозников передовых артелей различных регионов страны. Так, в некоторых хозяйствах Узбекистана на один трудодень в 1945 г. было выдано 44 руб. 46 коп.¹⁰ При этом не оговаривалось, что колхозы, специализировавшиеся на разведении технических культур (хлопка, сахарной свеклы, табака и т.п.), а также винограда и цитрусовых, были на особом счету у государства, и высокие закупочные цены на их продукцию обеспечивали рентабельность производства и экономическое благосостояние колхозников. Колхозы же Коми АССР к таким хозяйствам не относились.

Сложной оставалась ситуация и с развитием механизации сельского хозяйства Коми АССР. Существенное негативное влияние на него оказала война. В целом по СССР, множество тракторов и автомашин было мобилизовано на оборонные нужды. Два тракторных завода были захвачены и разрушены агрессорами, а остальные – перепрофилированы на производство танков и другой военной техники. В итоге, за четыре года (1942–1945) сельское хозяйство, в масштабах всей страны, получило в 8 раз меньше тракторов (в условном 15-сильном исчислении), чем за соответствующий предвоенный промежуток, в 100 раз меньше комбайнов, в 10 – автомашин и т.д.¹¹

В Коми АССР в 1940 г. 16 МТС обслуживали 423 колхоза, или 77,1% всех посевных площадей, тогда как в 1946 г. число артелей, пользовавшихся услугами 17 МТС, составило 413 хозяйств, имев-

ших 80% всей посевной площади (Прил., табл. 27). Итак, рост был совершенно незначительным. Несмотря на открытие в 1942 г. в Коми АССР 17-й по счету машинно-тракторной станции, техникой она была обеспечена за счет других. К 1946 г. технический парк МТС, не пополнявшийся за годы войны, оказался предельно изношенным¹². Выпущенная до второй половины 1940-х годов техника не отличалась высоким качеством. В те годы отечественными заводами выпускалось восемь различных типов и марок тракторов, большинство из которых представляли копии устаревших американских моделей. Кроме массы технических недостатков, они отличались чрезвычайно высоким потреблением топлива, т.е. были очень неэкономичны¹³. Основная масса техники была завезена в республику в период с 1933 по 1935 г. и с тех пор практически не обновлялась. В силу этого ухудшилась за годы войны и эффективность ее использования.

Применение имевшихся сельскохозяйственных машин затруднялось и теми обстоятельствами, что в системе МТС республики ощущались нехватка и низкая квалификация кадров механизаторов, отсутствовала должная ремонтная база, ощущался острый дефицит запасных частей, горюче-смазочных материалов, не хватало прицепных сельскохозяйственных орудий¹⁴. При устранении поломок техники зачастую приходилось применять совершенно не годные, с трудом восстановленные запчасти. В 1946 г. на 17 МТС республики приходилась всего одна мастерская капитального ремонта (Прил., табл. 30). В мастерских не хватало необходимого оборудования, поэтому качество починки и наладки техники было неудовлетворительным. В системе МТС Коми АССР ощущался большой недостаток кадров. К концу пятилетки среднегодовая численность рабочих МТС снизилась на 35% от уровня 1940 г., а укомплектованность трактористами составляла 58,7% от необходимого количества, что приводило к простоям техники¹⁵.

Значительно ухудшились основные показатели деятельности машинно-тракторных станций. Так, среднегодовая выработка на один условный 15-сильный трактор, в переводе на мягкую пахоту, сократилась в 2 раза: с 237 га в 1940 г. до 118 в 1946 г., на один условный 15-футовый комбайн – на 48%, с 98 до 51,1 га. При этом себестоимость работ МТС для колхозов составила в 1946 г. 83,47 руб. на 1 га мягкой пахоты, против 44,02 руб. в 1940 г., увеличившись почти в 2 раза. Общий объем выполненных силами МТС Коми АССР работ также значительно снизился – до 91 тыс. га мягкой пахоты в 1946 г., против 154 тыс. га в 1940 г. (Прил., табл. 27). Указанные негативные факторы были характерны для всей страны¹⁶.

Недостаток и снижение эффективности использования техники не могли быть восполнены ростом живого тягла в колхозах

республики. Количество рабочих лошадей, несколько сократившись в 1946 г. до 20,4 тыс. голов, против 20,6 тыс. в 1940 г., оставалось практически на довоенном уровне (Прил., табл. 12), при одновременном росте посевных площадей.

В то же время в развитии МТС Коми АССР следует отметить и некоторые весьма положительные моменты. Общий парк основных сельскохозяйственных машин несколько увеличился. Так, если в 1940 г. в МТС имелось 652,5 тракторов, в 15-сильном исчислении, и 38,7 15-футовых комбайна, то в 1946 г. – уже 775,5 тракторов и 69 комбайнов. Таким образом, общая тяговая мощность тракторного парка выросла соответственно с 10,2 тыс. лошадиных сил до 11,6 тыс. (Прил., табл. 27). В 1946 г. в среднем на одну станцию приходилось 24 обслуживаемых колхоза и 3 тыс. 872 га посева (Прил., табл. 27). По отдельным МТС количество колхозов колебалось от 11 (Мохченская МТС, Ижемский район) до 49 (Визингская МТС, Сысольский район), а размер посевной площади – от 1 тыс. 775 га (Гамская МТС, Усть-Вымский район) до 9 тыс. 520 га (Визингская МТС). Не обслуживались силами машинно-тракторных станций в 1946 г. колхозы следующих шести административных районов республики: Троицко-Печорского, Удорского, Ухтинского, Усть-Цилемского, Усть-Усинского и Кожвинского¹⁷.

Одним из показателей некоторого улучшения материально-производственной базы МТС является увеличение их производственных фондов. Основные фонды МТС Коми АССР на конец 1946 г. составляли 13,4 млн руб. против 11,8 млн в 1940 г. (Прил., табл. 27). Но, к крайне негативным факторам следует отнести то обстоятельство, что к началу 1946 г. ни одна из МТС Коми АССР не была электрифицирована.

Наиболее механизированными в колхозах были работы в полеводстве. Однако несмотря на то что МТС за годы войны увеличили площадь обрабатываемых земель, большую часть работ колхозам приходилось проводить все же собственными силами, используя конно-ручной труд. Так, например, в 1946 г. такой вид сельскохозяйственных работ, как боронование в один след, колхозы провели на площади 84,7 тыс. га, а МТС – только на 21,0 тыс. га, т.е. в четыре раза меньше. При этом такие важнейшие, с точки зрения агротехники, виды полевых работ, как рядовой сев, культивация, обработка паров, взмет зяби были механизированы совершенно недостаточно, а на уборке урожая, сенокосении и силосовании техника МТС фактически не использовалась. Так, за период 1940–1946 гг. уровень механизации сева зерновых в колхозах снизился с 9,6 до 8,5% а, уборка зерновых комбайнами, с 7,4 до 3%, соответственно (Прил., табл. 31). Большие трудности испытывали колхозы республики с механизацией тру-

доемких процессов в животноводстве. В данной сфере МТС помогали им чрезвычайно слабо.

Следует подчеркнуть, что даже при таких негативных показателях развития хозяйства, колхозы республики внесли значительный вклад в укрепление обороноспособности страны. Артели Коми АССР ценой огромных усилий крестьянства за четыре военных года (1941–1944) дали государству больше хлеба на 16,9 тыс. т, картофеля – на 36,5 тыс. т, овощей – на 11,8 тыс. т, мяса – на 2,8 тыс. т, молока – на 69 тыс. 345 гл, шерсти – на 66,7 т, против четырех довоенных лет (1937–1940 гг.)¹⁸. Вооруженным силам СССР были безвозмездно переданы тысячи лошадей и ездовых оленей. Кроме того, в фонд обороны колхозниками и колхозами было бесплатно выделено 4 тыс. 800 голов скота, 208 т зерна, 236 тыс. л молока, 126,4 т овощей¹⁹.

Колхозники вместе с остальным населением Коми АССР в короткий срок из личных сбережений собрали на строительство танковой колонны “Колхозник Коми АССР” 9 млн 30 тыс. руб. и на две эскадрильи им. тов. Берия и “Коми комсомолец” – 5 млн 970 тыс. руб., всего 15 млн руб. В благодарность за эту в высшей степени патристическую акцию была получена правительственная телеграмма, за подписью главы Советского государства И.В. Сталина. Позже в Фонд обороны было собрано еще 4 млн руб. Широкую известность получил случай, когда члены сельскохозяйственной артели им. Оплеснина собрали из собственных скудных средств 80 тыс. руб. на строительство танка имени своего односельчанина Героя Советского Союза Н.В. Оплеснина²⁰.

В жесточайших условиях вооруженной борьбы с фашистскими захватчиками государство было вынуждено широко привлекать личные сбережения граждан на нужды обороны страны путем выпуска облигаций государственного займа, объем которых к 1944 г. по сравнению с 1940 г. вырос в 6 раз. За годы войны трудящиеся Коми АССР приобрели таких долговых обязательств государства на 226 млн 700 тыс. руб., а на покупку билетов денежно-вещевых лотерей потратили 39 млн 207 тыс. руб.²¹ За годы войны объемы такого рода платежей и взносов населения в госбюджет выросли в 4 раза²². При этом надо учитывать, что в целях уменьшения размеров вынужденной денежной эмиссии на период войны были заморожены все операции с довоенными вкладами граждан, прекратились выплаты и по ранее выпущенным облигациям госзайма. А это были немалые средства. Достаточно сказать, что на начало 1940 г. общая сумма вкладов только колхозников Коми АССР равнялась 7 млн 088 тыс. 100 руб.²³

Сразу после войны, в порядке помощи, колхозы Коми АССР безвозмездно передали колхозам освобожденных районов 8 тыс.

голов крупного рогатого скота и 2 тыс. свиней²⁴. Естественно, все это потребовало колоссального перенапряжения всех имеющихся ресурсов колхозов и колхозников, и не могло не сказаться на состоянии экономики коллективных хозяйств. Необходимо отметить, что к началу восстановительного периода большое число колхозов республики оставались крайне мелкими и экономически слабыми хозяйствами. Из 673 артелей Коми АССР в 1946 г. 21,2% состояли менее чем из 30 дворов²⁵, 46% располагали посевной площадью до 100 га, 75,9% от их общего числа имели денежные поступления до 100 тыс. руб. (подсчитано по табл. 6 и 39 Прил.).

За годы войны количество грузовых автомобилей сократилось со 112 до 11 единиц, т.е. более чем в 10 раз, конных плугов уменьшилось на 7,8 тыс. штук, или на 36,7%, борон – на 1 тыс. 250 шт., или на 26,6%, зерновых сеялок – на 98 шт., или на 13,1% и т.д. (Прил., табл. 34). Электроэнергией пользовалось ничтожное количество коллективных хозяйств – 9 артелей, или 1,3% от их общего числа (Прил., табл. 32). Электричество при этом шло, прежде всего, на бытовые нужды, а не на производственные. Подверглось значительному снижению число и вместимость основных хозяйственных построек и сооружений. Так, на 3,2 тыс. скотомест сократилась емкость колхозных конюшен, на 690 скотомест – коровников, на 8 тыс. т – зернохранилищ, на 4,2 тыс. т – картофелехранилищ, вместимость силосных башен – в 13 раз. Но наблюдался и весьма ощутимый рост количества и вместимости телятников, свиарников, овчарен (Прил., табл. 22).

Колхозам Коми АССР удалось добиться роста посевных площадей. В 1946 г. они составили 88,2 тыс. против 77,4 тыс. га в 1940 г. Изменение структуры посевов было следующим: площадь под зерновыми культурами в 1940 г. равнялась 55,0, а в 1946 г. – 67,8 тыс. га, под картофелем, соответственно, – 5,6 тыс. и 8,8 тыс. га, под другими овощами, – 0,7 тыс. и 3,4 тыс. га. Наибольшему сокращению подверглись посевы технических культур – с 5,8 тыс. в 1940 г. до 0,9 тыс. га в 1946 г. На 29% сократились площади под кормовыми культурами (Прил., табл. 4). Структура же сортовых посевов сельскохозяйственных культур за годы войны практически не претерпела изменений (Прил., табл. 5).

Несмотря на значительное увеличение общественных посевов за годы войны, валовой сбор сельскохозяйственных культур, кроме овощей, в колхозах Коми АССР серьезно сократился. Это объясняется тем, что резко увеличилась посевная площадь на одного трудоспособного члена артели, с 1,12 га в 1940 г. до 2,31 г. в 1946 г. (Прил., табл. 33). В то же время мощность тракторного парка МТС (в пересчете на одну лошадиную силу механической тяги) осталась прежней – около 13 л.с. на 100 га посева в колхозах²⁶, что

неизбежно привело к ухудшению качества обработки земель, ухода за культурами. Это сказалось на валовом сборе и урожайности в колхозах. Так, зерновых в 1946 г. было собрано на 236,7 тыс. ц, или на 42,6% меньше, чем в 1940 г., картофеля 230,9 тыс. ц, или в 2 раза, соответственно (Прил., табл. 9). Такая же ситуация была характерна и для последующих лет (Прил., табл. 14).

Сокращение урожайности в артелях было особенно резким. Средний сбор зерновых с одного гектара посева в колхозах республики уменьшился с 1940 по 1946 г. почти в 2 раза – с 10,2 до 5,3 ц. Средняя урожайность картофеля за те же годы снизилась в 2,7 раза – с 81,7 до 30,2 ц с га, а других овощей – в 3,7 раза – со 103,4 до 28,0 ц на га посева (Прил., табл. 9).

Итак, крайне неблагоприятное состояние растениеводства в хозяйстве республики было обусловлено следующими причинами. Во-первых, в колхозах ощущалась острейшая нехватка рабочих рук и механизмов. Во-вторых, рост посевных площадей не был обеспечен соответствующим ростом агротехники, значительно сократилось внесение в почву органических и минеральных удобрений. В-третьих, хозяйства артелей нуждались в значительных финансовых инвестициях извне, так как накопить их своими силами в рамках колхозной системы не было никакой возможности. Налицо были явные признаки того, что за годы войны колхозы республики полностью исчерпали все свои ресурсные возможности и остро нуждались в некоем реабилитационном периоде, восстановлении своего хозяйства на основе необходимой, и, по всей видимости, потенциально возможной помощи со стороны государства.

Столь же неблагоприятная ситуация складывалась и в колхозном животноводстве, которое было основной, ведущей отраслью хозяйства колхозов республики. В ней также преобладали тенденции к сокращению. В период с 1940 по 1946 г. общественное стадо крупного рогатого скота сократилось на 13,7%, или на 11,5 тыс. голов, в том числе коров – на 8%, или на 2,3 тыс. Поголовье свиней уменьшилось к 1946 г. на 3,8 тыс., или на 32,0%, против 1940 г., в том числе маточное поголовье – на 14,5%, или на 0,4 тыс., число лошадей – на 29,5%, или на 13 тыс. голов. В то же время следует отметить, что наблюдался значительный рост овец – почти в 2 раза, и некоторое увеличение поголовья оленей – на 9% (табл. 12).

Уровень валового производства животноводческой продукции в колхозах также изменился в достаточно ощутимой степени. Производство мяса (всех видов) с 1940 по 1946 г. сократилось на 0,6 тыс. т, или на 30%, сливочного масла – на 422 ц, или на 21%, молока – на 1,4 млн л, или на 6%. Но, производство овечьей шерсти возросло на 25,4 т, или в 2,3 раза, куриных яиц – на 274 тыс. шт., или в 3,7 раза, меда – на 150 ц, или в 2,3 раза (Прил., табл. 14).

В годы войны продуктивность животноводства колхозов Коми АССР не только оставалось невысокой, как в довоенный период, но даже несколько снизилась. Например, среднегодовой удой молока на одну фуражную корову в 1946 г. был равен 751 л, против 850 в 1940 г., т.е. на 11,7%. Настриг шерсти на одну овцу за тот же период сократился с 1,44 до 0,92 кг, или на 36,1% (Прил., табл. 17).

Таким образом, можно утверждать, что производительные силы сельскохозяйственных артелей Коми АССР за годы войны были серьезно подорваны. Г.Е. Корнилов отмечает, что “к концу войны колхозы подошли крайне обессиленными и ослабленными – с разрушенными производительными силами, запущенной землей, отброшенным на десятки лет назад животноводством”²⁷. Эта оценка полностью применима и к сельскохозяйственным артелям Коми АССР.

Далее необходимо отметить, что достаточно ярко выраженное неблагоприятное положение колхозов Коми АССР, как впрочем и всего Союза ССР, официально не признавалось. В некоторой степени это оставалось характерной чертой и первых работ, посвященных рассматриваемой проблематике.

В средствах массовой информации тех лет утверждалось, что победа в Великой Отечественной войне “неопровержимо” свидетельствует о “силе и жизненности колхозного строя”. Однако в расчет совершенно не принималось то обстоятельство, что реальный размер цены, которую пришлось заплатить для победы колхозной системе мог ощутимо подорвать ее “силу и жизненность”.

Следствием такой позиции был тезис о том, что колхозы вовсе не нуждаются в сколь-либо значимой помощи извне и вполне способны самостоятельно справиться с задачей форсированного восстановления и развития своего хозяйства, поставленной государством. Для этого необходимо лишь задействовать имеющиеся скрытые, но неограниченные “резервы”, лучше использовать огромные преимущества, “таящиеся” в социалистической системе земледелия и животноводства. В качестве доказательств в печати приводились данные о том, что отчисления средств в неделимые фонды артелей Коми АССР в 1940 г. составляли 3 млн 76 тыс. руб., а в 1944 г. – 12 млн 58 тыс. руб., а стоимость основных средств производства с 1940 по 1946 г. увеличилась с 47,1 млн руб. до 56,7 млн руб.²⁸. Общая сумма денежных поступлений в 1946 г. достигла 32,7 млн руб., против 53,7 в 1940 г. (Прил., табл. 37). Однако столь существенная разница в показателях в значительной степени носила инфляционный характер. Более того, в республиканской печати отмечалось, что в годы войны общественное хозяйство колхозов “продолжало укрепляться”, что якобы в колхозах имеются “все условия и возможности” для дальнейшего самостоя-

тельного развития и интенсификации производства²⁹. В качестве причин возможных неудач назывались “неумение, а подчас и нежелание преодолеть возникшие трудности”, а также “беспечность и слабость” местного руководства, которое зачастую не в состоянии “перестроить руководство сельским хозяйством, мобилизовать всех колхозников на высокопроизводительный труд, успешное и своевременное проведение всех работ”³⁰.

Итак, за период военного времени всему сельскому хозяйству, в том числе и колхозам Коми АССР, был нанесен значительный ущерб. Снизились все основные показатели производства, ослабла материально-техническая база МТС и артелей, колоссальный урон понесли трудовые ресурсы села, прежде всего, за счет их наиболее дееспособной части – трудоспособных мужчин. Ухудшилось и без того чрезвычайно низкое материальное положение тысяч тружеников села. Если бы не трудовой героизм колхозников, проявлявшийся в беспрецедентном напряжении всех сил в процессе работы в общественном хозяйстве, если бы не безграничное терпение, основанное на патриотизме и ненависти к захватчикам, последствия, несомненно, могли быть гораздо худшими.

Представляется несомненным, что после выхода из чрезвычайного режима военного времени деревня срочно нуждалась не только в снижении уровня эксплуатации, но и прямой помощи со стороны государства, прежде всего, заключавшейся в изменении системы заготовок колхозной продукции, ослаблении налогового бремени, значительных финансовых инвестициях и других мероприятиях по восстановлению и дальнейшему развитию экономики коллективных хозяйств.

Основные принципы аграрной политики Советского государства

Посмотрите на социализм или коммунизм: исторические враги капитализма, но в деталях, а часто и в принципах, в том, что касается отношений между городом и деревней, они продолжают и даже усугубляют некоторые из присущих ему фундаментальных процессов. В этом заключается настоящая историческая и политическая трудность. Лев Троцкий говорил, что история капитализма – это история победы города над деревней³¹.

Р. Уильямс

В рассматриваемый период аграрная политика Советского государства была одним из главных факторов развития колхозного строя, и в целом всего сельского хозяйства СССР. Изучение этого вопроса весьма сложно в методологическом отношении. Оцен-

ки во многом зависят от политических пристрастий исследователя. На сегодняшний день важнейшие положения советской историографии по данному вопросу устарели, в то время как пришедшие им на смену не могут считаться общепринятыми. Поэтому представляется очень важным предпринять попытку охарактеризовать основные принципы этой политики, стремясь к объективным оценкам.

Вообще, правовым фундаментом колхозной системы специфически сталинского типа служил “Примерный Устав сельскохозяйственной артели”, принятый в 1932 г. и обретший свою вторую редакцию 17 февраля 1935 г. на II Всесоюзном съезде колхозников и утвержденный Советом Народных Комиссаров Союза ССР и ЦК ВКП (б)³². Слово “примерный” не должно вводить в заблуждение. В средствах массовой информации оно, как правило, заменялось на “сталинский” и его положения носили силу закона. Устав сразу стал своего рода колхозной конституцией и должен был неукоснительно соблюдаться. Имеет смысл привести заложенные в нем принципы, так как они оставались весьма актуальными для рассматриваемого периода, формально – до 1956 г., а по существу – вплоть до 1965 г.

Официально, согласно указанному основополагающему документу, целями существования артели провозглашались: “...обеспечение полной победы над нуждой и темнотой, над отсталостью мелкого единоличного хозяйства, создание высокой производительности труда и лучшей жизни колхозников”. Утверждалось, что строительство социализма неразрывно связано со строительством колхозов, и это “есть единственно правильный путь для трудящихся крестьян”, позволяющий “сделать свой колхоз большевистским, а всех колхозников зажиточными”³³.

В своей хозяйственной деятельности колхозы должны были принимать “к точному исполнению” государственный план производства, а члены колхоза обязывались “трудиться честно”. Земля колхозов являлась “общенародной государственной собственностью” и “закреплялась за артелью в бессрочное пользование, т.е. навечно”³⁴. Вся крупная сельскохозяйственная техника также была собственностью государства и предоставлялась колхозам в пользование за отдельную плату.

Из земельного массива, занимаемого колхозом, каждый артельный двор получал на правах пользования участок земли в размере от 0,25 до 0,5 га (не считая земли под жилыми постройками), в зависимости от географической зоны, в которой располагался колхоз. Для индивидуальных подсобных хозяйств колхозников Коми АССР размер был установлен в 0,25 га. В хозяйстве каждого колхозного двора дозволялось иметь, за редким исклю-

чением, не более одной коровы, одной свиноматки с приплодом, до 10 овец или коз и неограниченное количество птицы и кроликов. Рабочий скот, например, лошадь, в личном владении колхозника не предусматривался. Право пользования “индивидуальным приусадебным хозяйством” напрямую зависело от членства в колхозе. Исключение из артели автоматически влекло за собой его потерю, без какой-либо компенсации³⁵.

Руководство колхозом осуществляло “правление” во главе с председателем, избираемым на два года “высшим органом управления артели” – общим собранием колхозников, при кворуме в две трети от их общего числа. Процедура голосования оговаривалась специально. Она обязательно должна была носить открытый, т.е. наименее демократичный характер³⁶. Полномочия председателя были чрезвычайно широкие.

В правление, кроме председателя, входили его заместители, счетовод (бухгалтер), бригадиры и заведующие животноводческими фермами. Деятельность правления не реже четырех раз в год должна была проверять “ревизионная комиссия”, также избираемая. По результатам хозяйственного года правление должно было отчитываться перед общим собранием колхозников.

Структура распределения полученных за год от своего хозяйства денежных средств, урожая и продуктов животноводства была жестко регламентирована. Согласно законодательству, основным, доминирующим потребителем колхозной продукции было государство. Артели были вынуждены не только производить заранее указанные виды и объемы продукции, но и, в самую первую очередь, сдавать значительную ее часть в виде так называемых “обязательных государственных поставок” по строго определенной самим же государством цене. До 1953 г. государство держало данные цены на таком низком уровне, что их с полным основанием можно назвать символическими. Они далеко не восполняли артелям даже производственных затрат. Фактически же, “госпоставки” можно расценить не иначе как натуральный налог, выплачиваемый колхозами за право пользования землей. При этом государство шло и на различные уловки. Удельный вес поставок был велик от того, что он исчислялся в процентах, исходя из валового урожая, оцениваемого “на корню”, на основе “видовой” (биологической) урожайности, т.е. весьма приблизительно, и, как правило, очень завышенно. Затем проценты переводили в вес, и полученная величина поставок, уже в тоннах, выплачивалась из “амбарного”, т.е. оприходованного колхозом урожая, что было им крайне невыгодно³⁷. В случае урожайного года, или даже без какого-либо формального повода, нормы поставок могли быть в любой момент произвольно увеличены, даны “дополнительные

задания”, даже после того, как колхоз уже выполнил ранее установленный уровень сдачи продуктов. По выполнении поставок, колхозы были обязаны выплачивать “натуроплату” за услуги МТС, что также ложилось тяжелым бременем на хозяйства. Далее артели обязывались продавать часть продукции по несколько повышенным ценам, в порядке “государственных закупок”, но и они не окупали стоимости производства сельскохозяйственных продуктов.

После выполнения этих условий колхозы должны были из оставшегося урожая сформировать различные внутрихозяйственные фонды: семенной, фуражный, страховой и т.д. Затем часть урожая продавалась по системе “контрактации” и кооперативной торговли также по не вполне выгодным “предельно-закупочным”³⁸ ценам. И только после выполнения всех требований государства колхоз получал право распределить оставшееся между членами артели на выработанные ими “трудодни”.

Одновременно, получив особое разрешение, в котором указывалось, что к данной артели государство не имеет больше претензий, хозяйство могло воспользоваться возможностью продать часть продукции на так называемом “колхозном рынке”, где цены на продовольствие, диктуемые повышенным спросом, были весьма высокими и поэтому выгодными. Артелям Коми АССР большую часть всех денежных поступлений приносила именно колхозная торговля (см. Прил., табл. 37).

Если колхоз в силу каких-либо причин не смог вовремя рассчитаться с государством по любому из видов обязательных натуральных выплат, то “недостача” переводилась в задолженность. Со следующего урожая артели были обязаны сначала погасить все предыдущие долги, а затем выплатить все, что причитается за текущий год. Если вновь образовывались долги, то на следующий год все повторялось. В результате зачастую складывалась ситуация, что урожая не хватало не только чтобы распределить оставшееся на трудодни колхозникам, но даже на фураж скоту и семена для будущего посева. В этом случае государству приходилось снабжать колхозы зерном, что оформлялось как “семенная” или “фуражная” ссуда, подлежащая первоочередной оплате на будущий год, до выплаты по задолженности. Наряду с натуральными ссудами чрезвычайно широко применялись денежные – долгосрочные и краткосрочные. Они, как правило, также носили целевой характер: на покупку скота, кормов, инвентаря, строительство электростанции и т.п. Нередко их расходование не давало должного эффекта, и хозяйство на долгие годы становилось должником государства без надежды выбраться из кабалы, если, конечно, долг не будет списан.

Кроме натуральных обязательных выплат колхоз выплачивал денежные налоги, различные страховые платежи и сборы. Первоочередное значение имел подоходный налог, которым облагалась не чистая прибыль, а валовая, т.е. включая все производственные затраты и фонд оплаты труда. Например, для колхозов Коми АССР данный налог в 1952 г. составил 7 млн 610 тыс. руб., или 16,8% от всех финансовых поступлений, почти столько же, сколько было выдано колхозникам на трудодни (7 млн 760 тыс. руб.). Совокупная величина всех обязательных денежных выплат государству была равна в том же году 11 млн 259 тыс. руб., или 24,9% от валового денежного дохода, что составило 78,9% расходов колхозов на производственные нужды³⁹.

Таким образом, в рассматриваемый период, особенно до резкого повышения заготовительных и закупочных цен в 1953 г., заготовительная (ценовая) политика и налоговая система советского государства наносили прямой ущерб экономике коллективных хозяйств и не оставляли шансов на ее перспективное развитие.

Организация труда в колхозах была достаточно суровой, почти армейской. Согласно Уставу, все члены артелей обязывались: “строго беречь... колхозную собственность и государственные машины... подчиняться требованиям устава, соблюдать правила внутреннего распорядка, аккуратно выполнять... работы и общественные обязанности, строго соблюдать дисциплину...” Кроме того, “за бесхозяйственное и нерадивое отношение к ... имуществу, за невыход без уважительных причин на работу, за недоброкачественную работу и за другие нарушения” правление имело право наложить на виновных “взыскания, согласно внутреннему распорядку”, как правило, в виде списания части выработанных трудодней⁴⁰.

В процессе производственной деятельности колхозники объединялись в бригады, за которыми должны были закрепляться определенные участки работы по отраслям производства. Все работы осуществлялись на основе сдельщины, при которой размеры оплаты зависели от выработки и от темпов труда. Данный принцип, как метко подметил французский историк Н. Верт, представлял собой самый примитивный, согласно теории К. Маркса, способ эксплуатации⁴¹.

Социальные гарантии крестьянам со стороны государства были сведены к нулю. В Уставе ничего не говорилось о праве на оплачиваемый отпуск, больничный лист, максимальной продолжительности рабочей недели, рабочего дня, крайнем пределе трудоспособного возраста, каком-либо пенсионном обеспечении. Продолжительность отпуска по беременности была небольшой – всего два месяца, один – до родов, другой – после, с сохранением половины средней выработки женщиной трудодней⁴².

Таким образом, колхозы были весьма специфическими субъектами хозяйствования в аграрном секторе социалистической экономики. При внешних “самостоятельности”, “добровольности” и “самоуправлении”⁴³ они подчинялись прямому централизованному административному управлению, жесткой внешней и внутренней дисциплине. Особый, “бесправный” характер организации и деятельности сельскохозяйственных артелей обуславливал возможность их прямого подчинения государственным экономическим и политическим интересам, без учета собственных. При этом ответственность за свое экономическое состояние целиком ложилась на плечи артелей. Новый класс “колхозного крестьянства” практически не имел никаких социально-экономических прав, кроме обязанностей, что было очень удобным условием при мобилизации трудовых ресурсов в сельскохозяйственном производстве.

Все эти обстоятельства и послужили, в отличие от официальной версии, главной причиной создания колхозной системы данного типа в масштабах всей страны. Тщательно скрываемый смысл ее существования и функционирования для государства сводился к получению возможности беспрепятственно изымать из аграрной сферы все наличные ресурсы (финансовые, трудовые, сырьевые, продовольственные). Деревня превращалась в безотказный источник роста всех остальных отраслей народного хозяйства. Именно в этом состоял секрет столь скорой модернизации советского общества, секрет скачка социалистической экономики от аграрного уровня развития к индустриальному.

Аграрную политику СССР в период первых послевоенных пятилеток (1946–1958) можно разделить на два этапа, по своему характеру совершенно противоположных. 1946–1953 годы можно охарактеризовать как время жесткой, консервативной политики “реставрации” довоенных принципов функционирования колхозной системы. В терминах советской историографии это был период “организационно-хозяйственного укрепления колхозов”, в противовес которому отдельные современные авторы называют его “аграрным деспотизмом” и “вторым раскулачиванием”⁴⁴. Для того чтобы оценить адекватность принимаемых правительством И.В. Сталина мер по отношению к колхозной деревне, следует определить возможные варианты альтернативного развития села после войны.

В противовес такому подходу период 1953–1958 гг. был этапом проведения глубоких реформ, к 1958 г. приведших к изменению “несущих конструкций” сталинской модели колхозной системы: изменению статуса колхозно-кооперативной собственности, системы сбыта продуктов сельскохозяйственного производства, снижению налогового бремени.

Смена политического руководства в 1953 г. изменила расстановку сил на внутривластной арене. Представители новой власти критически оценивали положение советской деревни и весь предшествующий курс, и были самым решительным образом настроены воспользоваться всеми имеющимися в их распоряжении средствами в целях коренного улучшения дел в аграрной отрасли народного хозяйства. Данной задаче, главным образом, должно было послужить реформирование колхозной системы, существовавшей без каких-либо значительных изменений с начала 1930-х годов. Начало указанному процессу положили программные выступления Председателя Совета Министров Г.М. Маленкова на августовской сессии Верховного Совета СССР и Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева на сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС.

Основными характеристиками указанного аграрного курса были: резкий рост государственных инвестиций в экономику села, смягчение режима управления колхозами, усиление внимания к социально-экономическому положению колхозного крестьянства.

Началом периода реставрации политики 1930-х годов можно считать уже выход постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП (б) от 19 сентября 1946 г. "О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах"⁴⁵. Под столь благозвучным названием скрывались весьма неприглядные меры. Несмотря на внешнюю пристойность, в сущности все сводилось к не раз уже испробованной политике "закручивания гаек". По мнению властей, "нарушения" выражались в следующем: в колхозах широко практиковалось "неправильное" расходование трудодней, "расхищение колхозной земли", "растаскивание" имущества и нарушения "демократических основ управления". С данными нарушениями и связывалось неблагоприятное положение "во многих колхозах". Отмечалось, что "вся эта, чуждая ленинизму, практика извращения политики партии и правительства ... глубоко вредит делу колхозов и является крайне опасной для всего социалистического строительства нашей страны"⁴⁶.

Борьба с "неправильным расходом" трудодней проводилась по линии прекращения оплаты "лиц, не занятых на основных работах в сельскохозяйственном производстве" – сторожам, пожарным, письмоносам, рабочим строительных бригад и т.д., а также списания некоторой части трудодней колхозников под предлогом их необоснованного начисления, или "разбазаривания". Предполагалось, что за счет этого можно будет увеличить среднюю выдачу на остальные трудодни, тем самым повлиять на уровень заинтересованности колхозников в труде.

Наибольшее социальное напряжение в среде колхозного крестьянства вызвали меры по борьбе с "расхищением общественных земель колхозов". Эта часть постановления, по сути, дублировала довоенное – от 27 мая 1939 г. "О мерах охраны общественных земель колхозов от разбазаривания"⁴⁷. В них указывалось, что "интересы общественного хозяйства колхоза, основой которого является общественная колхозная земля, приносятся в жертву частнособственническому и рваческому элементам, использующим колхоз в целях спекуляции и личной наживы". Речь шла о размерах приусадебных участков членов колхоза. Как уже отмечалось, Уставом крестьянской семье разрешалось иметь посевной площади от 0,25 до 0,5 га. "Рвачество" колхозников проявлялось в виде небольших прирезок за счет пустующих, неэффективно используемых земельных угодий колхозов, что, естественно, было строгой запретом. По мнению властей, данная ситуация порождала "нерадивость" и "паразитизм" лжеколхозника под маской честного.

В то же время, с точки зрения самих крестьян, эта тактика, по всей видимости, выглядела вполне оправданной. В большинстве республик и областей СССР существовало "множество колхозов ... в которых размеры закрепленных площадей превосходили возможности для их продуктивного использования"⁴⁸. Это относилось и к Коми АССР. Как отмечалось в первом параграфе, доходы на трудодни оставались чисто символическими в течение нескольких лет, а расширение своего хозяйства давало возможность более-менее сносно прокормить семью, выплатить денежный и натуральный налоги.

Однако реальные масштабы "разбазаривания" были сильно преувеличены. Например, в Коми АССР удельный вес посевных площадей индивидуальных хозяйств колхозников по отношению ко всем категориям хозяйств сократился с 6,2% в 1940 г., до 4,7% в 1945 г., или с 5,6 тыс. га, до 5,0 тыс. га, соответственно (Прил., табл. 11). Истинной целью борьбы с "рвачеством" было свести до минимума альтернативные источники существования и принудить сельчан к труду в сельхозартели.

Согласно указанному постановлению, по всей стране была проведена кампания по контрольному обмеру земельных участков, находящихся в личном пользовании членов артелей. Выявленные излишки немедленно конфисковались, а так как дело проходило осенью, то земля экспроприировалась вместе с выросшим на ней урожаем, даже если он уже был убран и заготовлен⁴⁹. К концу 1946 г. у колхозников Коми АССР было обнаружено и изъято 739 га "излишков" приусадебных земель⁵⁰. Те же меры были предприняты и в отношении различных организаций, незаконно захвативших земли колхозов.

Под “нарушением демократических основ управления колхозами” прежде всего подразумевались: нерегулярность созыва и формализм проведения общих собраний колхозников – “высшего органа управления артели “и не подотчетность ему правления и председателя. Отмечалось, что “дело доходит до такого безобразия, что председатели колхозов назначаются и снимаются районными и партийно-советскими организациями без ведома колхозников”⁵¹. Это соответствовало действительности, но далеко не в полной мере, на что указывает и явная двусмысленность фразы, согласно которой, если бы все это совершалось с “ведома колхозников”, то “демократизм управления” не был бы нарушен. В действительности, общеизвестным было то обстоятельство, что должность председателя правления колхоза входила в партийную номенклатуру, т.е. перечень важнейших должностей, занять которые было невозможно без санкции со стороны комитетов партии⁵². По сути, председатель колхоза был обычным назначаемым человеком, иногда даже и не членом управляемой им артели.

Таким образом, к выходу постановления выборы председателя считались уже простой декорацией, излишней и, в силу этого, немного унизительной формальностью. Результаты кампании по борьбе с указанными “нарушениями” свелись к более строгой регламентации таких органов управления, как общие собрания колхозников, с тем чтобы внешне сохранить видимость демократизма. Естественно, особого влияния на рост реального самоуправления артели это не оказало. Колхозы по-прежнему оставались весьма специфическим производственным предприятием с жесткой дисциплиной и централизованным руководством.

Для контроля за выполнением данного постановления одновременно был создан особый государственный орган: Совет по делам колхозов при Совете Министров СССР под председательством члена Политбюро ЦК КПСС, заместителя председателя Совета Министров СССР А.А. Андреева. В каждом регионе СССР Совет имел своих независимых полномочных представителей, в задачу которых входили сбор и передача в Центр объективной информации о положении дел в колхозах, о процессе реализации принятых государством решений. Данный орган государственной власти просуществовал вплоть до 1953 г., и затем, в связи со сменой аграрного курса, был упразднен.

Политику “закручивания гаек” продолжил Указ Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. “Об уголовной ответственности за кражу колхозного имущества”, согласно которому, за совершение данного деяния предусматривалась мера наказания в виде лишения свободы на срок от 5 до 20 лет с пребыванием в ИТЛ, с возможной конфискацией имущества⁵³. По сути

своей, Указ дублировал знаменитое постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г., т.е. времен массовой коллективизации⁵⁴. Надо сказать, что оба закона носили явно репрессивный характер, так как минимальный размер кражи не оговаривался, что породило массовую практику осуждения “за колоски”, т.е. вынесение приговора на огромный срок за ничтожно малый размер хищения. Безусловно, общество заинтересовано в том, чтобы любое преступление неизбежно повлекло за собой наказание. Однако второе обязательно должно быть соразмерно первому, иначе законное возмездие превращается в террор. Кроме того, исследователи М.А. Безнин и Т.М. Димони справедливо отмечают, что “подпадая под признаки кражи по юридическому содержанию, с социально-нравственной точки зрения подобные действия колхозников, становившиеся массовыми в голодные годы, были направлены на спасение жизней членов своих семей: полуголодное существование, низкий уровень жизни, несправедливое распределение колхозных доходов заставляли жителей деревень рассматривать колхозное имущество как один из источников выживания”⁵⁵.

В настоящий момент, после снятия грифа секретности, стал известен Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 февраля 1948 г. “О выселении из Украинской ССР лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни”, принятый по инициативе Первого секретаря ЦК КП(б)У Н.С. Хрущева, предложившего в январе 1948 г. И.В. Сталину и Л.П. Берия проект Указа⁵⁶. Со 2 июня того же года его действие распространялось на всю территорию СССР, исключая западные области и Прибалтику⁵⁷. На основании Указа, за не выработку “обязательного минимума трудодней” и других “провинностей” колхозник мог быть сослан в административном порядке, т.е. без суда и следствия, по решению правления колхоза, на срок до восьми лет. Спецпереселенцев предполагалось размещать в бассейнах р. Оби, Енисея, Лены, а также в Северном Казахстане. Это был очень удобный и действенный инструмент для нейтрализации неугодных администрации сельскохозяйственной артели лиц, вплоть до личной неприязни. Данное мероприятие нельзя расценить иначе, как “санкционированный произвол”, или “законное беззаконие” в отношении крестьянства. Только за лето 1948 г. по СССР было выслано 23 тыс. колхозников, в том числе 12 тыс. – из РСФСР⁵⁸.

19 апреля 1948 г. было принято постановление Совета Министров СССР “О мерах по улучшению организации труда в колхозах”, в котором отмечалось, что основным, с точки зрения властей, недостатком в организации и оплате труда колхозников яв-

ляется "...применение устаревших заниженных норм выработки и завышенных расценок работ в трудовнях. Многие колхозы не пересматривают нормы выработки в течение нескольких лет, и тем самым не учитывают достигнутого роста производительности труда..."⁵⁹. Цитата весьма красноречива. В связи с этим Советом по делам колхозов при Правительстве СССР и Министерством сельского хозяйства были выработаны новые "примерные нормы выработки и единые расценки в трудовнях" в плане повышения первых и уменьшения вторых (до этого действовали нормы, утвержденные Наркомземом СССР в 1933–1934 гг.)⁶⁰.

Кроме того, постановление "рекомендовало" колхозам списывать (не оплачивать) до 25% трудовой с бригад, не выполнивших планового задания, или начислять дополнительные в случае перевыполнения плана. Если при этом учесть, что в силу экономической слабости большинство колхозов были не в состоянии выполнять неоднократно повышавшиеся плановые нормативы, то можно сделать вывод о неизбежности списания значительной части реально выработанных трудовой колхозников. Например, в колхозах Коми АССР в 1948 г. было не оплачено 256 тыс. выработанных трудовой, а в 1952 г. – 236 тыс. (Прил., табл. 41). Этот шаг правительства можно оценить как усиление эксплуатации колхозного крестьянства.

Необходимо отметить, что кроме политики "кнута" в руководстве колхозной системой власть пыталась использовать и "пряник". В конце 1940-х годов были приняты указы Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Социалистического Труда, награждении орденом Ленина и другими орденами и медалями СССР передовиков сельского хозяйства в области животноводства⁶¹. Ранее возможность награждения высшими правительственными наградами за профессиональные заслуги была только у рабочего класса и интеллигенции. Громкая идеологическая кампания преподносила данный шаг политического руководства как признание Родиной высокой социальной роли колхозного крестьянства в строительстве социализма.

В руководстве колхозной системой также широко использовался такой инструмент, как выдача колхозам семенных и фуражных ссуд, а, кроме этого, в виде меры помощи "отдельным колхозам" правительство неоднократно шло на списание задолженностей во многих регионах СССР. Например, в рассматриваемый период (1946–1958) с колхозов Коми АССР долги были списаны несколько раз, что облегчало экономическое положение сельскохозяйственных артелей. Финансовая же помощь сельскому хозяйству и обеспечение его дорогостоящей техникой и различными материалами шла в основном по линии МТС, ко-

торые были государственными предприятиями и целиком содержались за счет союзного бюджета. Следует отметить, что в Коми АССР большинство МТС были убыточными и никто, кроме самого государства, не мог нести колоссальные расходы в таком нужном деле, как механизация наиболее трудоемких работ в сельском хозяйстве.

Однако размер помощи государства сельскому хозяйству был явно недостаточным. Например, по данным советской историографии, общесоюзные вложения в аграрную отрасль за годы первой послевоенной пятилетки (1946–1950) достигли только 7,3% общих капитальных вложений в народное хозяйство⁶². Современный исследователь Л.Н. Денисова отмечает, что доля капитальных вложений в сельское хозяйство составляла в 1918–1949 гг. менее 1% национального дохода, в последующие годы – менее 5%⁶³.

В то же время колхозы, как предприятия кооперативные, государственных инвестиций на свое развитие не получали. Как раз наоборот, как уже было отмечено, государство видело в них идеальный объект для практически безвозмездного изъятия всего необходимого для народного хозяйства. По этой причине в области управления аграрным производством основной упор делался на крайне жесткий директивный метод, на внеэкономическое принуждение колхозов к неукоснительному исполнению подробных плановых заданий. В соответствии с принятой практикой, планирование сельским хозяйством было многоуровневым, от общесоюзных показателей до нормативов каждому отдельному колхозу. План отличался детальной регламентацией всех аспектов сельскохозяйственного производства. Им определялись: величина и структура посевных площадей, валовой выпуск продукции, поголовье скота, урожайность полеводства и продуктивность животноводства, объем государственных поставок и даже сроки проведения тех или иных работ.

Важно отметить, что данная мелочная регламентация хозяйственной деятельности артелей была совершенно необходима в условиях выбранной системы управления. При отсутствии внутренних стимулов к работе у коллективных хозяйств детальность информации позволяла государству более тщательным образом отслеживать и контролировать процесс производства и, в случае необходимости, оперативно в него вмешиваться, используя весь арсенал имеющихся средств с целью получения необходимого результата. Нельзя не признать действенность, эффективность и даже некоторую логическую стройность данной системы, однако социальная цена ее функционирования была крайне велика. Кроме того, издержки данного тотального контроля проявлялись и в отсутствии при планировании учета местных условий хозяйство-

вания, что приводило зачастую к курьезным ситуациям и сбоям в работе колхозов.

План мог быть рассчитан на разные сроки: пятилетку, хозяйственный год, а также носить чрезвычайный характер, например “трехлетний план развития общественного колхозного и совхозного продуктивного животноводства (1949–1951 гг.)”, принятый на высшем уровне в апреле 1949 г.⁶⁴ Необходимо подчеркнуть, что плановые задания имели силу закона, однако в любой момент, в одностороннем порядке, по инициативе властей нормы могли быть пересмотрены, в зависимости от изменившихся условий (например, в случае урожайного года).

В 1950 г. были проведены масштабные мероприятия по укрупнению колхозов по всей стране. В малых размерах колхозов государство усматривало одну из причин их экономической слабости, препятствие для производительного использования современной техники, раздутость штата административно-обслуживающего персонала. В 1949 г. в Коми АССР 681 коллективное хозяйство к концу 1950 г. было преобразовано в 400 хозяйств⁶⁵. В последующие годы процесс укрупнения продолжался, однако уже не так интенсивно. К концу 1958 г. в Коми АССР насчитывался 301 колхоз (Прил., табл. 6). Однако трудно говорить о каком-либо значительном влиянии объединения хозяйств на подъем уровня аграрного производства как в Коми АССР, так и в целом по СССР.

Важное значение для изучения аграрной политики рассматриваемого периода имеют работы по теории и практике строительства социализма создателя колхозной системы – И.В. Сталина. В последней работе “Экономические проблемы строительства социализма в СССР”⁶⁶, как и в предшествующих трудах, Сталин дает положительную оценку всему опыту колхозного строительства и высказывает мнение относительно перспектив дальнейшего развития экономики советской деревни на основе колхозного способа производства. Вместе с тем он резко выступает против предложений некоторых экономистов (А.В. Саниной, В.Г. Венжера) ликвидировать дуализм системы социалистической собственности путем придания колхозно-кооперативной собственности статуса общенародной, т.е. государственной. Имелось в виду предложение продать в собственность колхозам основные орудия производства, сосредоточенные в машинно-тракторных станциях, значительно разгрузив таким образом государство от капитальных вложений в сельское хозяйство, что было реализовано только в 1958 г.

И.В. Сталин особо настаивал на том, что основные средства производства – земля, техника должны оставаться в МТС, т.е. в

руках государства и, в этом смысле, артели не нуждаются в каком-либо реформировании. Он утверждал, что “сосредоточение основных орудий сельскохозяйственного производства в руках государства ... является *единственным способом* (курсив. – Авт.) обеспечения высоких темпов роста колхозного производства”⁶⁷. С этим мнением трудно не согласиться, так как именно собственник средств производства диктует свои условия и методы хозяйствования тому, кто эти средства использует в процессе экономической деятельности. Известно, что статус собственности – это определяющая основа взаимоотношений собственника и непосредственного производителя. Совершенно очевидно, что руководитель Советского государства высказывал опасение потерять основной рычаг контроля над колхозами, и тем самым разрушить всю созданную им систему аграрного производства.

Помимо этого, Сталин указывал и на следующее обстоятельство: “Техника нуждается в постоянной модернизации, которая требует миллиардных расходов, окупающихся за шесть–восемь лет. Колхозы их нести не могут, может только государство”. Таким образом, “продать МТС колхозам, значит вогнать их в большие убытки и разорить, подорвать механизацию сельского хозяйства, снизить темпы колхозного производства”⁶⁸, что, конечно, не отвечает интересам государства.

Отвечая на вопрос: “Что же следует предпринять, чтобы повысить уровень колхозной собственности до уровня общенародной?”, Сталин утверждал, что этому мешает единственное обстоятельство, выраженное в том, что “излишки колхозного производства поступают на рынок, и включаются таким образом в систему товарного обращения”, а “расширение сферы действия товарного обращения... несовместимо с перспективой перехода от социализма к коммунизму”. Выход в том, чтобы “выключить излишки колхозного производства из системы товарного обращения и включить их в систему продуктообмена между государственной промышленностью и колхозами”⁶⁹.

Если оставить без внимания идеологическую составляющую данного проекта, то становится очевидным, что он направлен против любой формы самостоятельности субъектов хозяйствования в деревне. В условиях крайне низких государственных цен на аграрную продукцию артели могли улучшить свое финансовое благосостояние исключительно за счет продаж на колхозном рынке, а государство, вытесняя колхозы из указанной сферы, делало их целиком от себя зависимыми. Данной мерой власть выбивала у колхозов последнюю почву для остатков самостоятельности, получала несравненно более эффективный контроль над ними, что было краеугольным камнем сталинской колхозной систе-

мы. Значительный размер государственных поставок, рост сельскохозяйственного налога, ограничение размеров индивидуальных подсобных хозяйств колхозников, усиление уголовной и административной ответственности – все эти меры призваны были ограничить экономическую и правовую независимость крестьян от общественного хозяйства колхозов, стимулировать их трудовое участие, в конечном счете, увеличить объем сельскохозяйственного производства в стране.

Таким образом, аграрная политика второй половины 1940 – начала 1950-х годов имела перед собой следующие цели: восстановление и интенсификацию сельскохозяйственного производства, всемерную мобилизацию трудовых ресурсов, подъем дисциплины и ответственности колхозов перед государством. Предпочтение при этом отдавалось методам, как правило, уже апробированным в довоенный период – внеэкономическим, директивным, носившим жесткий, полувоенный характер. Данный тип колхозной системы позволял проводить изъятие ресурсов деревни, отчислять в государственный бюджет значительные суммы средств, перераспределяя их между другими отраслями народного хозяйства, что, как и в 1930-е годы, оказало на них весьма благотворное влияние. “Таким путем государству передавалась часть национального дохода, созданная колхозами и колхозниками”⁷⁰, – признавал министр финансов СССР А.Г. Зверев.

Однако следует помнить, что в природе, к сожалению, не бывает неисчерпаемых ресурсов. Всего за полтора–два десятилетия индустриализация, тяжелейшая война, “потребительская” политика государства буквально опустошили деревню. Большой ущерб был нанесен ее экономике, трудовым ресурсам. Пришедшее на 1940-е – начало 1950-х годов падение сельскохозяйственного производства, безусловно, носило объективный характер. Во второй половине 1940-х годов, казалось, проверенные на практике методы управления колхозами либо действовали с все меньшим эффектом, либо не действовали вообще. Парадокс, но усиление нажима и контроля над деревней таило в себе опасность потери контроля над ситуацией в аграрной подсистеме. К началу 1950-х годов глубокий послевоенный социально-экономический кризис приобретал все менее контролируемый характер. Последствия грозили стать необратимыми. Деревня срочно нуждалась в помощи, в изменении государственных приоритетов, новом отношении к классу колхозного крестьянства. Следует отметить, что негативная оценка реальной ситуации в аграрной отрасли находила понимание в высших эшелонах власти. Но непреодолимым препятствием реформированию колхозной сферы неизбежно оказывалась непреклонная воля главы

Советского правительства. Однако ситуация разрешилась в один миг и самым естественным образом. 5 марта 1953 г. на 74 году жизни умирает И.В. Сталин.

Советская историография была склонна относить трудности в сельском хозяйстве в период 1946–1953 гг., главным образом за счет объективных условий: ущерб от войны, нехватка средств у государства, связанная с необходимостью усиления обороноспособности и т.п.⁷¹ Однако стоило вмешаться такому субъективному, в данном случае, фактору, как смена правительства, и приоритеты аграрной политики были существенным образом пересмотрены, а необходимые средства были “неожиданно” найдены. Новое руководство в лице Председателя Совета Министров СССР Г.М. Маленкова и Первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева инициировало начало реформ в сфере колхозного производства. В августе 1953 г. на сессии Верховного Совета СССР, а затем в сентябре того же года на Пленуме ЦК КПСС была выработана концепция аграрных преобразований, а также намечены первоочередные меры помощи сельскому хозяйству со стороны государства.

Впервые в истории колхозного строя было открыто официально признано наличие принципиальных ошибок в руководстве аграрным производством, приведших к ощутимому снижению уровня производства продукции и большому социальному напряжению. Основную причину отсталости колхозов, особенно в животноводческой отрасли, правительство справедливо видело в действующих заготовительных ценах, которые не создавали необходимой заинтересованности колхозов и колхозников в развитии общественного производства. В августе 1953 г. на сессии Верховного Совета Г.М. Маленков заявил, что “не увеличивая розничных цен в торговле и неуклонно осуществляя политику по дальнейшему их снижению, Правительство и Центральный Комитет партии решили уже в текущем году пойти на повышение заготовительных цен на мясо, молоко, шерсть, картофель и овощи, сдаваемые колхозами и колхозниками государству”, а также “изменить систему обложения колхозников сельскохозяйственным налогом, снизить денежный налог в среднем примерно в два раза с каждого колхозного двора и снять полностью оставшуюся недоимку ... прошлых лет”⁷².

Таким образом, отношение государства к деревне было изменено: система внеэкономических мер принуждения уступала догору принципу материального стимулирования. Государство впервые было готово оказать колхозам прямую и ощутимую финансовую поддержку даже за счет ограничения своих интересов. Предполагалось осуществить следующий комплекс мероприятий:

освободить коллективные хозяйства от накопленного к 1953 г. непомерного груза долгов путем их списания, резко повысить заготовительные и закупочные цены на все виды животноводческой продукции, облегчить колхозам доступ на рынок, значительно снизить налоговое бремя с индивидуальных подсобных хозяйств колхозников, обеспечить аграрную отрасль высококвалифицированными кадрами, поднять уровень механизации путем оказания всемерной помощи МТС.

Например, в колхозах Коми АССР заготовительные цены на скот, сдаваемый государству в порядке обязательных поставок, были повышены более чем в 5,5 раз, на молоко и масло – в 2 раза, на картофель – в 3 раза и на овощи в среднем – на 25–40%, закупочные цены на мясо – на 30%. Только в 1953 г. от реализации картофеля колхозы республики получили дополнительно 732 тыс. руб., от реализации овощей – 547 тыс. руб., от реализации мяса – 2704 тыс. руб. и от реализации молока – 4585 тыс. руб. Общая сумма чистого дохода колхозов и индивидуальных сдатчиков составила в 1953 г. 20 млн руб.⁷³

Все эти меры требовали огромного роста государственных расходов, но правительство считало это оправданным в связи с официально объявленной конечной целью реформ: достижением продовольственного изобилия в СССР. Тем более, что расчет был сделан на крайне сжатые сроки достижения необходимого эффекта. В августе 1953 г. Г.М. Маленков указывал, что главной задачей нового правительства станет “в ближайшие два-три года добиться в нашей стране обилия продовольствия для населения и сырья для легкой промышленности”⁷⁴.

Такой подход, однако, был чреват довольно значительными последствиями для социалистической экономики СССР в целом. Повышая хозрасчетную рентабельность сельхозартелей путем перераспределения части национального дохода в их интересах, правительство значительно сокращало колоссальную народнохозяйственную рентабельность колхозной системы. Таким образом, главный источник “первоначального социалистического накопления” терял свою эффективность и былую значимость. В связи с этим обстоятельством перед руководством страны неизбежно должен был возникнуть актуальнейший вопрос о поиске нового материального фундамента политического и экономического могущества СССР. Внутренние резервы были исчерпаны, оставались только внешние. Говоря ретроспективно, следует отметить, что именно острая нужда в такого рода источнике финансовых поступлений и побудила в последующие годы к изменению характера всей экономической системы социализма – переориентации народного хозяйства на тотальный экспорт собственных сырье-

вых ресурсов, прежде всего – энергоносителей, что, в конечном счете, сделало судьбу одной из ведущих мировых держав заложницей неконтролируемой конъюнктуры мирового рынка.

Так или иначе, но предпринятые шаги, безусловно, положительно сказались на сельскохозяйственном, прежде всего колхозном, производстве. С 1953 г. в артелях Коми АССР улучшилась ситуация с трудовыми ресурсами: впервые был замечен их некоторый рост, увеличился выпуск аграрной продукции. Вследствие роста денежных поступлений колхозы начали крепнуть экономически, значительно повысилось благосостояние крестьян.

Вслед за мерами по подъему животноводства были предприняты важные шаги и в другой основной отрасли аграрного производства – полеводстве. 28 марта 1954 г. вышло постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС “Об увеличении производства зерна в 1954–1955 гг. за счет освоения целинных и залежных земель”⁷⁵. Было решено выделить значительные ресурсы на освоение земельных массивов в районах Казахстана, Сибири, Урала, Поволжья и Северного Кавказа, площадью не менее чем 13 млн га. В сжатые сроки за государственный счет были организованы новые мощные зерновые совхозы, укомплектованные, в порядке организованного набора и за счет энтузиастов, качественной рабочей силой, обеспеченные всеми необходимыми техническими ресурсами. Вскоре это постановление было дополнено новым от 17 августа 1954 г. “О дальнейшем освоении целинных и залежных земель для увеличения производства зерна”. В нем отмечалось, что “ЦК КПСС и Совет Министров СССР рассматривают успехи, достигнутые в этом году по освоению целинных и залежных земель... как начало великого всенародного дела увеличения производства зерна в стране...”⁷⁶

Не касаясь хода освоения целины, следует отметить, что результаты проведенной кампании поначалу, действительно, были ошеломляющими. Валовое производство зерна резко возросло. В первые годы казалось, что СССР в конце-концов решил важнейшую зерновую проблему. Однако неумелое хозяйствование впоследствии привело к значительному снижению урожайности на освоенных площадях, ставя под вопрос эффективность всего мероприятия.

Обратная сторона медали кампании по подъему целины, безусловно, состояла и в том, что традиционным центральным районам земледелия уже не приходилось рассчитывать на необходимые им инвестиции. В ущерб интенсивному, ставка была сделана на экстенсивный вариант экономического развития. Соблазн легкого, а главное – быстрого успеха перевесил долгосрочную, но более перспективную программу подъема деревни центра России. Таким об-

разом, если до 1953 г. колхозы вынуждены были сидеть на “голодном пайке” в связи с перераспределением денег в интересах промышленности, то с 1954 г. они не получали должных инвестиций, поскольку имеющиеся средства были направлены на освоение новых целинных земель. Это не могло не сказаться негативным образом на российской деревне. Так, за период 1954–1959 гг. было освоено 45 млн га целины, при этом за то же время более 13 млн га было выведено из сельскохозяйственного оборота в Российском Нечерноземье⁷⁷. И.Е. Зеленин приводит выводы известного экономиста-аграрника И.В. Русинова относительно “целинной эпопеи”: “Не обеспеченный производственной, да и социальной инфраструктурой марш-бросок на целинные земли отвлек в те годы значительные ресурсы от укрепления зернового и в целом сельского хозяйства в других районах страны, в том числе Нечерноземной зоне РСФСР, и привел к росту общих потерь урожая зерновых до 25–39 и более млн т в год”; “все это, наряду с другими факторами, в конечном счете привело к снижению темпов производства, резкому росту закупок зерна за рубежом”⁷⁸ уже в начале 1960-х годов.

В начале 1955 г. на посту Председателя Совета Министров СССР Г.М. Маленкова сменил Н.А. Булганин, бывший министр обороны. Неблагополучное положение в аграрной сфере новое правительство связывало и с ошибками в методах планирования, которые были вызваны “чрезмерной централизацией и большим количеством показателей, устанавливаемых для колхозов” без “государственной необходимости” и соблюдения “интересов колхозов и колхозников”. Данный тип “шаблонного планирования”, по мнению создателей постановления от 9 марта 1955 г. “Об изменении практики планирования сельского хозяйства”, “вызвал неправильное размещение сельскохозяйственных культур”, “не позволял более правильно организовать ведение общественного животноводства” и “сковывал инициативу колхозов и МТС, ослаблял их ответственность”⁷⁹. Новые правила планирования предусматривали определение лишь общих основных параметров производства, без дополнительной детальной регламентации всех этапов технологического процесса. Основным критерием успешной работы колхозов с этого момента стали не валовые показатели или процент выполнения нормативов, а уровни урожайности и продуктивности, достигнутые на единицу земельной площади.

Колхозы поспешили самым естественным образом воспользоваться либерализацией в своих отношениях с государством исключительно в собственных интересах. На республиканской конференции по сельскому хозяйству уже в декабре 1956 г. секретарь Коми областного комитета КПСС Е. Катаев с возмущением отмечал, что в республике наблюдается “тенденция к сокращению по-

севных площадей, поголовья скота, ликвидации птицеводческих и овцеводческих ферм”, так как “руководители отдельных колхозов стремятся составлять заниженные планы... Посевные площади под зерновыми культурами сокращают под предлогом расширения площадей под кормовыми культурами, посевы картофеля и овощей уменьшают, ссылаясь на повышение урожайности, поголовье общественного скота уменьшают под предлогом поднятия продуктивности животноводства, а низкие планы по продуктивности скота объясняют стремлением к созданию материальной заинтересованности работников животноводства, якобы перевыполняющих план. Чтобы чем-то *прикрыть стремление к сокращению сельскохозяйственного производства* (курсив наш. – Авт.), отдельные колхозы иногда сильно завышают планы по урожайности: мы, мол, валовые сборы не сокращаем, а увеличиваем, хотя заранее знают, что такого высокого урожая, как запланировали, не получают. Руководители отдельных колхозов говорят, что овцеводческие и птицеводческие фермы нерентабельны и поэтому *нет смысла заниматься этим делом* (курсив наш. – Авт.)”⁸⁰.

Таким образом, можно определенно утверждать, что именно с этого момента взаимоотношения колхозов с государством стали приобретать все более выраженные черты игры в “кошки-мышки”, что вряд ли можно назвать успехом политики нового советского правительства.

С 1956 г., согласно постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР “Об увеличении производства и заготовок картофеля и овощей”, вновь были повышены государственные заготовительные и закупочные цены на важнейшие полеводческие культуры с целью стимулирования роста их производства. Например, для колхозов Коми АССР цены на картофель устанавливались от 330 до 600 руб. за тонну, в зависимости от сроков сдачи и вида поставок. На остальные овощи цены были повышены на 70%⁸¹. Данная мера позволила увеличить производство указанных культур в колхозах, создать условия роста доходности артелей, повысить уровень материальной заинтересованности колхозников.

Процесс либерализации всей колхозной жизни нашел свое развитие в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР “Об уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управления делами артели” от 6 марта 1956 г.⁸² Впервые официально была поставлена под сомнение непогрешимость буквы “Сталинского Устава”, неизменно существовавшей уже более 20 лет.

Данный шаг правительства свидетельствовал о его решимости реформировать сложившуюся в 1930–1940-е годы колхозную

систему. В качестве обоснования выдвигался тезис о том, что “Примерный устав ... уже не охватывает все стороны многообразной жизни и деятельности колхозов, в ряде случаев ограничивает инициативу ... ведения общественного хозяйства”. Политическое руководство полагало, что “со времени принятия ... устава ... произошли серьезные изменения в колхозной деревне – создана новая материально-техническая база, накоплен богатый опыт организации и ведения коллективного хозяйства, возросла политическая сознательность колхозного крестьянства ... в этих условиях колхозы сами могут решать еще более самостоятельно, чем до сих пор, вопросы колхозной жизни”, исходя из “общенародных интересов государства, общественных интересов колхозов и личных интересов колхозников”. В связи с указанными соображениями ЦК КПСС и СМ СССР рекомендовали колхозам, “исходя из главной задачи обеспечения крутого подъема земледелия и животноводства, самим дополнять и изменять отдельные положения ... устава с учетом местных ... условий”⁸³.

Стоит отметить, что мысль о возможном несовпадении, или даже некотором существующем противоречии между государственными и собственными колхозными интересами, разработчики “постановления” допустить, конечно, не могли. Возникает впечатление, что политическое руководство страны стало жертвой расставленной его предшественником идеологической ловушки: мифологемы о монолитном единстве советского общества, о “вечном и нерушимом союзе” рабочего класса и крестьянства, народа и государства, государства и партии. В период правления И.В. Сталина, зачастую, лозунги были одни, а реальные шаги, особенно в области аграрной политики, – совершенно иного характера, что позволяло государству сохранять свободу тактического маневра.

В то же время трудно говорить о принципиальном изменении Устава, таком, например, как его третья редакция 1965 г., согласно которой приоритет отдавался формированию фонда потребления колхозов, что было совершенно немыслимо в предшествующий период. В 1956 г. сталинский Устав подвергся лишь незначительной корректировке, без изменения, например, таких важных моментов, как система заготовок продукции колхозов, обязанность их выполнять государственный план, “повинность” колхозников вырабатывать “годовой минимум” трудодней, размеры личного подсобного хозяйства крестьян и некоторые другие. Гораздо важнее были психологические последствия. В сознании колхозного крестьянства эти институты колхозной жизни, связанные с именем Сталина и считавшиеся ранее залогом успеха, верхом объективности и совершенства, теряли свою “святость”.

Одновременно было принято решение, направленное на очередное повышение материальной заинтересованности колхозников в трудовом участии в общественном хозяйстве колхозов и снятие социальной напряженности в деревне. В постановлении “Об Уставе...” отмечалось, что “существующая в колхозах практика, когда основная часть доходов, подлежащая распределению по трудодням, выдается колхозникам лишь по окончании хозяйственного года, недостаточно способствует росту производства сельскохозяйственных продуктов” и рекомендовалось применять “более прогрессивную систему распределения доходов, при которой авансы колхозникам выдаются ежемесячно на все трудодни, выработанные в общественном хозяйстве”. Фактически это означало ликвидацию сталинской системы оплаты труда колхозников строго по “остаточному принципу”, согласно которой на трудодни распределялось лишь то, что имелось в наличии после выполнения колхозами всех форм государственных поставок и обеспечения внутривоспроизводственных нужд, разумеется, в случае, если было что распределять. До этого решения, формально, никакой ответственности за благосостояние колхозников государство не несло.

В результате, в колхозах Коми АССР, например, за период с 1955 по 1958 г. доходы по трудодням в денежном выражении выросли, в среднем, в 2,5 раза (Прил., табл. 52). Такие темпы роста доходов в сельскохозяйственном производстве были беспрецедентны за все время существования колхозов в Коми АССР. Но в абсолютном выражении сельский труд по-прежнему оставался наиболее низкооплачиваемым по сравнению с остальными отраслями народного хозяйства. Кроме того, объем натуральных выдач на трудодни остался на прежнем уровне, а по отдельным видам продуктов даже снизился.

Некоторые последствия социально направленных шагов Правительства имели и весьма неожиданный результат. В условиях повышения денежных доходов при заниженной розничной цене на хлеб крестьяне стали активно его скупать и пускать на корм домашнему скоту. Масштабы такой практики были столь велики, что грозили дезорганизовать обеспечение населения основными продуктами питания. Потребовалось принять на высшем уровне специальное постановление от 27 августа 1956 г., регламентировавшее самым серьезным образом рацион животных. В нем отмечалось: “Спекулятивные элементы покупают в государственных магазинах по низкой государственной цене хлеб, крупу и другие продукты для кормления скота, а животноводческие продукты продают на рынке по высоким ценам”⁸⁴. Скармливание животным некоторых продуктов (хлеба, муки, картофеля, крупы и др.) было строжайше запрещено под угрозой штрафа в 500 и

1000 руб. (повторно). Этим же постановлением усиливалась ответственность колхозников за невыполнение обязательного годового минимума трудодней. В качестве меры воздействия нарушителям увеличивался объем натурального налога с индивидуально-го подсобного хозяйства.

Однако дисциплинарная политика уже не отличалась особой последовательностью. 4 июля 1957 г. было издано постановление ЦК КПСС и СМ СССР "Об отмене обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству хозяйствами колхозников, рабочих и служащих", как это видно из названия, вновь носящее ярко выраженный социальный характер. В нем отмечалось, что "рост колхозного и совхозного производства и увеличение, в связи с этим, объема заготовок... за счет колхозов и совхозов позволили государству еще в 1953 г. значительно снизить нормы обязательных поставок... продуктов хозяйствами колхозников... а теперь имеется возможность полностью освободить эти хозяйства от обязательных поставок государству всех продуктов... Это, несомненно, улучшит материальное благосостояние колхозного крестьянства..."⁸⁵ Постановление вступило в силу с 1 января 1958 г.

Необходимо отметить, что постановление от 4 июля 1957 г. содержало достаточно романтический и амбициозный "постскрипtum", полный необычайного оптимизма: "ЦК КПСС и СМ СССР с удовлетворением отмечают, что призывы передовых колхозов... развернуть социалистическое соревнование за получение на 100 га сельскохозяйственных угодий по 100 и более центнеров мяса и по 400 и более центнеров молока с тем, чтобы в ближайшие годы догнать США по производству продуктов животноводства на душу населения, встретили поддержку и одобрение всего советского народа. Нет сомнения в том, что эта задача будет выполнена. Возможности у нас для этого имеются, надо только правильно их использовать"⁸⁶.

Однако огромные трудности, возникшие в достижении указанной цели, а, кроме того, проведение и других кампаний – "кукурузной", "целинной", создание совнархозов, реформы МТС, разделение КПСС на две части – аграрную и промышленную и прочих головокружительных шагов, в немалой степени способствовали падению популярности внутривластного курса Н.С. Хрущева, в том числе и аграрного, и привели к обвинению его в "волюнтаризме" с последующей отставкой в октябре 1964 г. Д. Боффа отмечает, что к этому времени "его популярность резко упала во всех слоях общества"⁸⁷. Политической элите СССР стала очевидна бесперспективность большинства реализованных по инициативе Н.С. Хрущева мероприятий. В широких же слоях населения все более возникало ощущение недостижимости высоких социальных

ожиданий, удовлетворить которые в короткий срок было невозможно. Л.Н. Денисова также указывает на то, что "оживление экономической и социальной жизни общества и в том числе деревни, проявившееся в течение второй половины 50-х гг., сменилось спадом основных социально-экономических показателей и моральным дискомфортом большинства населения"⁸⁸.

С 1 января 1958 г. отменялась прежняя система реализации колхозной продукции, согласно закону от 28 сентября 1957 г. "О признании утратившими силу постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР и решений правительства СССР по вопросам обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов государству"⁸⁹. В июле 1958 г., в связи с реформой МТС, была отменена и натуроплата за их услуги. Таким образом, многоступенчатость заготовок, при которой на один и тот же вид произведенной продукции назначалась разная цена, в зависимости от канала поставки, была отменена с переходом на единую систему государственных закупок.

Краткосрочные и долгосрочные последствия этих мер в развитии как аграрной подсистемы, так и всей советской экономики были весьма значительны. С одной стороны, хозяйства колхозов вновь должны были получить увеличение финансовых поступлений, которые позволили бы им существенно укрепить свою экономику. С другой стороны, государство в один момент лишалось источника очень дешевой аграрной продукции как от колхозов, так и от индивидуальных хозяйств колхозников. Чтобы восполнить потерю, теперь необходимо было выделять на ее покупку гораздо большие средства, что не могло не создать напряжение в союзном бюджете.

Но артели не только не успели воспользоваться плодами роста своих доходов, но и должны были пожертвовать своими накоплениями за все предыдущие годы. Принятый Верховным Советом СССР 31 марта 1958 г. закон "О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации МТС"⁹⁰ заставляет усомниться в концептуальной последовательности реформ, проводившихся с 1953 г. В силу резкого изменения отношений государства и колхозов, а также множества негативных последствий для них обоих, этот шаг можно расценить не иначе как крупнейшую контрреформу по отношению ко всем предыдущим мерам, направленным на оказание помощи колхозному производству. Закон утверждал, что в целях "успешного решения задач коммунистического строительства" и с "единодушного одобрения и поддержки колхозного крестьянства, рабочего класса, интеллигенции и всего советского народа" следует "реорганизовать МТС в РТС. Тракторы, комбайны и другие сельскохозяйственные машины, принадлежащие МТС, продавать

колхозам... Колхозам, не имеющим возможности сразу оплатить купленные ими тракторы и машины, предоставлять в рассрочку в зависимости от их экономического состояния. Продавать, начиная с 1958 г., колхозам и совхозам новые тракторы, комбайны и другие сельскохозяйственные машины... Деятельность РТС осуществлять на основе хозяйственного расчета”⁹¹.

Тем самым в корне был изменен статус колхозно-кооперативной собственности. Колхозы становились непосредственными владельцами ключевой части основных средств производства – всей сельскохозяйственной техники. Безусловно, до этого артели были владельцами основных средств производства – зданий, техники, скота. Однако, в конечном счете, не только они определяли судьбу сельского хозяйства, а решали его также мощная техника и земля. Реформа снимала прямую ответственность с государства за дело развития механизации колхозного производства. В результате колхозы оказались один на один с этой сложной проблемой. К концу 1958 г. основные средства производства МТС Коми АССР сократились на 24 млн руб.⁹²

На наш взгляд, краткосрочные последствия реформы МТС для государства были чрезвычайно выгодными. МТС снимались с баланса государственного бюджета. Расходы на покупку, эксплуатацию и ремонт машин несли теперь сами колхозы. Кроме того, государство от данной “приватизации” получало значительную сумму, в некоторой степени компенсировавшую ранее сделанные затраты на подъем сельскохозяйственного производства. Но это было явно не в интересах колхозов. В результате покупки сельхозтехники артели лишались всех сделанных накоплений от государственных инвестиций прошлых лет. Расходы на технику не могли быть покрыты силами самих хозяйств. При этом с 1958 г. государственные цены на машины и запчасти к ним были повышены, а закупочные – на продукцию колхозов, впервые с 1953 г. несколько занижены. Все это в крайней степени обременяло финансовое состояние коллективных хозяйств. Резкий рост производственных затрат обусловил увеличение себестоимости аграрной продукции. Доходность колхозного производства вновь, как и до 1953 г., резко устремилась за черту рентабельности. Заново встал вопрос о шансах колхозной системы на перспективное развитие.

Долгосрочные последствия для государства также были негативными. В условиях несравненно большей хозяйственной самостоятельности колхозов, при резком снижении внутренних экономических стимулов к производству, артели были вынуждены сокращать объем выпуска своей продукции. Отток населения, а значит и трудовых ресурсов из деревни, вновь стал приобретать широкий масштаб. Все это и привело к необходимости свертывания кол-

хозной системы и замены ее на совхозное производство в конце 1960 – начале 1970-х годов. Необходимо отметить, что эти и другие подобного рода опасения были открыто высказаны некоторыми руководителями государства: Г.М. Маленковым, В.М. Молотовым, Л.М. Кагановичем, Н.А. Булганиным, К.Е. Ворошиловым и др. Однако попытка в июне 1957 г. сместить Н.С. Хрущева с поста Первого секретаря КПСС закончилась провалом. “Члены антипартийной группы” (Маленков, Молотов, Каганович и Шепилов), обвиненные во фракционной деятельности, были сняты со своих постов и удалены из всех руководящих органов.

Тем не менее, исходя из интересов сельскохозяйственной отрасли советской экономики, аграрную политику с сентября 1953 до марта 1958 г. можно оценить как положительно повлиявшую на развитие и укрепление колхозного строя в СССР. Принимаемые меры, в массе своей, носили социально направленный характер, принимались в интересах экономики колхозов, колхозного крестьянства, деревни в целом. Они позволили смягчить ужасающие последствия социально-экономического кризиса в деревне второй половины 1940–начала 1950-х годов, вызванного политикой “реставрации” довоенных методов управления сельским хозяйством в СССР. К сожалению, столь положительные тенденции не были должным образом закреплены, а ряд последующих концептуальных ошибок свел их на нет. С середины 1960-х годов вынужденный перевод колхозов в совхозы приобрел характер массовой кампании. В 1973 г. колхозный сектор в сельском хозяйстве Коми АССР был окончательно ликвидирован⁹³.

Хозяйственное развитие колхозов

Современный монополистический капитализм требует не средней прибыли, а максимума прибыли, необходимого для того, чтобы осуществлять более или менее регулярно расширенное воспроизводство... У нас, наоборот, крупные зерновые хозяйства, являющиеся вместе с тем государственными хозяйствами, не нуждаются для своего развития ни в максимуме прибыли, ни в средней норме прибыли, а могут ограничиваться минимумом прибыли, а иногда обходятся и без всякой прибыли⁹⁴.

И.В. Сталин

Известно, что природно-географический фактор является одним из определяющих в развитии сельского хозяйства, поэтому следует привести некоторые данные, характеризующие климатические условия Коми АССР. Автономная Советская Социалисти-

ческая Республика Коми (ныне – Республика Коми) была расположена на крайнем северо-востоке европейской территории СССР (ныне – бывшей его части – Российской Федерации). На западе она граничит с Архангельской областью, на севере – с входящим в эту область Ненецким Автономным Округом, на юге – с Кировской и Пермской областями и с входящим в последнюю Коми-Пермяцким Национальным Округом. На востоке граница Коми АССР пролегла по Уралу, который отделял ее от Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского Национальных Округов и Свердловской области. Республика Коми занимает значительную площадь – 411,5 тыс. кв. км. Самая южная ее точка расположена на 59° с.ш., а самая северная за Полярным кругом – на 68° с.ш.⁹⁵ Территория ее вытянута с юга на север более чем на 1,2 тыс. км, поэтому природные условия весьма неоднородны. Климат отличается значительной суровостью и континентальностью, возрастающими к северу и востоку. На севере республики – вечная мерзлота. В южной части среднегодовая температура равна плюс 0,3–0,6 °С, осадков выпадает 500–550 мм в год. На севере лето умеренно-холодное, среднегодовая температура равна минус 4–5°, осадков выпадает около 400 мм в год. Вегетационный период продолжается от четырех месяцев на юге до полутора – на севере. Теплый период неустойчив, возможны заморозки. Все это обуславливает рискованность земледелия в данных условиях⁹⁶.

Несмотря на то что сельское хозяйство является наиболее зависимой от погодных условий отраслью экономики, не стоит абсолютизировать влияние данного фактора. В рамках потенциально возможного, определенного природой, всегда имеется достаточно широкий спектр практически достижимого. Иными словами, конкретные результаты сельскохозяйственной (как впрочем и любой другой) деятельности зависят во многом от экономического потенциала субъекта хозяйствования, уровня развития его производительных сил, обусловленного степенью эффективности практикуемого способа производства в конкретных социально-экономических условиях.

В рассматриваемый период в советской деревне, безусловно, доминировал колхозный способ производства, созданный в начале 1930-х годов и вновь обретший после войны свою классическую форму. Как отмечалось в предыдущем параграфе, он характеризовался тем, что субъекты хозяйствования – колхозы и колхозники – находились в прямом подчинении государству, которое, путем установления имевших силу закона плановых заданий, руководило их развитием. При этом производители аграрной продукции не могли рассчитывать на прямую финансовую помощь из государственного бюджета (за исключением некоторого объема

денежных и натуральных ссуд), осуществляя воспроизводство собственными силами. Установленные государством заготовительные и закупочные цены на молоко, масло, мясо, зерно и т.п. были очень низкими и не покрывали стоимость производства. В силу этого государственные поставки приобретали характер натурального налога и служили методом эксплуатации колхозной деревни со стороны государства. Это подрывало экономику коллективных хозяйств. В результате, во второй половине 1940 – начале 1950 годов аграрная подсистема советского общества приобретала все более ярко выраженные черты кризисного развития, угрожая общегосударственным интересам.

Следует отметить, что все вышеперечисленные факторы развития аграрной подсистемы СССР были в полной мере характерны и для Коми АССР. К концу Великой Отечественной войны перед республикой, как и перед государством в целом, встала задача восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства. В целях ее решения на VII сессии Верховного Совета Коми АССР 29 августа 1946 г. был утвержден подготовленный Госпланом и принятый Советом Министров республики “Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства Коми АССР на 1946–1950 гг.”⁹⁷ Данный документ, в соответствии с подобными по РСФСР и СССР, представлял собой развернутую программу развития экономики и культуры первых пяти послевоенных лет.

Необходимо отметить, что приоритеты развития народного хозяйства, согласно Закону, были не в пользу деревни. В тексте недвусмысленно указывалось на первоочередность восстановления и развития промышленности⁹⁸. Данное положение следовало понимать так, что политика на изъятие ресурсов из деревни и “перекачку” их в другие сектора экономики, характерная для 1930-х годов, будет продолжена и в дальнейшем. После окончания войны аграрный сектор вновь должен был стать одним из важнейших источников экономического роста советской экономики⁹⁹.

В то же время итоговые директивные показатели роста сельского хозяйства республики были установлены на достаточно высоком уровне, превосходящем довоенный. К концу пятилетки планировалось увеличить уровень производства продукции сельского хозяйства Коми АССР, как и СССР, на 27%¹⁰⁰. Для этого необходимо было расширить посевные площади в 1950 г. на 23,1% против 1940 г. (в целом по колхозам СССР – на 32%)¹⁰¹, повысить валовой сбор зерна на 19,5%, картофеля – в 1,5 раза, овощей – в 7,5 раз больше, чем в 1940 г. В области животноводства намечалось увеличить поголовье крупного рогатого скота на

35,4% (по колхозам СССР – на 62%)¹⁰², лошадей – на 36,2, овец – на 21,4, свиней – на 51,5%.

Особое внимание государство уделяло вопросу подведения под аграрное производство современной индустриальной основы. В связи с этим намечалось существенно улучшить материально-техническую базу сельского хозяйства: увеличить за пятилетие тракторный парк МТС (в переводе на 15-сильные) на 125 единиц, а также пополнить парк комбайнов, прицепных сельскохозяйственных машин и автотранспорта. Были определены значительные объемы работ по электрификации сел, машинно-тракторных станций, колхозов. За четвертую пятилетку (1946–1950) планировалось построить и ввести в эксплуатацию сельских электростанций общей мощностью около 1900 кВт · ч, электрифицировать все МТС и свыше 200 колхозов, районные центры¹⁰³. К сожалению, данные показатели работ не были подкреплены должным экономическим обеспечением со стороны государства. Сами же коллективные хозяйства в решении этих задач были вынуждены опираться только на свои силы, которых было явно недостаточно.

Экономическое состояние колхозов Коми АССР к моменту окончания войны, как уже было показано в первом параграфе настоящей главы, оставляло желать лучшего. Производство и сбыт произведенной продукции приносили убытки, хозяйство истощалось, материальное стимулирование колхозников не обеспечивалось. Итоговые производственные показатели не соответствовали изначальным плановым заданиям. Вплоть до 1953 г. уровень развития экономики большинства колхозов республики не только оставался невысоким, но и ухудшался.

Ведущей отраслью сельского хозяйства в республике являлось животноводство. В условиях Коми АССР оно разделялось на две категории: скотоводство обычного характера и оленеводство. Животноводство было, прежде всего, сосредоточено в северных районах республики, где было в наличии почти все поголовье оленей и значительная часть крупного рогатого скота. В целом, за послевоенный дореформенный период поголовье продуктивного скота в общественном стаде колхозов росло достаточно интенсивно. Так, за 1946–1952 гг. количество крупного рогатого скота прибавилось с 72,2 тыс. голов до 77,8 тыс., свиней – с 8,2 тыс. до 10,4 тыс., птицы – с 13,3 тыс. до 40,2 тыс., оленей – со 104,4 тыс. до 125,2 тыс., соответственно (Прил., табл. 12). Огромную роль в данной позитивной динамике сыграла государственная кампания по подъему колхозного животноводства. 18 апреля 1949 г. Совет Министров СССР и ЦК ВКП (б) приняли трехлетний план развития общественного колхозного и совхозного животноводства на 1949–1951 гг. в целях разрешения неблагополуч-

ной ситуации, сложившейся в данной отрасли к концу четвертой пятилетки. Постановление предусматривало значительный рост поголовья и продуктивности всех видов скота по сравнению с 1940 г. В соответствии с этими установками на VI пленуме Коми областного комитета ВКП (б) в июне 1949 г. были разработаны мероприятия по развитию животноводства в республике. Намечались повышение продуктивности скота, рост поголовья, улучшение племенной работы, развертывание строительства животноводческих помещений, увеличение заготовки кормов, усиление мер морального и материального стимулирования колхозников.

Специфика руководства колхозами тех лет заключалась в том, что плановые задания, как правило, были весьма высокими, зачастую невыполнимыми. Цель такой политики – добиться от производителей возможно большего. Колхозам Коми АССР предъявлялись к исполнению сверхвысокие, форсированные темпы подъема животноводства, которые они не в состоянии были выполнить. Всего за три года они должны были увеличить поголовье крупного рогатого скота на 35%, в том числе коров на 61, овец на 26, свиней на 41%, птиц – почти в 9 раз¹⁰⁴. При этом кормовая база оставалась прежней. Однако сам процесс борьбы за достижение намеченных показателей сыграл положительную роль – значительно возросло поголовье скота.

Наряду с этим, рассматриваемая отрасль аграрного производства испытывала и огромные трудности. Структура колхозного стада крупного рогатого скота была некачественной. Удельный вес коров в нем, будучи весьма низким, за годы четвертой пятилетки значительно сократился, с 37,6% в 1946 г. до 32,4% в 1950 г. (Прил., табл. 18). Несмотря на то что к 1952 г. доля коров в стаде возросла до 38,4%, этого было недостаточно, так как хорошим показателем считалось наличие не менее 50–60% коров. Ежегодно оставалась высокой яловость маточного поголовья крупного рогатого скота. Тем не менее в колхозах республики был замечен рост объемов валового выпуска продуктов животноводства. Так, производство мяса всех видов в убойном весе в 1946 г. составило 1,2 тыс. т, а в 1953 г. – 3,5 тыс., шерсти, соответственно, 454 и 552 ц, куриных яиц – 374 тыс. и 650 тыс. шт. Но валовое производство молока сократилось с 21,5 млн л в 1946 г. до 20,8 млн в 1953 г. (Прил., табл. 14). Основной причиной этому служил хронический недостаток кормов.

Как известно, наибольшей продуктивностью обладает породный скот. Например, метизация местного крупного рогатого скота холмогорской породой давала прекрасные результаты. По данным Печорской сельскохозяйственной опытной станции до скрещивания скот имел недостаточную продуктивность и низкий

живой вес. Если местные телята при рождении имели живой вес 22,3 кг, то метисы весили от 27 до 34,5 кг. Телята 12-месячного возраста имели живой вес 146 кг, а метисы – от 169 до 243 кг. Еще более убедительная картина получалась при сравнении живого веса коров. Так, например, первотелки имели живой вес 268 кг, а метисы – 398. Если первотелки местной породы давали в среднем 862 л молока в год, то от метисных коров надаивали от 1260 до 3809 л. Метисы показывали лучшие надои. Так, чтобы получить один литр молока от местной коровы затрачивалось 1,4 кг кормовых единиц, а у метисов – только 0,89¹⁰⁵.

Однако колхозы не в состоянии были обеспечить необходимые условия содержания породных животных. Это приводило к сокращению их численности. Так, поголовье породного крупного рогатого скота в колхозах уменьшилось в 1953 г. до 55,4 тыс., против 64,5 тыс. в 1950 г., коров – до 23,5 тыс., против 24,1 тыс., овец – до 25,9 тыс. против 28,2 тыс. Количество породных свиней за тот же период осталось неизменным – 6,7 тыс. голов. Однако за счет сокращения общего поголовья удельный вес всех видов породного скота в общественном стаде существенно возрос и составил в 1953 г. по крупному рогатому скоту 83%, по коровам – 85, по свиньям – 72, по овцам – 64, против, соответственно 69, 75, 62 и 50% в 1950 г. (Прил., табл. 13).

Несмотря на это ситуация с продуктивностью колхозного животноводства в послевоенный дореформенный период (1946–1953) оставалась довольно тяжелой. Среднегодовой удой молока на одну фуражную корову не только был чрезвычайно низким, но и сократился к 1952 г. до небывало малой величины – 647 л., против 751 л в 1946 г. Такой удой колхозники иронично именовали “козьим”. Средний настриг шерсти на одну овцу в 1952 г. составлял 0,757 кг, против 0,920 кг в 1946 г. Продуктивность птицы также заметно сократилась. Если в 1946 г. от одной курицы несушки было получено 29 яиц, то в 1952 г. – только 18 (Прил., табл. 17). Главная причина столь низкой продуктивности животноводства заключалась в хроническом недостатке кормов.

Ведущая отрасль сельского хозяйства Коми АССР кормами была обеспечена плохо. Естественные кормовые угодья были основой кормовой базы животноводства республики. В рассматриваемые годы полеводство давало не более 10% всех добываемых кормов. Следует отметить, что за годы войны часть естественных кормовых угодий была заброшена и выведена из сельскохозяйственного оборота. В среднем на каждые 100 га пашни колхозов приходилось 322 га естественных кормовых угодий, в том числе 269 га сенокосов. Естественных сенокосов на одну переводную голову крупного рогатого скота в коллективных хозяйствах при-

ходилось 2,2 га, при их средней продуктивности в 8–9 ц с га. Таким образом, потенциально на одну переводную голову могло быть получено не более 17–19 ц сена. В действительности все обстояло несколько сложнее. Значительная площадь сенокосов из года в год оставалась в колхозах необранной в силу нехватки рабочих рук, неблагоприятных погодных условий, заболоченности и закустаренности земель. Например, в колхозе им. Калинина Сыктывдинского района из 1 тыс. 200 га числившихся по земельному балансу сенокосов, 700 га составляли трудно выкашиваемые (даже вручную) болота. В колхозе “Сталинец” того же района на болота приходилось 50% из 2 тыс. 400 га сенокосов, в артели им. Ленина Помоздинского района – 60%¹⁰⁶. Оставались велики потери сена при уборке, перевозке, хранении и скармливании. Кроме того, 10% сена распределялось между колхозниками при его уборке на трудодни и 5% – в конце хозяйственного года. Все это приводило к тому, что в колхозах на одну голову, с учетом широко практиковавшихся добавок в виде соломы, хвой и веток, реально приходилось не более 9–10 ц кормов, что составляло только половину от установленных норм обеспечения скота одними грубыми кормами.

Исключительно тяжелое положение складывалось в республике и с пастбищными угодьями. При весьма низкой продуктивности имевшихся пастбищ (лесных и суходольных) на одну переводную голову крупного рогатого скота требовалось 2,5–3 га, а фактически имелось только 0,4¹⁰⁷.

В лучшем положении (в плане кормодобывания) находились колхозы северных районов Коми АССР, так как там в долинах р. Печоры, Цильмы, Ижмы, Усы были расположены высокопродуктивные заливные луга. Они составляли достаточно прочную кормовую базу для развития животноводства. В средней и южной зонах республики природные условия были более благоприятными для земледелия. В то же время небольшие площади заливных лугов при слабом развитии полевого кормодобывания сдерживали возможности развития животноводства. Однако следует заметить, что такая специализация сельского хозяйства являлась относительной и верна только в отношении крупных регионов республики. В силу сложившейся в рассматриваемый период политэкономической доктрины, специализация колхозов не поощрялась, и большинство из них должны были оставаться многоотраслевыми хозяйствами, несмотря на все негативные факторы объективного характера.

В 1955 г., в рамках общесоюзной кампании, с целью решить проблему кормовой базы для развития животноводства, на площади 4,8 тыс. га в Коми АССР была посеяна новая для республики

культура – кукуруза¹⁰⁸. Даже в районах Крайнего Севера под нее было отведено 110 га¹⁰⁹. В 1956 г. площадь посевов под кукурузой составляла уже 6,8 тыс. га, в 1957 г. – 8,7. Но из-за очевидной непри приспособленности к северным условиям в последующие годы эти площади были сокращены почти наполовину. В колхозах Коми АССР кукуруза, как правило, не достигала даже молочно-восковой спелости, так как для ее созревания требовалось минимум 100 устойчиво теплых дней, чего, конечно, нельзя было ожидать от непродолжительного и достаточно прохладного северного лета, да еще при условии хронического затягивания полевых работ в колхозах. Стебли растения могли использоваться лишь как зеленая подкормка или в качестве силосной культуры, так же как и обычные травы, которые, к тому же, в северных условиях были более урожайными и требовали гораздо меньших трудовых и прочих затрат. Так, в 1955 г. урожайность зеленой массы кукурузы, убранной на силос, составила 6,3 ц с га, а трав естественных сенокосов – 7,7 ц с га., т.е. больше на 22,2%. Урожайность стеблей кукурузы, определенных на зеленую подкормку скоту, была и того меньше, всего 1,4 ц с га¹¹⁰. Все это лишало возделывание кукурузы в республике хозяйственной целесообразности.

Резкий рост поголовья колхозного скота в результате кампании 1949–1951 гг. при узости кормовой базы и неэффективности ее использования привел к тому, что в послевоенный дореформенный период ситуация с кормами резко ухудшилась. Например, если в стойловый период 1946 г. общественный скот был обеспечен грубыми кормами в среднем по республике на 61,1%, а сочными – на 50,9 от научно определенных норм, то в период 1952–1953 гг. – только, соответственно, на 51,7% и 24,8 (Прил., табл. 21). За три года кампании на приобретение кормов колхозами республики было израсходовано в 1949 г. 7751,6 тыс. руб., в 1950 г. – 6685 тыс., в 1951 г. – 6075 тыс., всего 20,5 млн руб.¹¹¹ Однако это не помогло решить проблему. Кормов не хватало и это приводило к тому, что весной на колхозных фермах наступала бескормица. Увеличивался падеж скота. Так, только за четыре месяца 1952 г. в артелях республики пало: лошадей – 912 голов, крупного рогатого скота – 4723, свиней – 1847, овец – 8635, а всего – 16 117 голов¹¹². Зачастую колхозникам приходилось подвизываться к потолку голодный скот, еле стоящий на ногах. Это делалось с той целью, чтобы не позволить ослабевшему животному лечь на пол, так как, в противном случае, выводить и спасти его в дальнейшем было уже невозможно.

Большие затруднения испытывали и с помещениями для содержания животных. Их строительство было затруднено тем, что в колхозах ощущался острый недостаток в строительных матери-

алах. В продаже не хватало гвоздей, стекла, цемента, шифера и т.п. В связи с этим у партийно-хозяйственных органов вызывала нарекания работа сельской потребкооперации¹¹³. Тем не менее в период 1946–1953 гг. ситуация с содержанием скота несколько улучшилась. При этом общее количество всех типов животноводческих построек сокращалось, но одновременно их вместимость возросла. Так, за указанный период число конюшен уменьшилось с 1166 построек до 1086, однако их вместимость возросла с 29 тыс. скотомест до 32 тыс. (Прил., табл. 22). Аналогичная ситуация прослеживалась и с коровниками, телятниками, свиноводческими, овчарнями. Но следует отметить, что типовые постройки составляли меньшинство. Большая же часть данных сооружений представляла собой непри приспособленные, сырые и холодные помещения. Среди причин “непроизводительного отхода скота” чаще всего фигурировали так называемые “незаразные заболевания”, т.е. попросту, голод и холод.

В 1948 г. областной комитет партии отмечал, что “состояние ветеринарного дела в колхозах Коми АССР неудовлетворительно ... лечебная и профилактическая работа находится на низком уровне, зооветеринарные правила грубо нарушаются и все это приводит к значительному отходу животных... многие ветлечебные помещения в республике находятся в запущенном состоянии, плохо оборудованы и не имеют необходимых медикаментов... в результате за последние годы резко увеличилось количество инвазионных и незаразных болезней”¹¹⁴. Скудный рацион кормления, непри приспособленность помещений для скота приводили к тому, что за зиму скот терял упитанность, увеличивался непроизводительный отход. Значительная часть общественного скота вынужденно содержалась во дворах колхозников, что приводило к неизбежному расхищению кормов.

Таким образом, развитие колхозного животноводства в период 1946–1953 гг. не было успешным. В нем преобладали противоречивые тенденции. С одной стороны, наблюдался рост общественного стада, увеличение валового производства продуктов животноводства, с другой – падала продуктивность скота, ухудшалось его качество. Низкие государственные заготовительные цены на продукты животноводства не стимулировали производство, вели к убыткам. Политика форсированного увеличения поголовья артельного скота не была подкреплена ни ресурсными возможностями колхозов, ни должной финансовой поддержкой со стороны государства. Главным стимулом экономической активности артелей оставался административный нажим.

Важной особенностью оценки экономического состояния колхозного производства после 1953 г. было то, что государст-

венные органы власти и официальная печать стали уделять серьезное внимание на относительные показатели – выход валовой продукции на единицу земельной площади. Раньше основным критерием успешного развития служили лишь валовые показатели. Однако производство продукции животноводства в колхозах на 100 га сельскохозяйственных угодий, несмотря на некоторый рост, оставалось достаточно низким. Так, по мясу оно составляло в 1953 г. 9,4 ц, в 1954 г. – 11,7. Выход молока на 100 га пашни был на уровне 56,9 и 79,5 ц (Прил., табл. 26). Такой относительно высокий рост показателей во многом был обусловлен сокращением земельной площади под пашню. На 100 га посева зерновых в колхозах было получено яиц в 1953 г. 1,2 тыс. штук, а в 1954 г. – 1,7 тыс. Наиболее высокие показатели по выходу продукции на 100 га сельскохозяйственных угодий имелись в колхозах северных районов: Интинском, Усть-Усинском, Ижемском и Усть-Цилемском. Наиболее низкие – в Летском, Койгородском, Сыктывдинском, Усть-Куломском. Главную роль здесь играла прочность кормовой базы колхозов северных районов Коми АССР, наличие у них высокоурожайных заливных лугов бассейнов р. Усы и Печоры.

К концу рассматриваемого периода в повышении продуктивности животноводства республики был сделан весьма существенный шаг вперед. Средний годовой удой на одну фуражную корову по колхозам вырос до 1511 л в 1958 г., вместо 747 л в 1946 г., или более чем в 2 раза. Производство молока на 100 га сельскохозяйственных угодий увеличилось в 2,7 раза и составило в 1958 г. 141 ц, а в 30 передовых колхозах – свыше 260 ц. В 1956 г. колхозы Коми АССР сдали государству 250 тыс. ц, тогда как в 1953 г. весь валовой надой составил 208 тыс. 372 ц¹¹⁵. В 1958 г. заготовки молока в колхозах республики увеличились в 2,3 раза, заготовки мяса – на 89%, по сравнению с 1953 г. (Прил., табл. 25). Это были действительно блестящие результаты за такой короткий промежуток времени.

Несколько улучшилось положение дел с кормами в животноводстве. Производство кормовых культур возросло за это время почти в 2 раза, заготовка силоса – более чем в 3 раза. Кроме того, во второй половине 1950-х годов на улучшении ситуации с обеспечением животных кормами сказалось и некоторое сокращение поголовья колхозного стада. В результате, на стойловый период 1957–1958 гг. уровень обеспеченности кормами артельного животноводства был следующим: грубыми кормами – на 80% от нормы, сочными – на 54, концентрированными – на 40 (Прил., табл. 21). Это были лучшие показатели за весь рассматриваемый период и положительные сдвиги в этом вопросе нельзя не отме-

тить. Однако приведенные данные, конечно, не позволяют говорить о полном решении проблемы с кормами. Во второй половине 1950-х годов в колхозах республики ежегодно недоставало 35–50 тыс. т грубых кормов и 100–110 тыс. т сочных. В сельхозартелях не хватало силосных сооружений на 108 тыс. т. Особенно острый дефицит ощущался в сочных и концентрированных кормах¹¹⁶. В 1957 г. газета “Красное Знамя” отмечала, что во многих колхозах скот до сих пор “держится на голодном пайке”¹¹⁷.

Улучшение рациона животных и условий содержания не замедлило сказаться на росте их продуктивности. Следует отметить, что во второй половине 1950-х годов показатели продуктивности колхозного животноводства росли высокими темпами. Однако только к 1954 и 1955 гг. надой молока и настриг шерсти, соответственно, превысили довоенный уровень. Так, средний удой молока по артелям республики составил в 1954 г. 1061 л против 850 в 1940 г. и 814 л в 1953 г. Настриг шерсти на одну овцу вырос с 1,44 кг в 1940 г. до 1,544 в 1955 г. Средняя яйценоскость кур в колхозах в 1958 г. составила 43,4 яйца, против 18 в 1952 г. и 29 в 1946 г. Возросло количество поросят, получаемых от одной свиноматки, с 8 в 1952 г. до 11,9 голов в 1958 г. (Прил., табл. 17). Значительно улучшился и качественный состав поголовья крупного рогатого скота. Средний удельный вес коров в нем в 1956–1959 гг. составил 51,9%, против 37,6% в 1946 г., что было близко к оптимальному соотношению (Прил., табл. 18).

Повышение продуктивности колхозного стада способствовало росту валового производства животноводческой продукции. В 1958 г. артели Коми АССР произвели в убойном весе 5,4 тыс. т мяса и сала, против 3,5 тыс. т в 1953 г. (рост на 54,3%) и 1,2 тыс. т в 1946 г. (рост в 4,5 раза). Это был несомненный прогресс. В структуре производства мяса доминировала говядина. Например, в 1956 г. ее доля в общем валовом производстве составляла 66%, 21% приходился на оленину, 10 – на свинину, 3 – на баранину¹¹⁸, а в 1958 г., соответственно, – 74,2, 6,6, 15,1 и 4%¹¹⁹. Валовой выпуск молока в коллективных хозяйствах также значительно возрос. В 1958 г. в колхозах было произведено 50,1 млн л молока, против 20,7 млн в 1953 г. (рост в 2,4 раза) и 21,5 млн в 1946 г. (рост в 2,3 раза) (Прил., табл. 14). В 1958 г. колхозы продали государству 37,8 тыс. т молока, вместо 17 тыс. в 1940 г.

Необходимо отметить, что такие успехи были обусловлены, с одной стороны, повышением доходности от животноводства после 1953 г., с другой – значительным административным давлением на коллективные хозяйства, принявшего форму “всемирного движения” за экономическое соревнование с аграрными производителями США.

Положение же таких отраслей, как овцеводство и птицеводство, ухудшилось. В 1958 г. сельхозартели республики произвели 463 ц овечьей шерсти, против 643 ц в 1950 г. (снижение на 28%). Сократилось более существенно и производство яиц. Так, в 1958 г. валовой выпуск яиц составил 244 тыс. шт., против 650 тыс. в 1953 г. (убыль в 2,7 раза)¹²⁰. Колхозы стремились сократить выпуск продуктов овцеводства и птицеводства, так как государственные закупочные цены не возмещали затраты на их производство. В 1958 г. каждый произведенный центнер баранины в среднем приносил убыток в 400 руб., а каждая тысяча яиц – в 900 руб. Производство молока и остальных видов мяса в 1958 г. в среднем по колхозам Коми АССР было рентабельным¹²¹. В том году артели получили чистой прибыли на каждом центнере: молока – 15 руб., мяса – 120 руб.¹²²

Наряду с достижениями необходимо все же отметить и негативные моменты. Так, поголовье общественного стада в колхозах значительно сократилось. Показатели улучшились только по количеству коров и свиней. Число коров в сельскохозяйственных артелях Коми АССР увеличилось с 27,2 тыс. голов в 1946 г., до 32,6 тыс. в 1958 г., а общая численность колхозного стада уменьшилась, соответственно, с 72,5 тыс. голов до 65,0 тыс. Поголовье свиней выросло с 8,2 тыс. голов в 1946 г. до 14,5 тыс. в 1958 г., однако число свиноматок осталось практически неизменным. Поголовье овец, при этом, достигнув своего пика в 1950 г. в 69,6 тыс. голов, также значительно снизилось – с 50,2 тыс. в 1946 г. до 30,9 тыс. в 1958 г. (на 38,5%). Значительно сократились в рассматриваемый период и численность птицы – на 38,9%, оленей – на 29,4, лошадей – на 28,2% (Прил., табл. 12).

Таким образом, со второй половины 1950-х годов животноводство колхозов республики в результате проводимых реформ получило значительное развитие. Увеличилась продуктивность животных, улучшились показатели на единицу земельной площади. Однако так и не была разрешена проблема кормовой базы, шло сокращение абсолютной численности скота. Некоторые отрасли животноводства, такие, как овцеводство и птицеводство, находились в упадке. Многие колхозы сознательно шли на ликвидацию овце- и птицепоголовья, поскольку в условиях республики они были крайне убыточными.

Второй важнейшей отраслью сельского хозяйства Коми АССР было полеводство, игравшее, по сравнению с животноводством, подчиненную роль. В рассматриваемый период площадь сельскохозяйственных угодий (т.е. использовавшихся под пашню, луга и пастбища) в Коми АССР составляла всего 1,4% от всей ее территории. В южных районах их удельный вес был

равен 3,7%, в северных – 0,5%. В сельскохозяйственном отношении почвы Коми АССР были малопродуктивными, занимали 0,3% пахотных земель от всей площади республики. Наиболее слабо была освоена ее северная часть, где под пашню использовалось менее 0,1% территории, в южной и центральной частях распаивалось 0,7%. Пахотные угодья располагались, как правило, вблизи населенных пунктов на коренных берегах крупных рек, покрытых почвами подзолистого типа. Природное плодородие данного вида почв весьма низкое. Распашка, не сопровождаемая приемами окультуривания, приводит к еще большему ухудшению свойств подзолистых почв. Однако достаточное внесение органических и минеральных удобрений, известкование делают их вполне пригодными для сельскохозяйственного использования¹²³.

Основными землепользователями в Коми АССР являлись колхозы. В 1945 г. им принадлежало 80,7% всей посевной площади, а в 1953 г. – 82,3%. В абсолютном выражении общее количество земли¹²⁴, которой располагали коллективные хозяйства к началу 1953 г., также несколько увеличилось, при том, что размер пашни сократился. В 1947 г. за колхозами в “бессрочное пользование” было закреплено 863,1 тыс. га всей земли, в том числе 99,4 тыс. га пашни, к концу 1952 г. общая площадь земельных угодий возросла до 876 тыс. га, а размер пашни снизился до 89,1 тыс. га (Прил., табл. 1). Необходимо отметить, что стремление колхозов к сокращению обрабатываемой земли было объективно заложено в погектарном принципе исчисления обязательных поставок государству продуктов полеводства. В целях стимулирования колхозов к использованию максимума земли государство исчисляло величину зерновых поставок исходя из размеров пашни, установленных плановым заданием, вне зависимости от результатов его фактического выполнения.

К концу рассматриваемого периода все показатели землепользования колхозов ухудшились. Закрепленный за ними в бессрочное пользование земельный массив в 1958 г. составил 820,2 тыс. га, против 910,8 тыс. в 1948 г. (убыль на 9,9%). Сокращение произошло, прежде всего, за счет пашни и естественных сенокосов. В 1946 г. размер пашни (посев и пар) был равен 106,0 тыс. га, а в 1958 г. – 75,2 тыс. (убыль на 29,1%). Площадь под сенокосами также сократилась с 234,5 тыс. га в 1947 г. до 213,3 тыс. (на 9%) (Прил., табл. 1). Это произошло потому, что за период 1946–1953 гг. в колхозах были запущены большие площади ранее обрабатываемых земель. Так, например, в 1953 г. в Прилузском районе размер заброшенной пашни составлял 1 тыс. 535 га, в Сысольском – 1 тыс. 648, в Сыктывдинском – 1 тыс. 563, в Сторожев-

ском – 1 тыс. 014, а в Койгородском – 640 га (16% всех пахотных земель). Всего по Коми АССР на конец того же года было выведено из обработки 11 тыс. 835 га старопахотных земель¹²⁵. Кроме того, во второй половине 1950-х годов частично на основе хозяйств колхозов были образованы государственные аграрные предприятия – совхозы, и принадлежащие им земельные угодья были изъяты из колхозного фонда.

Анализ источников позволяет сделать вывод, что до 1953 г. в колхозном полеводстве преобладали негативные тенденции. Посевные площади сократились с 86,4 тыс. га в 1946 г. до 71,1 тыс. – в 1952 г., или на 17,7%. В 1958 г. размер посевных площадей колхозов Коми АССР еще более снизился – до 62,2 тыс. га, или на 28% по отношению к 1946 г. (Прил., табл. 4). Значительным образом изменилась и структура посевов. За период 1946–1958 гг. площадь под зерновыми культурами в колхозах резко сократилась с 62,3 тыс. га до 28,0 тыс. (в 2,2 раза). Удельный вес зерновых посевов в колхозах в 1958 г. составил 45%, против 72,1% в 1946 г., доля овощей, соответственно, – 1,4%, против 4,0%, картофеля – 8%, против 9,1%. Доля технических культур осталась неизменной – 0,6%. Но возросла доля посевов кормовых культур – с 14,1% в 1946 г. до 26,3% в 1957 г. (Прил., табл. 3). Это было вызвано тем, что колхозы Коми АССР во второй половине 1950-х годов были переориентированы на форсированное развитие животноводства, которое требовало усиления кормовой базы.

Важно отметить, что аграрные реформы 1950-х годов оказали гораздо меньше положительного влияния на колхозное полеводство в отличие от животноводства. На протяжении всего периода 1946–1958 гг. процесс производства полеводческой продукции приносил колхозам убыток. Государственные заготовительные цены не покрывали производственных затрат. Например, в 1948 г. стоимость одного килограмма закупаемых государством зерновых составляла всего 11 коп., картофеля – 5, овощей – 7 коп.¹²⁶ В 1953 г. цены были подняты лишь на картофель и овощи, соответственно, до 16 и 14 коп.¹²⁷ При этом себестоимость продуктов полеводства, производимых колхозами Коми АССР, оставалась весьма высокой. Так, в 1955 г. средняя себестоимость одного килограмма зерна составляла 2 руб.¹²⁸, картофеля – 60 коп.¹²⁹ Несмотря на то что рост цен был довольно значительным (в 2–3 раза), их итоговая величина оказалась крайне низкой. Даже в 1958 г., когда закупочная цена одного килограмма зерновых в колхозах была равна 70 коп., картофеля – 40, а овощей – 55 коп. (т.е. увеличилась по отношению к 1948 г. в 7–9 раз), колхозы, в среднем по республике, терпели убыток на каждом центнере: зерна – 140 руб., картофеля – 13, овощей – 122 руб.¹³⁰

Материальная незаинтересованность колхозов в производстве продуктов полеводства приводила к тому, что колхозы не прилагали должных усилий к развитию растениеводства. Урожайность основных сельскохозяйственных культур не только оставалась весьма низкой, но и имела тенденцию к сокращению. Так, средний сбор зерновых с одного гектара посева в колхозах Коми АССР составлял в 1953 г. лишь 3,6 ц, против 5,3 ц в 1946 г. В ходе реформ второй половины 1950-х годов средняя урожайность зерновых несколько возросла и составила в среднем за 1955–1958 гг. 6,5 ц с одного гектара посева. Урожайность картофеля также несколько повысилась, составив в 1958 г. 42,3 ц с га, против 30,2 в 1946 г. Наиболее нестабильной была урожайность овощей. В 1946 г. средний сбор с одного гектара посева был равен 28,0 ц, а в 1952 г. – только 8 (!). В 1957 г. она достигала 100,4 ц с га, а в 1958 г. – лишь 28,7. Необходимо отметить, что урожайность к 1952 г. значительно сократилась по сравнению с довоенным 1940 г.: зерновых – в 2,8 раза, картофеля – в 2,3, овощей – в 12,9¹³¹. Некоторый рост сборов с гектара посева во второй половине 1950-х годов был, несомненно, положительным явлением, однако он все еще весьма значительно отставал от уровня 1940 г. (Прил., табл. 9).

Естественным следствием значительного сокращения посевных площадей и невысокого роста урожайности стало то, что внушительному снижению подвергся и валовой сбор основных сельскохозяйственных культур. Общий оприходованный урожай зерновых в колхозах Коми АССР равнялся в 1946 г. 31,9 тыс. т, а в 1952 г. был собран небывало низкий за весь рассматриваемый период урожай – всего 17,6 тыс. т, меньше в 1,8 раза. В 1958 г. зерна в колхозах было собрано еще меньше – 14,4 тыс. т. Необходимо отметить, что даже в самые урожайные годы рассматриваемого периода (1948 г. – 39,7 тыс. т и 1950 г. – 35,3 тыс.), довоенный уровень сбора коллективными хозяйствами зерновых культур в 55,7 тыс. т (1940 г.) так и не был достигнут (Прил., табл. 9).

В связи с этим закономерным выглядит снижение трудового участия колхозников в данной отрасли. Так, если в 1946 г. в артелях насчитывалось 1 тыс. 450 полеводческих бригад, в которых работало 54 тыс. 063 человек, то в 1957 г. – только 610 бригад, состоявших из 32 тыс. 434 работника (Прил., табл. 21).

Кроме материальной незаинтересованности, другими причинами низкой урожайности и падения валовых сборов в колхозах Коми АССР являлись слабый уровень агротехники (плохое качество семян, внесение малого количества удобрений, затягивание сроков полевых работ)¹³², большие потери при уборке урожая, низкая энерговооруженность колхозов, недостаточный уровень

механизации. В первые послевоенные годы внесение удобрений, как органических, так и минеральных, в колхозах республики было совершенно недостаточным. Вывоз органики, применение минеральных удобрений в 1948 г. были ниже довоенного уровня. К 1958 г. ситуация несколько улучшилась. При некотором снижении вывоза на колхозные поля местных удобрений (с 593,3 тыс. т до 443,6 тыс. т), значительно увеличилось внесение торфа (с 12,2 тыс. т до 32,4 тыс. т), фосфоритных удобрений (с 0,2 тыс. ц до 22,6 тыс. ц), калийных (с 6,1 тыс. ц до 14,1 тыс. ц), азотных (с 0,2 тыс. ц до 9,9 тыс. ц.) (Прил., табл. 8). Только со второй половины 1950-х годов в колхозах стали проводиться работы по снижению высокой кислотности подзолистых почв путем добавки в них извести. Однако, несмотря на существенные позитивные сдвиги, уровень окультуренности почв оставался недостаточным. Так, например, в 1940 г. количество вносимых органических удобрений на 1 гектар пашни колхозов Коми АССР составляло 11,5 т, то в 1946 г. – уже 6,7 т, в 1950 г. – 5,4 т, в 1958 г. – 7,1 т¹³³. Однако по плановым нормам требовалось 20 т на 1 га посева зерновых и 30–40 т на 1 га овощных культур¹³⁴. Почв с повышенной кислотностью в 1957 г. насчитывалось более 50 тыс. га, а известь вносилась всего в трех районах республики на площади в 623 га (1,2%), и только половина ее принадлежала колхозам¹³⁵.

Чрезвычайно остро стояла в колхозах проблема обеспечения семенным материалом. Элитно-семеноводческий колхоз им. Маленкова в с. Пажга не обеспечивал семенами даже собственное хозяйство. Положение в других колхозах было не лучше. Так, если в 1954 г. в республику было завезено 374 т семян, то в 1956 г. – 3 тыс. 439 т, а в 1957 г. – 4 тыс. 400 т¹³⁶. Привозные семена, как правило, были не приспособлены к суровым северным условиям и малоэффективны.

Значительная часть работ в колхозах Коми республики, особенно в четвертой пятилетке (1946–1950), выполнялась с помощью конно-ручного труда. Интенсивное сокращение численности трудоспособных колхозников создавало нехватку рабочих рук, что, хотя и компенсировалось ростом энерговооруженности артелей, однако, было весьма серьезной проблемой. Если в 1948 г. на одного работавшего взрослого колхозника приходилось 2,18 га посевной площади, то в 1954 г. – уже 2,35 га (рост на 7,8%). Последующее сокращение посевных площадей привело к тому, что в 1958 г. нагрузка на одного трудоспособного снизилась до 1,91 га, что, однако, было на 70,5% выше уровня 1940 г. в 1,12 га (Прил., табл. 33). Это обуславливало наличие таких хронических недостатков, как чрезмерное затягивание сева и уборки урожая, нарушение других оптимальных условий агротехники. Но,

наиболее значительным и весьма прогрессивным явлением в развитии колхозного производства был существенный рост мощностей тракторного парка МТС республики, приходившихся на единицу земельной площади. Если с 1946 по 1950 г. тяговая мощность тракторов МТС в расчете на 100 га колхозных посевов увеличилась с 13,4 до 19,9 л.с. (на 48,5%), то за период с 1950 по 1958 г. – до 37,6 л.с. (рост в 1,9 раза к 1950 г.) (Прил., табл. 33).

Краеугольным камнем в послевоенном восстановлении сельского хозяйства была механизация. С ее помощью росла производительность труда в колхозах, снижалась острота нехватки рабочих рук. Всего в 1946 г. в сельском хозяйстве республики насчитывалось 617 тракторов¹³⁷, общей мощностью 12,6 тыс.л.с., 78 комбайнов, 70 грузовых автомашин. Собственно колхозы имели весьма незначительное количество различной сельскохозяйственной техники. Почти все основные машины и механизмы были сосредоточены в машинно-тракторных станциях, имевших статус государственных предприятий. Всего по Коми АССР в 1946 г. их насчитывалось 17. К началу рассматриваемого периода в МТС имелось 575 тракторов мощностью 11,6 тыс.л.с., 73 комбайна. Они обслуживали 413 колхозов из 673, с посевной площадью 65,8 тыс. га, или 80% всех имеющихся посевных площадей. В среднем на одну станцию приходилось 24 колхоза и 3 тыс. 872 га посева. По отдельным МТС количество колхозов колебалось от 11 (Мохченская МТС, Ижемский район) до 49 (Визингская МТС, Сысольский район), а размер посева от 1 тыс. 775 га (Гамская МТС, Устьвымский район) до 9 тыс. 520 га (Визингская МТС). Не обслуживались силами машинно-тракторных станций колхозы Троицко-Печорского, Удорского, Ухтинского, Усть-Цилемского, Усть-Усинского и Кожвинского районов республики. Основные фонды МТС на конец 1946 г. составили 13,4 млн руб.¹³⁸

В 1949 г. правительство СССР приняло специальные меры по усилению технической оснащенности МТС и колхозов Коми АССР. Согласно постановлению “О мерах помощи сельскому хозяйству Коми АССР” предусматривалось увеличение поставки тракторов и другой сельскохозяйственной техники, запасных частей и сумм денежных кредитов. Экстренная помощь государства была вызвана тем, что уровень деятельности МТС отставал от потребности колхозов. Как уже указывалось, за годы войны техника не обновлялась, значительная ее часть не подлежала ремонту или восстановлению¹³⁹. Мастерские по ремонту техники испытывали острый дефицит запасных частей, станков и оборудования. Негативным фактором оставалась и недостаточная материальная заинтересованность механизаторов. Эти обстоятельства обуславливали малоэффективное использование техники, затя-

гивание и невыполнение оговоренных с колхозами работ. МТС невыполнением договорных обязательств наносили большой ущерб колхозному производству.

Мероприятия партии и правительства по развитию механизации в Коми АССР имели исключительно положительное влияние. После 1953 г. наблюдался большой рост государственных инвестиций. Их размер, определенный союзным правительством, в 1954 г. составил сумму в 5 млн руб., против 641 тыс. руб. в предыдущем году (рост в 7,8 раза). В Троицко-Печорском и Усть-Усинском районах были организованы две новые машинно-тракторные станции¹⁴⁰. За период с 1946 по 1957 г. численность тракторов в МТС увеличилась с 575 до 869 шт. (в 15-кратном исчислении рост составил 2,2 раза). При этом новое пополнение тракторного парка происходило за счет более современных и мощных машин. Тяговая мощность тракторов МТС за тот же отрезок времени возросла с 11,6 тыс. л.с. до 22,3 тыс. л.с. В 1957 г. число грузовых автомобилей в собственности машинно-тракторных станций достигло 145 с общей грузоподъемностью в 402 т, против 41 машины с грузоподъемностью в 68,7 т. Таким образом, если номинально количество машин увеличилось в 3,5 раза, то их тоннаж возрос в 5,8 раза (Прил., табл. 27).

Все это привело к улучшению деятельности машинно-тракторных станций в республике. Объем тракторных работ, выполненных МТС, вырос на порядок и в 1957 г. составил 344,3 тыс. га мягкой пахоты, против 91,7 тыс. га в 1946 г. (подъем в 3,7 раза). Обработка почв и сев зерновых на земельных площадях колхозов, обслуживаемых МТС, стали почти полностью механизированы. Особенно впечатляющим был рост объемов такого вида работ, как уборка урожая комбайнами. Так, если в 1946 г. было убрано всего 2 тыс. га посевов (в 2 раза меньше, чем в 1940 г.), то в 1954 г. – 26 тыс. га (33,6% всей посевной площади). Однако в последующие годы объемы работ, выполненных комбайнами, несколько сократились и в 1957 г. составили 20 тыс. га, но их удельный вес остался прежним – 33,7 тыс. (Прил., табл. 27).

Важным положительным фактором совершенствования хозяйственного механизма МТС было снижение со второй половины 1950-х годов себестоимости механизированных работ. Так, если цена обработки 1 га мягкой пахоты в 1946 г. была равна 83 руб. 47 коп., а в 1954 г. – 86 руб. 54 коп., то в 1957 г. она снизилась до 59 руб. 59 коп. (сокращение на 28,6% от уровня 1946 г.). Однако данный показатель был далек от довоенного – 42 руб. 41 коп. (1940 г.). Необходимо отметить, что за рассматриваемый период машинно-тракторным станциям Коми АССР удалось добиться увеличения выработки на один 15-сильный трактор и условный

15-футовый комбайн. Так, если за 1946 г. одним условным трактором было выработано (в переводе на пахоту) 118 га, то в 1958 г. – 196 га (рост на 66,1%). Годовая выработка одним условным комбайном возросла с 51,1 га в 1946 г. до 151 га в 1958 г. (или в 2,9 раза) (Прил., табл. 27).

Однако большинство станций ежегодно заканчивало хозяйственный год с убытком. Например, в 1956 г. прибыль получили только 10 станций, а убыток – 11, причем по основной деятельности прибыль была только у 6 МТС, а убыток – у 15. Особенно значительные невосполнимые затраты несли МТС на ремонте техники. В том же году МТС Коми АССР понесли общие убытки в размере 145 тыс. руб., против 445 тыс. в 1955 г. Наибольший перерасход отпущенных государством финансовых лимитов допустили Палевицкая (115 тыс. руб.), Усть-Цилемская (103 тыс. руб.), Удорская (64 тыс. руб.) МТС¹⁴¹. Однако эти показатели за 1956 г. были несравненно лучше уровня 1946 г., когда общий размер убытков, понесенных машинно-тракторными станциями, составил почти 1 млн руб. (956 тыс.), а с прибылью год закончили только две МТС¹⁴². В 1957 г. МТС работали лучше, чем в предыдущие годы, – 99% всех работ были выполнены в установленные сроки по договорам с колхозами. Впервые за все послевоенное время в том году МТС Коми АССР закончили с общей прибылью в 167 тыс. руб.¹⁴³

В 1958 г. в колхозах республики были полностью механизированы посев и уборка зерновых культур, на 91% – посадка подсолнечника, на 61,4% – посев льна, менее механизированными оставались посадка картофеля – всего на 38,6%, сенокошение – 9,9, силосование – 6,6, уборка картофеля – 5,5% ко всему объему выполненных работ¹⁴⁴.

К концу рассматриваемого периода произошли качественные изменения в составе машин и сельскохозяйственных орудий. Появились тракторы новых марок, гусеничные: СТЗ-НАТИ, ДТ-54, ДТ-55, КД-35, их суммарная тяговая мощность составляла 11,7 тыс. л.с., тракторы колесные: СХТЗ, “Универсал”, “Беларусь”, ХТЗ-7, ДТ-24, ДТ-14, ДСШ-14 (с суммарной мощностью 4,6 тыс. л.с.)¹⁴⁵. Их удельный вес в общей мощности составил в 1957 г. 73,1% (Прил., табл. 27).

Несмотря на явный прогресс в росте механизации, удельный вес работ, выполненных МТС в общем объеме сельскохозяйственных работ в колхозах, был недостаточным. На севе яровых зерновых он составлял: в 1946 г. – 17,3%, в 1955 г. – 67,8; на посадке картофеля в 1946 г. – 27,9%, в 1955 г. – 36,9; на уборке картофеля: в 1946 г. – 4,8%, в 1955 г. – 4,4; в сенокошении: в 1946 г. – 5,4%, в 1955 г. – 7,0; на силосовании в 1946 г. – 5,4%, 1955 г. 9,7%.

Наиболее низкий процент выполнения тракторных работ падал на важнейшие, с точки зрения агротехники, и особенно трудные для колхозов работы – рядовой сев, культивация, обработка паров, подъем язби. МТС республики фактически не участвовали в работах, связанных с кормодобыванием (сенокосение и силосование), в расчистке лугов и пастбищ¹⁴⁶. Из года в год значительно затягивались полевые работы, нарушались лучшие агротехнические сроки, что в условиях северного, короткого сельскохозяйственного сезона было недопустимо.

В 1956 г. в республике насчитывалось 163 тракторные бригады, в среднем на каждую из них приходилось шесть тракторов, один комбайн, две сеялки, четыре культиватора и лушильника, шесть плугов общего назначения. Серьезной проблемой для МТС оставалась низкая обеспеченность тракторов прицепными и навесными орудиями. Так, на один трактор приходилось только две различные почвообрабатывающие машины, 0,5 посевной и посадочной машины, 0,2 уборочные¹⁴⁷.

МТС из-за отсутствия необходимых механизмов и материальных ресурсов не принимали, по существу, участия в механизации трудоемких процессов в производстве животноводческой продукции. Такие важные трудосберегающие технологии, как водопровод, внутренний транспорт, кормозапарники имели незначительное число ферм. Электрострижка овец и электродойка коров в течение рассматриваемого периода в колхозах не применялись. Важно отметить и то обстоятельство, что техника, позволявшая механизировать животноводство, была дорогостоящей и дефицитной. Так, например, цена одной автопоилки для крупного рогатого скота ПА-2 в 1954 г. равнялась 3 тыс. 348 руб.¹⁴⁸ Для того чтобы оснастить ими ферму, у многих колхозов просто не было средств. На 1 января 1955 г. автопоение было установлено всего у 1% от имеющихся в колхозах ферм, водопровод – у 1,3, запаривание кормов – у 2,5, измельчение кормов – у 0,8¹⁴⁷. Однако во второй половине 1950-х годов наблюдался процесс возрастания роли МТС в механизации животноводческих ферм (автопоилки, кормозапарники, подвесные дороги на скотных дворах и т.д.), хотя и довольно медленными темпами. В 1954 г. в колхозах Коми АССР появились первые девять электродоильных агрегатов, которые, впрочем, в рассматриваемый период не применялись. В 1958 г. появился первый аппарат электрострижки овец. В 1956 г. в артелях насчитывалось 462 электрогенератора, против 17 шт. в 1948 г. (Прил., табл. 34). Если в 1951 г. колхозы располагали всего 602 автопоилками, то в 1957 г. – уже 7 тыс. 826 (рост в 13 раз)¹⁵⁰.

До 1953 г. имеющаяся в МТС сложная техника, требующая высококвалифицированных кадров, вверялась сезонным рабо-

чим, выделяемым колхозами на время полевых работ. Слишком большой была текучесть этих кадров. Отношение их к труду составляло желать много лучшего. В целях усиления стимулов к труду колхозных механизаторов и подъема их социального статуса с 1953 г. были изменены принципы использования данного контингента работников в системе МТС. С 1953 г. механизаторы стали постоянными работниками машинно-тракторных станций, т.е. представителями рабочего класса. Им была увеличена денежная оплата, изменен порядок выдачи натурального заработка по гарантийному минимуму. Все это положительно сказалось на их трудовой деятельности, уровне квалификации. Профессия тракториста и другие стали более престижными для жителей сельской местности. Только за 1954–1955 гг. в Коми АССР было подготовлено для МТС 2 тыс. человек. В 1956 г. общая численность работников машинно-тракторных станций в республике составила 3 тыс. 506, вместо 1 тыс. 041 в 1950 г.¹⁵¹

В 1958 г. в процессе реорганизации МТС в Коми АССР было создано 13 ремонтно-технических станций. За тот же год колхозы республики были вынуждены выкупить у государства 600 тракторов, 120 зерновых комбайнов и другие сельскохозяйственные машины. Внешне это выглядело как залог успеха. Если в 1946 г. на 673 колхоза приходилось всего 13 тракторов, 11 грузовых машин, 26 локомотивов, 60 двигателей, то в 1958 г. – 636 тракторов, 392 грузовых автомашин, локомотивов, 308 двигателей. Однако цена за эти приобретения оказалась слишком велика для колхозов. Так, артели Коми АССР на приобретение техники единовременно израсходовали более 70 млн руб.¹⁵²

Важнейшее значение в подъеме сельского хозяйства играла электрификация. Именно наличие электрической энергии являлось необходимым условием для механизации наиболее трудоемких процессов в животноводстве, в отличие от полеводства, в котором механизация была основана на технике с двигателями внутреннего сгорания.

В соответствии с четвертым пятилетним планом в период с 1946 по 1950 г., в Коми АССР были электрифицированы все 17 МТС. В то же время этот процесс шел чрезвычайно медленно. К 1953 г. удельный вес колхозов, имевших доступ к электроэнергии, составил лишь 19% (Прил., табл. 32). Такая ситуация складывалась в силу того, что колхозы вынуждены были, опираясь на свои силы, строить собственные, маломощные и ненадежные гидро- и теплоэлектростанции, для чего не всегда и не везде находились надлежащие условия, силы и средства. В период 1946–1952 гг. колхозы Коми АССР строили свои гидроэлектростанции, в основном, на базе старых мельничных плотин. Подавляющая

часть из них оказалась не годной к эксплуатации, некоторые были законсервированы еще в ходе строительных работ. В результате колхозы теряли значительные денежные средства. Так, на строительство Гурьевской ГЭС колхозом им. Молотова Летского района было вложено более 240 тыс. руб., однако строительство было прекращено как технически необоснованное. Колхоз долгое время не мог рассчитаться по ссуде, полученной от государства на это строительство¹⁵³. К 1956 г. потерпели аварию и не эксплуатировались следующие колхозные гидроэлектростанции: Чукайбская колхоза “1 Мая” Сысольского района, Ярегская колхоза им. М. Горького Сыктывдинского района, Кужбинская колхоза им. Хрущева Усть-Куломского района, Черемуховская колхоза им. Кирова Летского района (со сметной стоимостью 296,4 тыс. руб.)¹⁵⁴. Но и работавшие колхозные и межколхозные электростанции не отвечали запросам артелей в силу того, что были весьма маломощными, ненадежными. Вырабатываемая ими энергия оказывалась очень дорогой.

Как правило, получаемая артелями энергия расходовалась не на производство. В 1951 г. из 667 тыс. кВт · ч., полученных колхозами Коми АССР, было потрачено на освещение жилых и административных зданий 600 тыс.кВт · ч., или 98,9%, и только 1,1% полученной электроэнергии было использовано в колхозном производстве¹⁵⁵.

Потребовалось вмешательство государства для решения этого вопроса. Если в 1952 г. сумма долгосрочного государственного кредита на нужды электрификации колхозам Коми АССР равнялась 600 тыс. руб., то в 1955 г. – уже 2 млн 900 тыс. руб.¹⁵⁶ Процесс электрификации колхозов был интенсифицирован после постановления Совета Министров СССР от 25 августа 1953 г. “О проведении работ по электрификации колхозов путем присоединения к государственным энергосистемам, промышленным и коммунальным электростанциям”¹⁵⁷. Но на практике полностью снять проблему такая мера, при всех ее положительных сторонах, не могла. Преимущество получали артели, находящиеся в непосредственной близости от городов, предприятий, линий электропередач. Таким образом, быстро и в полной мере электрифицировать колхозное производство к концу рассматриваемого периода не удалось. Более половины артелей оставалось без электрической энергии. Так, в Коми АССР к 1958 г. число колхозных электростанций возросло до 89, против 34 в 1953 г., а число колхозов, пользовавшихся электричеством, увеличилось с 1953 по 1958 г. с 63 хозяйств (19%) до 134 (44%) (Прил., табл. 32).

Однако рост электрификации колхозного производства сыграл положительную роль, увеличив возможности механизации

трудоемких процессов в животноводстве. До 1951 г. МТС республики не проводили работ по механизации на колхозных фермах, однако в последующем такие работы стали осуществляться ежегодно. Если за 1953 г. водоснабжением было обеспечено 2288 скотомест, автопоилками – 1506, оборудованы внутренним транспортом – 230, агрегатами для запаривания кормов – 1388¹⁵⁸, то за 1955 г., соответственно, 5264, 4614, 3344, 9894 скотомест¹⁵⁹.

Важнейшей реформой, повлиявшей на развитие колхозного производства, было изменение системы реализации колхозной продукции. В целях поддержки колхозного производства, а также по причине реорганизации МТС, июньский (1958 г.) Пленум ЦК КПСС принял решение об отмене старой и переходе на новую единую систему государственных заготовок сельскохозяйственных продуктов в колхозах в форме закупок на основе единых, дифференцированных по зонам цен¹⁶⁰.

Напомним, до 1958 г. в колхозах действовало множество каналов сбыта произведенной продукции: обязательные поставки, государственные закупки, контрактация, натуральная оплата услуг МТС, продажа на колхозном рынке. Часть из них, касающаяся расчетов между колхозами и государством, носившая обязательный и первоочередной характер, была невыгодна колхозам, наносила ущерб их экономике. Но, сбыт продукции на колхозном рынке по достаточно высоким ценам, наоборот, приносил основные денежные поступления артелям. Получалось так, что на один и тот же вид продукции существовала разная цена, причем с колоссальной амплитудой. Наивысшие цены были на колхозном рынке, но право продажи на нем колхозы получали лишь после выполнения всех своих обязательств перед государством. В колхозах Коми АССР в 1948 г. 68,5% доходов от полеводства и 77,3% от животноводства приносила именно рыночная торговля, хотя на рынке продавалась далеко не большая часть всего произведенного (Прил., табл. 37). Несмотря на резкое повышение государственных закупочных цен в 1953 г., в Коми АССР такое положение просуществовало до 1956 г. В том году продажа на колхозном рынке принесла артелям 69,6% доходов от растениеводства и 84,1% от животноводства. В связи с дальнейшим подъемом государственных закупочных цен, доля доходов от рынка стала падать. Так, в 1958 г. лишь 21,2% денежных доходов от животноводства поступили за счет продаж на колхозном рынке.

С 1958 г. вся числящаяся за колхозами задолженность прошлых лет по обязательным поставкам, контрактации и натуроплате МТС и специализированных станций по состоянию на 1 июня 1958 г. была списана с тем, чтобы облегчить колхозам выкуп сельскохозяйственной техники из МТС. Общий уровень закупоч-

ных цен для областей и республик европейского Севера СССР был вновь несколько повышен. Данная реформа, несомненно, могла бы сыграть весьма положительную роль в повышении хозяйственной рентабельности колхозного производства, однако весь ее потенциальный экономический эффект был значительно снижен из-за вынужденной покупки колхозами техники у МТС. Тезис советской историографии, что реформа МТС «создала лучшие возможности для использования техники в различных отраслях земледелия и животноводства»¹⁶¹ требует корректировки.

Важным показателем экономического развития коллективного хозяйства является динамика состояния его неделимого фонда. В годы четвертой пятилетки (1946–1950) стоимость неделимых фондов колхозов Коми АССР сократилась с 99,0 млн руб. до 96,4 млн, или на 2,6% (Прил., табл. 36). Это говорит об определенном упадке аграрного хозяйства, ослаблении его материальной базы в указанные годы. Такой важнейший показатель, как валовые денежные доходы артелей, несмотря на то, что был выше уровня 1940 г., также подвергся значительному снижению – с 53,7 млн руб. в 1946 г. до 45,2 млн руб. в 1952 г., или на 15,8% (Прил., табл. 37). В то же время положительным моментом был существенный рост стоимости основных средств производства. К 1952 г. в денежном выражении они достигли 82,7 млн. руб., против 56,7 млн в 1946 г., т.е. возросли на 45,8% (Прил., табл. 35).

В колхозах сократилось число подсобных предприятий, игравших важную роль при дефиците в стране различных материалов и продуктов. Колхозы производили сами для себя повозки, телеги, сани, пиломатериалы, кирпич, хозяйственную веревку, изготавливали и ремонтировали инвентарь. В 1946 г. было выработано 90 тыс. обожженного кирпича, изготовлено 4 тыс. 743 телег и саней, а в 1952 г., соответственно – 86 тыс., 7 тыс. 745 телег и саней, 5 тыс. 068 м³ пиломатериалов. Если в 1946 г. в артелях республики работало 143 мельницы и 418 кузниц, то в 1952 г. их число уменьшилось, соответственно до 117 и 332. В 1949 г. мельницами было переработано зерна в муку 52,1 тыс. ц, а в 1952 г. – 30,4 тыс. ц. К концу рассматриваемого периода подсобные предприятия колхозов – по сути производство кустарного характера – не потеряли своего хозяйственного значения. В 1958 г. артельными мельницами было переработано 25 тыс. ц зерна, обожжено 59 тыс. шт. кирпича, выработано 7 тыс. 238 м³ деловой древесины (Прил., табл. 43).

Реформа 1953 г. коренным образом повлияла на хозяйственное состояние сельхозартелей. Стоимость их неделимых фондов увеличилась за семь последующих лет на 32,5 %, составив к 1957 г. сумму в 138,3 млн руб., против 96,4 млн в 1950 г. В связи с

реформой МТС, за счет включения стоимости выкупленных сельскохозяйственных машин и другого имущества станций, неделимые фонды колхозов к концу 1958 г. выросли в 2,3 раза (до 325,5 млн руб., по сравнению с 1957 г.) (Прил., табл. 36).

Анализ таблицы 37 Приложения показывает, что с 1953 г., в связи с увеличением реализации продукции по более высоким ценам, неуклонно росли валовые денежные доходы колхозов, что свидетельствовало об их хозяйственном укреплении. Общий совокупный доход колхозов Коми АССР достиг в 1958 г. 147,5 млн руб., против 48,9 млн в 1953 г. В среднем на один колхоз приходилось, соответственно 490 тыс. руб. и 145,5 тыс. денежных поступлений (Прил., табл. 40).

Важно отметить, что структура доходов колхозов республики за рассматриваемый период (1946–1958) претерпела существенные изменения. Все большее значение приобретала продукция животноводства. Денежные поступления от полеводства упали с 8,4 млн руб. в 1946 г. до 3 млн в 1950 г., от животноводства, соответственно – с 30,5 млн до 24,3 млн. Однако если в 1946 г. их соотношение было 1 : 3,6, то в 1952 г. – 1 : 8,1 (Прил., табл. 37). В последующие годы доходы от растениеводства так и не превысили уровень 1940 г., увеличившись с 3 млн руб. в 1952 г. до 5,3 млн в 1958 г. Денежные поступления от животноводства, напротив, росли беспрецедентно высокими темпами – за период 1952 – 1958 гг. более чем в 4 раза, с 24,3 млн руб. до 105,3 млн руб. При этом уровень 1946 г. в 30,5 млн руб. был превзойден в 3,4 раза, а 1940 г. – в 6,6. При сокращении валового производства полеводческой продукции удельный вес доходов колхозов Коми АССР, получаемых от животноводства, возрос и составил в 1958 г. 71,4% от общей суммы денежных поступлений, против 48,7 % в 1940 г. и 50,7 % в 1950 г. В 1958 г. соотношение между валовой прибылью от полеводства и животноводства составило, соответственно 1 : 19,9 (Прил., табл. 37).

Это было достигнуто, прежде всего, за счет повышения государственных заготовительных и закупочных цен на продукцию животноводства. Так, если средняя закупочная цена килограмма мяса в убойном весе в колхозах Коми АССР в 1948 г. равнялась 55 коп., а литра молока – 14 коп., то к концу 1953 г. – 1 руб. 43 коп. и 37 коп.¹⁶², соответственно. Государственные закупочные цены неоднократно повышались и в последующие годы. К концу 1958 г. государственная закупочная цена одного литра молока поднялась до 1 руб. 50 коп., килограмма говядины – 8 руб. 50 коп., свинины – 11 руб. 80 коп., оленины – 7 руб.¹⁶³

Хотя не следует излишне преувеличивать влияние данного фактора на развитие колхозного производства. Во-первых, часть

продукции колхозы республики¹⁶⁴ до 1958 г. по-прежнему должны были сдавать в счет обязательных государственных поставок по еще более низким ценам. По закупочным, более высоким ценам, оплачивалась продукция, сданная сверх плана поставок. Во-вторых, себестоимость продуктов, производимых колхозами Коми АССР, оставалась весьма высокой. Так, в 1955 г. средняя себестоимость килограмма говядины составляла 14 руб. 50 коп., одного литра молока – 1 руб. 79 коп.¹⁶⁵ В-третьих, темпы роста закупочных цен были внушительны только по отношению к их фактически ничтожному изначальному уровню. Лишь со второй половины 1950-х годов, на весьма незначительное время, закупочные государственные цены на животноводческую продукцию приблизились к экономически целесообразным для колхозов. Реформа МТС 1958 г. привела к существенному повышению себестоимости колхозного производства, что свело на нет весь предыдущий экономический эффект. Отметим, что уже в 1959 г., вновь как и до 1953 г., убыток артелям приносило производство всех видов сельскохозяйственной продукции, кроме оленины¹⁶⁶. В пореформенные годы государство, как и в предыдущий период, не могло отказаться от элементов внеэкономического принуждения и было вынуждено широко привлекать различные административные и идеологические методы мобилизации колхозов на рост производства (программа решения продовольственной проблемы в СССР 1953 г., программа достижения изобилия продовольствия под лозунгом экономического соревнования с США и др.).

Кроме повышения закупочных цен, в рамках мер помощи сельскому хозяйству со стороны государства предусматривалось и списание задолженности по сельскохозяйственным продуктам за прошлые годы. Например, с колхозов Коми АССР в 1953 г. было списано задолженности на сумму в 7 млн 070 тыс. руб., что составило 14,5% от валового дохода в том же году (Прил., табл. 37). С этого же года колхозы республики были освобождены от обязательных поставок государству зерна и сена на пять лет. Им были в 2 раза снижены размеры обязательных поставок молока, мяса. Колхозы Крайнего Севера вообще освобождались от обязательных поставок продуктов животноводства. С 1957 г. было разрешено заменять натуроплату по зерну мясом и молоком¹⁶⁷. В 1958 г. в целях облегчения колхозам вынужденного выкупа сельскохозяйственной техники МТС с них были вновь списаны все задолженности государству по состоянию на 1 июля того же года. Общий уровень закупочных цен для областей и республик европейского Севера был вновь несколько повышен¹⁶⁸.

Благодаря реформам середины 1950-х годов наметился весьма заметный подъем колхозного производства Коми АССР. Госу-

дарственные капиталовложения в сельское хозяйство республики 1958 г. составили 47 млн руб., или почти на 20 млн руб. больше, чем в 1953 г.¹⁶⁹ Выросла механизация колхозного производства. Сократилось число слабых колхозов. Уже в 1954 г. три колхоза республики (0,9% от их общего числа) получили валовой денежный доход свыше 1 млн руб., чего не наблюдалось за весь предыдущий период (за исключением единичного случая в 1947 г.). Первыми в республике “миллионерами” стали колхозы: им. Кирова в Сыктывкаре, им. Батманова в Усть-Цильме и “Путь Ленина” в с. Кипиево Ижемского района. Главными факторами стали: в одном случае – близость к самому крупному городскому (столично-му) рынку, в другом – хорошая кормовая база животноводства северных районов республики, в третьем – высокодоходная оленеводческая специализация хозяйства. К 1958 г. число “колхозов-миллионеров” достигло 27 единиц (9%). В то же время число колхозов с доходами до 100 тыс. руб. сокращалось форсированными темпами. Так, если в 1946 г. таких артелей насчитывалось 511 (75,9% от общего количества хозяйств), то в 1958 г. – только 18 (6%) (Прил., табл. 39).

Одним из основных негативных факторов развития экономики сельхозартелей за всю их историю существования являлась проблема обеспечения коллективных хозяйств рабочей силой в необходимом объеме. Рассматриваемый период не был исключением. До аграрной реформы 1953 г. колхозы Коми АССР несли особенно большие потери в трудовых ресурсах. Значительными темпами сокращалась наиболее дееспособная часть колхозников. Число взрослых мужчин, принимавших участие в общественном хозяйстве, сократилось с 10 тыс. 234 в 1947 г. до 8 тыс. 700 в 1953 г. (на 15%) (Прил., табл. 44). После некоторого улучшения социальных условий в колхозах во второй половине 1950-х годов этот контингент работников стал постепенно возвращаться. В 1958 г. численность работавших в колхозах мужчин составила 11 тыс. 225. Однако уровень 1940 г. в 26 тыс. 324 человек не был достигнут и наполовину. В то же время количество трудоспособных женщин, работавших в колхозах, неуклонно сокращалось в течение всего периода 1946–1958 гг. – с 29 тыс. 404 до 21 тыс. 391, или на 27,3%. В целом, общее количество работавших трудоспособных колхозников Коми АССР в 1958 г. было меньше, чем в 1946 г., на 12,8%, сократившись с 37 тыс. 389 до 32 тыс. 616.

Важно подчеркнуть, что такие высокие темпы убыли колхозного населения не покрывались ростом производительности труда, особенно до 1953 г. Среднегодовая выработка одним трудоспособным колхозником снизилась с 300 трудодней в 1946 г. до 290 в 1952 г. (Прил., табл. 42). Наряду с общим уменьшением чис-

ла работников, это привело к падению валовой выработки трудодней в колхозах до 12,6 млн в 1952 г., с 15,0 млн в 1946 г., или на 16% (Прил., табл. 41). Следует отметить, что сокращение выработки трудодней шло, в основном, по линии полеводства, в животноводстве, наоборот, наблюдалось ее некоторое увеличение. Однако под влиянием роста материального стимулирования производительность труда в колхозах Коми заметно возросла.

Принятые меры с 1953 г. по укреплению колхозной экономики способствовали снятию социальной напряженности на селе, улучшению использования трудовых ресурсов. Уже в 1954 г. среднегодовая выработка одним трудоспособным членом сельхозартелей достигла 330 трудодней (Прил., табл. 42). При этом интенсивность труда в сельском хозяйстве повысилась. Если в 1946 г. в среднем на один день работы колхознику начислялось 1,12 трудодня, то в 1958 г. — уже 1,56. В годы послевоенных пятилеток происходил значительный рост выработки трудодней на одного трудоспособного работника, что свидетельствовало о повышении трудовых затрат колхозников в общественном хозяйстве колхозов. В 1958 г. трудоспособным работником было в среднем выработано 366 трудодней, что больше на 57,1% от уровня 1940 г. (233 трудодня) и на 22% по отношению к 1946 г. (300 трудодней) (Прил., табл. 42). Это привело к заметному росту валовой выработки трудодней. В 1958 г. она составила 14 млн 963 тыс., увеличившись на 22,8%, в сравнении с 1953 г. (12 млн 183 тыс.). Общая выработка трудодней в колхозах республики в 1958 г., таким образом, была, практически, равна уровню 1946 г., при значительном сокращении числа работавших. Однако показатель 1940 г. в 19 млн 632 тыс. не был достигнут (Прил., табл. 41).

На протяжении всего рассматриваемого периода большие трудности колхозы республики испытывали с обеспечением квалифицированными кадрами. От их знания и опыта во многом зависел успех работы колхоза, бригады, фермы. В первые годы после войны большая часть руководителей колхозного производства не обладала достаточным опытом. В 1946 г. в колхозах менее одного года на своей должности работали: 231 председатель колхоза (34,3%), 680 бригадиров-растениеводов (45,7%), 269 заведующих животноводческими фермами (30,1%), 225 бухгалтеров и счетоводов (32%)¹⁷⁰. Следует отметить, что, по сравнению с довоенным периодом, эти показатели все же несколько улучшились. Так, в 1940 г. менее года проработали 41,8% председателей, 43,0% бригадиров-растениеводов, 51,2% заведующих животноводческими фермами, 42,7% бухгалтеров и счетоводов¹⁷¹. Для сравнения следует добавить, что в целом по СССР 37,9% председателей колхозов были со стажем работы менее одного года¹⁷².

В 1947 г. в Коми АССР по решению Совета Министров Коми АССР и Бюро обкома ВКП(б) была открыта двухгодичная государственная школа по подготовке председателей колхозов¹⁷³. Это решение было принято в соответствии с постановлениями февральского Пленума ЦК ВКП(б) “О мерах подъема сельского хозяйства в послевоенный период” и Правительства СССР “О подготовке руководящих кадров колхозов” в августе того же года. Всего по стране работала 101 такая школа, в том числе в РСФСР — 60¹⁷⁴. По свидетельству А.П. Тюриной, эти учебные заведения были организованы с таким расчетом, “чтобы каждая республика или крупный экономический регион имели свою школу для подготовки руководителей колхозных кадров из числа местных жителей”¹⁷⁵. До войны подобная работа проводилась лишь на краткосрочных 15-дневных курсах при Наркомземе Коми АССР¹⁷⁶. При школах работали одногодичные и 6-месячные курсы, подготовительное отделение. Сыктывкарская школа председателей была организована на базе Нижне-Човской одногодичной сельскохозяйственной школы.

Следует отметить, что работе этого учебного заведения в Коми АССР были присущи серьезные недостатки. За трехлетний период (1950–1952) вместо 100 человек по плану было выпущено всего 58, из них 17 или 29,3% не возвратились в свои колхозы, устроившись в различных организациях не по специальности. Одногодичные и 6-месячные курсы по переподготовке председателей колхозов за тот же период вместо 269 человек по плану выпустили всего 149, из которых только 51 человек (34,2%), на конец 1952 г., работали председателями и заместителями председателей колхозов. В 1952 г. на данных курсах обучалось всего семь человек вместо 25 по плану¹⁷⁷. Хронический недобор учащихся объяснялся тем, что колхозы не стремились посылать на учебу своих работников. По существующим правилам артели должны были сохранять за выбывшим полный объем трудодней, оплачивать его проезд к месту учебы и обратно, а также выплачивать денежное содержание на все время обучения. При этом не было никакой гарантии, что они вернутся в колхоз по окончании учебы.

Региональный инспектор Совета по делам колхозов при Правительстве СССР А. Шаратов в докладе его председателю А.А. Андрееву отмечал, что “в учебном процессе школы имеются серьезные недостатки. По состоянию на 14 июля 1952 г. учебный план выполнен всего на 58,6%. Успеваемость за первое полугодие составляет 90,4%, а пропуски по неуважительным причинам — 9,9%. Обращает на себя внимание низкий уровень преподавания. Кроме того, нет преподавателей по механизации и элект-

рификации сельского хозяйства и агронома-растениевода... Культурно-бытовая работа в школе поставлена неудовлетворительно. Школа не имеет собственного клуба. Среди учащихся нередки случаи пьянки и появления на занятиях в нетрезвом виде. Имеются факты сожительства, беременности девушек и на этой почве самоубийства”¹⁷⁸.

Однако следует заметить, что столь существенные негативные явления постепенно преодолевались, и школа сыграла положительную роль в повышении квалификации и общеобразовательного уровня организаторов колхозного производства. С 1947 по 1950 г. в ней было подготовлено 256 руководителей. В 1949 г. в системе Министерства сельского хозяйства Коми АССР насчитывалось 884 специалиста, в том числе 129 с высшим образованием¹⁷⁹.

Кроме того, в республике в то время действовали три односторонние сельскохозяйственные школы, которые готовили животноводов, полеводов, пчеловодов, младших фельдшеров. Выпускники школ работали председателями, бригадирами, заведующими животноводческими фермами колхозов. За тот же период в них получили подготовку 588 специалистов массовых профессий¹⁸⁰. В Коми АССР также существовала сеть районных колхозных школ (РКШ), созданных с первых лет колхозного строительства. Их деятельность сосредоточивалась на повышении квалификации сельскохозяйственных кадров. Повышение квалификации бригадиров, заведующих животноводческими фермами через систему курсов осуществлялось в Ульяновском сельскохозяйственном и Ижемском зооветеринарном техникумах, сельхозшколах. Подготовка механизаторов и их переподготовка проводилась в Сыктывкарской школе механизации и при МТС. Кроме того, на селе работали агрономические и зоотехнические кружки, хотя многие из них существовали только формально.

За 1950–1952 гг. сельскохозяйственными школами было выпущено 33 техника-оператора и 334 специалиста массовой квалификации. В школе механизации сельского хозяйства за указанный период было подготовлено 837 трактористов, 66 бригадиров, 86 комбайнеров, 15 механиков и 251 механизатор. При сельскохозяйственных техникумах с 1945 г. по 1952 г. повысили квалификацию 637 специалистов сельского хозяйства, имевших среднее образование. За годы четвертой пятилетки количество специалистов, работавших в сельском хозяйстве Коми АССР, увеличилось с 570 до 863. В 1951–1952 гг. в сельское хозяйство республики дополнительно прибыло 175 специалистов с высшим и средним образованием; 746 руководящих работников и специалистов прошли курсы при высших учебных заведениях вне республики¹⁸¹. С

1953 г. школы механизации были преобразованы в училища. Их выпускники обязаны были проработать по специальности не менее двух лет. Училищами механизации Коми АССР за 1952–1954 гг. было выпущено и направлено в МТС 2 тыс. 086 человек, в том числе 1 тыс. 337 трактористов, 175 механиков-комбайнеров, 128 шоферов, 69 бригадиров тракторных бригад¹⁸².

И все же следует отметить острую нехватку в колхозном производстве квалифицированных кадров, обусловленную неблагоприятной социально-экономической ситуацией на селе. Несмотря на ряд существенных льгот по оплате труда и налогам, наилучшие шансы войти в высшее руководящее звено колхозов, образованные люди стремились уйти из сферы непосредственного производства и получить работу в органах управления сельским хозяйством. Именно здесь и оседало большинство подготовленных работников. На 1953 г. в республике имелось 1 тыс. 355 специалистов сельского хозяйства, в том числе 261 человек с высшим образованием. Таким образом, на один колхоз, в среднем, приходилось по четыре специалиста. Однако непосредственно в колхозах было занято только 87 человек, или 6,4% от указанного числа. Из 336 председателей колхозов имели высшее и среднее образование лишь 37 человек (11%), остальные считались практиками¹⁸³.

Основную массу колхозников, занятых в производстве, составляли работники малоквалифицированного труда, большинство из которых не имели определенной квалификации, но накопили большой практический опыт работы. В 1950-е годы был сделан шаг в повышении квалификации этой категории колхозного крестьянства. По решению ЦК ВКП (б) от 19 июня 1950 г. “О постановке дела пропаганды и внедрения достижений науки и передового опыта в сельском хозяйстве”¹⁸⁴ при многих колхозах были организованы трехлетние агрозоотехнические курсы. Были они созданы и в Коми АССР. Однако обучение в них не носило системного характера и его эффективность оказалась невысокой. В 1954 г. из 4 тыс. 355 человек, обучавшихся на трехлетних агрозоотехнических курсах при колхозах республики, смогли успешно их окончить лишь 389 человек, или 8,9%¹⁸⁵. В 1956 г. срок обучения на курсах был сокращен до двух лет.

К концу 1957 г. ситуация с кадрами несколько улучшилась, в Коми АССР насчитывалось уже 1 тыс. 600 специалистов сельского хозяйства¹⁸⁶. В 1958 г. в колхозах имелось: 159 агрономов, 199 зоотехников, 15 ветврачей, 315 заведующих животноводческими фермами, 609 бригадиров. Улучшился качественный состав председателей колхозов. Из 301 председателя 100 имели высшее и среднее образование¹⁸⁷. Таким образом, можно сделать вывод, что усилия государства по улучшению качественного и количест-

венного состава руководителей колхозного производства и специалистов принесли положительные результаты. Усилилась специализация аграрного труда, возрос уровень подготовки руководящего звена и простых колхозников. Но говорить об окончательном решении вопроса с обеспечением артелей квалифицированными кадрами было еще рано.

Прежде чем подвести итоги, необходимо остановиться и на оценке развития личных подсобных хозяйств колхозников Коми АССР. В рассматриваемое время они играли ключевую роль в жизнеобеспечении колхозной семьи и значительную – в общем объеме производства аграрной продукции. Важно отметить, что размер общей посевной площади, находившейся в пользовании членов сельхозартелей, несколько уменьшился. Так, если в 1945 г. посевная площадь индивидуальных подсобных хозяйств составляла 5,1 тыс. га, то к концу 1958 г. – 4,2 тыс., или на 17,6% меньше (Прил., табл. 4). Это было связано с тем, что размер личного крестьянского подворья был жестко ограничен и при уменьшении общего количества колхозных дворов, наблюдаемого в те годы, оставшаяся невостребованной земля возвращалась в пользование колхозов, а не перераспределялась среди оставшихся колхозников. Однако при общем сокращении посевов в коллективных хозяйствах республики удельный вес посевов колхозного крестьянства даже несколько возрос, несмотря на сокращение в абсолютных цифрах. Если в 1945 г. личные посевы крестьян занимали 5,8% от посевной площади колхозов, то в 1958 г. – 6,7% (Прил., табл. 1 и 4).

Структура посевов личных подсобных хозяйств колхозников за рассматриваемый период подверглась весьма незначительным изменениям. Основу составляли посадки картофеля – основного продукта питания жителей деревни. Удельный вес его несколько возрос. В 1958 г. данная культура составляла 85,6% от имевшейся посевной площади, против 72,5% – в 1945 г. За тот же период доля посевов зерновых сократилась с 10,7% до 7,2, а овощей – с 14,6 до 7,2% (Прил., табл. 4).

Эффективность полеводства в индивидуальных подсобных хозяйствах была высокой. Например, урожайность картофеля на приусадебных участках колхозников Троицко-Печорского района Коми АССР составляла в 1950 г. 150 ц с 1 га¹⁸⁸, что было довольно хорошим показателем. Достижение столь значительной урожайности объясняется тем, что колхозники вынуждены были тогда сеять картофель для личных нужд на небольших участках земли – не более 2–4 сотен кв. м. Соответственно, их было несравненно легче обрабатывать, проводить все агротехнические работы в оптимальные сроки, в отличие от общественного хозяй-

ства. Небольшие огороды по сравнению с колхозными полями были гораздо лучше удобрены, что непосредственно сказывалось на росте урожайности.

В рассматриваемый период произошли некоторые изменения в развитии животноводства в подсобных хозяйствах членов сельхозартелей Коми АССР. Численность крупного рогатого скота в личном пользовании снизилась с 1946 по 1959 г. с 23,7 тыс. голов до 16,4 тыс. (на 30,8%). Основу поголовья составляли коровы, доля которых в 1946 г. равнялась 87,8%, а в 1959 г. – 86,0%. Значительно уменьшилось и количество коз – с 7,5 тыс. голов до 2,5 тыс. соответственно, или в три раза. Количество овец осталось практически неизменным – около 27 тыс. Но следует и отметить резкий рост поголовья свиней. В 1959 г. их численность достигла 8,3 тыс., против 2,2 тыс. голов в 1946 г. (Прил., табл. 24). Снижение поголовья скота в личном пользовании колхозников было также связано с сокращением числа приусадебных хозяйств. Если в 1946 г. в колхозах насчитывалось 41 249 крестьянских дворов, то в 1958 г. – лишь 28 944 (снижение на 29,8%). Однако в уровне обеспечения крестьянских хозяйств скотом произошли положительные изменения. Так, если в 1946 г. 21,6% всех дворов не имели какого-либо скота, то в 1958 г. – лишь 14,0%. Соответственно, бескоровные хозяйства составляли 43,8 и 37,5% (Прил., табл. 23).

Следует отметить, что в рассматриваемый период подсобное хозяйство колхозников сохраняло, в основном, натуральный характер, товарность его была невысокой. Главной целью его ведения для колхозников было обеспечение семьи продуктами питания. Такой характер производства был обусловлен административными и налоговыми мерами со стороны государства. К концу 1950-х годов снизилось и государственное значение индивидуального производства. Так, в общем объеме заготовок доля обязательных поставок колхозников Коми АССР по мясу в 1952 г. составляла 23%, а в 1957 г. – лишь 10,2%; по молоку, соответственно – 31 и 7,1%¹⁸⁹. В 1957 г. все обязательные поставки с индивидуального колхозного подворья были отменены.

Итак, в развитии колхозного производства за 1946–1958 гг. произошли значительные изменения, носившие весьма противоречивый характер. До 1953 г. для колхозного производства Коми АССР были характерны, в основном, застойные тенденции, и даже элементы кризисного развития. Довоенный уровень экономического состояния восстановить не удалось. Однако благодаря коренному пересмотру аграрной политики советского государства в 1953г., заключавшегося в отказе от сверхпотребительского отношения к деревне и внедрения элементов государственной

поддержки колхозного сектора аграрного производства, основные экономические последствия войны были преодолены. В результате окрепла экономика колхозов, повысились натуральные и денежные доходы, появилась почва для того, чтобы труд колхозников стал более высокооплачиваемым, резко возросла механизация трудоемких процессов производства, значительно поднялся уровень электрификации.

К концу рассматриваемого периода колхозы давали значительную часть продукции земледелия и животноводства. В 1958 г. в Коми АССР ими было произведено 44,2% всей валовой продукции сельского хозяйства, в то время как в совхозах – 3,6%, остальные 52,2% приходились на индивидуальный сектор колхозников, рабочих и служащих и подсобные хозяйства промышленных предприятий, при этом 83% государственных закупок мяса и 87% молока было получено от колхозов. К концу рассматриваемого периода в республике насчитывался 301 колхоз, 820,2 тыс. га земельных угодий, в том числе 75,2 тыс. га пашни. Колхозы имели более 636 тракторов, 117 комбайнов, 392 автомашины и тысячи других сельскохозяйственных механизмов и орудий. Чуть менее половины колхозов были уже электрифицированы. Поголовье крупного рогатого скота артелей насчитывало в 1958 г. 65 тыс. голов, в том числе 32,5 тыс. коров, или 50,2% от общего поголовья; свиней – 14,5 тыс. голов, овец – 30,9 тыс., лошадей – более 22 тыс. (Прил., табл. 1, 12, 32, 34).

Но наряду с экономически окрепшими, в большинстве случаев укрупненными колхозами, в республике оставалось еще немало мелких, слабых, отстающих хозяйств. В колхозах ощущался недостаток сельскохозяйственных машин, необходимых для сбора урожая, проведения мелиоративных работ, удобрения полей, приготовления кормов, механической дойки коров и т.п. Остро стоял вопрос с обеспечением рабочей силой, эффективным использованием сельскохозяйственной техники. Тем не менее следует признать, что благодаря реформам 1950-х годов колхозам Коми АССР все же удалось достичь успехов в своем хозяйственном развитии.

ГЛАВА ВТОРАЯ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КОЛХОЗНОГО КРЕСТЬЯНСТВА В КОМИ АССР В 1946–1958 гг.

Материальное положение колхозников

В самом начале массовой коллективизации руководитель ЦК ВКП(б) И.В. Сталин утверждал, что “ближайшая задача” политического руководства СССР в процессе колхозного строительства – “сделать всех колхозников зажиточными”. Крестьянство убеждали, что “путь колхозов – единственно правильный путь”¹. Для того чтобы достигнуть “зажиточности” в самом недалеком будущем, от колхозников не требовалось ничего невозможного: “только одно – работать в колхозе честно, правильно использовать тракторы и машины, правильно использовать рабочий скот, правильно обрабатывать землю, беречь колхозную собственность”². По существу, данный свод правил мало чем отличался от традиционного, “доколхозного” отношения к труду и своему хозяйству российского земледельца. В 1948 г. глава Советского правительства вновь призвал “сделать все колхозы большевистскими, а колхозников – зажиточными”³.

В то же время реалии послевоенной колхозной деревни заставляют усомниться в искренности слов политического лидера страны. В параграфе “Положение колхозной деревни после Великой Отечественной войны” отмечалось, что к 1946 г. материальное положение колхозников Коми АССР ухудшилось по сравнению с периодом конца 1930 – начала 1940-х годов и было на очень низком уровне. Но и в последующий период 1946–1952 гг. главная сила колхозного строя (крестьянство) не только была далека от понятия “зажиточности”, т.е. достатка, отсутствия нужды в основных материальных благах, но, напротив, фактически поставлена на грань выживания. Материальное положение коми крестьянства, как и всего советского крестьянства во второй половине 1940 – начале 1950-х годов, имело устойчивую тенденцию к ухудшению. Натуральные выдачи на выработанные трудодни исчислялись граммами, денежные – копейками. Это время было

едва ли не самым тяжелым за всю историю колхозного крестьянства Коми АССР.

Советская историография, следуя принятой идеологии, утверждала, что благосостояние колхозников должно было напрямую зависеть от уровня экономического развития колхозов, членами которых они являлись. Из этого бесспорного утверждения следовал вывод, что колхозник был непосредственно заинтересован в развитии “общественного хозяйства”, ибо чем лучше он работал, тем крепче становилась экономика артели, тем в большей степени увеличивался размер фонда оплаты труда, тем значительнее улучшалось благосостояние колхозника. Эта логическая конструкция умело использовалась официальной пропагандой с целью стимулировать колхозное крестьянство к более интенсивному труду в колхозе.

Однако была одна деталь, которая постоянно замалчивалась, оставаясь, по сути, на самой поверхности, лишавшая указанный силлогизм всякого смысла. Речь идет о специфической системе ценообразования на производимую колхозом продукцию. Согласно принципам функционирования колхозной системы, артели были вынуждены в обязательном порядке реализовывать большую часть производимых продуктов государству по его же строго установленной цене. Фактически государство изымало из аграрного производства не только весь прибавочный продукт, но и часть необходимого. Как уже отмечалось, именно от государственной политики в области ценообразования и системы сбыта аграрной продукции и зависел уровень экономического развития колхозов, и, следовательно, размер оплаты труда колхозного крестьянства. Таким образом, материальное благосостояние членов сельскохозяйственных артелей зависело от интенсивности их трудового участия в общественном хозяйстве едва ли не в последнюю очередь.

Формально государство не несло никакой ответственности за положение колхозников, перекладывая все бремя на них самих, внешне следуя перевернутой логике: если доход крестьянина оказывался слишком мал, это означало лишь одно – он плохо работал и все претензии должен предъявлять себе. На практике ситуация была совершенно иная: в колхозах Коми АССР разрыв оплаты труда между “передовиками” сельского хозяйства, работавшими “не покладая рук” и выработывавшими большое количество трудодней и “нерадивыми” колхозниками, едва отработавшими обязательный минимум в 100 трудодней, был совершенно незначительный. Более того, среднегодовая выработка одного трудоспособного мужчины в период с 1946 по 1952 г. повысилась с 331 до 336 трудодней, в то время как денежное содержание трудо-

дня сократилось более чем в 2 раза (Прил., табл. 42 и 52). При этом некоторая часть реально выработанных колхозниками трудодней не оплачивалась под предлогом борьбы с их “разбазариванием”, т.е. необоснованным начислением. Например, в колхозах Коми АССР в 1948 г. было не оплачено 256 тыс. выработанных трудодней, а в 1952 г. – 236 тыс. (Прил., табл. 41). Представитель Совета по делам колхозов при Совете Министров СССР по Коми АССР И. Старухин отмечал в 1948 г., что во многих колхозах республики “записи трудодней в трудовые книжки производились часто с большим опозданием, трудовые книжки на руки колхозникам не выдавались и колхозники не знали до конца года сколько они выработали трудодней”⁴, что создавало условия для любых злоупотреблений.

Общая сумма денежных средств в колхозах Коми АССР, распределенная на трудодни в период с 1946 по 1952 г., неуклонно снижалась с 19,2 млн руб. (или 35,7% от всей суммы дохода) до 7,8 млн руб. (или 16,5% от всей суммы дохода), сократившись, таким образом, номинально и относительно почти в 2,5 раза. Представляется, что это происходило в связи с необходимостью жесткой экономии “фонда заработной платы” с тем, чтобы была возможность совершать различные обязательные платежи в полном объеме, а также иметь часть средств на собственное развитие. С 1946 по 1949 г.⁵ значительно возросло число колхозов Коми АССР без выдачи денег по трудодням – с 53 до 94 хозяйств, а с выдачей до 60 коп. – с 258 до 395 хозяйств, соответственно. Таким образом, удельный вес артелей без выдачи денег и с выдачей до 60 коп. в 1949 г. был равен 71,8% от их общего числа, против 38,3% в 1946 г. При этом число благополучных артелей, выдававших свыше 2,5 руб. на выработанный трудодень, сократилось – с 98 (14,6% всех хозяйств) в 1946 г. до 53 (7,8% всех хозяйств) в 1949 г. (Прил., табл. 53).

В 1948 г. среднегодовая выработка в колхозах Коми АССР одним трудоспособным мужчиной равнялась 311 трудодням, при денежной оценке одного трудодня в 1 руб. 18 коп. (Прил., табл. 42 и 52). Следовательно, средний годовой доход трудоспособного колхозника от работы в общественном хозяйстве колхоза в 1948 г. был равен 366 руб. 98 коп., или 30 руб. 58 коп. в месяц. Важно учесть при этом, что доход женщин, подростков и нетрудоспособных был еще ниже, потому что они, как правило, выработывали меньшее количество трудодней. Конечно, это были только средние показатели по республике. Уровни оплаты труда в различных колхозах Коми АССР значительно отличались друг от друга. Например, в оленеводческом “колхозе-миллионере” им. В.И. Ленина с. Петрунь Кожвинского района Коми АССР в

1947 г. на один трудодень были выданы 13 руб. 53 коп. и 420 г мяса⁶. В 1952 г. в передовом оленеводческом хозяйстве “Путь Ленина” Ижемского района семья колхозника А.Е. Канева получила за год 13 тыс. руб., 786 кг мяса, 480 кг хлеба⁷. Следует отметить, что это были достаточно редкие, можно сказать, единичные случаи. В основном в колхозах республики деньги на трудодни колхозникам не выдавались из года в год, а, кроме того, в большинстве колхозов выплаты проводились значительно ниже среднереспубликанского уровня. Так, в 1947 г. деньги не выдавались в 65 колхозах (в 9,6% от их числа), а менее одного рубля на трудодень было распределено в 363 артелях (53,7%) (Прил., табл. 54). Например, в 13 крупных колхозах Усть-Вымского района Коми АССР (“1 Мая”, им. Маленкова, “Победа”, им. Хрущева, “Путь Сталина”, им. Молотова и др.), колхозники получали на трудодни от 10 до 50 коп.⁸ Важно учесть при этом, что карточная система распределения продуктов, существовавшая в СССР до конца 1947 г., на крестьян не распространялась⁹.

В период с 1946 по 1952 г. доходы колхозников от работ в общественном хозяйстве имели устойчивую тенденцию к сокращению. Средняя денежная оценка трудодня в артелях Коми АССР в 1952 г. была равна всего 63 коп., против 64 копеек в 1940 г., т.е. ниже довоенного уровня, и 1 руб. 39 коп. в 1947 г. – в 2,2 раза ниже самого высокого показателя оплаты крестьянского труда в период с 1946 по 1953 г. (Прил., табл. 52).

Следует подчеркнуть, что подобный уровень денежных доходов не мог в должной мере обеспечить воспроизводство рабочей силы. В доказательство можно привести данные о единых государственных розничных ценах на продукты питания, введенные приказом Министерства торговли СССР за № 550 от 14 декабря 1947 г. в рамках проводимой в стране денежной реформы и отмены карточной системы распределения продовольственных и промышленных товаров. Так, в государственной торговле новая цена на килограмм ржаного хлеба равнялась 3 руб. 20 коп., пшеничного – 7 руб. 80 коп., на килограмм сахара – 16 руб. 50 коп., на килограмм растительного масла – 32 руб., стограммовая пачка чая стоила 16 руб., бутылка водки – 60 руб.¹⁰

Таблица 56 Приложения содержит данные о научно обоснованных нормах потребления пищевых продуктов трудоспособным мужчиной, занятым физическим, немеханизированным трудом средней степени тяжести. Так, в конкретном случае, необходимый годовой уровень потребления хлебных продуктов составляет 259,1, картофеля – 109,5, мяса – 91,2, молока – 182,5, масла сливочного – 12,7, растительного – 7,3 кг, яиц – 365 шт., сахара – 36,5 кг и т.д. Список состоит из 18 незаменимых продуктов. Ука-

занные нормы учитывают, кроме общей калорийности питания для различных категорий населения (возраст, пол, условия труда, климатические и сезонные факторы), и правильное соотношение между отдельными составляющими пищи – содержанием жиров, белков, углеводов и витаминов, которые обеспечивают оптимальные потребности человеческого организма. Они рассчитываются вне зависимости от реальных размеров производства продуктов и наличия денежных средств у населения.

Таким образом, приблизительная стоимость необходимого набора продуктов питания, исключая картофель, для третьего ценового пояса СССР, куда входила и Коми АССР, составляла после денежной реформы декабря 1947 г. – 8852 руб. 42 коп. в год, или 737 руб. 70 коп. в месяц, при условии его покупки в системе государственной розничной торговли. Денежный доход на выработанные трудодни, полученный в среднем одним трудоспособным колхозником Коми АССР в 1948 г. (322 руб. 14 коп. в год), составлял всего 3,6% от указанной суммы (Прил., табл. 42 и 52).

Колхозники-механизаторы Коми АССР имели доход несколько выше. Прежде всего это касалось выдач зерна по так называемому гарантийному минимуму, т.е. нормы, составлявшей до 1947 г. 3 кг зерна на трудодень, независимо от итогов хозяйственной деятельности артели, а после 1947 г. – 2 или 3 кг зерна, в зависимости от выполнения плана¹¹. Кроме того, гарантийный минимум распространялся и на денежную составляющую трудодня, которая должна была быть не ниже 2,5 руб., а с февраля 1947 г. – не ниже 4 руб.¹² При недостатке оплаты со стороны колхоза государство в обязательном порядке дотировало разницу. Размер выдачи остальных продуктов на трудодни механизаторам был в том же объеме, что и остальным колхозникам. Но и при таком порядке оплаты труда доходы трактористов и других механизаторов были низкими. Это признавала и советская историография. Например, видный исследователь истории механизации сельского хозяйства СССР Ю.В. Арутюнян еще в 1958 г. отмечал, что “хотя денежный гарантийный минимум в послевоенные годы значительно вырос, тем не менее среднегодовой заработок механизаторов в абсолютном выражении не соответствовал их квалификации”¹³.

В 1952 г., например, максимальная выработка трактористов Коми АССР составляла 300 трудодней в год. На них, по гарантийному минимуму, можно было рассчитывать на выдачу 600 кг зерна и 1200 руб. деньгами, т.е. в среднем по 100 руб. в месяц. Тогда как в том же году денежная оплата трудодней “простого” трудоспособного мужчины в колхозах республики, при очень высокой средней выработке в 336 трудодней, была равна

228 руб. 69 коп. в год, или 19 руб. 6 коп. в месяц (Прил., табл. 42 и 52). Общая оценка совокупного (денежного и натурального) дохода тракториста за 1952 г. оценивалась в 2–2,5 тыс. руб., что было достаточно скромной суммой. Из-за материальной незаинтересованности трактористов в своем труде ежегодно наблюдалась большая текучесть кадров¹⁴. В системе МТС Коми АССР в период с 1946 по 1953 г. также ощущался значительный недостаток механизаторов.

Следовательно, труд в колхозах Коми АССР в период 1946 – 1952 гг. оставался крайне низкооплачиваемым. Уровень оплаты труда в других отраслях народного хозяйства (и даже в системе образования) был гораздо выше. Для сравнения, в 1948 г. стипендия учащегося Нижне-Човской сельскохозяйственной школы равнялась 140 руб., стипендия слушателя курсов электромехаников при Сыктывкарском лесном техникуме – 500 руб., оклад слесаря Сыктывкарской нефтебазы – 500 руб., без учета северной надбавки и премиальных оклад санитарного врача в городском тресте столовых – 880 руб.¹⁵

В то же время уровень оплаты труда в колхозном производстве серьезно отставал от такового даже в других областях сельского хозяйства. Зарботки совхозного рабочего были более высокими и стабильными (один человекодень оценивался в 15 руб.), деньги выплачивались ежемесячно¹⁶. В системе МТС, например, в 1952 г., когда трудоспособный мужчина в колхозе имел годовой доход в 211 руб. 68 коп., шофер грузовой машины получал в среднем 522 руб. в месяц, работник пожарно-сторожевой охраны – 387 руб., инженерно-технический сотрудник административного аппарата – 1381 руб.¹⁷

Недостаток денежных средств на покупку питания колхозникам могли бы восполнить натуральные выдачи на трудодень. Однако их структура и размеры не позволяли справиться с этой задачей. Из всех производимых колхозами продуктов на трудодни в основной массе артелей Коми АССР распределялись лишь зерно, сено и солома. Несмотря на то что средняя выдача зерновых на один трудодень несколько возросла – с 420 г в 1946 г. до 523 г в 1952 г., сена – с 1 кг до 1 кг 208 г, она оставалась значительно ниже, чем в довоенный период. В 1940 г. в среднем по колхозам республики зерна было выдано 960 г, сена – 2, 242 кг на трудодень. Выдача соломы снизилась со 140 до 33 г на один трудодень, против 773 г в 1940 г. (Прил., табл. 52).

В 1949 г. число колхозов, не распределявших зерновые на трудодни, возросло до 94, против 37 коллективных хозяйств в 1940 г. и 89 хозяйств в 1946 г. В то же время количество колхозов с выдачей более 1 кг зерна увеличилось с 50 хозяйств в 1946 г. до

120 артелей в 1949 г., что, несомненно, является прогрессивным моментом. Однако уровень 1940 г. (265 хозяйств) не был достигнут и наполовину (Прил., табл. 55).

Если у колхозников не было бы возможности проводить выпас своего скота на колхозных лугах и получать часть сена при сеноуборочной кампании (на особо учитываемые “сеноуборочные трудодни”¹⁸), то уровень выдачи кормов на остальные трудодни не позволял бы вести домашнее животноводство. Указанный объем распределения кормов не соответствовал необходимому уровню прокорма домашней скотины. Например, в Коми АССР в среднем за 1950 г. на один колхозный двор было выработано 380,9 трудодня, на которые выдано 183,6 кг зерна, 384 кг сена, 118,9 кг соломы (Прил., табл. 40 и 52), что было явно недостаточно для того, чтобы прокормить корову в стойловый период, продолжавшийся иногда в условиях Коми АССР до восьми месяцев¹⁹. Для сравнения – необходимая годовая норма кормления одной головы крупного рогатого скота для южных и центральных районов республики составляла 24 ц грубых кормов, 50 ц – сочных и 2,5 ц – концентрированных кормов, для северных – 28, 60 и 3 ц, соответственно²⁰.

Выдача таких важных и необходимых продуктов питания для человека, как картофель и другие овощи, тоже оставалась символической. В среднем на один выработанный трудодень в 1946 г. в сельскохозяйственных артелях республики были выданы 50 г картофеля и 80 г других овощей. Эти показатели значительно снизились к 1952 г., составив, соответственно, 38 и 7 г. Продукция животноводства и продукты ее переработки (мясо, сало, молоко, яйца, сливочное масло, сыр, сметана), являющиеся особенно ценными и полезными в пищевом отношении, за работу в колхозе фактически не выдавались (Прил., табл. 52). В среднем в период с 1946 по 1950 г. (годы четвертой пятилетки) в сельскохозяйственных артелях республики было выдано на один трудодень 23 г мяса и 31 г молока.

Практикуемые государством “ножницы цен” на продаваемые промышленные товары и закупаемую сельскохозяйственную продукцию были значительны²¹. Например, цены на товары первой необходимости на селе были следующими: литр керосина стоил в начале 1948 г. 2 руб. 50 коп., пачка папирос “Казбек” – 6 руб. 30 коп., “Беломорканал” – 4 руб., кусок мыла – 5 руб. 20 коп., валенки с резиновыми галошами – 261 руб.²² Можно утверждать, что в 1948 г. такие “предметы роскоши”, как наручные часы “Заря” или “Зиф” за 900 руб., патефон ПТ-3, тоже за 900 руб., радиоприемник “Рекорд” за 600 руб., чистошерстяной мужской костюм из бостона за 1400 руб. были совершенно недо-

ступны колхозникам²³. В таблице 59 Приложения приведены годовые нормы гардероба для взрослых мужчин и женщин, а в 57 Приложения – единые государственные розничные цены на промышленные товары массового потребления, введенные реформой декабря 1947 г. Таким образом, только для того, чтобы обеспечить годовую потребность человека в хлопчатобумажных, шерстяных и шелковых тканях, не говоря уже о готовой одежде и обуви, потребовалось бы в 1948 г. приблизительно 2202 руб. Среднегодовой денежный доход трудоспособного колхозника Коми АССР от работ в общественном хозяйстве в том же году (322 руб. 14 коп.) покрывал лишь 14,6% от указанной суммы (Прил., табл. 52, 59).

Следовательно, в материальном обеспечении колхозник не мог рассчитывать на доходы от своего труда в общественном хозяйстве колхозов. Основную роль в жизнеобеспечении крестьянской колхозной семьи в рассматриваемые годы играло индивидуальное подсобное хозяйство. Именно оно обеспечивало крестьянина и его близких продуктами животноводства, финансовыми средствами за счет продаж излишков продукции. Следует отметить, что урожайность основных сельскохозяйственных культур и продуктивность животноводства в индивидуальном хозяйстве была гораздо выше, чем в колхозах.

В послевоенный период (до 1953 г.) личное подсобное хозяйство членов коллективных хозяйств находилось под мощным налоговым прессом со стороны государства. В 1946 г. был отменен тяжелый чрезвычайный военный налог, введенный с 1 января 1942 г. дополнительно к сельскохозяйственному и носивший подушный характер²⁴. Однако существовавший уровень денежного и натурального налогообложения продолжал сдерживать развитие крестьянского подворья.

С 1939 г. действовал весьма обременительный прогрессивный денежный сельскохозяйственный налог, ставки которого зависели от доходности, устанавливаемой государством, вне зависимости от реальных поступлений каждого колхозного двора. Эти нормы могли в несколько раз превышать фактический доход. Крестьяне должны были ежегодно оплачивать каждую “сотку” используемой земли, каждую голову домашнего скота, каждое плодородное дерево или ягодный куст, а также определенный процент от “неземледельческих заработков”. С июля 1948 г. ставки налога были несколько повышены ввиду (как сообщалось) “роста доходов колхозников от индивидуального подсобного хозяйства, а также доходов единоличных крестьянских хозяйств”²⁵. Размер выплат исчислялся следующим образом: с дохода до 2 тыс. руб. взималось по 11 коп. с каждого рубля дохода; от 2 до

3 тыс. – 220 руб. с хозяйства и по 13 коп. с каждого рубля сверх 2 тыс.; при доходности от 3 до 4 тыс. руб. – 350 руб. и по 16 коп. сверх дохода, превышающего 4 тыс., и т.д.²⁶ Единые размеры доходности устанавливались по административным частям СССР. Так, доходность одной коровы в хозяйстве колхозника была установлена в среднем для районов РСФСР в 2540 руб., а для Коми АССР – в 1800 руб.²⁷ С 1948 г. налог на содержание коровы составил 198 руб. При этом в колхозах Коми АССР средний годовой доход от работ в общественном хозяйстве на один крестьянский двор был равен в 1948 г. 373 руб. 59 коп. Следовательно, в том же году 53% среднего дохода колхозной семьи от работ в колхозе (Прил., табл. 40) тратилось только на оплату налога на корову, но необходимо еще было заплатить за земельную площадь, садовые культуры, остальной скот. Например, колхозница Е.М. Семяшкина артели им. Маленкова Троицко-Печорского района, имея в личном приусадебном хозяйстве одну корову, 390 кв. м посевной площади под картофель, 20 кв. м под остальные овощи и 1,5 га – под сенокос, выплатила в 1950 г. сельскохозяйственный налог в размере 539 руб. 4 коп.²⁸

Таким образом, неудивительно, что 42,6% всех колхозных дворов Коми АССР, т.е. немногим менее половины, в 1948 г. были бескоровными, а 21,8% – не имели никакого скота (Прил., табл. 23). 19 февраля 1933 г. в речи на I Всесоюзном съезде колхозников-ударников глава политического руководства страны И.В. Сталин признавал, что “конечно, у Советской власти было в недавнем прошлом (в период первых лет массовой коллективизации. – *Авт.*) маленькое недоразумение с колхозницами. Дело шло о корове. Но теперь дело с коровой устроено и недоразумение отпало”²⁹. В действительности эти слова были не более чем политической уловкой. Отказавшись от прямого административного запрета на содержание коровы, из опасений возможного сопротивления со стороны крестьян, власть стала практиковать меры не столь прямого и явного – административного, а скрытого, экономического характера, устанавливая непосильное налогообложение. Их истинный смысл не всегда доходил до сознания крестьян.

Законом предусматривалась 50%-ная льгота по уплате сельскохозяйственного налога с хозяйств престарелых нетрудоспособных мужчин в возрасте от 60 лет и старше, и женщин – от 55 лет и старше, но лишь в том случае, если трудоспособные члены их семей “не принимали участия личным трудом в хозяйстве”. Таким образом, если, например, сын помогал престарелой матери вскопать грядки, наносить для полива воды, наколоть дров и т.п., то этими действиями он мог лишить ее права на льготу при налогообложении. В свою очередь, для хозяйств, в которых тру-

доспособные члены не вырабатывали обязательного годового минимума трудодней, сельскохозяйственный налог со всего двора увеличивался на 50%, для хозяйств с исключенными из колхоза – на 75%³⁰.

Подобная налоговая политика не только не стимулировала рациональное ведение подсобного хозяйства, но и наносила ему прямой ущерб, становилась неодолимым препятствием роста благосостояния колхозников, в обеспечении крестьянских хозяйств скотом. Для того чтобы уменьшить налог, колхозники вынужденно и в массовом порядке сокращали поголовье домашних животных, занимали приусадебные участки менее доходными, с точки зрения государства, культурами, содержали менее доходные виды скота. Например, налог на козу был значительно ниже налога на корову, что обуславливало широкое распространение коз в относительно бедных крестьянских хозяйствах, не справлявшихся с расходами на содержание коровы. В годы первых послевоенных пятилеток колхозники иронично именовали козу “сталинской коровой”³¹, поскольку она также, как и корова, давала молоко и мясо, правда, в не столь больших размерах, а стоимость содержания, исходя из налоговой политики государства, была значительно ниже. “Доходность” коровы в Коми АССР государство расценивало в 1800 руб., а козы – всего в 140 руб., т.е. в 12,8 раза меньше³².

Кроме сельскохозяйственного налога, колхозный двор ежегодно выплачивал обязательные страховые платежи, добровольное самообложение, местные налоги, в “добровольно-принудительном” порядке выкупал облигации разных государственных займов, которые в первые годы после войны составляли более 7% доходов государственного бюджета³³. Например, только в 1947 г. при реализации Второго государственного займа восстановления и развития народного хозяйства СССР колхозники Коми АССР дали займы государству 5,25 млн руб., что составило в среднем по 129 руб. с каждого наличного колхозного двора³⁴. Большая часть средств была внесена наличными деньгами, остальная – долговыми обязательствами. С санкции партийных органов республики мероприятия по сбору средств с населения проходили под лозунгом “Трех-четырёхнедельный заработок – займы государству!” и считались “важнейшей политической кампанией”³⁵.

Практика денежных заимствований у населения была прекращена лишь в 1958 г. Государство постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 апреля 1957 г. “О государственных займах, размещаемых по подписке среди трудящихся Советского Союза”³⁶ отказалось от выпуска новых займов, однако выплаты по всем предыдущим видам послевоенных заимствований

заморозило на срок от 20 до 25 лет, что фактически означало окончательное присвоение собранных ранее денежных средств. О том, насколько значительными были эти средства, говорит тот факт, что на 1 апреля 1958 г. внутренний государственный долг СССР по ним составлял 260 млрд руб.³⁷

Кроме того, с 1952 г. до второй половины 1953 г. продукты и деньги, получаемые колхозниками по трудодням, облагались подоходным налогом. Все налоги имели силу закона, а их невыплата или нарушение сроков расценивались как государственное преступление. К работе налоговых агентов, как правило, привлекалась вся колхозная администрация. При значительных недоимках имущество должника конфисковалось в пользу государства. За долги по решению народного суда могли изъять скот, урожай, личное имущество.

С 1946 по 1952 г. наблюдался стремительный рост ставок налогообложения в деревне. В целом, по сельской местности СССР решением партии и правительства общий размер налогов был повышен в 1948 г. на 30%, по сравнению с 1947 г., при этом налогооблагаемая база оставалась неизменной. Сумма сельхозналога, с учетом всех повышений, возросла в 1952 г. (по сравнению с 1951 г.) в среднем в 1,5–2 раза³⁸. Были отменены некоторые льготы³⁹. В экономически слабых колхозах, которых в Коми АССР было большинство, общая сумма всех налогов и сборов с крестьянского двора, как правило, превышала денежные доходы колхозной семьи от работы в общественном хозяйстве и должна была покрываться за счет продажи значительной части продуктов, полученных с личного приусадебного участка. Из года в год накапливалась задолженность колхозников по недоимкам. По СССР общая сумма сельхозналога выросла с 1,9 млрд руб. в 1940 г. до 8,3 млрд руб. в 1951 г., т.е. в 4,3 раза⁴⁰.

Кроме денежного налога колхозный двор выплачивал и натуральный, так называемые “государственные поставки”, причем (в отличие от сельскохозяйственного) независимо от поголовья скота в личной собственности и вида возделываемых культур. Например, в Коми АССР ежегодная норма обязательной сдачи молока государству с каждого колхозного двора в северных районах республики (Ижемского, Усть-Цилемского, Усть-Усинского, Кожвинского и г. Воркута) составляла 250 л. Для колхозов центральных районов республики (Сыктывдинского, Корткеросского, Сторожевского, Усть-Куломского, Усть-Вымского, Железнодорожного, Удорского, Троицко-Печорского, Ухтинского и г. Сыктывкар) она была на уровне 180 л, для колхозов южных районов республики (Летского, Прилузского и Сысольского) – 140 л. Госпоставки молока можно было сдавать в эквиваленте

маслом, мясом, салом и т.д.⁴¹ Заготовительные цены на сдаваемую продукцию были крайне низкими, можно сказать, символическими. Так, в 1946 г. (в период высочайших послевоенных цен и всеобщей дороговизны) в Коми АССР литр молока базисной жирности со стороны государства оценивался всего в 25 коп. (при государственной розничной цене в конце 1947 г. в 5 руб. и в 1950 г. – 2 руб. 70 коп.), килограмм мяса – всего в 14 коп. (при государственной цене в конце 1947 г. в 32 руб., а в 1950 г. в 11 руб. 40 коп.)⁴², килограмм сливочного масла – в 4 руб. 50 коп. (розничная цена на конец 1947 г. – 66 руб.)⁴³. Кроме молока колхозный двор должен был сдавать и другую животноводческую и полеводческую продукцию: мясо – от 40 до 60 кг, яйца – от 30 до 150 шт. в год, шерсть, зерно, картофель и т.д. По некоторым данным, в регионах европейского Севера в рассматриваемый период доля хозяйств недоимщиков по мясу составляла 12–18%, по молоку – до 33%⁴⁴. Лишь со снижением размеров госпоставок в сентябре 1953 г. число недоимщиков резко пошло на убыль. Доля колхозных дворов, не выполнивших обязательств по поставкам мяса, составила в Коми АССР в 1953 г. – 19%, в 1956 г. – 8, по молоку – 16 и 3,5%, соответственно⁴⁵.

Исходя из современных представлений о налоговом законодательстве, ситуация с обложением государственными поставками крестьянского подворья выглядит абсурдной. Колхозник был обязан уплачивать натуральный налог даже с того, чем он не владел. Отсутствие в хозяйстве коровы, поросят, кур, овец и коз вовсе не освобождало от обязательств по сдаче молока, мяса, яиц и шерсти. Законом устанавливалось, что “выполнение обязательств по поставке продуктов государству является *первоочередной обязанностью каждого* (курсив наш. – Авт.)... колхозного двора... что преднамеренное невыполнение обязательств будет караться законом”⁴⁶. Иногда доходило до того, что колхозник был вынужден на собственные средства докупать на рынке или у соседей недостающие продукты для сдачи государству.

Таким образом, личное подсобное хозяйство колхозников во второй половине 1940 – начале 1950-х годов было объектом двух противоречивых тенденций. С одной стороны, денежный налог вынуждал крестьян максимально сокращать поголовье своего скота, структуру и размер посевов, с другой – полностью отказаться от ведения индивидуального хозяйства мешали натуральный налог и угроза голода. Создается впечатление, что государство сознательно и целенаправленно стремилось держать экономику крестьянского подворья в указанном “полуживом” состоянии. На наш взгляд, власть руководствовалась теми соображениями, что допустить его неограниченный расцвет и всемерное раз-

витие было нельзя, ибо это могло в перспективе привести к реанимации и усилению (на базе материальной независимости и финансовой состоятельности) объективно враждебной пролетарскому государству мелкобуржуазной социальной среды – зажиточного крестьянства, “рождающее капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе”⁴⁷, а также дискредитации самой идеи колхозов. Кроме негативных политических последствий подобное усиление “частного сектора” могло принести и значительный экономический ущерб сельскохозяйственным артелям, максимально переориентировав крестьян на работу в личном хозяйстве, что, с точки зрения принятой политико-экономической доктрины, было недопустимо. С другой стороны, правительство понимало, что оставить в тех условиях крестьян без приусадебного хозяйства, означало бы поставить их на грань вымирания, а кроме того, лишить государственный бюджет удобной налоговой базы.

Важным фактором, влияющим на уровень материального благосостояния граждан Советского Союза, в тот период стала знаменитая кампания по плановому снижению государственных розничных цен, начатая в декабре 1947 г. в связи с денежной реформой и отменой карточек и проводимая до 1954 г. включительно по инициативе главы политического руководства СССР И.В. Сталина. Практически ежегодно правительство законодательно снижало цены на продовольственные и промышленные товары, реализуемые через систему государственной торговли, в среднем на 10–20%. Всего с 1947 г. цены снижались 7 раз. Как правило, документ по данному поводу выходил 1 апреля и распространяли его все средства массовой информации, самым демократичным и доступным было радио. Ежегодно в этот день с утра люди в ожидании собирались у репродукторов и радостно внимали голосу диктора Левитана, который приносил им столь приятное и долгожданное известие. Всего к 1952 г. товары народного потребления подешевели на 43% по отношению к уровню, установленному в конце 1947 г.⁴⁸ За весь период указанной кампании, с 1947 по 1954 г. включительно (т.е. всего за семилетие!), индекс цен упал в 2,3 раза⁴⁹. К концу 1950 г. товарооборот в Коми АССР превысил в сопоставимых ценах аналогичный показатель 1945 г. в 3 раза⁵⁰.

Это мероприятие было широко разрекламировано и преподносилось как неопровержимое свидетельство того, что власть делает все возможное, чтобы улучшить жизнь советских людей, даже ценой таких беспрецедентных шагов. И стоит признать, что цена была действительно велика. К примеру, сама денежная реформа 1947 г. и связанное с ней первое снижение цен нанесли го-

сударственному бюджету 57 млрд руб. чистого убытку, а очередные снижения цен причинили ущерб казне в 1949 г. в 48 млрд руб.⁵¹, в 1951 г. – 80 млрд руб.⁵²

Для иллюстрации можно привести следующие данные. Например, с 1 марта 1949 г. цены были снижены на хлеб, муку, мясо, рыбу и масло – на 10%, водку – на 28, ткани – 12–15, ювелирные изделия – на 20, цемент и некоторые другие стройматериалы – на 30, комбикорма – на 20, мотоциклы, велосипеды и телевизоры – на 15–25%⁵³. Излишне говорить о том, что столь ощутимое снижение цен имело колоссальный внутрисполитический эффект. Выражаясь современным языком, “рейтинг” Сталина или уровень доверия к нему со стороны советского общества вновь, как и во время Великой Отечественной войны, достиг запредельных высот. Газеты были полны такими заголовками: “Спасибо родному Сталину”, “Новое проявление сталинской заботы о людях”, “Глубокая признательность”, “Отечественная забота о советском народе”, “Сердечная благодарность”, “Вся страна приветствует решения партии и Правительства”⁵⁴. И подобные настроения разделяло большинство граждан Советского Союза.

В результате этих мер значительно вырос товарооборот. Только в 1948 г., по сравнению с 1947 г., в Коми АССР было продано больше сахара (в 2 раза), растительных жиров (на 94%), рыбы (на 46%), муки (на 76%), промтоваров (на 40%)⁵⁵. По всему СССР, только за период с 1950 по 1955 г. (годы пятой пятилетки) за счет политики снижения цен розничный товарооборот увеличился: по мясу – в 2,2 раза, рыбе – в 1,85, по сливочному маслу – в 1,58, по растительному – в 2,22, по одежде – в 1,98, по обуви – в 1,68, по мебели – в 3,07 раза⁵⁶.

Однако следует признать, что улучшение жизненного уровня коснулось, прежде всего, городского населения – рабочих и служащих. Даже при условии неизменной номинальной величины заработной платы, ее реальный вес должен был увеличиться почти в 1,5 раза, так как, соответственно, возросла покупательная способность советского рубля. В то же время средняя денежная оплата трудодня колхозникам Коми АССР в период с 1947 по 1952 г. сократилась в 2,2 раза (Прил., табл. 52). Следовательно, даже если учесть рост рубля, реальный размер оплаты труда колхозников снизился приблизительно на четверть. Кроме того, сельская местность была довольно слабо охвачена системой государственной торговли, а в немногочисленных торговых точках правительство устанавливало цены на промышленные товары на 10–20% выше, чем в городе⁵⁷. Как и в старину, крестьяне зачастую были вынуждены за многими товарами ездить в город.

Важно отметить и следующее обстоятельство. Как это ни покажется парадоксальным, именно снижение цен в государственной торговле нанесло колхозному крестьянству прямой и довольно значительный ущерб. Известно, что большую часть денежных доходов крестьянский двор получал за счет продаж продуктов, полученных из личных приусадебных хозяйств на колхозном рынке. Под колхозным рынком не обязательно подразумевается городской рынок. Например, в Коми АССР большинство колхозников удаленных от городов артелей предпочитали продавать свои продукты в многочисленных рабочих поселках лесозаготовителей. Снабжение рабочих в то время оставляло желать лучшего⁵⁸, и они охотно покупали у крестьян свежее молоко, мясо, овощи. Любопытно, что такая продажа не облагалась никаким специальным налогом.

Рыночные цены на продукты питания во время войны и послевоенный период были очень высокими, что обуславливало во многом доходность крестьянских хозяйств. Снижение государственных цен формально не распространялось на колхозный рынок, однако непосредственное падение цен на товары массового потребления вызвало почти синхронное их сокращение и в колхозной торговле. Таким образом, в конце 1940-х годов крестьянин из года в год попадал в весьма невыгодное положение. Он должен был приспосабливаться: либо отрывать от себя последнее, увеличивать объем продаж, стремясь не допустить резкого снижения финансовых поступлений, обрекая, тем самым, семью на недоедание, либо терпеть убытки. Нельзя при этом забывать, что государство зорко следило за размером приусадебного участка колхозника и количеством скота, жестко ограничивая и то, и другое, с целью снизить товарность индивидуального приусадебного хозяйства, вынудив, таким образом, работника принимать активное участие в “общественном хозяйстве”. Конечно, это касалось в основном колхозников, у которых была возможность найти канал реализации произведенной ими сельскохозяйственной продукции. Для членов сельскохозяйственных артелей, удаленных от городов и промышленных центров, а следовательно, и от колхозного рынка, которых в Коми АССР было большинство, проблема являлась не столь актуальной, ибо они вели исключительно натуральное хозяйство.

В условиях фактического отсутствия денежных средств у колхозников чрезвычайно важную роль в материальном обеспечении их семей приобретали разные государственные социальные пособия. На престарелых членов сельскохозяйственных артелей не распространялась система государственного пенсионного обеспечения, исключая председателей колхозов, специалистов

сельского хозяйства и механизаторов, перешедших в колхозы после реорганизации МТС в 1958 г. Правом на пенсию пользовались только инвалиды Великой Отечественной войны⁵⁹. Следует отметить, что в связи с общесоюзной пенсионной реформой, проводимой с мая 1956 г., колхозники приобрели право на пособие по старости в размере десяти трудодней и 50 руб. ежемесячно за счет средств колхоза⁶⁰, что было, однако, в 6 раз меньше самой минимальной пенсии рабочих и служащих⁶¹.

В рассматриваемый период первостепенное значение приобретали денежные пособия матерям по многодетности, а также пособие по потере кормильца. Государство, в целях повышения рождаемости, с одной стороны, еще до войны ввело уголовное преследование за аборты, с другой – оказывало необходимую материальную поддержку многодетным семьям. Например, в период с 1946 по 1952 г. колхозница артели им. Мичурина Сыктывдинского района Е. Сивкова, имевшая 11 детей, получила от государства в общей сложности 17 тыс. руб.⁶² Детям, отцы которых не вернулись с фронта, также в обязательном порядке полагалось денежное пособие.

Единственной категорией колхозного населения, чьи доходы не только не сократились за весь период с 1946 по 1958 г., но были достаточно высокими и стабильными и имели явную тенденцию к росту, был высший административно-управленческий персонал колхозов – правление, во главе с председателем. В 1958 г. колхозы Коми АССР потратили на административные расходы 4,7 млн руб. (3,2%), против 2,5 млн руб. (5,3%) в 1952 г., 1,6 млн руб. (3,0%) в 1946 г. и 0,6 млн руб. (1,3%) в 1940 г. (Прил., табл. 38). В то же время численность административного аппарата колхозов сократилась в связи с укрупнением колхозов в 1950 г. с 3280 человек в 1946 г. до 2212 человек в 1952 г. и в дальнейшем этот процесс продолжался (Прил., табл. 48).

Столь высокий рост доходов “белых воротничков” колхоза, несмотря на снижение количества начисленных им трудодней с 1280 тыс. в 1940 г. до 815 тыс. в 1952 г. и 998 тыс. в 1958 г. (Прил., табл. 48), был обусловлен существовавшей системой оплаты труда административных работников, которая принципиально отличалась от принятой для всех остальных колхозников и носила выраженный характер социальной гарантии.

Денежная составляющая доходов администрации была несоизмеримо большей, чем у колхозников, так как законом предписывался следующий порядок их начисления: председателю правления *ежемесячно* начислялась денежная доплата не менее 25, но не более 400 руб., в виде определенного процента от размера валового годового денежного дохода колхоза, 70% выплачивалось

“авансом”, остальное – в конце года. Кроме того, также ежемесячно, вне зависимости от сезона и времени года, председателю начислялось от 42 до 108 трудодней, с учетом размеров посевной площади колхоза и поголовья содержащегося в нем скота⁶³. Таким образом, минимальная годовая “выработка” председателя составляла 504, а максимальная – 1296 трудодней. Естественно, что на них должны были распределяться продукты и деньги. Во многих колхозах республики расходы на содержание административного аппарата были очень велики. Например, в 1946 г. колхоз “Первое мая” Корткеросского района истратил на эти цели 22% всех выработанных трудодней⁶⁴.

За перевыполнение колхозом плана председателю начислялись дополнительные проценты трудодней (от 10 до 25%), за невыполнение – списывались. Дополнительные трудодни начислялись и за стаж работы в данном колхозе: 5% – за третий, 10% – за четвертый и пятый годы, 15% – от пяти лет и более. Руководители более низшего звена (заместитель председателя, счетовод, бригадиры, заведующие фермами) получали, по рангу, строго фиксированный процент от всей итоговой денежной доплаты председателя и начисленных ему трудодней. Например, счетоводу должно было начисляться от 60 до 80% трудодней председателя и 50% от его денежной доплаты. Председатель, счетовод, специалисты сельского хозяйства не только не были обязаны вырабатывать обязательный годовой минимум трудодней, но и были освобождены законом от необходимости принимать личное участие в непосредственном колхозном производстве⁶⁵.

В итоге материальное состояние администрации колхоза не зависело от размеров производства аграрной продукции, величины обязательных государственных поставок и закупок, возможности пополнения фонда оплаты труда, как это было с рядовыми колхозниками. Кроме того, полномочия председателя, несмотря на его формальное подчинение общему собранию колхозников, в реальности не были ограничены правами трудового коллектива. Колхозники не имели каких-либо профсоюзных организаций, что еще больше усиливало их зависимость от правления. Нередки были случаи, когда председатель, воспользовавшись своим статусом, мог поправить личное материальное положение за счет “общественного хозяйства”. Например, заплатить налоги со своего участка из произведенных артелью продуктов, обменять свою малопродуктивную корову на лучшую из колхозного стада, продать часть урожая или колхозного имущества на сторону и присвоить вырученные деньги. Во многих колхозах Коми АССР председатели совмещали должность кассира, что создавало благоприятную почву для злоупотреблений⁶⁶. В документах Верховного суда Ко-

ми АССР отмечалось, что “имеются многочисленные случаи присвоения имущества и денег, принадлежащих колхозам, со стороны руководителей (председателей и счетоводов) колхозов”. Часто администрация “брала продукты и деньги больше, чем это полагалось по трудодням”⁶⁷.

В рассматриваемые годы чрезвычайно широко практиковалась выдача счетоводом денег и продуктов на трудодни “по запискам председателя”, т.е. без учета реальной выработки⁶⁸. Колхозник, имевший хорошие личные связи с председателем правления, мог получить на трудодни продукцию гораздо быстрее, чем колхозник, “заслуживший” неприязненное к себе отношение. Так, например, на 1 января 1951 г. одна часть колхозников Коми АССР недополучила по трудодням 25 718 ц зерна, 757 ц картофеля и 5379 руб., в то время как другая – незаконно получила больше на 8225 ц зерна, 17 ц картофеля, 5375 руб.⁶⁹, чем это полагалось. Несмотря на активное пресечение со стороны партийных и государственных органов, такая практика была массовой и повсеместной⁷⁰.

Итак, крестьянский труд в колхозах Коми АССР, как и в большинстве районов РСФСР и СССР в период с 1946 по 1952 г., был крайне низкооплачиваемым. Реальные доходы членов сельскохозяйственных артелей ни в коей мере не могли обеспечить потребность человека в полноценном питании, не говоря уже об обеспечении социально приемлемого прожиточного минимума, куда, кроме пищевых продуктов, входят и промышленные товары. Налоги и сборы отнимали почти все полученное за работу в сельхозартели, а также весомую часть продуктов из личного приусадебного хозяйства. Товарность и доходность крестьянского подворья жестко ограничивались государством. В колхозах господствовала система административного принуждения к труду. Уровень жизни колхозников Коми АССР в период с 1946 по 1952 г. (будучи и так крайне невысоким после войны) продолжал неуклонно снижаться. Это сказывалось и на детях колхозников. В Совете министров Коми АССР отмечалось, что состояние колхозных детских садов неудовлетворительное, царит антисанитария, нет постельного белья, кроватей, игрушек, другого инвентаря. Питание детей нельзя было расценить как нормальное: на ребенка приходилось лишь 100 г молока в день, малышам давали только хлеб и картошку⁷¹.

Такая ситуация не могла обойтись без последствий и оставаться бесконечно неизменной. Бегство крестьян из колхозов приобретало катастрофические масштабы. Послевоенный демографический кризис не оставлял надежды на восполнение рабочей силы. Снижалось валовое производство аграрной продукции,

падала урожайность и продуктивность. Необходимо было принимать срочные меры, способные унять острейший социальный кризис колхозной деревни конца 1940 – начала 1950-х годов.

Степень серьезности сложившегося положения осознавало высшее политическое руководство СССР. Однако все каналы принятия каких-либо политических решений в итоге замыкались на фигуре И.В. Сталина, полагавшего совершенно нецелесообразным менять основы созданной им колхозной системы в сторону хотя бы малейшей либерализации. Лишь после его кончины новым правительством Г.М. Маленкова тяжелое положение деревни и аграрного производства было признано официально (впервые за все предыдущее время существования колхозного строя), а также предложены уже давно назревшие меры. “Сложилось явное несоответствие между темпами роста нашей крупной социалистической индустрии, городского населения, материальным благосостоянием трудящихся масс, с одной стороны, и ... уровнем сельскохозяйственного производства – с другой”⁷², – так к 1953 г. оценивал новый Первый секретарь партии Н.С. Хрущев положение сельского хозяйства. Менее чем через полгода после смерти И.В. Сталина в начале марта 1953 г., в августе на исторической V сессии Верховного Совета СССР председателем союзного правительства Г.М. Маленковым и вслед за ним на сентябрьском Пленуме ЦК КПСС Н.С. Хрущевым были предложены и приняты меры, позволившие поднять экономику колхозов и улучшить материальное положение колхозного крестьянства.

Ключевое значение имело решение Пленума о восстановлении принципа материальной заинтересованности работников в развитии производства. В этих целях были в несколько раз повышены заготовительные и закупочные цены на продаваемую государству аграрную продукцию. В 1953 г. Совет Министров СССР повысил заготовительные цены на продукты животноводства. Например, в колхозах Коми АССР заготовительные цены на скот, сдаваемый государству в порядке обязательных поставок, были увеличены более чем в 5,5 раза, на молоко и масло – в 2, картофель – в 3 раза и овощи в среднем – на 25–40%, закупочные цены возросли на мясо – на 30%, молоко – в 1,5 раза⁷³. С колхозов были списаны все натуральные и денежные долги государству по состоянию на 1 января 1953 г. В последующие годы закупочные цены повышались неоднократно, кроме того, широко практиковалось списание задолженностей.

В связи с принятыми мерами финансово-экономическое положение колхозов по всей стране стало улучшаться. От повышения цен только за последние четыре месяца 1953 г. сельскохозяйственные артели Коми АССР получили дополнительные денежные

средства от реализации картофеля – 722 тыс. руб., овощей – 547 тыс., мяса – 2704 тыс., молока – 4685 тыс. руб. С них была списана задолженность в 7070 тыс. руб. Например, колхоз им. Батманова Усть-Цилемского района от сдачи мяса и молока государству получил в 1952 г. 80 тыс. руб., а в 1953 г. – уже 127,6 тыс. руб.⁷⁴

Всего общие денежные поступления в артели Коми АССР увеличились с 48,9 млн руб. в 1953 г. до 147,5 млн руб. в 1958 г., или в 3 раза за пять лет, причем рост уровня доходов в 1958 г. составил 44,8% по отношению к 1957 г. (Прил., табл. 37). В 1953 г. на территории Коми АССР насчитывалось 8 (2,4%) колхозов, имевших доход свыше полмиллиона рублей, а к 1958 г. их число возросло до 118 хозяйств (39,2%), а 28 (9,3%) из них были “миллионерами”, т.е. с доходами свыше одного миллиона рублей (Прил., табл. 39).

Финансовое укрепление коллективных хозяйств республики напрямую отразилось и на росте материального благосостояния колхозного крестьянства. Денежные выдачи на выработанные трудодни значительно возросли. Так, в 1958 г. средний размер денежных выплат на трудодень в колхозах Коми АССР был равен 4 руб. 79 коп., против 63 коп. в 1952 г., увеличившись, таким образом, за шесть лет в 7,6 раза (Прил., табл. 52). Уже в 1954 г. в колхозе им. Куйбышева Интинского района, расположенном за Полярным кругом и имевшем животноводческую направленность, на один трудодень было выдано 3 руб. 50 коп., 750 г мяса, 2,8 кг сена⁷⁵. Темпы роста заработной платы в сельском хозяйстве за указанный период были поистине беспрецедентны даже в сравнении с промышленностью, традиционно опекаемой со стороны государства. Так, например, за годы пятой пятилетки (1950–1955) в целом по СССР рост реальных доходов рабочих и служащих составил 39%, а колхозников – 50%. Однако номинально зарплата крестьян была несравненно ниже оплаты труда промышленных рабочих и государственных служащих.

Фонд заработной платы в колхозах Коми АССР возрос с 7,8 млн руб. (16,5% от суммы всех расходов) в 1952 г. до 65,6 млн руб. (44,3% от суммы всех расходов) в 1958 г., поднявшись номинально в 8,4, а относительно в 2,7 раза. Если объем расходов на производственные нужды в 1952 г. в артелях республики был почти в 2 раза выше, чем на выплату колхозникам, то уже к 1956 г. и далее ситуация изменилась с точностью до наоборот: затраты на оплату труда в 2 раза перекрывали сумму, определенную на нужды производства (Прил., табл. 37).

Число колхозов с выплатой до 60 коп. на трудодень сократилось в Коми АССР со 168 (или 50,7%) хозяйств в 1953 г. до 72 (или 21,7%) хозяйств в 1955 г., или в 2,3 раза за три года. В то же

время в 1955 г. в республике было 104 артели, или 31,3% от их общего числа, в которых выплачено свыше 2,5 руб. на трудодень, против 60 артелей, или 17,8% от их общего числа, в 1953 г. (Прил., табл. 53).

К 1958 г. более чем в 6 раз, по отношению к 1953 г., возросло количество колхозов, где на трудодни распределялось свыше половины всей суммы денежных доходов артели, – с 15 до 93 хозяйств. За тот же период число сельхозартелей, определявших к выдаче на трудодни менее 20% всех своих совокупных денежных поступлений, сократилось более чем в 12 раз – со 170 до 14 хозяйств (Прил., табл. 54).

В 1952 г. среднегодовой доход трудоспособного мужчины-колхозника при выработке в 336 трудодней был равен 211 руб. 68 коп., а всего через два года, в 1954 г., при средней по республике выработке в 364 трудодня, он мог рассчитывать на 677 руб. 4 коп. В 1958 г. денежный доход трудоспособного колхозника Коми АССР при среднегодовой выработке в 372 трудодня составлял уже 1781 руб. 88 коп., или 148 руб. 49 коп. в месяц (Прил., табл. 42, 52). Такого уровня оплаты труда коми колхозная деревня не знала за весь предыдущий период своего существования. В 1958 г. в Коми АССР не осталось ни одного колхоза, в котором не было бы денежных выплат на трудодни (Прил., табл. 54). Но даже и в этом случае приходится признать, что уровень оплаты труда в аграрном производстве был значительно ниже, чем в других отраслях народного хозяйства. Так, в декабре 1956 г. заработная плата по Управлению материально-технического снабжения Министерства сельского хозяйства Коми АССР составила: главного бухгалтера – 700 руб., секретаря-машинистки – 425, шофера легкой автомашины – 780 руб.⁷⁶

Во второй половине 1950-х годов улучшился, стал более цивилизованным не только размер, но и порядок оплаты труда в коллективных хозяйствах. С санкции государства с 1953 г., постепенно, а с 1956 г. – в массовом порядке стало практиковаться ежемесячное авансирование колхозников, до этого получавших заработную плату раз или два в год, по итогам хозяйственной деятельности артели.

Если денежные доходы колхозного крестьянства от общественного хозяйства в период 1953–1958 гг. значительно выросли, то этого нельзя сказать о размерах натуральных продуктов, выдаваемых на выработанные трудодни. Коренное улучшение дел в этой области по продуктам ни полеводства, ни животноводства так и не произошло. Напротив, число колхозов республики без распределения зерновых увеличилось с 46 (или 13,7%) в 1953 г. до 75 (или 22,6%) в 1958 г. В 1940 г. подобных колхозов

номинально насчитывалось лишь 37, а их доля составляла всего 5,2% (Прил., табл. 55).

Нормы выдачи зерновых в артелях Коми АССР до 1957 г. оставались на том же уровне, что и в конце 1940-х годов. Более того, в 1954 г. в среднем по колхозам республики на один трудодень было выдано всего 379 г зерна, против 650 г в 1953 г., сокращение составило свыше 40%. В последующих, 1955–1957 гг., выдачи были увеличены. В указанный период в среднем было выдано 681 г зерна на трудодень. В 1958 г. произошло резкое падение среднего уровня выдачи зерна колхозникам, который стал равным лишь 220 г против 709 г в 1957 г. Всего за период 1953–1958 гг. зерновая составляющая трудодня сократилась в 3 раза. Уровень 1940 г. (960 г зерна) достигнут не был. Это происходило в связи с сокращением полеводства и усилением мясомолочной специализации колхозов Коми АССР в рассматриваемый период.

То же самое можно сказать и о других продуктах полеводства, распределявшихся на трудодни. В среднем за шесть лет реформ на один трудодень в колхозах Коми АССР было выдано 70 г картофеля, 136 г овощей, 108 г соломы, 1,7 кг сена. Это было значительно меньше довоенного уровня. В 1940 г. колхозники получили 400 г картофеля, 2,242 кг сена, 773 г соломы. При этом важно отметить следующий факт: наиболее резкое сокращение натуральных выплат колхозникам республики приходится на последний год исследуемого времени, т.е. 1958 г. В свою очередь, именно в том же году денежные выплаты на трудодень достигли своей рекордной величины – 4 руб. 79 коп., против 3 руб. 9 коп. в 1957 г., за один год увеличившись более чем в 1,5 раза (Прил., табл. 52).

Совершенно не выдавалась на трудодни на протяжении всего дореформенного периода такая продукция животноводства, как масло и яйца. Выдача мяса и молока, хоть и превысила показатели 1940 г., но была ничтожно мала. В период с 1953 по 1958 г. колхозники получали в среднем на трудодень всего около 26 г мяса и 35 г молока.

Если подсчитать и сравнить стоимость одного трудодня в денежном эквиваленте, исходя из общей оценки по государственным розничным ценам выданных натуральных продуктов и его денежной составляющей, то рост реальных доходов крестьянского населения от работ в колхозе за шестилетний период реформ уже не будет выглядеть столь впечатляющим, как имело место, когда речь шла о выдаче только финансовых средств. В 1958 г. общая стоимость трудодня в артелях Коми АССР равнялась 6 руб. 31 коп., против 3 руб. 97 коп. в 1954 г. Как следует из данных табл. 52 Приложения, совокупные доходы колхозного населения в денежном выражении увеличились не так существенно.

Тем не менее необходимо отдать должное усилиям нового политического руководства СССР по улучшению материального положения колхозного крестьянства за счет доходов от общественного хозяйства. Многократное повышение расходов государственного бюджета на закупку продовольствия у колхозов обусловило их финансовое оздоровление и предопределило рост денежных доходов колхозников. Действительно, в Коми АССР во второй половине 1950-х годов наблюдались чрезвычайно высокие темпы роста выдачи денежных средств на трудодни. Однако уровень оплаты труда в сельском хозяйстве по-прежнему оставался наиболее низким, в сравнении с остальными отраслями народного хозяйства, и не мог обеспечить даже прожиточного минимума. Вследствие того что проблема аграрного производства в колхозах так и не была решена, натуральные выдачи на трудодни не только не возросли, но и в значительной степени сократились, и по отношению к 1940 г., и даже по отношению к началу 1950-х годов.

Основную роль в обеспечении колхозной семьи продуктами питания продолжало играть личное подсобное хозяйство. Необходимо отметить, что середина 1950-х годов – время его настоящего расцвета, благодаря радикальной либерализации отношения к нему со стороны государственной власти. Сталинское руководство с начала массовой коллективизации расценивало существование крестьянского подворья как вынужденную уступку со стороны пролетарского государства, как рудимент, пережиток, оставшийся в мелкобуржуазном сознании крестьянства, и вынуждено было сохранять его сначала в качестве некоего “предохранителя” от всеобщего антиколхозного бунта, впоследствии – внутреннего резерва выживания деревни во время войны, удобной базы налогообложения – источника поступления денежных средств и аграрной продукции в распоряжение государства.

Часть пришедших на смену И.В. Сталину “реформаторов” уже не усматривала в личном крестьянском хозяйстве реальной угрозы социалистической системе хозяйствования. Вернее, ее на время заслонила несколько иная угроза, воспринимавшаяся гораздо ближе и масштабнее. Новое руководство с большой надеждой всматривалось в индивидуальное приусадебное хозяйство колхозников, расценивая его как один из источников благополучного разрешения все усугубляющегося кризиса колхозного производства и предотвращения идущей вслед за ним серьезной нехватки продовольствия в СССР. Многие идеологические соображения отошли на второй план, так как главной и “неотложной” задачей стало экстренное и “всемерное повышение урожайности всех сельскохозяйственных культур, рост поголовья скота при од-

новременном повышении его продуктивности, увеличение валовой и товарной продукции земледелия и животноводства”⁷⁷.

Уже в августе 1953 г., на V сессии Верховного Совета СССР, глава советского правительства Г.М. Маленков признавал, что “вследствие недостатков, имеющихся у нас в налоговой политике по отношению к личному подсобному хозяйству колхозников, за последние годы имеет место снижение доходов колхозников... Допущено сокращение поголовья скота и особенно коров в личной собственности колхозного двора, что противоречит политике нашей партии в области колхозного строительства”⁷⁸. В связи с этим было предложено пересмотреть всю систему как натурального, так и денежного налогообложения, в плане изменения его принципов и снижения ставок для значительного облегчения существовавшего ранее налогового гнета.

Вопреки устоявшейся в советской историографии оценке о том, что реформы в сельском хозяйстве были связаны лишь с решениями сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС, одобдившего доклад Первого секретаря ЦК партии Н.С. Хрущева “О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР”, факты говорят об обратном. Текстуальное сравнение стенограмм выступлений Г.М. Маленкова и Н.С. Хрущева наводит на мысль о том, что второй лишь в более пространной форме вторил основным положениям, высказанным главой правительства еще в августе. Действительно, важнейший и принципиальный закон о сельскохозяйственном налоге с крестьянских хозяйств, который положил начало всем реформам в аграрной сфере, был принят 8 августа 1953 г., т.е. за месяц до сентябрьского Пленума по инициативе Председателя Совета Министров, за подписью Председателя Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилова. Согласно новому закону, с 1 июля 1953 г. твердая ставка налога утверждалась с одной сотой гектара в пользовании колхозного двора, независимо от размера и общей суммы доходов хозяйств колхозников, получаемых ими от личного подсобного хозяйства. Таким образом, налог переставал носить удушающий всякое экономическое развитие характер. Деньги теперь выплачивались с размера земельной площади, без учета наличия в хозяйстве какого-либо скота или доходности полевых и садовых культур. Средняя ставка по РСФСР равнялась 8,5 руб. с каждой сотки. Во всех районах Коми АССР ее размер был определен в 6 руб. с одной сотой гектара земли в личном пользовании колхозника, исключая площадь, занятую постройками, оврагами, балками, лесом и дорогами⁷⁹. Кроме того, с колхозников полностью списывалась вся задолженность по недоимкам сельскохозяйственного налога по состоянию на 1 января 1953 г.⁸⁰

Только в 1953 г. от реализации данного закона государственный бюджет потерял 4,137 млрд руб.⁸¹ Зато выигрывали колхозники. Например, в колхозе им. Сталина Сыктывдинского района одно крестьянское хозяйство в 1952 г. уплатило сельхозналога в сумме 296 руб. 28 коп., а в 1953 г. – уже 43 руб., т.е. в 7 раз меньше, другое крестьянское хозяйство того же колхоза, выплачивавшее ранее 530 руб. 12 коп., стало платить только 105 руб., т.е. в 5 раз меньше⁸². В то же время новая система налогообложения начинала действовать с 1 июля, т.е. на первую половину 1953 г. сохранялись старые налоговые ставки. Общая сумма обложения сельскохозяйственным налогом в целом по республике сократилась в 1953 г. лишь на 54%, по сравнению с предыдущим годом. В 1954 г. снижение объема выплат было весьма впечатляющим – более чем в 3 раза⁸³. В 1955 г. данная тенденция была продолжена – сумма сельскохозяйственного налога, уплаченного колхозниками Коми АССР, была в 4 раза ниже, чем в 1952 г.⁸⁴

До налоговой реформы в более выгодном положении оказались хозяйства колхозников, не имевших домашних животных – основного объекта налогообложения. Непомерные суммы, предъявляемые к оплате, вынуждали крестьян отказываться от содержания скота, что сокращало его поголовье в частном секторе. С 1 июля 1953 г. ситуация в корне изменилась. При одинаковом размере земельных участков преимущество получали хозяйства с развитым животноводством. Более того, правительство, в целях стимулирования колхозников к обзаведению домашним скотом, предусматривало существенную налоговую льготу: с хозяйств, не имеющих коров, в 1953 г. налог уменьшался на 50%, в 1954 г. – на 30%, в 1955 г. он выплачивался полностью. С 1953 г. вновь были введены налоговые льготы различным категориям населения. Но с хозяйств колхозников, члены которого не вырабатывали обязательного минимума трудодней, налог взимался в 1,5 раза больше. Ответственность за неуплату налога значительно смягчалась и не носила уже статуса кары как за государственное преступление. Тем не менее для злостных неплательщиков уголовное преследование все же предусматривалось, но это, видимо, была инерция традиции⁸⁵.

Сокращение сельскохозяйственного налога позволило колхозникам высвободившиеся денежные средства направлять на собственные нужды, что весьма положительно сказалось на их материальном положении.

Логическим продолжением политики реформ явилось решение и о значительном снижении ставок натурального налога с крестьянских хозяйств. В соответствии с решениями сентябрьского Пленума КПСС было издано постановление “О мерах по даль-

нейшему развитию животноводства в стране и снижении норм обязательных поставок продуктов животноводства государству хозяйствами колхозников, рабочих и служащих". В соответствии с ним с хозяйств колхозников была списана вся задолженность прошлых лет по обязательным поставкам по состоянию на 1 января 1953 г. Кроме того, снижались ставки натурального налогообложения. Для хозяйств Коми АССР были установлены следующие годовые нормы поставок: мяса – 30 кг, молока – 100 л, шерсти – 200 г⁸⁶. Наряду со снижением ставок был существенно повышен уровень государственных заготовительных цен на сдаваемую крестьянами продукцию: на скот – в 5,5 раза, молоко и масло – в 2, картофель – в 3 раза, овощи – на 25–40%. Закупочные цены также увеличились: на мясо – на 30%, молоко – в 1,5 раза. От повышения цен и списания задолженностей в 1953 г. индивидуальные сдатчики Коми АССР выиграли 3,6 млн руб.⁸⁷ Льготы и ответственность за невыполнение были предусмотрены те же, что и для сельскохозяйственного налога. Данная мера позволила резко увеличить потребление колхозной семьей продуктов питания, получаемых из личных приусадебных хозяйств, а, кроме того, значительно повысить товарность подворья.

Безусловно, у колхозников первые шаги нового правительства получили огромный резонанс. Сообщения советской печати о том, что благодарности крестьян нет предела, видимо, соответствовали действительности. Газеты пестрели заголовками: "Все для блага советского человека", "Единодушное одобрение", "Создадим изобилие сельскохозяйственной продукции", "Наша родная власть", "Забота партии и правительства о тружениках сельского хозяйства" и т.д.⁸⁸ Важно отметить, что впервые за всю историю колхозной деревни руководство СССР пошло на реальные шаги с тем, чтобы оказать экономическую помощь сельскому населению, несмотря на явный ущерб финансовым интересам государства. Только во второй половине 1953 г. стоимость аграрной реформы, проводимой в интересах колхозов и колхозников, обошлась союзному бюджету в 13 млрд руб.⁸⁹ Правительство демонстрировало готовность идти на подобные жертвы и в дальнейшем.

Меры по материальному стимулированию позволили буквально вырвать из экономической пропасти личное хозяйство колхозников и дали положительные результаты. Численность скота в личном пользовании колхозников Коми АССР, неуклонно снижавшаяся на протяжении всего послевоенного дореформенного периода (1946–1952), с 1953 г. стала расти. В наиболее благополучном в данном отношении 1955 г., по сравнению с предыдущим, поголовье крупного рогатого скота увеличилось до

23,8 тыс. против 17,3 тыс., т.е. на 37,6% за три года, коров – до 17,5 тыс. против 15,4 тыс. (на 13,6%), свиней – до 12,1 тыс. против 1,2 тыс. (в 10 раз), овец – до 31,4 тыс. против 15,2 тыс. (в 2 раза), коз – до 11,3 тыс. против 6,9 тыс. (на 63,8%). В то же время следует отметить, что по числу коров уровень 1946 г. в 20,8 тыс. голов достигнут не был (Прил., табл. 12). Значительно выросло поголовье свиней, овец и коз, т.е. тех видов домашнего скота, которые были способны принести наиболее быструю отдачу. При этом совершенно очевидно, что реализуемая концепция аграрных реформ 1953 г. предоставляла прекрасные шансы личному приусадебному хозяйству колхозников на перспективное развитие.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на все принятые меры, численность скота колхозников, кроме коз, за весь рассматриваемый период была далека от довоенных показателей, которые превосходили уровень 1955 г. по крупному рогатому скоту на 23% (в 1940 г. 30,9 тыс. голов), по коровам на 34,7% (26,8 тыс. голов), по свиньям на 18,2% (14,8 тыс. голов), по овцам в 2,6 раза (81,4 тыс. голов). Возможной причиной этому служило то, что режим наибольшего благоприятствования развитию крестьянского подворья просуществовал непродолжительное время. Контрреформа в отношении подсобных хозяйств совпадает с началом кампании по дискредитации главы Советского правительства Г.М. Маленкова, проводимой Н.С. Хрущевым с 1955 г.

В отечественной историографии часто отмечается непоследовательность аграрных реформ 1950-х годов. Действительно, явная противоречивость шагов правительства может указывать на отсутствие единой продуманной стратегии, давшее основание некоторым авторам употребить такое сильное выражение, как "концептуальный вакуум" реформ⁹⁰. Представляется, что обоснованная оценка всех последствий отставки Г.М. Маленкова может иметь ключевое значение при объяснении данного феномена. Все дело в том, что аграрные преобразования были начаты в условиях своеобразного двоевластия. К сожалению, взгляды глав партии и правительства по принципиальным вопросам развития сельского хозяйства не совпадали.

Как уже указывалось выше, оценка советской исторической литературы, в очередной раз ставшей жертвой политической традиции Н.С. Хрущева, как инициатора реформ 1953 г., необоснована. Г.М. Маленков, входивший в высшую политическую элиту страны, ближайшее окружение И.В. Сталина, в период 1946–1953 гг. курировал вопросы сельского хозяйства⁹¹ и, несомненно, был весьма информированным человеком в этой

области. Именно его программный доклад, в качестве Председателя Совета Министров, "О неотложных задачах..." на V сессии Верховного Совета СССР в августе 1953 г. и послужил отправной точкой реформ в сельском хозяйстве, в отличие от сентябрьского Пленума ЦК КПСС, зафиксировав качественное изменение отношения высшего политического руководства страны к колхозной деревне. Закон от 11 августа 1953 г. о сельскохозяйственном налоге подвел правовую основу под радикальную либерализацию в отношении личных подсобных хозяйств колхозников.

Логика борьбы за политическое первенство, за инициативу во внутренней политике, по всей видимости, была не последним фактором, заставившим Н.С. Хрущева не только поддержать эту инициативу, но и пойти несколько дальше в разоблачении существующих недостатков и бичевании ошибок прошлого. Формально оценки Маленкова и Хрущева сложившегося нетерпимого положения в сфере аграрного производства совпадали, однако дальнейшие события показали, что их нельзя назвать единомышленниками в отношении характера предлагаемых мер по оздоровлению колхозной системы.

На январском (1955 г.) Пленуме ЦК КПСС Г.М. Маленков подвергся яростным нападкам со стороны Н.С. Хрущева, кроме всего прочего обвинявшего его и в том, что тот не проявил себя достаточно "зрелым и твердым большевистским руководителем" в стремлении к "дешевой популярности" среди народа, в "демагогических уступках крестьянству"⁹². Историческое выступление премьера на сессии Верховного Совета Хрущев уничижительно называл "парламентской декларацией" и "оппортунистической речью"⁹³. Не считая нужным защищаться, Маленков уже через месяц, на февральской сессии Верховного Совета, был смещен с поста Председателя Совета Министров. На его место был назначен заместитель руководителя правительства и министр обороны Н.А. Булганин.

Уже в 1956 г. "рекомендованные" изменения в Примерный устав сельскохозяйственной артели поставили размеры приусадебного хозяйства колхозников в зависимость от того, ушла ли молодежь из данного двора в город или нет. В законе указывалось, что "следует не допускать увеличения приусадебного земельного фонда за счет общественных земель колхоза, а, наоборот, *стремиться к его сокращению* (курсив наш. — Авт.), поскольку использование земель в общественном хозяйстве при наличии в МТС большого количества техники и высокой механизации будет несравненно выгоднее, и колхозники, в конечном счете, получают дохода гораздо больше", а также отмечалось, что

"вряд ли есть необходимость сохранять ранее установленное количество скота, которое может иметь колхозный двор"⁹⁴. Обновленный Устав вновь возводил препоны для реализации продукции на рынке, в очередной раз сокращал нормы содержания скота в личном подворье⁹⁵, что означало по сути возврат к политике 1930–1940-х годов.

Это имело самые негативные последствия. К 1958 г. в Коми АССР численность скота в личном пользовании колхозников достигла необычайно низкой за весь изучаемый период величины. Так, крупного рогатого скота насчитывалось лишь 16,4 тыс. голов, в том числе 14,1 тыс. коров, что было меньше даже обвального 1952 г. поголовье свиней сократилось до 8,3 тыс., овец — до 26,8 тыс., коз — до 2,5 тыс. голов. Такой уровень был ниже не только относительно благополучного 1940 г., но и нелегкого послевоенного 1946 г. Всего за один год, с 1956 по 1957 г. удельный вес колхозных дворов Коми АССР, не имевших какого-либо скота, вырос с 12,8 до 19,8% от их общего числа, не имевших коров — с 36,7 до 47,5%, без овец и коз — с 43,2 до 53,0% (Прил., табл. 24).

Несмотря на полную отмену с 1 января 1958 г. государственных поставок с личных подсобных хозяйств, жесткий курс наступления на индивидуальные подворья был продолжен и пагубно сказался на материальном положении колхозного крестьянства. Особенностью материального обеспечения колхозного крестьянства Коми АССР было то, что значительный удельный вес в их натуральных и денежных доходах составляла доля от использования богатых природных ресурсов Севера. Прежде всего, имеются в виду такие промыслы, как охота и рыболовство, собирание грибов и ягод. Все добытое можно было сдать государству или реализовать через систему потребкооперации.

Больше всего финансовых средств, среди такого рода занятий, могла принести заготовка пушнины. Ежегодно, наряду с профессиональными охотниками-промысловиками, в лес выходили и тысячи любителей, в массе своей — колхозники⁹⁶. Каждый сельский житель, получив лицензию и оплатив государственную пошлину в 10 руб., в свободное от работы в колхозе время мог стать индивидуальным заготовителем меха. В 1956 г. в республике насчитывалось около 7 тыс. охотников-любителей⁹⁷. Государство, в лице Коми республиканской конторы "Заготживсырья", относительно щедро расплачивалось за ценный, "валютный" мех деньгами — сразу и наличными. Это обстоятельство было особенно привлекательным для большинства колхозников, чьи доходы от общественного хозяйства не вызывали ничего, кроме чувства горечи.

Ресурсы северной республики позволяли в те годы вести широкий промысел таких ценных пушных зверей, как горностай, песец, куница, лиса, норка, выдра. Добывались животные и с менее дорогим мехом: волк, рысь, медведь, россомаха, заяц, белка. Сдача меха государству могла приносить неплохой доход. Так, например, колхозник артели “Красная звезда” Кожвинского района в 1952 г. сдал государству пушнины на 2783 руб., что было значительной суммой, особенно если сравнивать ее с уровнем оплаты труда в сельском хозяйстве. Колхозники Н.В. Беляев и И.С. Филиппов артелей им. Ленина и им. Чапаева того же района только за январь 1953 г. добыли, соответственно, первый – 72 горностая, 5 лисиц, одного полярного волка; второй – 68 горностаев и 8 лисиц⁹⁸. Колхозник В.Н. Беляев артели им. Ленина с. Петрунь Интинского района в 1954 г. сдал государству 24 шкурки песца и много другого меха, за что выручил 7 тыс. руб.⁹⁹ Конечно, и здесь были проблемы. Соответствующие боеприпасы были большим дефицитом. Охотникам приходилось заменять мелкую дробь на крупную, войлочные пыжи на мох или бумагу, что губительно сказывалось на качестве добываемых шкурок, а, следовательно, и на доходах колхозников.

Колхозам республики, особенно оленеводческим, ежегодно наносился значительный ущерб от потравы скота хищниками. Государство, материально стимулировало отлов и отстрел волков, россомах и медведей. Кроме стоимости шкуры, охотник получал денежную премию за сам факт уничтожения хищного животного. Размер премий был довольно высоким. Так, в Коми АССР за убитого волка государство выплачивало 500, медведя – 112, россомаху – 75 руб.¹⁰⁰, причем охота на них разрешалась в течение всего года. Были случаи, когда волки появлялись даже в городской черте столицы Республики Коми – Сыктывкаре¹⁰¹.

Состав питания колхозников, судя по неполноценной структуре и низкому размеру выдачи на трудодни и недостаточно развитому личному подворью, в изучаемый период был скудный. В рационе ощущался острый дефицит растительных и животных белков, жиров и витаминов. Для его улучшения, вне рамок промысловой охоты, сельские жители, имевшие такую возможность, широко добывали в лесу ценную в пищевом отношении боровую и водоплавающую дичь: глухарей, тетеревов, куропаток, рябчиков, диких гусей и уток. Кроме того, для нужд питания, в целях обеспечения своих семей мясными продуктами, велась охота и на крупных животных, таких, как лось, олень.

Важную роль в доходах колхозной семьи, в условиях Коми АССР, играло рыболовство. В реках республики (Печора, Циль-

ма, Ижма, Уса, Вычегда) промыслом было охвачено 27 пород рыб (в том числе девять лососевых)¹⁰², таких, как семга, нельма, хариус, сиг, омуль, пелядь, чир, ряпушка (зельдь), северодвинская стерлядь, щука, налим, язь, окунь, лещ, карась, плотва, ерш и др.¹⁰³ Река Печора богаче лососевыми рыбами, а Вычегда – карповыми. Отлов рыбы происходил и колхозными бригадами, и индивидуально. Улов можно было сдать за деньги. При этом необходимо добавить, что особо ценные виды рыб были запрещены для отлова “любителями”. Кроме того, индивидуальным рыбакам нельзя было легально пользоваться особенно эффективными видами рыболовных снастей¹⁰⁴.

Полезным продуктом питания, с высоким содержанием растительного белка, являются грибы. В сезон сбора (конец лета – начало осени) колхозники выходили на их заготовку целыми семьями. Грибы можно было продать и заготовить для собственных нужд. Грибы солили, высушивали и в таком виде они были пригодны для употребления в течение всего года.

Недостаток в жизненно важных витаминах, отсутствие в рационе различных фруктов, жители деревни компенсировали сбором лесных и болотных ягод. Клюква, морошка, брусника, черника, шиповник, малина, смородина заготавливались в большом количестве, потому что для консервации многих из них вовсе не требовался дорогой сахар, достаточно было просто залить ягоды водой, высушить или заморозить.

К сожалению, авторы не располагают точными сведениями о реальных размерах потребления указанных даров природы колхозными семьями и динамике его изменения в рассматриваемые годы по той причине, что в Коми АССР бюджетные обследования крестьянских хозяйств не проводились, однако можно вполне обоснованно предположить, что в условиях низкой натуральной и денежной оплаты труда в сельском хозяйстве, жестких ограничениях на развитие личного подворья, доля их в структуре питания занимала не последнее, а, вероятнее всего, существенное место. Недаром в республиканской печати высказывалась озабоченность, что массовый уход женщин на сбор грибов дезорганизует уборку хлебов в колхозах республики¹⁰⁵. По данным О.В. Артемовой, в военные и первые послевоенные годы семьи колхозников европейского Севера тратили на рыболовство и лесные промыслы в 2 раза больше времени, чем на приусадебное растениеводство¹⁰⁶.

Следовательно, заготовка пушнины, дичи, грибов, ягод могла в достаточной мере обеспечить колхозников не только некоторыми денежными средствами, но и необходимыми продуктами питания, материалом для пошива теплой зимней одежды.

Можно сделать вывод, что даже суровая северная природа помогала сельскому населению выживать, прокормить семью. Но такой возможностью не могли пользоваться все колхозники. Часть из них проживала в местности, не изобиловавшей дичью и рыбой, мужское население, как правило, искало стабильный доход уходя на заработки в промышленность, женщины были заняты работой в индивидуальном хозяйстве, воспитанием детей, а кроме всего прочего – могла сказываться и нехватка времени, поскольку годовой минимум трудодней никто не отменял. Подобные деструктивные факторы и обусловили то обстоятельство, что колхозники ни коим образом не могли решить свои материальные проблемы исключительно за счет традиционных природных промыслов.

Итак, можно сделать вывод, что материальное положение колхозного крестьянства, ухудшившееся во время Великой Отечественной войны, не только продолжало оставаться на очень низком уровне, но и имело стойкую тенденцию к усугублению. До 1953 г. его жизненный уровень неуклонно снижался. Доходы от “общественного хозяйства” были символическими, не способными удовлетворить не только социально-культурные потребности крестьянства, но даже элементарные, биологические – в питании и одежде. Все денежные выдачи на трудодни уходили на выплату налогов, сборов и государственных займов.

Питание колхозников было не качественным. Если сельским жителям и удавалось употреблять в пищу достаточное количество продуктов с тем, чтобы покрыть энергетический порог голода в 1200–1500 килокалорий в день, то дефицит белков, жиров и витаминов, безусловно, ощущался. Кроме того, еда была достаточно однообразной. В данной ситуации человеческий организм не может быть здоровым. Если бы не личные подсобные хозяйства, настоящей катастрофы вряд ли бы удалось избежать. Продолжительный период таких условий жизни самым негативным образом сказывается на физическом состоянии каждого последующего поколения, что нельзя расценить иначе, как жестокую эксплуатацию. Конечно, она не носила какого-либо целенаправленного характера. Трудно подозревать высшее политическое руководство Союза ССР в “коварном заговоре” против крестьянства. Власть была вовсе не заинтересована в его убыли, а тем более исчезновении. В то же время нельзя не признать, что сельское население было принесено в жертву военному, экономическому и политическому могуществу Советского Союза, приобретшего в ходе Второй мировой войны статус супердержавы.

Социально-экономическая ситуация в колхозной деревне изменилась к лучшему со второй половины 1953 г., благодаря своевременным и решительным действиям правительства Г.М. Маленкова, поддержанным решениями партии. В результате увеличения доходов коллективных хозяйств и беспрецедентного снижения налоговых ставок отмечались резкий рост денежных доходов колхозников, расширение рыночной торговли и, в конечном счете, улучшение потребления и уровня жизни. К сожалению, данной тенденции не суждено было приобрести долговременный характер. Смещение Г.М. Маленкова с поста главы правительства в феврале 1955 г., а в июне 1957 г. со всех государственных постов, с одновременным исключением из партии, ознаменовали собой, кроме всего прочего, новый курс по отношению к колхозному крестьянству, характеризовавшийся возвратом к прежней системе ценностей, периода второй половины 1940 – начала 1950-х годов. Крестьянскому подворью вновь был нанесен сокрушительный ущерб.

Однако правительству полностью отказаться от социальной политики в деревне было уже невозможно. О решимости политического руководства страны сделать все для удовлетворения “возрастающих нужд советского народа” было заявлено открыто. Отказ от этого шел бы вразрез социальным ожиданиям и грозил кризисом доверия. Н.С. Хрущев вынужден был балансировать между “накладностью”¹⁰⁷ для государственного бюджета продолжения проводимой социальной политики и опасностью роста напряжения в обществе, усилением социального протеста.

Уровень денежных доходов на трудодни, благодаря государственной поддержке, продолжал расти. С 1953 г. государством был сделан крупный шаг навстречу нуждам колхозного населения страны. Крестьянам постепенно становились доступны ранее не мыслимые промышленные товары, продукты питания, культурные блага. Огромным плюсом было развитие бесплатного образования и медицинского обслуживания, считавшихся одними из главных социальных завоеваний советского государства. Однако, в целом, уровень материального обеспечения работников сельского хозяйства был гораздо ниже, чем в других отраслях народного хозяйства, что делало аграрный труд социально непривлекательным и обуславливало неудовлетворенность крестьян своим материальным положением. Необходимо признать, что к концу рассматриваемого периода проблема должной материальной заинтересованности колхозников в труде все еще оставалась нерешенной.

Методы стимулирования труда крестьян в колхозном производстве

Среди крестьян имеется еще немало таких людей, которые сомневаются в правильности колхозного пути. И в этом нет ничего удивительного¹⁰⁸.

И.В. Сталин

Сейчас можно с уверенностью сказать, что преимущества колхозного строя полностью осознаны буквально всем населением. Теперь, может быть, только какой-нибудь старик скажет, что прежде было лучше. Но такие случаи всегда ведь бывали. Помню, когда я был еще мальчиком, некоторые деревенские старухи говорили, что при крепостном праве жилось лучше. И если сейчас где-нибудь можно услышать такие разговоры, что прежде, при индивидуальном хозяйстве, было лучше, то ведь это не является показателем¹⁰⁹.

М.И. Калинин

Успешное решение таких насущных для советского государства задач, как снабжение промышленности финансовыми средствами, сырьем и трудовыми ресурсами, обеспечение населения продуктами питания, возложенные И.В. Сталиным и его преемниками на колхозную деревню, зависело, прежде всего, от главного действующего лица – крестьянства, степени его трудовой активности. Этому вопросу политическое руководство страны уделяло самое пристальное внимание на протяжении всей истории существования колхозного способа производства в аграрной отрасли социалистической экономики. Победа СССР во Второй мировой войне была в значительной степени обусловлена мощными ресурсными возможностями тыла, в том числе, несомненно, и колхозной системы. Колхозная деревня оказалась способной выдержать все нелегкие испытания, выпавшие на ее долю в годы войны. Важно при этом отметить, что успех общественно-го производства был достигнут исключительно за счет сверхусилий крестьянства, его настоящего трудового героизма, основанных на мощном подъеме патриотических чувств, ненависти к врагу, которые временно замещали фактическое отсутствие какого бы то ни было ощутимого материального вознаграждения. После окончания войны такой важный моральный фактор трудового стимулирования, как борьба с врагом ради спасения Отечества, утратил свою актуальность. Новые условия хозяйствования, связанные с отменой чрезвычайного военного положения в стране в 1945 г., поставили перед властью вопрос о необходимости обновления системы методов мобилизации трудовых ресур-

сов деревни на развитие колхозного производства для повышения его эффективности.

По своему характеру практикуемые советским государством методы побуждения к труду колхозников можно разделить на две категории: экономические и внеэкономические. Соотношение этих категорий в рамках исследуемого периода было различным. В период 1946–1953 гг. (до начала реформ в аграрной сфере) основной приоритет отдавался методам внеэкономического стимулирования к участию в “общественном хозяйстве”, в период 1953–1958 гг. большое значение приобрел вопрос о возможности усилить роль “ленинского принципа” материальной заинтересованности колхозников в результатах своего труда.

Экономические методы существовали, прежде всего, в форме натуральных и денежных выдач на выработанные трудодни, которые должны были играть роль вознаграждения крестьянам за труд в общественном хозяйстве. Трудоднем, как известно, называлась весьма специфическая форма учета труда, имеющая в виду его количество и качество, согласно утвержденным государством расценкам и нормам выработки. Последние неоднократно пересматривались (в 1947 и 1956 гг.) в сторону повышения первых и понижения – вторых. Вес трудодня полностью зависел от фонда оплаты, который формировался согласно “непоколебимому закону артельной жизни”¹¹⁰ – “Примерному уставу сельскохозяйственной артели” – в последнюю очередь, лишь после всех расчетов с государством и удовлетворения внутрихозяйственных нужд. По этой причине уровень оплаты труда в колхозах, как изложено в предыдущем параграфе, был крайне невысоким.

Как уже указывалось, в первые послевоенные годы (1946–1952) материальное стимулирование к труду в сельском хозяйстве было явно не достаточным для того, чтобы создать реальные стимулы к участию в колхозном производстве. Мизерные размеры натуральных и денежных выплат на трудодни не играли и не могли играть функцию материального вознаграждения за труд, не соответствовали задаче воспроизводства рабочей силы.

Политическое руководство страны до 1953 г. полагало целесообразным обеспечить должный уровень материальной заинтересованности колхозников в труде, экономически обуславливающий их высокую активность. Такая позиция была вызвана тем, что повышение оплаты труда колхозников неизбежно приводило к потере значительной части государственных средств, что резко снижало народнохозяйственную рентабельность колхозной системы и лишало ее существование всякого смысла. Глава советского правительства И.В. Сталин считал подобные меры совершенно не оправданными, полагая, очевидно, что существует арсе-

нал эффективных (а главное – дешевых) средств внеэкономического характера, способных, по его мнению, не только решить проблему трудовых ресурсов колхозов, но и добиться увеличения производства сельскохозяйственной продукции.

После смерти И.В. Сталина новое правительство СССР, не имевшее того колоссального и незыблемого авторитета в обществе, которым обладало предшествующее, изначально было ограничено в выборе средств при решении насущных социально-экономических проблем в деревне. На непопулярные, жесткие меры идти было рискованно: то, что народ безропотно прощал своему Великому вождю, в перспективе не обязательно бы сошло с рук его преемникам, пусть даже из недавнего ближайшего окружения. Было крайне необходимо, хотя бы из тактических соображений, чтобы с самого начала новая социальная политика получила одобрение и поддержку широких народных масс. Вместе с тем подъем уровня жизни на селе, по мысли нового руководства, отвечал и стратегическим задачам развития экономики, он мог создать реальные предпосылки для более интенсивного труда колхозников и резкого роста колхозного производства. Однако этого достичь не удалось.

В первые послевоенные годы (до середины 1953 г.), с тем, чтобы решить хронические проблемы колхозной экономики, в соответствии с главным условием функционирования сталинской колхозной системы – неизменностью приоритетного инвестирования нужд тяжелой промышленности и оборонного комплекса страны, руководству СССР ничего другого не оставалось, как широко использовать противоположный материальному стимулированию метод мобилизации трудовых ресурсов, а именно – внеэкономическое принуждение.

Этот метод состоял из мер “воспитания”, т.е. идеологического манипулирования сознанием крестьян, путем навязывания разного рода социальных мифов и собственно административного нажима. Термины “кооперация” (коллективизация) и “воспитание” всегда шли рядом, как бы подчеркивая невозможность одного без другого. Важность воспитания и убеждения крестьянства в процессе кооперирования деревни подчеркивалась В.И. Лениным в его последних работах, посвященных этому вопросу. Вышедшая многотысячным тиражом в нескольких изданиях в середине 1920-х годов научно-популярная брошюра известного советского экономиста-аграрника А.В. Чаянова “Краткий курс кооперации” носила достаточно заметный пропагандистский характер и в заключительной части содержала прямое обращение к крестьянству: “Для тебя к светлому счастью трудовой жизни нет иного пути, кроме пути кооперативного. Знай, что этот путь – единственный

путь!”¹¹¹ В книге отмечалось, кроме всего прочего, что “кооперация, помимо торговой работы, ведет в деревнях культурно-просветительскую работу”¹¹². И.В. Сталин в речи на конференции аграрников-марксистов в 1929 г. отмечал: “Было бы ошибочно думать, что ежели даны колхозы, то дано все необходимое для построения социализма. Тем более ошибочно было бы думать, что члены колхозов уже превратились в социалистов. Нет, придется еще много поработать над тем, чтобы переделать крестьянина-колхозника, *выправить его индивидуалистическую психологию* (курсив наш. – Авт.) и сделать из него настоящего труженика социалистического общества”¹¹³.

Возможно, что один и тот же термин – “кооперация” – во всех трех случаях понимался несколько по-разному, однако все точки зрения сходились на том, что внедрение кооперативных форм аграрного хозяйствования в мелкокрестьянской стране невозможно без существенной ломки традиционного мировоззрения жителей деревни.

В чем же заключалась та система ценностей, которая должна была, по мысли И.В. Сталина, стать неотъемлемым атрибутом сознания нового формируемого человека, “настоящего социалистического труженика”? Анализируя логику практикуемых средств, можно сделать вывод, что основным психологическим качеством нового человека должно было стать полное самоотречение от собственных интересов. Колхозники должны были проникнуться своего рода священным подвижничеством, неким идеалом беззаветного служения государству и народу, ставящим на второй план личное, вплоть до полного самоотречения. Применительно к советскому крестьянству под “преступными” понимались все “частнособственнические пережитки”, т.е. личный интерес. Даже проявление вполне естественного для любого человека инстинкта самосохранения могло быть расценено как свидетельство “индивидуалистического эгоизма”, “антиобщественного поведения”. Недаром крестьянин, не вступивший в колхоз, приобрел громкое название: “единоличник”. В такой системе ценностей общественное благо получает абсолютный приоритет над личным, коллективное – над индивидуальным. Содержание общественного блага зависело от каждого конкретного случая, но при любых обстоятельствах в его основе лежали исключительно интересы государства.

Официальная пропаганда распространялась через средства массовой информации. Сельским жителям усиленно навязывалась мысль, что колхозная система, основанная на “Сталинском уставе”, своего рода аграрной конституции, есть неизбежный и единственно возможный способ достижения зажиточной и куль-

турной жизни для крестьян, идеально сочетающий интересы как самих колхозников, так и государства в процессе строительства социализма и подъема экономики. Газеты пестрели заголовками: “Соблюдение Устава сельскохозяйственной артели – путь к дальнейшему укреплению колхозного строя”, “Строго выполнять постановления партии и правительства”, “Собственность колхоза – неприкосновенна”¹¹⁴. Колхозная система, по утверждению тех лет, помогала покончить с вековой хозяйственной отсталостью, нуждой, навсегда отказаться от всех форм эксплуатации, вела к экономическому процветанию и “свободному труду”.

Однако на деле термин “зажиточность” по отношению к колхозам в то время был просто культовым, несшим мощный заряд идеологического воздействия. С легкой руки И.В. Сталина оно перекочевало в средства массовой информации, официальные документы и фигурировало как очень близкая и, безусловно, достижимая перспектива социалистического развития деревни¹¹⁵. В деталях указанную перспективу доходчиво рисовали знаменитые художественные фильмы: “Кубанские казаки” и “Трактористы”. Очевидно, прекрасно зная извечные чаяния крестьян о достатке, Сталин умело манипулировал массовым сознанием колхозников, используя подобные настроения. Но это был лишь элемент пропаганды, социальный миф.

Для достижения зажиточной жизни от крестьян требовалось “только одно – трудиться честно”¹¹⁶. Честный труд означал интенсивную работу с полной самоотдачей, на пределе всех человеческих возможностей, при любых условиях и несмотря ни на что. При этом подразумевалось, что и государство, со своей стороны, будет делать все возможное для улучшения жизни крестьян. Самоотверженный труд противопоставлялся рвачеству и нерадивости, объявлялся святым долгом, первой заповедью крестьянина. Пропаганда призывала “всегда и во всем быть честным перед государством”¹¹⁷, стойко переносить “временные трудности”, апеллируя к чувствам патриотизма, сознательности и морального долга советского крестьянства перед страной и политическим руководством. Колхозникам внушалось чувство большой социальной значимости, почетности их труда, великой ответственности за судьбу государства. Газеты были полны призывами работать “от зари до зари”, “широко привлекать к работам учащихся, подростков и престарелых колхозников”, “мобилизовать все силы и средства колхозов и МТС”¹¹⁸, “использовать все резервы колхозов”, а также постоянно напоминалось, что “интересы Родины – превыше всего”¹¹⁹, а “строго блюсти Сталинский Устав сельскохозяйственной артели – священная заповедь колхоза и колхозника”¹²⁰. Информация о ходе сельскохозяйственных работ походила на

фронтовые сводки: “Подготовиться к весеннему севу – боевая задача дня!”, “Активнее готовиться к битве за урожай!” и т.д.

Кроме того, на страницах газет широко тиражировались своего рода “исповеди” крестьян о “жизне-бытие”, другие статьи описательного характера, в которых основным приемом воздействия служило логическое противопоставление “отсталого, мелкого индивидуального крестьянского хозяйства” и “крупного, механизированного, передового коллективного хозяйства”. Иногда им полностью посвящались отдельные выпуски газет¹²¹. В своей речи по поводу выборов в Верховный Совет СССР, произнесенной в Москве в здании Большого театра 9 февраля 1946 г. и как бы подводившей итоги развития СССР за последние 15 лет, И.В. Сталин разъяснял: “Чтобы покончить с нашей отсталостью в области сельского хозяйства, необходимо было перейти от мелкого крестьянского хозяйства к крупному хозяйству, ибо только крупное хозяйство имеет возможность применить новую технику, использовать все агрономические достижения и дать побольше товарной продукции... Метод коллективизации оказался в высшей степени прогрессивным методом...”¹²²

По случаю 25-летнего юбилея колхоза им. Батманова Усть-Цилемского района республиканская газета “Красное Знамя” писала: “Создававшие колхоз крестьяне мечтали о зажиточной и культурной жизни. Мечтами тогда были высокий урожай, высокопродуктивный скот, мечтали об электричестве, кино, клубе. Как радостно осознавать, что все это сбылось... На месте карликовых единоличных хозяйств создано крупное социалистическое хозяйство. Оно растет и богатеет с каждым годом”¹²³. Пример данного колхоза должен был восприниматься как достаточно типичный случай.

В аналогичной юбилейной статье, посвященной четвертьвековой истории первой в республике Визингской МТС, отмечалось, что “из отсталой отрасли, оснащенной примитивными орудиями, сельское хозяйство превратилось в передовую механизированную отрасль хозяйства. Вместо разрозненных единоличных крестьянских хозяйств созданы крупные многоотраслевые артели. МТС обогатилась мощным хозяйственным парком”¹²⁴. “Как же не любить колхозный труд, когда он обеспечивает зажиточную жизнь?” – риторически вопрошал со страниц печати колхозник артели “Красная звезда” Железнодорожного района Коми АССР Никита Горбунов¹²⁵. Семья колхозников артели “Заря” Сыктывдинского района свидетельствовала: “У нас в избытке есть и хлеб, и молоко, и мясо, и овощи. Как после этого не благодарить родную Коммунистическую партию за ее великую заботу о колхозном крестьянстве?”¹²⁶

В материалах прессы противопоставлялась “убогая жизнь при царе” и замечательная жизнь в колхозе, что должно было вызывать чувство горячей благодарности, признательности, а также наводить на мысль об абсолютном отсутствии каких-либо приемлемых, положительных альтернатив колхозному строю. В заметке, посвященной трудовому героизму 80-летнего колхозника П.Е. Патова из с. Иб, который, несмотря на столь почтенный возраст, выработал в 1956 г. 100 трудодней, говорилось: “Жизнь П.Е. Патова разделена на два равных отрезка – 40 лет жил при царизме и столько же при Советской власти. Но какие это неравные по своему содержанию времена. Настоящую жизнь Павел Егорович увидел только после октября 1917 года”¹²⁷.

Мощным пропагандистским приемом были ссылки на знаменитую поэму великого русского поэта Некрасова “Кому на Руси жить хорошо”. Символические названия, данные литератором российским селам: “Заплатово”, “Дырявино”, “Разутово”, “Знобишино”, “Горелово”, “Неелово”, “Неурожайка-тож”, расположенным в “Пустопорожней волости уезда Терпигорева Подтянутой губернии”, служили историческим свидетельством “социальной обездоленности, крайней нищеты и угнетенности русского крестьянства”¹²⁸. В противовес этому утверждалось, что благодаря колхозному способу аграрного производства, “в прошлом отсталая, полунищая страна в короткий срок выросла в могучую индустриально-колхозную державу”¹²⁹.

Для противопоставления дореволюционных порядков России и реалий социалистической действительности публиковались и такого рода стихи:

Всероссийский император,
Царь – опора для дворян,
Царь – убийца для рабочих,
Царь – убийца для крестьян¹³⁰.

Это относилось и к жителям Коми края: “Советская власть спасла коми народ от вымирания”¹³¹, “В нечеловеческих условиях жили в старое время коми крестьяне и охотники. В беспросветной тьме и безысходной нужде, в борьбе с холодом, голодом и болезнями коротали они свой век среди глухих лесов и болот, задыхались от безземелья, податей и налогов. Жизнь была тяжелой, невыносимой пыткой. Человек рождался, жил и умирал при лучине. Царское правительство не только не заботилось о коми крестьянах, оно попросту не считало их за людей. Великая Октябрьская социалистическая революция вырвала огромный край из темноты и нищеты, вдохнула в него ветер счастливой, свободной жизни. Под руководством Коммунистической партии, под солнцем колхозного строя в коми деревнях и селах создана новая, богатая,

радостная, творческая жизнь”¹³². Престарелый колхозник А. Филиппов признавался, что ему “прошлое жите-бытие помнится как страшный сон”¹³³.

Таким образом, крестьянам напоминали, кому именно они обязаны за избавление от рабства векового царизма и какая именно власть является гарантом от возрождения буржуазно-монархического строя в СССР. В печати отмечалось, что “сейчас колхозники по праву говорят сердечное спасибо мудрой Коммунистической партии и Советской власти за то, что они помогли им вырваться из кольца рабства и нищеты и обрести свое подлинное, человеческое счастье...”, упоминался также термин “процветание”¹³⁴.

При данном способе сравнения, однако, совершенно упускался из виду период 1920-х годов, когда не было ни царизма, ни колхозной системы, а показатели развития сельского хозяйства были столь высоки, что некоторые из них, особенно в области животноводства, колхозной деревне так и не удалось достичь за всю историю своего существования¹³⁵. Впоследствии на это обстоятельство прямо, с приведением конкретных цифр, было указано в докладе Н.С. Хрущева на сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС¹³⁶.

Победа в Великой Отечественной войне также служила неопровержимым доказательством “силы и жизненности колхозного строя”¹³⁷. Все трудности и лишения колхозной действительности официально относились лишь за счет последствий этой войны, несоблюдения “Примерного устава сельскохозяйственной артели”, а также слабости руководства – “беспечности” местных властей, не умеющих раскрыть богатейшие, практически не ограниченные потенциальные возможности, “таящиеся в недрах”¹³⁸ колхозного строя. В доказательство приводились примеры передовых и отстающих колхозов, указывая на то, что у них “условия (хозяйствования. – Авт.) одинаковы, а результаты разные”¹³⁹. Из этого делался вывод, что единственными причинами неблагоприятного положения отдельных колхозов являлись слабая дисциплина, бесхозяйственность руководителей и неправильная организация управления на местном уровне.

В 1958 г., в докладе первого секретаря Коми областного комитета КПСС А.Г. Дмитрина, после приведения неутешительных данных о развитии сельского хозяйства республики, отмечалось: “В оправдание таких позорных показателей некоторые руководители колхозов обычно приводят десятки объективных причин, ссылаются на плохие погодные условия, недостаток техники, рабочих рук и т.д. Но эти ссылки не имеют под собой никакой почвы и являются лишь оправданием для бездельников и нерадивых хозяев”¹⁴⁰.

К приказным, директивным формам принуждения к труду, прежде всего, следует отнести саму систему обеспечения хозяйств рабочей силой. Дети колхозников по достижении 16 лет становились членами сельхозартели автоматически, хотя подрабатывать начинали с 7–9, а работать всерьез – с 12 лет. Колхозники не имели права на государственное пенсионное обеспечение по старости, права на ежегодный оплачиваемый отпуск, фиксированную продолжительность рабочего дня, права на отдых в выходные дни до 1956 г. На трудовые отношения колхозников и колхозов не распространялись нормы КЗОТа¹⁴¹. Суды обязывались решать все трудовые споры колхозников с администрацией только на основе “Примерного устава”, в котором права колхозников, в отличие от обязанностей, детально не описывались. Члены сельскохозяйственных артелей не имели профсоюзной организации. Статус колхозника был пожизненным, без права добровольного увольнения. Чтобы перейти на другое место работы, требовалось разрешение правления, которое не было заинтересовано в потере рабочих рук. Без такого разрешения руководители предприятий не имели права принимать бывших сельских жителей на работу. Колхозы вели поиск беглецов через прокуратуру¹⁴², которые в случае их обнаружения могли быть принудительно возвращены.

Однако государство, действуя в интересах промышленности, в некоторых случаях ограничивало право колхозной администрации на распоряжение рабочей силой. Например, формуляр типового договора о наборе колхозников на лесосплав или лесозаготовки, утвержденный Советом министров Коми АССР, предусматривал, что “колхоз не имеет права без согласия предприятия отзывать с работы своих членов...”, а “в случае желания колхозника остаться... колхоз не в праве отзывать его с работы”¹⁴³. Со своей стороны администрация артели могла применять к нелегальным отходникам широкие административно-принудительные меры. Они и их семьи могли лишиться приусадебных участков, права выпаса скота, получить штраф.

Согласно “Уставу” дисциплина труда колхозников была достаточно суровой, почти армейской. Все члены артелей обязывались “строго беречь... колхозную собственность и государственные машины, соблюдать правила внутреннего распорядка, аккуратно выполнять... работы и общественные обязанности, строго соблюдать дисциплину...”¹⁴⁴ Процедура добровольного выхода из артели не предусматривалась, хотя ограничивалось и исключение из колхозов. 19 апреля 1938 г. было принято постановление СНК СССР и ЦК КПСС “О запрещении исключения колхозников из колхозов”, согласно которому названная практика объявлялась

“антипартийной и антигосударственной” и за нее предусматривалось уголовное преследование всех лиц, ответственных за подобные решения¹⁴⁵.

С 1939 г. основной обязанностью колхозников в трудоспособном возрасте, причем даже не упомянутой в “Уставе”, стала выработка так называемого “обязательного годового минимума” трудодней. До войны его размер для колхозников Коми АССР равнялся 60, а с 1942 г. – 100 трудодням. Реально во многих колхозах Коми АССР “минимум” был гораздо выше, например, в колхозе им. Калинина Сыктывдинского района Коми АССР он равнялся 220¹⁴⁶, в артели им. Маленкова Сысольского района – 250 (для мужчин) и 200 трудодням – для женщин¹⁴⁷.

С 1942 г. данный порядок распространялся и на несовершеннолетних колхозников – подростков от 12 до 16 лет, которые должны были выработать не менее 60 трудодней. В отдельных колхозах республики существовал и минимум для престарелых¹⁴⁸. Нарушители данного условия подвергались риску быть исключенными из артели и, следовательно, лишались права на приусадебный участок – основной источник своего существования, а также несли различные формы административной ответственности, вплоть до исправительных работ. С 1948 по 1953 г. им грозила ссылка на срок до восьми лет.

Необходимо отметить, что кроме политики “кнута” в привлечении крестьян к труду власть пыталась использовать и “пряник”. С конца 1940-х годов передовым колхозникам стали присваивать звание Героя Социалистического Труда, награждать орденом Ленина и другими орденами и медалями СССР за выдающиеся успехи в области животноводства. Ранее высшими правительственными наградами за профессиональные заслуги награждались рабочий класс и интеллигенция. Кроме того, передовики производства имели право участвовать во Всесоюзной и республиканской сельскохозяйственных выставках, у них увеличивался шанс повысить свой социальный статус – вступить в партию, быть избранным в Советы различных уровней и т.д. Сообщения о передовиках производства, списки их имен и достижений вместе с фотографиями публиковались в прессе в рубриках “Доска Почета”, “Равняться на лучших”¹⁴⁹ и др. Они должны были служить примером для подражания¹⁵⁰.

Возникновение в колхозах первичных организаций ВКП (б), т.е. усиление партийного контроля, также служило методом укрепления трудовой дисциплины, а значит, подъема сельского хозяйства¹⁵¹. Партийные органы призывались “повседневно осуществлять право контроля над хозяйственной деятельностью”¹⁵².

Но и после смерти Сталина отказаться от мер административного принуждения власть не могла. С 1953 г. уровень налогообло-

жения крестьянского двора ставился в прямую зависимость от трудового участия колхозника в артельном производстве. С хозяйств, члены семей которого не выработали без уважительных причин установленный минимум, денежный и натуральный налоги увеличивались в 1,5 раза. В 1955 г., одновременно с введением новой формы государственного планирования, колхозам, как и в 1947 г., было указано, что “одним из важнейших вопросов является пересмотр и утверждение новых норм выработок и расценок работ в трудоднях...”¹⁵³, естественно, в сторону повышения первых и снижения вторых. С 1956 г. размер приусадебной земли и количество скота ставились в зависимость от того, выполняют ли трудоспособные члены данного колхозного двора обязательный годовой минимум трудодней или нет.

С целью привязать колхозников только к выдачам на трудодни, отсеять все альтернативные источники дохода и, следовательно, принудить к участию в общественном хозяйстве колхозов с 1932 г. была введена уголовная ответственность за даже мелкую кражу колхозного имущества. Предусматривалась мера наказания в виде лишения свободы на срок от 5 до 20 лет с пребыванием в исправительно-трудовом лагере и конфискации имущества. После войны, в 1947 г., был издан новый, аналогичный прежнему, закон¹⁵⁴. Газеты призывали “оградить колхозное добро от разбазаривания, строго карать нарушителей Устава”, “беречь колхозное добро”¹⁵⁵. Кража колхозной собственности, несмотря на ее формально “колхозно-кооперативный”, т.е. негосударственный характер, приравнивалась к статусу особо тяжкого, государственного преступления.

Необходимо отметить, что эта мера носила явно репрессивный характер, так как минимальный размер кражи не оговаривался, что породило массовую практику осуждения “за колоски”, т.е. признание приговоров на огромный срок за ничтожно малый размер хищения. Вынесенные в кармане одежды с колхозного поля горсть зерна, морковка или картофеля служили поводом для возбуждения уголовного дела. При этом в расчет не бралось то обстоятельство, что к противоправным действиям колхозников толкали тяжелые условия жизни, полуголодное существование. Согласно букве закона, даже вовремя не убранный, пропадающий от снега и холода урожай, не мог быть присвоен крестьянином в частном порядке.

Кроме того, правительство СССР в целях предотвращения оттока рабочей силы из сферы аграрного производства с 1932 г. ограничило колхозное крестьянство в гражданских правах, что выражалось, в первую очередь, в отсутствии у колхозников паспортов общегосударственного образца и фактически превращало их в лиц

второго сорта. Инициатива Л.П. Берия о возможной либерализации паспортного режима в колхозной деревне в конце 1940-х годов натолкнулась на жесткое несогласие И.В. Сталина и его преемников. Впервые паспорта колхозникам стали выдавать гораздо позже – после отставки Н.С. Хрущева, с начала 1970-х годов¹⁵⁶.

Важно отметить, что известие о смерти И.В. Сталина 5 марта 1953 г. также было превращено в действенный фактор мобилизации трудовых ресурсов, в том числе и колхозной деревни. Естественно, это была разовая акция, но, тем не менее, весьма показательная, в том смысле, что власть была далека от вопросов этики, в ход шли любые средства. Новое правительство со страниц прессы активно призывало всех трудящихся “теснее сплотить свои ряды” перед лицом постигшей граждан СССР величайшей утраты, “выполнить заветы Сталина”. В сознании советских людей данное событие действительно приобрело характер глобальной, вселенской катастрофы. Глубокий и продолжительный психологический стресс мог парализовать всю политическую и экономическую жизнь страны. Чтобы каким-то образом успокоить людей, широко тиражировались стихи замечательного советского поэта Александра Твардовского, написанные на смерть вождя:

В этот час величайшей печали
Я тех слов не найду,
Чтоб они до конца выражали
Всенародную нашу беду,
Всенародную нашу потерю,
О которой мы плачем сейчас
Но я в мудрую партию верю, —
В ней опора для нас¹⁵⁷.

Именно в “мудрости партии” и следовало людям находить поддержку, защиту, залог преемственности и стабильности своего бытия. Пресса уверяла, перефразируя слова гимна СССР, что “под руководством партии Ленина–Сталина советский народ идет по пути к торжеству коммунизма”¹⁵⁸. Не снижаемая трудовая активность советского народа и должна была стать основой для данного продвижения.

Во второй половине 1950-х годов была усилена и идеологическая работа в деревне. В колхозах Коми АССР только за 1954 г. и за четыре месяца 1955 г. Коми отделением Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, созданного в сентябре 1949 г.¹⁵⁹, было прочитано 3115 лекций. В артели выезжали 150 лекторов. При каждой МТС республики был свой пропагандист – уполномоченный от данного общества¹⁶⁰.

В сельских клубах со второй половины 1950-х годов стали чрезвычайно широко практиковать показ документальных филь-

мов “хозяйственно-просветительского” характера с такими, например, названиями: “Кукуруза – культура больших возможностей”, “Передовики (знатные доярки)”, “Посев культуры квадратногнездовым способом”, “Правила комбайновой уборки зерновых культур”, “Путь к плодородию” и т.д.¹⁶¹ Для пропаганды передового опыта во всех отделениях связи была открыта подписка на научно-популярную серию книг под названием “Библиотечка сельскохозяйственной литературы”¹⁶². В те же годы Коми книжное издательство выпускало научно-популярные издания: “Вопросы экономики колхозов Коми АССР”, “Агротехнические правила по возделыванию сельскохозяйственных культур в Коми АССР”, “В помощь работнику животноводства”¹⁶³.

Кроме того, чрезвычайно широко практиковался на протяжении всего рассматриваемого периода такой метод внеэкономической мобилизации трудовых ресурсов, как “социалистическое соревнование”. Советская историография придавала ему особое значение. Его суть сводилась к интенсификации трудового процесса в рамках соперничества бригад, колхозов, сельсоветов и за почетное право обладания неким высоким символом, например, “Переходящим Красным Знаменем”. Внешне процедура проведения соцсоревнования носила вполне добровольный и спонтанный характер и сводилась к тому, что какой-либо субъект хозяйствования через средства массовой информации “бросал клич” или “вызов” всем остальным, предлагая принять своего рода пари на быстрое достижение заданных экономических показателей. Окончание соревнования приурочивалось к концу года, пятилетки, годовщинам различных знаменательных событий, юбилеям, государственным праздникам и т.д. В силу этого оно должно было носить торжественный характер, свидетельствовать о патриотическом порыве, демонстрировать лояльность и всемерную поддержку трудящимися проводимому экономическому и политическому курсу. Со своей стороны, все желающие подхватывали почин и включались в соревнование.

Окончательное юридическое оформление “социалистическое соревнование” получало с утверждением точного списка участников и необходимых показателей производства партийными комитетами. Контроль за ходом выполнения принятых обязательств и выявление победителей тоже оставались за партийными органами. Взятые “социалистические обязательства” широко тиражировались на страницах печати, пропагандировались внутри трудовых коллективов путем издания различных стенгазет, “Молний” и “Боевых листков”.

Шумная и масштабная рекламная кампания в средствах массовой информации, сопровождавшая этот процесс, ставила своей

целью ввергнуть трудящихся в некое подобие массового психоза, свойственного, впрочем, любым рекламным кампаниям. В данном случае – в атмосферу аврала, трудовой горячки, штурмовщины. Если с ее помощью и удавалось несколько увеличить производительность труда, то лишь на время, ибо силы человека не беспредельны и после достаточно продолжительных усилий неизбежно возникает необходимость в отдыхе, и не только физическом. За душевным перенапряжением следуют апатия, потеря интереса к происходящему. Таким образом, метод “социалистического соревнования” при систематическом применении и условии серьезного к нему отношении всех участников грозил нарушением нормальных технологических условий, дезорганизацией всего производственного процесса.

В действительности же соцсоревнование оказывалось навязанным сверху, из-за чего большинство его участников относились к нему достаточно формально, настолько, насколько подобное было возможно в тех условиях. Например, в 1956 г. республиканская печать отмечала, что “абсолютное большинство рабочих и колхозников Железнодорожного района не знает, за какие показатели борется их район в этом году”¹⁶⁴. Экономическая эффективность данного метода была невысокой. За успех в соцсоревновании победители могли рассчитывать лишь на моральное поощрение и некоторое количество денежных премий, ценных призов и памятных подарков, несопоставимых, однако, с затраченными усилиями. Ответственность за проигрыш была также невелика. Никаких экономических санкций ни на само предприятие, ни на его коллектив не накладывалось. Зачастую, весь процесс соцсоревнования проходил лишь на бумаге и страницах газет. Это признавалось даже в печати, т.е. на официальном уровне: “нередко бывает и так: принимаются обязательства, заключаются договоры, произносятся громкие и красивые речи, а затем все это забывается и никто не следит за ходом соревнования”¹⁶⁵.

С 1957 г. весьма специфическим методом мобилизации стала знаменитая рекламная кампания, проводимая под весьма необычным лозунгом “Догоним в ближайшие годы Соединенные Штаты Америки по производству мяса, масла и молока на душу населения”, выдвинутым Н.С. Хрущевым 22 мая 1957 г. в Ленинграде на совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик Северо-Запада РСФСР¹⁶⁶.

Инициатива советского лидера была впоследствии юридически оформлена в некоторых законодательных актах и приняла очертания государственной кампании по подъему животноводства. Характерно, что при проведении подобной кампании в 1949–1951 гг. никакие дополнительные идеологические стимулы

не требовались, колхозы просто ставились в известность относительно сроков достижения необходимых показателей, затем, что “так надо”. Н.С. Хрущев, преследуя те же цели, очевидно, понимал, что одного административного нажима на колхозную систему будет уже недостаточно и пытался направить всячески разжигаемое недружелюбие советского народа к главному геополитическому сопернику СССР на международной арене – США – в русло трудовой активности. По его замыслу торжественное признание отставания СССР по названным показателям должно было ощутимо уязвить национальное самолюбие советского человека и вызвать сверхъестественный подъем патриотических чувств, повышающий работоспособность. Официальная печать утверждала, что клич “догнать Америку” “вызвал новую мощную волну творческой энергии миллионов” и что эта борьба приняла “всемирный характер”¹⁶⁷. Кампания была запланирована до 1960 г. Не касаясь экономического анализа ее проведения, следует отметить, что она оказалась для колхозной системы страны непосильной. Производительные силы США в аграрном производстве были развиты значительно сильнее советских. Вместо роста производительности труда кампания “догоним и перегоним” привела к совершенно обратным результатам. Ее провал способствовал дискредитации колхозного способа производства уже внутри советского общества. Всем стало очевидно, что СССР проигрывает в святая святых – экономическом соревновании.

Складывалась непростая ситуация. Если для идеологического обоснования аграрных реформ с 1953 г. политическим руководством страны приводились данные о развитии сельского хозяйства внутри самой России в 1913, 1928, 1940 гг., то в 1957 г. впервые перед советским обществом было официально признано колоссальное отставание СССР от принципиально альтернативной (антагонистической социализму) системы хозяйствования – рыночной, или капиталистической. Весь внутрисоциальный престиж “социалистической системы хозяйствования” в деревне был опрометчиво поставлен на карту и зависел теперь только от результатов одного эксперимента, реальные итоги которого, с одной стороны, было совершенно невозможно замолчать, а с другой – так легко предвидеть. Нереальность в короткие сроки сократить этот разрыв лишь усугубила ситуацию. Возникали совершенно закономерные вопросы: “Действительно ли колхозная система хозяйствования является самой эффективной и передовой в мире? Если это так, то почему капиталистические производительные силы оказались на порядок более эффективными? Допустим, что это произошло в результате какой-либо непредвиденной, фатальной случайности, то что же мешает, в таком случае, производитель-

ным силам советского общества быстро достичь необходимого уровня развития и превзойти его?” Вразумительного ответа не последовало.

Подводя итог, следует отметить, что, несмотря на широкий спектр практикуемых мер и значительное повышение материальной заинтересованности колхозников в результатах своего труда в общественном хозяйстве во второй половине 1950-х годов, решить проблему трудовых ресурсов в колхозном производстве так и не удалось. Процесс оттока сельского населения из коллективных хозяйств Коми АССР продолжался.

Одной из мер, на которую шла власть с тем, чтобы поддерживать увядающее колхозное производство, стала передача определенной части сельскохозяйственных артелей в собственность подсобных хозяйств различных промышленных предприятий. Бывшие колхозники при этом получали статус рабочих данных хозяйств, тем самым приобретая личную свободу и улучшая свое социально-экономическое положение. В республике процедура передачи артелей в собственность таких ведомств, как “Печорлес”, “Воркутлес”, “Воркутуголь”, “Комилес” и других, была характерна, прежде всего, для бесперспективных, крайне слабых, фактически обезлюдевших и с огромной задолженностью коллективных хозяйств.

Первоначально эта политика носила характер исключения и в средствах массовой информации не отражалась с тем, чтобы не ставить под сомнение эффективность колхозного производства. В Коми АССР подобные случаи по решению республиканского правительства стали происходить уже с 1954 г.¹⁶⁸ Так, колхоз “Красная Звезда” Помоздинского района был передан Помоздинскому леспромхозу комбината “Комилес” для создания на его базе подсобного хозяйства¹⁶⁹. Все 64 трудоспособных колхозника изъявили желание перейти в качестве постоянных рабочих ОРСа леспромхоза. В 1955 г. колхоз им. Куйбышева передали сельхозуправлению “Воркутуголь” Министерства угольной промышленности СССР¹⁷⁰.

В сентябре 1956 г. правительство республики приняло решение реорганизовать пять колхозов Сыктывкара и пригорода, совместно с подсобными хозяйствами МВД Коми АССР и Сыктывкарского сельхозтехникума, в аграрное государственное предприятие – совхоз¹⁷¹. В качестве причин подобного объединения указывались следующие: во-первых, на 1 января 1955 г. в преобразуемых колхозах остались лишь 464 трудоспособных человека, вместо 2112 человек в 1940 г. Из-за недостатка рабочей силы до 50% всех полевых сельскохозяйственных работ приходилось выполнять силами привлеченного населения из Сыктыв-

кара, во-вторых, резко снизились урожайность полей и продуктивность животноводства, в-третьих, для снабжения столицы Коми АССР ежегодно недоставало 7 тыс. т картофеля, 3,7 тыс. т овощей и 13,6 тыс. т молочных продуктов. В Совете министров республики полагали, что “с организацией совхоза будет значительный рост производства, а часть ранее ушедших колхозников вернется”¹⁷².

В том же, 1956 г., были объединены и переведены на положение совхоза 13 артелей Усть-Вымского района¹⁷³. В документах органов статистики Коми АССР отмечалось, что к 1958 г. “значительная часть колхозных земель была передана совхозам и подсобным хозяйствам”¹⁷⁴.

Впоследствии это вылилось в массовый перевод артелей в статус совхозов в 1960-е годы. Таким образом, первые признаки начала эрозии сталинской колхозной системы сельскохозяйственного производства можно проследить с середины 1950-х годов. Конечно, это были пока только единичные случаи, не принявшие, на тот момент, характер тенденции, но их наличие весьма показательно. Проводилась апробация совершенно новых методов решения вопросов, связанных с колхозным производством и колхозными трудовыми ресурсами. Еще совсем недавно, до 1953 г., такой образ действий властей был совершенно не мыслим и в принципе невозможен, потому что согласно закону от 19 сентября 1946 г. любое покушение на колхозную собственность, в том числе и со стороны различных промышленных предприятий, организаций и ведомств, расценивалось как тягчайшее государственное преступление и навлекало решительные санкции. Однако в новых условиях, оказавшись не в силах распутать Gordiev узел проблем, накопившихся в колхозной системе, государство решило его разрубить путем ликвидации самой системы, заменой ее на новую. Фактически это было началом процесса национализации колхозно-кооперативной собственности. В 1958 г. со страниц республиканской печати было торжественно объявлено об успехе проведенного эксперимента. Два вновь созданных колхоза (“Сыктывкарский” и “Усть-Вымский”) за год дали больше валовой продукции в 2–2,5 раза, чем ежегодно давали 16 колхозов, на базе которых они были созданы¹⁷⁵.

Таким образом, рассмотренная система экономического и внеэкономического принуждения колхозников к труду, окончательно сформированная в 1930-е годы и необходимая в чрезвычайных условиях войны, в послевоенный период исчерпала свой запас прочности. Глубокий социально-экономический кризис колхозной деревни второй половины 1940–начала 1950-х годов привел к тому, что процесс оттока рабочей силы из деревни приобрел массовый,

все менее контролируемый характер, что крайне негативно сказывалось на сельскохозяйственном производстве.

Так, с 1940 по 1953 г. включительно, численность трудоспособных колхозников Коми АССР, принимавших участие в общественном хозяйстве, сократилась более чем в 2 раза, а все наличное население – на 50%. Несмотря на то что процесс оттока в последующие годы был несколько приостановлен, однако закрепить успех не удалось. Основной урон трудовым ресурсам был нанесен за годы войны, но условия жизни и труда в колхозах не оставляли шансов на их восстановление. Убыль рабочих рук в колхозах продолжалась. Большинство крестьян Коми АССР в порядке организованного набора уходило на лесозаготовки. До 1953 г. высокими темпами снижался общий объем выработки трудодней, падали урожайность и продуктивность, сокращался объем валового выпуска сельскохозяйственной продукции.

При всей относительной прогрессивности и огромной значимости постсталинской социально-экономической политики в деревне 1950-х годов кризис в сфере колхозных трудовых ресурсов, а следовательно, и в сфере производства обозначался все явственнее. Продовольственная проблема не была решена. Ослабление административного нажима на колхозы сокращало мобилизационные возможности колхозной системы. Шаги по подъему жизненного уровня в деревне породили у крестьян весьма высокие социальные ожидания, удовлетворить которые колхозная экономика, без значительной государственной поддержки, была не в состоянии.

Следует признать, что эффективного противоядия масштабной эрозии колхозной системы выработано не было. Фактическим признанием со стороны властей собственного бессилия перед решением проблемы трудовых ресурсов села в рамках колхозного строя, основанного и державшегося на внутренних резервах деревни, которые в рассматриваемый период были до крайности истощены, послужило начало вынужденного перевода с середины 1950-х годов колхозов в статус государственных хозяйств – совхозов, т.е. на полное бюджетное обеспечение, принявшее в 1960-е годы характер массовой кампании. Колхозное крестьянство превращалось в сельскохозяйственных рабочих. С одной стороны, это было несомненным повышением его социального статуса. Колхозники получали важные права, которыми уже пользовались представители рабочего класса: гарантированный заработок, нормированный рабочий день, право на выходные дни, пенсионное обеспечение, оплачиваемый отпуск, а, кроме того, еще и личную свободу. С другой стороны, все расходы в убыточной аграрной сфере теперь должно было нести

исключительно государство, что грозило крайне неприятными последствиями для экономики.

Еще более важным было то обстоятельство, что с момента преобразования кооперативно-колхозного сектора экономики в государственный, колхозов в совхозы, государство несло прямую ответственность за положение дел в аграрной отрасли. До этого вся ответственность была возложена на сами колхозы, в крайнем случае, на местное руководство, а все недостатки списывались на “грубые извращения линии партии и правительства” в процессе реализации безусловно правильных решений. Совхозный способ производства предусматривал введение прямого и явного государственного управления всеми аспектами сельскохозяйственной деятельности. Переадресовывать возможные претензии стало просто некуда.

Таким образом, можно сделать вывод, что начатая в 1953 г. кампания по реформированию основ управления трудовыми ресурсами колхозной системы с тем, чтобы на основе бюджетных ассигнований повысить их производственную активность и за счет этого решить некоторые общегосударственные задачи, к концу 1950-х годов окончилась неудачей.

Формы социального протеста колхозного крестьянства

Повседневные формы сопротивления не привлекают внимание газет. Но подобно тому, как миллионы полипов-антозоанов создают, как бы там ни было, коралловый риф, так и многочисленные акты крестьянского неподчинения и уклонения создают собственные рифы политических и экономических препятствий. И, продолжая сравнение, когда корабль государства напарывается на такие рифы, внимание всегда бывает направлено на само крушение, а не на большое скопление мелких актов, сделавших его возможным¹⁷⁶.

Джеймс Скотт

В советской историографии вопрос о наличии и причинах возникновения социального протеста колхозным крестьянством никогда не рассматривался. Это может показаться не вполне логичным, ибо марксистско-ленинская историческая школа достигла выдающихся успехов в изучении именно социально-экономических процессов на разных этапах развития человеческого общества. Классовая борьба рассматривалась как “основное содержание и движущая сила всего исторического процесса”¹⁷⁷. Теория классовой борьбы имела громадное методологическое значение

для всех общественных наук. Однако та же самая методология исключала возможность применения накопленного потенциала в отношении изучения истории собственной страны периода “победы и укрепления социализма”. Для лучшего понимания сложившегося положения необходимо рассмотреть логику той части марксистско-ленинской теории, которая в принципе исключала возможность постановки указанной проблемы в качестве предмета научного анализа.

В рамках принятой идеологии СССР воспринимался как первое в истории человечества государство победившего социализма, в котором построено “бесклассовое” общество в том смысле, что оно лишено каких бы то ни было внутренних антагонистических противоречий, характерных для всех остальных общественно-экономических формаций (рабовладение, феодализм, капитализм), так называемых “антагонистических классовых обществ”. Антагонистические общества получили свое название от того, что состояли из двух основных, определяющих лицо формации и ведущих непримиримую борьбу классов, – господствующего (эксплуататоры) и угнетенного (эксплуатируемые). Источниками классовой борьбы в таких обществах являлись фундаментальные противоречия интересов этих классов. Владельцы средств производства получали возможность эксплуатировать, присваивать труд неимущих, распределять общественное богатство в своих интересах. Возникновение классовой борьбы носило неизбежный и объективный характер. Наибольшую остроту и глобальность приобретала классовая борьба в условиях развития капитализма, в высшей степени обнажившего социальные противоречия между двумя доминирующими антагонистическими классами: пролетариатом и буржуазией.

В результате Великой Октябрьской социалистической революции в 1917 г. Россия встала на путь построения социалистического общества. Силой государственного аппарата, действовавшего от лица победившего пролетариата, средства производства обобществлялись путем экспроприации и национализации частной собственности. Данный процесс шел поэтапно, начавшись с огосударствления крупной промышленности и закончившись коллективизацией сельского хозяйства в конце 1920 – начале 1930-х годов.

Столь долгий процесс был обусловлен тем, что классический марксизм не давал ответа на вопрос, необычайно актуальный для России: “как быть пролетариату и его партии, если в той или иной стране имеются благоприятные условия для взятия власти пролетариатом и ниспровержения капитализма, где капитализм в промышленности до того концентрировал средства производства, что

можно их экспроприировать и передать во владение общества, но где сельское хозяйство, несмотря на рост капитализма, до того еще раздроблено между многочисленными мелкими и средними собственниками-производителями, что не представляется возможным ставить вопрос об экспроприации этих производителей?”¹⁷⁸

Наиболее приемлемый для пролетариата выход из столь затруднительного положения был найден В.И. Лениным. Он полагал, что “необходимо не откладывая брать власть; экспроприировать средства производства в промышленности в общенародное достояние; индивидуальных сельскохозяйственных производителей постепенно объединять в производственные кооперативы, крупные сельскохозяйственные предприятия, колхозы; всемерно развивая индустрию, подвести под колхозы современную техническую базу крупного производства; для экономической смычки города и деревни, промышленности и сельского хозяйства сохранить на известное время товарное производство (обмен через куплю-продажу) как единственно приемлемую для крестьян форму экономических связей с городом, и развернуть во всю советскую торговлю, государственную и кооперативно-колхозную, вытесняя из товарооборота всех и всяких капиталистов”¹⁷⁹.

Таким образом, с начала 1930-х годов в СССР сосуществовали две социалистические формы собственности на средства производства: государственная (общенациональная) и кооперативно-колхозная (коллективная), различавшиеся степенью обобществления. Первая была характерна для индустриального сектора советской экономики, вторая – для аграрного. Исходя из этого, утверждалось, что в советском государстве источник эксплуатации (частная собственность) ликвидирован, а следовательно, невозможно и частное присвоение прибавочного продукта. Отмечалось, что с обобществлением собственности уничтожалась экономическая основа для существования таких социальных пороков капиталистической системы, вытекающих из феномена эксплуатации, как бесправие и забитость трудящихся, прогрессирующее имущественное расслоение общества, нищета и массовая безработица. У граждан СССР не могло быть причин, которые бы могли послужить поводом для проявления политического или социально-экономического недовольства.

Потеряв экономическую основу своей власти, класс эксплуататоров был вытеснен из социальной структуры советского общества, которое состояло теперь из монолитного “морально-политического” единства, союза “двух основных”, “социально однотипных” классов: промышленных рабочих и колхозного крестьянства, а также “народной” интеллигенции. Торжественно провозглашалось, что отношения между классами социалистическо-

го общества основывались на совместном труде и сотрудничестве, а не на эксплуатации и взаимной борьбе. Самые широкие демократические права и свободы трудящихся, не виданные, как утверждалось, нигде в мире, были закреплены и гарантированы в советских конституциях, особенно в “Великой сталинской” 1936 г. Заботе о материальном благосостоянии советских граждан уделялось “неустанное внимание” со стороны государственных и партийных органов власти. Успехи социалистической экономики должны были вселять трудящимся самые радужные перспективы. Массовая безработица была преодолена на основе преимуществ “бескризисного развития” плановой экономики и грандиозных масштабов строительства наиболее современной на тот момент индустрии.

Несмотря на то что СССР долгое время оставался государством “диктатуры пролетариата”, действовавшим в интересах и от лица промышленных рабочих, беднейшее крестьянство признавалось его главным и ближайшим “союзником” в построении общества данного типа¹⁸⁰. Однако в результате проведенной массовой коллективизации уже все крестьянство изменило свою социальную природу, превратившись из реакционной, мелкобуржуазной стихии в прогрессивный, однородный, хорошо организованный отряд социалистических тружеников. В то же время за рабочим классом признавался статус “ведущей силы советского общества”¹⁸¹. В советском искусстве данная идея была лучше всего отражена в знаменитом монументе архитектора Веры Мухиной “Рабочий и колхозница”, ставшим, кроме всего прочего, торговой маркой “Мосфильма”. Союз рабочего класса и крестьянства объявлялся “особой формой классового сотрудничества ... в период построения социализма и коммунизма”¹⁸². Провозглашалось, что при социализме общество не делится больше на такие группы людей, из которых одна может, вследствие занимаемого места в системе общественного хозяйства, присваивать себе труд другой. Об окончательном достижении полного единства советского общества было торжественно объявлено на XVIII партийном съезде в 1938 г. И.В. Сталиным и А.А. Ждановым¹⁸³.

Пропаганда утверждала, что в рамках созданной в 1930-е годы колхозной системы была найдена “золотая середина” сочетания интересов государства и общества, с одной стороны, и крестьянства – с другой. Государство было заинтересовано в создании колхозов по следующим причинам.

Во-первых, считалось, что колхозный способ аграрного производства будет гораздо прогрессивнее, чем мелкотоварный, характерный для “нэповской” деревни. Колхозная деревня была основана на “крупном и передовом” коллективном земледелии, со-

вместной обработке земли и получала, в силу этого, возможность расширенного воспроизводства на базе эффективного применения сельскохозяйственных механизмов, внедрения передовых достижений агротехники. Она обладала огромными мобилизационными возможностями и была в состоянии за короткий срок обеспечить небывалый рост производства, послужить прочной экономической основой для масштабной индустриализации СССР, скорейшее проведение которой не терпело отлагательства. Она имела коренное отличие от “доколхозной”, основанной на мелкотоварном производстве индивидуальных собственников, при котором, как утверждалось, было невозможно расширенное и не всегда возможно даже простое воспроизводство, из-за чего “мелкобуржуазная” деревня обрекалась на длительный процесс стагнации, служа непреодолимым тормозом на пути прогрессивного развития экономики страны. На этот счет со всей убежденностью высказывался И.В. Сталин: “современное общество не может развиваться, не накапливая из года в год... Это ясно и понятно”¹⁸⁴.

Во-вторых, коллективизация должна была значительно расширить социальную базу советской власти. Неизбежное при мелкотоварном аграрном производстве, в силу объективных законов общественного развития, “восстановление кулачества должно (было. – *Авт.*) повести к созданию кулацкой власти... к образованию буржуазного правительства”¹⁸⁵, – указывал И.В. Сталин в 1933 г. В социальном плане коллективизация радикальным образом меняла объективно враждебную диктатуре пролетариата мелкобуржуазную индивидуалистическую сущность “последнего капиталистического класса” – крестьянства, определявшуюся частной собственностью на средства производства, на принципиально иную – социалистическую, коллективистскую, “социально однотипную” с пролетарской, в основе которой лежала собственность социалистическая, обобществленная. Следовательно, в успехе политики строительства социализма, проводимой Советским государством, новый класс колхозного крестьянства был заинтересован уже в не меньшей степени, чем рабочий класс, совершивший, с этой целью, революцию в октябре 1917 г. Таким образом, выбивалась почва из-под “контрреволюционных” попыток реставрации капитализма, внутреннего реванша буржуазии.

Кроме сходного отношения к средствам производства и общественного положения (и рабочие, и колхозники имели социальный статус так называемых трудящихся, т.е. непосредственных производителей материальных благ, живущих своим собственным трудом), их роднила и общность целей – “укрепление социалистического строя и победа коммунизма”¹⁸⁶. Отсюда также делался вывод, что “почва для раздора – отсутствует”¹⁸⁷.

Колхозная система должна была обеспечить и непосредственные интересы подавляющего большинства сельских жителей. Во-первых, коллективизация решительно вытесняла из деревни их злостного внутреннего врага – кулачество.

Во-вторых, она раз и навсегда избавляла крестьянство от длительного и мучительного процесса имущественного расслоения в деревне, связанного с обнищанием и превращением в безземельных батраков одних (значительного большинства) и обогащения других – потенциальных эксплуататоров, “кулаков-миroeдов” (меньшинства), неизбежного, согласно марксизму, при индивидуалистическом, капиталистическом по своей природе, мелкотоварном способе производства.

В-третьих, колхозная система хозяйствования, на основе государственной помощи в механизации и интенсификации производства, открывала прямую дорогу к резкому росту производства товарной продукции, а значит, к состоянию изобилия, что обусловило бы очень скорое достижение всеми крестьянами высокого, не виданного ранее уровня жизни, при котором можно было бы говорить о “зажиточности”, устойчивом материальном благополучии, процветании и всеобщем достатке. Экономическое процветание могло бы послужить основой для повышения культурного уровня жителей деревни. Конечно, осознание крестьянами данного положения не могло прийти сразу, непосредственно в процессе коллективизации. Если в силу традиционной отсталости или классовой ограниченности кто-либо из крестьян это не понимал, то необходимо было действовать силой, “насаждая колхозы”¹⁸⁸, а затем вести широкую разъяснительную работу.

Таким образом, выходило, что потенциальная почва для любых форм протеста отсутствовала. Следовательно, не могло быть и проявлений социального недовольства со стороны колхозного крестьянства. А разве может стать предметом научного анализа явление, отсутствующее в природе, если со всей убедительностью доказано, что оно действительно невозможно, в силу действия объективных причин? Нельзя не признать теоретическую стройность данной концепции.

Советская историография классифицировала формы классовой борьбы на политические, экономические и идеологические, определив следующие методы их реализации: мирные и немирные, активные и пассивные, скрытые и явные, стихийные и организованные. Однако в связи с тем, что марксистско-ленинская методология в настоящее время считается неадекватной, представляется более приемлемым применять иной, достаточно нейтральный и несколько более узкий термин – “социальный протест”.

Разница между понятиями “классовая борьба” и “социальный протест” видится в том, что первое основано на фундаментальных противоречиях и носит глобальный, перманентный (до полного уничтожения врага) и бескомпромиссный характер, когда допустимы и “превентивные” меры (выражаясь языком дипломатов — “не спровоцированное нападение” на враждебный класс); для второго гораздо более свойствен характер исключительно вынужденной ответной реакции (самозащиты) на *конкретный вид* ущемления, менее значительный масштаб, не вполне радикальный настрой, так что всегда остается почва для примирения сторон.

Современные английские социологи-крестьяноведы Теодор Шанин и Джеймс Скотт характеризуют специфику методов, применяемых крестьянством во всем мире для защиты своих интересов как “оружие слабых”, когда, как правило, “избегают какого-либо прямого, явного столкновения с властями”¹⁸⁹, чаще всего действуя “в духе Брехта и Швейка”¹⁹⁰. Применительно к колхозному крестьянству, Т.М. Димони определяет социальный протест как “формы противодействия проводимому курсу государственной политики и методам государственного регулирования деревенской жизни”¹⁹¹. Социальный протест, следовательно, может быть расценен как один из латентных видов классовой борьбы.

Вполне убедительно выглядит в таком случае тезис, что говорить о возможности существования классовой борьбы, в широком смысле этого слова, в обществе “победившего социализма” — не совсем корректно. В то же время совершенно бесспорно было наличие почвы для социального протеста в среде колхозного крестьянства. Известно также, что единая стратегическая цель (построение социализма) вовсе не исключает возникновения тактических разногласий между союзниками (городом и деревней) относительно методов ее достижения¹⁹².

В то же время если в научном поиске отталкиваться не от теории, а от реальности, то в этом случае официальная доктрина покажется еще менее обоснованной. Послевоенные реалии к моменту уже 15-летнего существования колхозной системы заставляют усомниться в правильности рассмотренной концепции: даже самые убедительные доказательства покажутся не актуальными и не вполне справедливыми, если действительность убеждает в обратном. Аграрная политика государства “диктатуры пролетариата”, несомненно, ущемляла интересы колхозного крестьянства.

На наш взгляд, в рассматриваемый период, особенно до 1953 г., но в немалой степени и после, колхозное крестьянство, через систему колхозного производства, подвергалось самой жесткой и непосредственной эксплуатации со стороны государства.

К сожалению, эксплуатация, присвоение прибавочной стоимости были таким же атрибутом социально-экономических отношений между городом и деревней при социализме, как и в “антагонистических обществах”. Разница только в том, что в результате коллективизации в СССР функцию эксплуататорского класса *людей* присвоила себе обезличенная политическая надстройка. Самым парадоксальным образом государственная политика экспроприации “всех и всяких эксплуататоров” в деревне свелась к *национализации права эксплуатировать* деревню. В основе данного явления в рамках колхозной системы лежал принудительный неэквивалентный обмен стоимостями между городом и селом в духе “первоначального социалистического накопления”¹⁹³, что было обусловлено специфическими отношениями между производителем аграрной продукции — коллективными хозяйствами и непосредственным владельцем основных средств производства (земли и техники) — в лице государства¹⁹⁴.

У данного разграничения функций имелись свои плюсы и минусы. С одной стороны, земля, оставаясь национализированной, формально закреплялась за колхозами “в бесплатное бессрочное пользование (навечно)”. Сельскохозяйственные артели были избавлены от затрат на аренду земли, покупку и обслуживание дорогостоящей техники и необходимых горюче-смазочных материалов, оплачивая лишь услуги машинно-тракторных станций в натуральном виде, частью полученного урожая. С другой стороны, практика показывала, что расходы артелей на производство не окупались, они год от года терпели значительные убытки, что, естественно, было препятствием на пути к обещанному экономическому процветанию.

Естественно, что при таких условиях жизненный уровень колхозного крестьянства не только консервировался, но имел устойчивую тенденцию к снижению. Материальное положение крестьянства, как показано в первом параграфе настоящей главы, было весьма неблагоприятным. Поэтому участие колхозников в артельном производстве было основано на исключительном административном принуждении. Кроме экономического гнета, крестьянство испытывало и социальный.

Исходя из вышеизложенного, социальный протест колхозного крестьянства может быть рассмотрен в рамках двух направлений: во-первых, в сфере хозяйственно-экономической жизни и, во-вторых, в сфере общественно-политических отношений.

Наиболее массовой формой крестьянского протеста социально-экономического направления в Коми АССР, как и по всей стране, было бегство из колхозов. Масштабы и последствия данного явления в рассматриваемые годы были столь существенны,

что в литературе часто вместо термина “бегство из деревни” употребляют более величественный и даже в какой-то степени библейский – “исход”¹⁹⁵.

Численность наличного колхозного населения Коми АССР за 1946–1958 гг. сократилась на 22,5% – с 126,6 тыс. до 98,2 тыс. человек¹⁹⁶. В значительной мере это было обусловлено объективными процессами бурного развития промышленности республики, требовавшей притока рабочих рук. В то же время основным побудительным фактором ориентации колхозного крестьянства на поиск путей выхода из колхозов было социальное неблагополучие – крайне низкий уровень жизни колхозников, значительное отставание от материального положения рабочих и служащих. Негативное влияние оказывало и униженное социально-правовое положение крестьян. Стремясь избежать экономического и правового гнета в рамках колхозной системы, крестьянство всеми силами пыталось покинуть деревню или хотя бы изменить свой социальный статус, оставаясь проживать в сельской местности. Так, например, ежегодно из числа наличных трудоспособных работали в лесной промышленности, но проживали в колхозах от 12 тыс. 600 человек в 1946 г. (24,7% от всех наличных трудоспособных) до 9 тыс. 217 человек в 1958 г. (21,2%)¹⁹⁷. В среднем по СССР удельный вес проживавших, но не работавших в артелях составлял 7–8% ко всему трудоспособному населению коллективных хозяйств¹⁹⁸. Многие колхозы Коми АССР в рассматриваемый период были обеспечены рабочей силой только на 25–30% от принятых норм¹⁹⁹.

Масштабы легальных, регулируемых государством каналов перераспределения людских ресурсов (организованный набор в промышленность, мобилизация молодежи через систему подготовки трудовых резервов, призыв на военную службу) не могли удовлетворить всех желающих. Ежегодно сотни колхозников покидали деревню без разрешения правлений артелей, т.е. “самовольно”. Так, в Сторожевском районе Коми АССР в 1949 г. нелегально выехало из колхозов 43,4% от всех ушедших трудоспособных колхозников²⁰⁰. Эта проблема была актуальна и для других районов Коми АССР. Например, в решении исполкома Усть-Усинского районного Совета от 14 апреля 1953 г. говорилось: “В целях оказания помощи колхозам района в части возвращения на колхозное производство колхозников, самовольно ушедших на работу в учреждения, организации и предприятия ... выявить количество ушедших ... в разрезе колхозов, с указанием места их работы и поставить вопрос перед руководителями учреждений, организаций и предприятий об освобождении их с работы и направлении в распоряжение колхозов”²⁰¹.

В условиях Коми АССР ушедшие крестьяне стремились попасть, главным образом, в лесозаготовительную промышленность. Кроме того, они перемещались в транспортные, строительные и другие организации. Работа в лесной промышленности привлекала относительно высоким заработком и тем, что поступающему на работу выплачивалось единовременное безвозвратное пособие – 150 руб. за один год контракта, а также проводилось авансирование в размере 500 руб. за один год контракта, оплачивалась стоимость проезда к месту работы всей семьи и суточные, предоставлялось общежитие, бесплатное обучение специальностям²⁰².

Масштабы данного перемещения были весьма велики – с 1946 до 1952 г. свыше 10 тыс. колхозников республики пополнили постоянные кадры промышленности. Постепенно этот процесс сокращался. Начиная с 1953 и до конца 1958 г. число колхозников, выбывших по восстановленной после войны системе оргнабора в промышленность, составило всего 1318 человек²⁰³. Этому способствовала и реализация постановления Совета Министров СССР от 28 ноября 1951 г. “Об упорядочении проведения организованного набора рабочих в колхозах”, согласно которому предприятиям в очередной раз строго запрещалось принимать на работу колхозников, без соответствующего на то разрешения со стороны правлений²⁰⁴.

Наибольшему сокращению за период 1946–1958 гг. подверглась категория подростков от 12 до 16 лет, соответственно, с 15,5 тыс. до 4,9 тыс. человек, или более чем в 3 раза (Прил., табл. 44). Столь сокрушительное сокращение численности подростков (на 10,6 тыс.) было вызвано во многом увеличением набора в ремесленные училища и школы фабрично-заводского обучения (ФЗО), которые комплектовались в значительной степени за счет сельской молодежи. Например, за период 1940–1949 гг. в ремесленные училища и школы ФЗО были направлены из колхозов 14 тыс. 620 юношей и девушек²⁰⁵. На данный процесс влияло уменьшение рождаемости в военное время, 12–16-летние – это дети войны²⁰⁶.

Большая часть молодежи призывного возраста, отслужив в армии, вовсе не стремилась вернуться в родные колхозы. Имея на руках военный билет, они могли легко получить паспорт. Демобилизованные пользовались солидным преимуществом при поступлении в учебные заведения, а также при приеме на работу, и не упускали случая воспользоваться этим. “Невозвращенцы” стали столь распространенным социальным явлением села, что в 1954 г. депутат Верховного Совета Коми АССР М.В. Помыслов от Лоемского избирательного округа поставил перед Советом

министров Коми АССР вопрос о необходимости принятия особых мер для возвращения отслуживших солдат из Советской Армии в свои колхозы, откуда они были мобилизованы²⁰⁷.

С 1953 г. значительная часть колхозного крестьянства пополнила ряды сельскохозяйственных рабочих. Это было связано с тем, что, согласно принятому партией и правительством решению, механизаторские кадры МТС, ранее имевшие статус сезонных рабочих, членов коллективных хозяйств, переходили в штат машинно-тракторных станций. Они пользовались теми же социальными гарантиями, что и рабочий класс (государственное пенсионное обеспечение и т.д.). Естественно, это стало стимулом для колхозного крестьянства Коми АССР. Так, среднегодовая численность работников совхозов и МТС республики увеличилась в 1955 г. на 71% по сравнению с 1953 г.²⁰⁸

Процесс "исхода" крестьян из деревни самым негативным образом отражался на состоянии трудовых ресурсов колхозов Коми АССР, а следовательно, и на всем сельскохозяйственном производстве. Республиканские хозяйственные органы в 1946 г. отмечали, что в колхозах распространено "затягивание полевых работ и несоблюдение лучших агротехнических сроков. Так, весновспашка затянулась до 1 июля, подъем паров – до 1 августа, уборка комбайнами зерновых – до 1 октября и т.д."²⁰⁹ В докладной записке Коми областного комитета ВКП (б) в ЦК ВКП (б) на имя Г.М. Маленкова от 13 января 1949 г. отмечалось, что в республике "основными причинами отставания сельского хозяйства в колхозах являются острый недостаток рабочей силы и плохая техническая оснащенность МТС и колхозов тракторами и сельхозмашинами". Далее сообщалось, что "из года в год сокращается количество колхозных дворов, если в 1940 г. было 51 285 колхозных дворов, то в настоящее время осталось 40 707. Количество взрослых трудоспособных колхозников уменьшилось с 82 тыс. чел. до 41,3 тыс. чел. В то же время число рабочих и служащих (без лагерей МВД) увеличилось с 52 280 чел. до 109 850 чел. ... за последние годы большое количество трудоспособных колхозников и рабочих лошадей колхозов привлекается на осенне-зимний сезон лесозаготовок и сплавные работы. Если в 1940 г. при наличии в колхозах 82 тыс. трудоспособных колхозников привлекалось на лесозаготовки до 10 тыс., то в настоящее время из 41 тыс. трудоспособных колхозников привлекается 18 тыс. чел. Кроме того, на обслуживании лесозаготовок (подвозка фуража, продовольствия и уход за лошадьми) работают до 4 тыс. чел. На сезонной охоте, рыбной ловле, в различных геологоразведочных партиях и перевозке почты ежегодно заняты до 5 тыс. колхозников. Таким образом, свыше 26 тыс. чел., т.е. 65% с октября по апрель месяц ка-

ждого года в колхозном производстве не участвуют. Весной и летом на сплаве леса также работают до 8 тыс. трудоспособных колхозников. В осенне-зимний и весенний периоды в колхозах остаются только 15 тыс. чел. трудоспособного населения, тогда как по нормам, установленным Советом Министров СССР постановлением от 19 апреля 1948 г., на обслуживание одного лишь животноводства, вместе с оленеводством, требуются минимум 12 тыс. чел. Ввиду острого недостатка рабочей силы в большинстве колхозов за одной скотницей закреплены 16–20 коров, а за конюхом – 15–20 лошадей, а работники, кроме ухода за скотом, должны подвозить корма, воду, дрова, вывозить навоз и убирать помещения"²¹⁰. "Все это привело к тому, что за последние годы колхозы не справляются с выполнением важнейших сельскохозяйственных работ, затягивают весенний и озимый сев, упрощают агротехнику, допускают большие потери урожая, не обеспечивают сбора необходимого количества кормов. Колхозы крайне недостаточно занимаются строительством полевых построек и животноводческих помещений"²¹¹ и "хотя производительность труда колхозников по сравнению с довоенным годом увеличилась на 15% и значительно больше привлекаются к сельскохозяйственным работам нетрудоспособные колхозники и подростки, однако количество трудодней, выработанных всеми колхозниками в 1947 г., в сравнении с 1940 г., уменьшилось на 4,3 млн трудодней, или на 28%"²¹².

Необходимо отметить, что ситуация с обеспеченностью трудовыми ресурсами колхозов была несколько смягчена после реформ 1953 г., когда благодаря государственной поддержке в деле "повышения материальной заинтересованности" колхозников в результатах своего труда, работа в "общественном хозяйстве" стала более социально-привлекательной. В период с 1953 по 1958 г. наблюдался непрерывный приток в колхозы Коми АССР самой дееспособной категории работников – взрослых мужчин – с 8,7 тыс. до 11,2 тыс. (Прил., табл. 44). В 1958 г. председатель колхоза "Заря коммунизма" Сыктывдинского района И. Данилов со страниц печати сообщал, что "многие колхозники возвратились в артель. На сельскохозяйственном производстве остаются юноши и девушки. Это отрадное явление. Но молодежи в колхозе пока мало"²¹³.

Бегство было характерным явлением не только для рядовых колхозников, но и для вышестоящей профессиональной группы – механизаторов. Хозяйственные органы отмечали следующие причины неудовлетворительной работы МТС: "текучесть кадров, плохой ремонт машин, низкая трудовая дисциплина"²¹⁴ (простои, перерасход топлива и т.п.). Также отмечалось, что "в системе МТС Ко-

ми АССР ощущаются большой недостаток и текучесть всех механизаторских кадров. При том, что с 1948 по 1951 г. (за четыре года) через школы механизации при МТС прошли 11 900 чел., так что должно быть 1700 чел., однако фактически имеются только 836 чел., потому что за то же время ушли из МТС более 600 человек, ежегодно происходит почти полная сменяемость трактористов из-за материальной незаинтересованности их в работе МТС... низкое материальное положение приводит к тому, что механизаторы под всякими предлогами стараются уйти из МТС и поступить в лесные хозяйства, так как оплата труда в лесозаготовительных организациях значительно выше²¹⁵. Потребность в кадрах механизаторов по Коми АССР на 1 января 1953 г. составляла: трактористов гусеничных тракторов – 920 (имелись 473), трактористов колесных тракторов – 702 (345), бригадиров тракторных бригад – 198 (133), комбайнеров – 158 (90), механиков – 129 (105), заправщиков требовалось 212 человек (работали 106)²¹⁶.

Другой наиболее доступной и массовой формой противодействия крестьян проводимому жесткому курсу государственной политики и методам государственного регулирования деревенской жизни в 1946–1958 гг. был экономический саботаж. В сентябре 1946 г. республиканская газета “За новый Север” сообщала, что в результате чрезмерного увлечения своим подсобным хозяйством “колхозники уклоняются от участия в общественном труде, что ведет к образованию искусственной нехватки рабочей силы в колхозах”²¹⁷.

Саботаж проявлялся и в равнодушном отношении к животным и к порче колхозного имущества. Например, в 1949 г. председатель колхоза “Выль-Олём” Железнодорожного района В.М. Сокерин, когда конюх артели обратил его внимание на то, что лошадь по кличке Белых находится в плохом состоянии и без отдыха используется колхозниками на подвозке дров, никаких мер к предотвращению варварского использования животного не предпринял, лишь цинично высказался, что “если она погибнет, за храбрость на могиле крест поставим”²¹⁸. На третий день лошадь пала. Возможно, что это единичный случай, однако даже в нем проглядывает бесхозяйственность, подчеркнутое равнодушие к колхозному имуществу как самого председателя, так и остальных колхозников, нещадно эксплуатировавших лошадь. Члены колхоза не воспринимали “общественное хозяйство” своим, за которое надо, что называется “болеть душой”. Эмоциональная отстраненность работника в процессе работы – характерная черта подневольного труда.

В документах Коми областного комитета ВКП (б) за 1950 г. отмечалось, что во многих колхозах республики “недостает жи-

вотноводческих помещений, а имеющиеся пришли в ветхость, новых не строится. Скот стоит в грязи, подстилка не проводится, даже в морозы телята поятся в речке”²¹⁹. Бюро обкома ВКП (б) высказывало озабоченность по поводу того, что ежегодно “большое количество хлебопродуктов в колхозах разбазаривается, расхищается, портится, в результате чего теряются тысячи пудов хлеба”²²⁰, “убранный хлеб сыпают прямо в поле, где он мокнет и теряет необходимые качества”²²¹.

Уклонение колхозников от трудового участия в “общественном хозяйстве” артелей в послевоенные годы приняло массовый размах. Документы отчетности колхозов фиксировали две категории “уклонистов” – это колхозники, не принимавшие участия в колхозном производстве в течение всего года, и члены сельхозартели, работавшие, но не выработавшие установленного государством “годового минимума трудодней”, т.е. трудившихся недостаточно интенсивно.

В колхозах Коми АССР число колхозников первой категории в период с 1946 по 1952 г. стремительно возросло с 963 (1,2% от общего числа работавших членов колхоза) до 13 104 (19,8% от общего числа работавших), или в 13,6 раза номинально и в 16,5 раза – относительно. С 1953 г. число данной категории работников стало постепенно снижаться, оставаясь, однако, довольно значительной величиной. Так, в указанном году не выработали ни одного трудодня 11 760 человек (18,1%), а в 1958 г. – 10 902 человек (18,6%) (Прил., табл. 45). Необходимо отметить, что среди рассматриваемой категории колхозников менее всего было трудоспособных мужчин и женщин. Ее основу составляли престарелые и “отходники” (ушедшие в Красную Армию, на работу в государственные предприятия и учреждения, вступившие или вернувшиеся в колхозы в течение года). Однако с 1953 г., после некоторой общей либерализации колхозной системы, число трудоспособных колхозников данной группы возросло. В 1958 г. 365 трудоспособных членов сельхозартелей (200 мужчин и 165 женщин) вообще не участвовали в “общественном хозяйстве”, при этом доминирующую роль играли уже мужчины (Прил., табл. 45).

Наибольшим удельным весом среди колхозников, не работавших в колхозах Коми АССР, обладала категория “престарелых и нетрудоспособных”. К 1946 г. их число сократилось до 37 человек (0,3% работавших лиц данной категории), против 957 человек (3,5%) в 1940 г. Однако в дальнейшем их численность резко возросла, составив в 1952 г. 5841 человек (55,9%), а в 1958 г. – 7628 человек (61,8%).

В большинстве среди уклонявшихся от труда были “отходники”. Если в 1946 г. все работники данной группы принимали уча-

стие в колхозном производстве, то уже в 1952 г. число не работавших лиц этой категории составило 3524 человека (33,1% от общего числа "отходников", принимавших участие в колхозных работах). В последующие годы их число номинально несколько сократилось, оставаясь, однако, довольно солидной относительной величиной. Так, в 1958 г. 2380 человек (26,7%) из числа ушедших или вернувшихся в колхозы в течение года не выработали ни одного трудодня (Прил., табл. 45).

Доля не работавших подростков от 12 до 16 лет резко возросла к 1952 г., составив 3614 человек (35% от работавших подростков), против 797 человек (5,4%) в 1946 г. Меры по повышению материальной заинтересованности колхозников в "общественном" труде, предпринятые правительством Г.М. Маленкова и поддержанные на сентябрьском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС, положительно сказались на трудовой активности подростков. К 1958 г. число не работавших составило всего 529 человек, но, несмотря на это, осталось относительно высоким – 11,5% от всех принимавших участие в колхозном производстве подростков.

Вторая категория членов коллективных хозяйств Коми АССР, занимавшаяся прямым экономическим саботажем, – принимавшие участие в колхозном производстве, но не выработавшие принятого общим собранием "минимума трудодней" – была несколько менее значительной по численности (исключение составляет 1946 г.). В связи с падением доходов от общественного хозяйства к 1952 г. их количество стремительно возросло до 11 140 человек (16,9% всех работавших), против 5827 человек (7,3%) в 1946 г. К 1958 г., из-за резкого усиления материальной заинтересованности работников в результатах своего труда, число не выработавших "минимума" номинально сократилось в 4,2 раза, составив 2632 человека (4,5% всех работавших).

В связи с тем, что обязанность вырабатывать "минимум трудодней", как правило, не распространялась на престарелых и нетрудоспособных колхозников, доминирующую роль среди лиц, не вырабатывавших "минимума", в отличие от первой категории работников, составляли до 1953 г. подростки и "отходники", после 1953 г. – взрослые трудоспособные.

Если объединить рассмотренные категории в одну, а именно: лиц, членов сельхозартелей Коми АССР, так или иначе уклонявшихся от добросовестного выполнения своих трудовых обязанностей в период первых послевоенных пятилеток, то выявляется следующая картина – в указанных хронологических рамках их число неуклонно и стремительно возрастало. Так, если в 1946 г. халатность была свойственна 6790 колхозникам республики (8,5% от всех работавших), то уже в 1952 г. – 24 244 (36,7% от

всех работавших). Следовательно, указанная категория работников увеличилась всего за семь лет в абсолютных цифрах в 3,6, а относительно – в 4,3 раза (Прил., табл. 45). Подобную динамику можно расценивать как свидетельство интенсификации сопротивления колхозного крестьянства в ответ на снижение своего жизненного уровня и рост административного давления на колхозную деревню.

Либерализация аграрной политики государства с 1953 г. сказалась на некотором улучшении ситуации с трудовыми ресурсами колхозов Коми АССР, но не решила указанную проблему принципиально. Так, количество недобросовестных работников артелей снизилось за шесть лет реформ колхозной системы (к концу 1958 г.) до 13 534 человек (23,1% от всех работавших), т.е. номинально в 1,8, а относительно – в 1,6 раза от уровня 1952 г. Однако данная тенденция не прослеживается относительно наиболее дееспособной части трудовых ресурсов сельхозартелей – взрослых трудоспособных колхозников, неудовлетворительно работавших в "общественном хозяйстве". Их число возрастало, с некоторыми колебаниями, на протяжении всего рассматриваемого периода (1946–1958). Так, если в 1946 г. халатное отношение к труду было свойственно 819 трудоспособным, то в 1952 г. – уже 2215, а в 1958 г. – 2997²²². Следовательно, можно утверждать, что бегство из деревни и уклонение от работ в колхозе были наиболее распространенными и массовыми формами социального протеста колхозного крестьянства, коллективным ответом на жесткий режим их эксплуатации, через колхозную систему хозяйствования. Данная форма протеста наносила ущерб производительным силам сельского хозяйства республики. Безусловно, основной урон трудовым ресурсам деревни нанесла Великая Отечественная война, однако послевоенные условия жизни и труда колхозников не позволяли надеяться хотя бы на некоторое их восстановление.

Структура трудовых ресурсов артелей республики, несмотря на некоторое улучшение во второй половине 1950-х годов, оставалась некачественной. Анализ данных табл. 44 Приложения позволяет сделать вывод, что среди трудоспособных членов сельскохозяйственных артелей Коми АССР, принимавших участие в колхозном производстве, преобладали женщины. Хотя к концу рассматриваемого периода абсолютная численность и удельный вес женщин из числа работавших трудоспособных и снизились с 78,6% в 1946 г. до 65,5% к 1958 г., они значительно превышали общую численность и удельный вес мужчин. Удельный вес мужчин из числа работавших трудоспособных вырос с 21,4% в 1946 г. до 34,5% в 1958 г. Изменилась и доля трудоспособных среди всех участвующих в общественном хозяйстве колхозов. Если в 1946 г.

удельный вес трудоспособных среди работавших составлял 47,1% из общего числа, то в 1958 г. – 55,7%. Активное участие в колхозном производстве вынуждены были принимать престарелые, инвалиды и подростки. Доля работавших престарелых и инвалидов возросла с 16,7% в 1946 г. до 21,1% – в 1958 г. Удельный вес подростков, наоборот, снизился с 18,4% в 1946 г. до 7,8% в 1958 г.

Довольно значительную роль среди экономических форм социального протеста колхозников в рассматриваемые годы играли “покушения на колхозную собственность” и, прежде всего, самовольные захваты “общественной” земли. Личное приусадебное хозяйство служило для колхозников Коми АССР основным средством к существованию. Оно обеспечивало крестьянскую семью картофелем, овощами, мясом, молоком. Однако борьбу за “незаконные” земельные “захваты”, вопреки официальной версии властей об “активизации отдельных спекулятивных и рваческих элементов, прикрывающихся членством в колхозе”, нельзя рассматривать как стремление крестьян к дополнительной наживе, источнику обогащения. Она никогда не выходила за рамки борьбы с голодом, для обеспечения приемлемого уровня биологического выживания и велась за жизненные, насущные интересы крестьянства. Захваты земли занимали одно из важнейших мест в системе социального протеста. Хозяйственные органы Коми АССР отмечали, что “в республике нарушения Закона о земле получили массовое распространение”²²³.

В то же время необходимо отметить, что размеры этих прирезок были в основном очень невелики, сопоставимы с размерами личных огородов. Из 13 315 га расхищенных земель колхозов, выявленных в конце 1946 г., только 739 га составляли приусадебные земли (5,5%), остальная земельная площадь (главным образом сенокосные луга) была присвоена различными учреждениями и организациями для добывания кормов²²⁴. Однако такие действия колхозников расценивались властями как злостное и социально-опасное преступление, направленное на “подрыв общественного хозяйства колхозов”, а виновные в захватах строго карались. Меры воздействия на нарушителей были усилены Законом от 19 сентября 1946 г. “О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах”, реализация которых должна была в корне пресечь “раздувание личного хозяйства в ущерб общественному”²²⁵.

После выхода данного Указа в Коми АССР была создана 241 комиссия. В последующие годы они регулярно проводили контрольные обмеры земель крестьянского подворья²²⁶. Выявленные земельные “излишки” (т.е. все, сверх разрешенных Уставом норм землевладения) немедленно конфисковались вместе с

урожаем. На 1 января 1947 г. колхозам были возвращены изъятые как от частных лиц, так и организаций 80 голов лошадей, 99 голов крупного рогатого скота, 97 голов мелкого скота, 1080 ц зерна, 7205 т сена, 980 единиц различного сельскохозяйственного инвентаря, одна автомашина, десять построек и большое количество сбруи. Взыскано 3787 тыс. руб. из выявленных 5350 тыс. задолженностей²²⁷. За “грубейшие нарушения Устава сельскохозяйственной артели и расхищение колхозного добра” были осуждены 72 человека, в том числе такие ответственные лица, как прокурор Корткеросского района, заведующий отделом животноводства Ижемского района, управляющий районным отделом госбанка Сторожевского района и др.²²⁸

Закон разрешал колхозам взыскивать с колхозников-нарушителей “понесенный ущерб” и в денежном эквиваленте, когда предназначенный к изъятию урожай оценивался *по рыночным ценам* и полученная сумма через суд предъявлялась к уплате. Это было гораздо выгоднее, чем штраф натурой, и правления артелей охотно пользовались данной мерой, пополняя колхозный бюджет. Необходимо отметить, что большинство крестьян совершенно не осознавали сущности советских законов о земле и расценивали действия правлений колхозов как прямой произвол, а получив неутешительный вердикт Народного суда, искренне обижались и недоумевали, считая его “неверным и в корне неправильным”²²⁹. Региональный представитель Совета по делам колхозов при Совете Министров СССР отмечал в 1948 г., что колхозники Коми АССР повсеместно жалуются, что у них “незаконно отбирают усадьбу”²³⁰.

Так как истинной целью колхозов в борьбе с земельными прирезками было получение с нарушителей натуральных и денежных штрафов, то конфискованные у крестьян земли совершенно не использовались. Подобная бесхозяйственность вызывала горечь и раздражение колхозников. Член сельхозартели им. Маленкова Троицко-Печорского района Коми АССР И.И. Юдин в 1951 г. давал показания на суде: “Отец мой погиб на фронте. Я сам также участник Отечественной войны, защитник Родины, и неужели не могу посадить картофель на своем участке около дома на площади 370 кв. м, когда у колхоза 60% земли запущено и превращено в целину, а нас судят за то, что мы у себя посадили картофель”²³¹. Колхозница той же артели М.М. Кузнецова в 1953 г. говорила суду: “Изъятой у меня земель я не пользуюсь с 1951 г. С тех пор участок зарос бурьяном. Раньше я сдавала государству поставку (натуральный налог. – *Авт.*) и себе имела помощь. Сейчас же от этого нет пользы ни мне, ни государству, ни колхозу”²³².

Меры по борьбе с крестьянскими прирезками были столь эффективными, что в последующие годы наблюдалось значительное сокращение данного вида преступлений. Если в 1946 г. было обнаружено 739 га “излишков” приусадебных земель²³³, то в 1950 г. – уже 155 га²³⁴. В том же году за расхищение земель колхозов по Коми АССР были привлечены к ответственности 101 человек, из них – 20 председателей и 20 рядовых колхозников²³⁵.

Другой формой социального протеста колхозников в экономической сфере было “хищение и растаскивание колхозного имущества”, которое носило как системный (организованный), так и спонтанный характер. Низкие доходы крестьянской семьи и высокий уровень эксплуатации заставляли жителей деревень рассматривать колхозное имущество как один из источников существования. Доказательством служит тот факт, что расхищались в основном продукты питания и корма для скота.

Пик массовых хищений приходился на первые, самые голодные послевоенные годы. Позднее это стало прерогативой административной верхушки колхозов. Председатели часто “перевансировали” себя и правление колхоза деньгами и продуктами. Обменивали свой некачественный скот на самый продуктивный из колхозного стада, платили из натуральных доходов колхозов госпоставки за себя и родственников и т.п. Однако и рядовые колхозники занимались хищениями, особенно во время уборки урожая.

Необходимо отметить, что “не оприходование” полученного урожая или продуктов (т.е. сокрытие от государственного учета) было главным методом организованного воровства в колхозах. Неучтенный молодняк скота, часть урожая, как правило, продавали на сторону, а деньги присваивали. В колхозах Коми АССР были совсем иные случаи, когда расхищенное зерно без учета, прямо с колхозных полей, с ведома и прямой санкции председателей, скармливалось колхозному скоту с тем, чтобы накормить его вволю, хотя бы раз в году в период уборки урожая.

Некоторые председатели нарушали закон и в интересах колхозников. Например, в 1947 г. по тайному распоряжению председателя артели им. Ленина Усть-Куломского района Н.Н. Зезегова часть собранного хлеба была не оприходована, утаена от сдачи государству с тем, чтобы в дальнейшем распределить его среди членов колхоза. При этом он просил колхозников сохранять тайну, объясняя, что “если оставленное зерно не сможем сохранить и обнаружат, нас (правление. – *Авт.*) за это будут судить, а вам всем придется помереть с голоду”²³⁶.

Колхозники весьма активно утаивали и свой личный скот от государственного учета с тем, чтобы сократить налогооблагае-

мую базу. Любопытно, что, несмотря на налоговую реформу для личных подсобных хозяйств 1953 г. и отмену с 1 января 1958 г. натурального налога с индивидуального подворья, колхозники продолжали по привычке укрывать скот. Сохранились жалобы работников органов статистики Коми АССР на то, что колхозники в 1958 г., как и раньше, упрямо укрывают домашний скот от учета, опасливо полагая, что постановление об отмене сельскохозяйственного налога – просто хитрая уловка, направленная на выявление реальных размеров налогооблагаемой базы их хозяйств²³⁷. В 1958 г. факты умышленного укрытия скота были выявлены почти во всех районах Коми АССР. Наибольший процент недоучета скота в личных подсобных хозяйствах колхозников обнаружился в Прилузском (13,9% овец), Удорском (16,7% свиней и 11,9% овец), Усть-Куломском (12,3% коз) и Усть-Цилемском (20% коз) районах²³⁸. Следует добавить, что до этого за укрытие источника дохода виновные должны были привлекаться к уголовной ответственности²³⁹.

Выражая свое отношение к реалиям колхозной жизни, крестьяне горько шутили: “Мы работаем за палочки” (т.е. бесплатно, только за отметки о трудовых, делаемые бригадиром), «у нас в хозяйстве “сталинская корова”» (т.е. коза, из-за непомерного налога на содержание коровы), а надой колхозных коров долгое время после войны, не превышавший 500–700 л в год, наоборот, насмешливо называли “козьим удоом”²⁴⁰.

Правовое бессилие крестьян перед властями, униженное социальное положение, их отчужденность от общеполитического процесса вели к росту общественной апатии колхозников. Низкий уровень социальной активности можно, с полным основанием, рассматривать как своеобразную форму социального протеста.

В рассматриваемый период, особенно до 1953 г., довольно распространенным было явление, когда члены сельхозартелей отказывались посещать общие собрания колхоза. Если бы так называемая “колхозная демократия”, самоуправление колхоза было бы действительно реальным, полноправным, живым, а не “декоративным” институтом, то уровень посещаемости собраний был бы гораздо выше, ибо колхозники чувствовали бы свою сопричастность к формируемой политике и ответственность за принимаемые решения. Увы, в условиях сложившейся колхозной системы на это не приходилось рассчитывать. Собрания превращались в некие ритуальные действия, не несущие в себе для его рядовых участников почти никакого смысла и потому – нестерпимо скучные. Однако Устав строго требовал, чтобы собрания были обязательно правомочными, для чего на них должно было присутствовать не менее двух третей списочного числа колхозников.

Процедура принятия любых решений в “высшем органе власти сельхозартели” проходила в форме голосования простым большинством, которое всегда должно было носить открытый (т.е. наименее демократичный) характер. На практике это служило инструментом выявления “недовольных”.

Рядовые колхозники прекрасно осознавали всю полноту своей беззащитности от произвола администрации, не говоря уже о партийных и государственных органах, представители которых зачастую присутствовали на собраниях. Крестьяне, что называется, “голосовали ногами”, т.е. бойкотировали главный институт так называемой “колхозной демократии”, тем самым лишая его легитимности²⁴¹. Так, например, в колхозе им. Сталина Сыктывдинского района из 16 общих собраний, проведенных в период 1947–1948 гг., 12 оказались неправомочными²⁴². Данная проблема получила столь широкое распространение в республике, что грозила парализовать реализацию всех важнейших принимаемых решений по управлению колхозной системой, для которых, согласно “Примерному Уставу”, обязательно требовалось формальное одобрение общего собрания колхозников (перевыборы председателя, утверждение годового отчета артели и т.д.).

Для того чтобы выйти из создавшегося правового тупика, колхозное руководство не останавливалось и перед фальсификацией отчетных документов, путем завышения фактического числа участников собрания до уровня кворума, умолчания списочного количества колхозников, числа голосовавших и т.д.²⁴³ Подделка данных могла происходить и на районном уровне власти²⁴⁴. Были случаи применения к колхозникам и незаконных мер воздействия. Так, в колхозе “Беляевский” Прилузского района в 1948 г. “за неявку на общее собрание” налагался штраф в виде списания части трудодней²⁴⁵.

Иногда закон нарушался и в интересах колхозников. Некоторые председатели для того, чтобы привлечь людей на собрание и расположить их на добрый лад, устраивали для всех присутствовавших после его окончания бесплатное угощение за счет артели²⁴⁶. Для этих целей в колхозном стаде специально содержались несколько “неучтенных” (следовательно, неподконтрольных государственному надзору) овец, которые и забивались по такому случаю²⁴⁷. Идя на подобное, председатели рисковали, поскольку это расценивалось как двойное нарушение закона: во-первых, считалось “разбазариванием колхозного имущества” и сурово каралось, а во-вторых, угощение не должно было быть бесплатным, все съеденное необходимо было оценить по рыночным ценам и вычестить из доходов колхозников на трудодни. Если верить документам Совета по делам колхозов при Совете Министров СССР, то только в

1948 г. в колхозах Коми АССР было “растранижено” 2245,7 ц мяса, 33,6 ц животного масла, 1853,7 ц молока²⁴⁸.

Когда колхозникам удавалось избирать членом правления “своего”, авторитетного им человека, а не указанного сверху, то “партийно-советские органы власти” незамедлительно вмешивались. Так, Прокуратура Коми АССР с возмущением отмечала, что в колхозе “Совет” Ношульского сельсовета избран в 1948 г. “некто Шулепов Платон Борисович – ... бывший учитель... репрессированный по (“политической”. – *Авт.*) ст. 58 УК”²⁴⁹. В таких случаях устраивали “повторное голосование”. Зачастую, для ускорения процесса, правление и председателя колхоза выбирали “списком”, что было прямым нарушением Устава²⁵⁰.

Социальная апатия проявлялась и в настроениях наиболее “недовольной” и радикально настроенной части крестьян к главному “священному” политическому действию Советского государства – выборам в представительные органы власти, Советы всех уровней. В условиях советской однопартийной системы все кандидаты в депутаты баллотировались от так называемого “нерушимого блока коммунистов и беспартийных”, т.е. на безальтернативной основе. Официальная печать широко распространяла данные о всеобщем участии граждан СССР в выборах (количество бойкотировавших выборы не превышало 1–2% всех избирателей) как свидетельство “всенародной поддержки” избранному курсу. Однако многие избиратели шли на выборы не столько для того, чтобы реализовать свои политические убеждения, сколько из-за “разумного конформизма”, стремясь не дать повода властям заподозрить их в нелояльности.

Спецслужбы по Коми АССР в 1946 г. отмечали, что в связи с намеченными выборами в Верховный Совет СССР “имеются факты распространения версии о том, что органами НКВД при выборах будет установлен контроль и лица не принимающие участие в голосовании или вычеркивающие выдвинутых кандидатов... будут подвергаться репрессиям”²⁵¹. Органы государственной безопасности регулярно предоставляли оперативную информацию партийным комитетам о политических настроениях населения с грифом “для сведения”. Но многих это не останавливало. Во время проведения выборов в Верховный Совет СССР в феврале 1946 г. в Сторожевском избирательном участке при вскрытии урны была обнаружена листовка: “Долой коммунистов, долой колхозы. Да здравствует миллионное крестьянство!”²⁵² По данному факту было заведено уголовное дело.

Для колхозников, не принимавших участия в выборах, были характерны следующие умонастроения. Престарелая крестьянка из Троицко-Печорского района отказалась идти на выборы и за-

Процедура принятия любых решений в “высшем органе власти сельхозартели” проходила в форме голосования простым большинством, которое всегда должно было носить открытый (т.е. наименее демократичный) характер. На практике это служило инструментом выявления “недовольных”.

Рядовые колхозники прекрасно осознавали всю полноту своей беззащитности от произвола администрации, не говоря уже о партийных и государственных органах, представители которых зачастую присутствовали на собраниях. Крестьяне, что называется, “голосовали ногами”, т.е. бойкотировали главный институт так называемой “колхозной демократии”, тем самым лишая его легитимности²⁴¹. Так, например, в колхозе им. Сталина Сыктывдинского района из 16 общих собраний, проведенных в период 1947–1948 гг., 12 оказались неправомочными²⁴². Данная проблема получила столь широкое распространение в республике, что грозила парализовать реализацию всех важнейших принимаемых решений по управлению колхозной системой, для которых, согласно “Примерному Уставу”, обязательно требовалось формальное одобрение общего собрания колхозников (перевыборы председателя, утверждение годового отчета артели и т.д.).

Для того чтобы выйти из создавшегося правового тупика, колхозное руководство не останавливалось и перед фальсификацией отчетных документов, путем завышения фактического числа участников собрания до уровня кворума, умолчания списочного количества колхозников, числа голосовавших и т.д.²⁴³ Подделка данных могла происходить и на районном уровне власти²⁴⁴. Были случаи применения к колхозникам и незаконных мер воздействия. Так, в колхозе “Беляевский” Прилузского района в 1948 г. “за неявку на общее собрание” налагался штраф в виде списания части трудодней²⁴⁵.

Иногда закон нарушался и в интересах колхозников. Некоторые председатели для того, чтобы привлечь людей на собрание и расположить их на добрый лад, устраивали для всех присутствовавших после его окончания бесплатное угощение за счет артели²⁴⁶. Для этих целей в колхозном стаде специально содержались несколько “неучтенных” (следовательно, неподконтрольных государственному надзору) овец, которые и забивались по такому случаю²⁴⁷. Идя на подобное, председатели рисковали, поскольку это расценивалось как двойное нарушение закона: во-первых, считалось “разбазариванием колхозного имущества” и сурово каралось, а во-вторых, угощение не должно было быть бесплатным, все съеденное необходимо было оценить по рыночным ценам и вычесть из доходов колхозников на трудодни. Если верить документам Совета по делам колхозов при Совете Министров СССР, то только в

1948 г. в колхозах Коми АССР было “растранижено” 2245,7 ц мяса, 33,6 ц животного масла, 1853,7 ц молока²⁴⁸.

Когда колхозникам удавалось избирать членом правления “своего”, авторитетного им человека, а не указанного сверху, то “партийно-советские органы власти” незамедлительно вмешивались. Так, Прокуратура Коми АССР с возмущением отмечала, что в колхозе “Совет” Ношульского сельсовета избран в 1948 г. “некто Шулепов Платон Борисович – ... бывший учитель... репрессированный по (“политической”. – *Авт.*) ст. 58 УК”²⁴⁹. В таких случаях устраивали “повторное голосование”. Зачастую, для ускорения процесса, правление и председателя колхоза выбирали “списком”, что было прямым нарушением Устава²⁵⁰.

Социальная апатия проявлялась и в настроениях наиболее “недовольной” и радикально настроенной части крестьян к главному “священному” политическому действию Советского государства – выборам в представительные органы власти, Советы всех уровней. В условиях советской однопартийной системы все кандидаты в депутаты баллотировались от так называемого “нерушимого блока коммунистов и беспартийных”, т.е. на безальтернативной основе. Официальная печать широко распространяла данные о всеобщем участии граждан СССР в выборах (количество бойкотировавших выборы не превышало 1–2% всех избирателей) как свидетельство “всенародной поддержки” избранному курсу. Однако многие избиратели шли на выборы не столько для того, чтобы реализовать свои политические убеждения, сколько из-за “разумного конформизма”, стремясь не дать повода властям заподозрить их в нелояльности.

Спецслужбы по Коми АССР в 1946 г. отмечали, что в связи с намеченными выборами в Верховный Совет СССР “имеются факты распространения версии о том, что органами НКВД при выборах будет установлен контроль и лица не принимающие участие в голосовании или вычеркивающие выдвинутых кандидатов... будут подвергаться репрессиям”²⁵¹. Органы государственной безопасности регулярно предоставляли оперативную информацию партийным комитетам о политических настроениях населения с грифом “для сведения”. Но многих это не останавливало. Во время проведения выборов в Верховный Совет СССР в феврале 1946 г. в Сторожевском избирательном участке при вскрытии урны была обнаружена листовка: “Долой коммунистов, долой колхозы. Да здравствует миллионное крестьянство!”²⁵² По данному факту было заведено уголовное дело.

Для колхозников, не принимавших участия в выборах, были характерны следующие умонастроения. Престарелая крестьянка из Троицко-Печорского района отказалась идти на выборы и за-

явила: “Я участвовать в голосовании не буду... дайте мне умереть без греха”²⁵³. В день выборов колхозница Е.К. Захарова сказала: “Что нам до этого голосования? Все равно будем голодные и бедные... Раньше (до войны. — *Авт.*) было жить хорошо, люди кушали сыр, масло, а теперь только говорят, что жить стало лучше. Где тут правда?”²⁵⁴ Колхозник П. Мартюшев из д. Лемты на предвыборном собрании пообещал, что “выбирать будем, но избранные кандидаты чтобы голодом народ не держали, а то на первых выборах (Верховного Совета СССР первого созыва в 1937 г. — *Авт.*) на словах обещали много, а в действительности ничего нет”²⁵⁵. Наркомат внутренних дел Коми АССР сообщал, что “имеются и другие аналогичные факты антисоветских толкований о советском демократизме и выборах депутатов в Верховный Совет Союза ССР”²⁵⁶, а также, что среди крестьян широко распространены “провокационные слухи о неизбежном роспуске колхозов и падении Советской власти”²⁵⁷.

Но избиратели боялись легально выражать свое недовольство, что можно проследить по такой форме связи депутатов с “массами”, как “наказы избирателей”. В “наказах” депутатам Верховного Совета Коми АССР и Советов других уровней жители сельской местности совершенно не поднимали, казалось бы, “напрашивавшихся злободневных” вопросов, например, относительно паспортного режима в деревне, уровня оплаты труда в колхозах, закупочных цен на производимую в колхозах продукцию, цен в магазинах и подъема уровня жизни колхозного крестьянства, налоговой системы на личное подворье, вопросов улучшения советского законодательства, в частности, об изменениях в Уставе сельхозартели, просьб о кадровых решениях, т.е. таких, которые можно было бы, хоть в какой-то степени, трактовать как проявление недовольства. Как правило, наказы сводились к следующим, возможно не менее насущным, бытовым просьбам частного характера, не решавшим социальные проблемы принципиально: строительство социально значимых объектов (пекарня, клуб, баня, школа, больница); вопросы благоустройства населенных пунктов; помощь в приобретении техники, минеральных удобрений колхозам; пожелания “чутко относиться к избирателям”; отремонтировать или провести дороги; “расширить ассортимент и качество товаров в магазинах”; улучшить медицинское и культурно-бытовое обслуживание; возратить колхозам “беглецов”, подтянуть дисциплину; помочь с электрификацией, провести радио и т.д.

Главными виновниками своего бедственного положения колхозники считали местную власть. С высшей же властью колхозники связывали “надежды на лучшее будущее”. Часто коллектив-

ные письма о своем неблагополучии крестьяне посылали на имя высших лиц государственной власти. Писем было очень много. Только за 1947–1950 гг. в Совет по делам колхозов при Совете Министров СССР поступило 92 795 жалоб и заявлений²⁵⁸.

В качестве примера обращений крестьян к центральной власти можно привести, с некоторыми сокращениями, письмо из колхоза “Выль Туй” д. Винла Порожского сельского совета Ухтинского района Коми АССР председателю Совета Министров СССР Н.А. Булганину от 4 марта 1956 г. Стиль документа не изменен: «Мы, колхозники колхоза “Выль Туй”, обращаемся к Вам ... Наш колхоз является одним из отстающих ... а это случилось потому, что во время войны были неурожаи ... а после войны не осталось в колхозе достаточной рабочей силы и из-за плохого руководства все развалилось, из-за недостатка кормов погибло большинство скота ... Взятая ссуда у государства не пошла на пользу. Купленный скот, на который израсходована ссуда, еще в дороге начался падеж скота ... Чтобы уплатить ссуду, колхоз не в силах за одни проценты, уже уплачено 25 тысяч, а колхоз всего получает дохода в год 40 тысяч. Потому что поля не удобрены, не хватает лошадей и людей для работы. Просили, чтобы с МТС выделили гусеничный трактор, не дали даже никакого ... Если бы нам на год дали один гусеничный трактор, то у нас поля были бы все удобрены, ибо навоза у нас в колхозе лежат горы, и навезли бы леса, чтобы строить скотные дворы и другие здания. Но все наши просьбы, сколько не говорили на собраниях, остаются обещаниями.

В деревне не имеется ни школы, ни клуба, живем и не знаем, что творится в мире. Праздники – ни митингов, ни собраний.

Дети, чтобы учиться хотя бы до четвертого класса, вынуждены ходить по 12 километров. Какая же у них учеба, когда детей семи лет посылают куда-то учиться и впоследствии дети из-за плохих условий, что они мерзнут, заболевают на всю жизнь. В колхозе очень много из-за этого малограмотных людей. Молодежь даже не брали в армию из-за неграмотности, а молодежь сейчас хочет учиться в вечерней школе. Школу не открывают из-за того, что не хватает учеников, их всего шесть человек, которые должны учиться с начальной и до третьего класса, но если мало детей, пусть тогда они мерзнут и умирают, выходит так?

Мы думаем, что все эти недостатки, как улучшение работы колхоза, открытие школы и культурно-массовой работы, которой вообще не проводится, проверьте факты и дадите указания, чтобы хотя немного обратили внимание на наш колхоз и виновников наказали. Надеемся, не откажете на наше письмо. Ждем ответа»²⁵⁹.

Реакция властей проявилась только в том, что колхозу был выделен трактор.

Иногда колхозники обращались к широкой общественности. В 1953 г. республиканская газета “За новый Север” опубликовала жалобу на правление колхоза “Большевик” Усть-Цилемского района. Крестьяне выражали недовольство тем, что хозяйство колхоза находится в глубоком многолетнем упадке, а “правление колхоза во главе с председателем А. Чупровым делает вид, что не замечает всего этого”²⁶⁰.

Небезынтересно отметить, что были случаи, когда представителям власти не удавалось уклониться от ответов на вопросы рядовых граждан о причинах неблагополучного социально-экономического положения в аграрной подсистеме. Стиль публичных рассуждений высших государственных деятелей на такие “неудобные темы” весьма показателен и заслуживает анализа. Председатель Верховного Совета СССР М.И. Калинин, которому по роду профессиональной деятельности чаще других советских лидеров приходилось общаться с рядовыми гражданами²⁶¹, так описывает однажды произошедший с ним случай на встрече с колхозниками²⁶²: «Вдруг выходит одна женщина и говорит: “Вот ты в сапогах ходишь, а где у нас сапоги?” А у меня тогда, правда, хорошие сапоги были. Но и женщина была хорошо одета. Я посмотрел на нее и говорю: “А что же вы хотите, чтобы Председатель ЦИКа, представитель верховной власти, приехал к вам в лаптях?” И кругом закричали: “Правильно, правильно, эта дура-баба не понимает этого!” А я продолжаю: “Если вы будете в лаптях, так это никому не бросится в глаза, а если я пойду в лаптях, то как на это кругом посмотрят?” Я не стал защищаться, и народ понял, что правильно. Народ-то не дурак! Наши колхозники очень патристично настроены, и если работа среди них иногда идет плохо, то это больше от организаторов зависит»²⁶³.

Если отстраниться от эмоционального фона данной полемики, то становится очевидным, что власть воспринимала нужды народа как естественное, закономерное и само по себе разумеющееся положение вещей. За ширмой обычной в таких случаях вежливости и добродушного отеческого тона скрывалась достаточно жесткая отповедь. Аргумент представителя государственной элиты свелся к классическому приему: “Вместо того, чтобы задавать глупые вопросы, посмотри сначала на себя, а затем на то, кто такой я. С какой такой стати мне должно быть стыдно? И вообще, что положено Юпитеру... и т.д.” Воистину, ответ достойный невозмутимости знатного феодала!

Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на крайнюю частоту применения и широту распространения, описанный метод аргу-

ментации совершенно не состоятелен, ибо он способен оправдать какую угодно социальную несправедливость. На месте сапог с полным правом мог фигурировать любой другой, даже совершенно безумный атрибут роскоши или привилегированного положения. Крестьяне не нашлись с ответом. Хотя, вполне был бы уместен контрвопрос: «От чего случилось так, что массовая нищета колхозного крестьянства стала обыденной вещью и вдруг перестала “бросаться в глаза”?»

Кроме того, М.И. Калинин намеренно сузил постановку проблемы. Весьма вероятно, что тема “сапогов” могла быть поднята колхозницей лишь в качестве наиболее доходчивой метафоры, наглядно иллюстрирующей колоссальное имущественное неравенство между сельскими жителями и власть предержащими. На это указывает и употребление местоимения множественного числа первого лица (“у нас”, т.е. у всех). Действительно, космическая разница между качественной, красивой, дорогой обувью и неказистыми, кустарного производства лаптями чрезвычайно выразительна. По сути, глава *высшей представительной* государственной власти уклонился от разъяснения причин существования такого несправедливого, с точки зрения колхозников, положения, сведя свой ответ к выявлению специфики ношения определенного вида обуви конкретным должностным лицом. В лучшем случае, вторую часть его ответа можно расценить как типичное ханжество, в духе “я бы и рад, братья мои, вместе с вами носить лапти, но никак не могу – положение обязывает”. Показательно, что высший чиновник оставил без комментариев нелестную оценку присутствующими умственных способностей задававшей вопрос женщины, косвенно согласившись с фразой, что «народ (в отличие от “бабы”, пытавшейся выступить от его лица) – не дурак!»

Наиболее радикальной формой протеста крестьян в сфере социальных отношений была устная критика колхозного и политического строя СССР. Следует подчеркнуть, что данная форма не носила массового и открытого характера. Она была свойственна лишь некоторым людям, обладавшим высокой общественной активностью, которые, несмотря ни на какие запреты, всегда есть в любом обществе. В данном случае к числу их принадлежали религиозные активисты, колхозники, из числа спецпереселенцев, а также самые отчаявшиеся крестьяне.

Представление о характере подобных настроений дают документы органов госбезопасности, предоставляемые в Коми обком КПСС с грифом “для сведения”. Например, вот как весьма верно оценивал спецпереселенец П.В. Мартюшенко аграрную политику партии и правительства: “Спекуляция в Советском Союзе развита как никогда. Государство у крестьян хлеб берет по одной це-

не, а продает обратно, им же, в десять раз дороже". Представитель той же социальной категории З.Д. Данилов утверждал, что "Советское правительство врет, что колхозники много сдают хлеба государству... Этой ложью стараются убедить народ, чтобы он поддерживал коммунистов, а хлеба в России нет"²⁶⁴.

В 1947 г. начальник Управления охотохозяйства Коми АССР, член ВКП (б) И.А. Максимов в частной беседе заявлял, что "в деревне надо создать для колхозников такой стимул в материальной заинтересованности, чтобы люди туда тянулись, а не продолжали бежать от колхоза, как от чумы"²⁶⁵.

Зачастую антиколхозные настроения облекались в религиозную, мистическую форму. Это неудивительно, ибо в рассматриваемый период уровень религиозности взрослого сельского населения Коми АССР был в три раза выше, чем городского²⁶⁶. В информационном сообщении органов МГБ в Областной комитет партии отмечалось, что в 1947 г. наблюдалась "активизация деятельности церковников" в Коми АССР, а особенно в Усть-Куломском, Сыктывдинском, Ижемском и частично Сысольском районах, которая выражалась в "широкой организации нелегальных богослужений". В большинстве случаев эти "сборища являются прикрытием активной враждебной деятельности, на которых антисоветский элемент, из числа церковников и сектантов, распространяет провокационные слухи, дискредитирует мероприятия, проводимые в деревне, колхозный строй и в отдельных случаях склоняет верующих на саботаж колхозных работ"²⁶⁷. Так, в одном из разговоров с верующими "авторитет церковного подполья" в с. Иб, член колхоза "Сталинец" И.Д. Демин говорил, касаясь вопроса о работе в колхозе: "От этой жизни нас могут освободить только Англия и Америка, которые заставят распустить колхозы. Нам к этому нужно готовиться и захватить колхозный скот и инвентарь, так как при роспуске колхозов все будут давать колхозникам и после чего опять пойдет единоличная жизнь. Хотя я и работаю в колхозе, внутри у меня совершенно другое, я не на колхозную жизнь смотрю, а на единоличную. У нас сейчас не жизнь, а просто мучение, все от нас берут, всякие поставки, а если не дашь, то судят"²⁶⁸. В 1948 г. "авторитет сектантского движения" гр. Портнягина из с. Мыелдино говорила верующим, что "скоро будет новая война. Здесь по Вичкошору (название ручья около церкви в с. Мыелдино. – *Авт.*) будет течь кровавой ручей – это будет кровь коммунистов. Потом придут двенадцать следователей из Америки и будут спрашивать всех от трех лет и выше, как коммунисты издевались над народом. Потом коммунистов будут расстреливать также, как расстреливали их раньше белые на реке Печоре"²⁶⁹.

Рост религиозных настроений в послевоенное время на территории Коми АССР проявлялся и в том, что 1950-е годы православные верующие добились от властей открытия церкви в с. Иб и двух молитвенных домов в с. Айкино и г. Ухте. Было возбуждено множество ходатайств об открытии церквей в других местах. В Совете по делам Русской православной церкви при Правительстве СССР за 1948 г. были зарегистрированы пять ходочимов из Коми АССР с вопросом об открытии и восстановлении храмов²⁷⁰. Под предлогом "отсутствия законных оснований" все прошения были отклонены. Большую активность в послевоенное время проявляли различные религиозные секты: баптистов, "бурсьылысь", истинно-православных христиан странствующих, "свидетелей Иеговы" и др.²⁷¹

В конце 1940 – начале 1950-х годов среди верующих различных конфессий Коми АССР оживилось паломничество к "святым" озерам, родникам, кельям. Например, в Усть-Цилемском районе традиционными местами паломничества верующих были крест у святого озера близ д. Кривонаволоцкая, могила скитских старцев и Иванова могила²⁷². Влияние религии усилилось настолько, что власть была вынуждена форсированно внедрять так называемую советскую обрядность, например, усилить пышность гражданского бракосочетания, праздновать День оленевода, Проводы русской зимы и т.д.²⁷³

Не является секретом, что Русская православная церковь отличалась наибольшей лояльностью к советскому государству, о чем говорит хотя бы тот факт, что смерть И.В. Сталина была воспринята иерархами как общенациональная трагедия. В храмах шли посвященные ему траурные службы – панихиды: патриарх Алексей²⁷⁴ призывал верующих христиан молиться за усопшего лидера государства²⁷⁵. Но даже несмотря на это обстоятельство, власть была крайне озабочена ростом влияния РПЦ в народе.

В октябре 1956 г. республиканская газета "Красное Знамя" отмечала, что в колхозах Сыктывдинского, Усть-Куломского, Корткеросского, Сысольского районов широкое распространение получили "массовые прогулы" по причине православных праздников. Кроме того, нарушались сроки проведения полевых работ, что нередко приводило к потере урожая. Например, в самый разгар сеноуборки колхозники по два-три дня не выходили в поле, отмечая Петров день, Ильин день и другие праздники²⁷⁶. Сообщалось, что церковные праздники "наносят огромный вред экономической и культурной жизни трудящихся"²⁷⁷. В с. Покча Троицко-Печорского района Коми АССР верующие были убеждены, что смерч сорвал в 1956 г. крыши с 17 домов в качестве наказания за "грех" – выход колхозников на

работу в один из отмечаемых в данном селе религиозных праздников – Прокопьев день²⁷⁸.

Необходимо добавить (в качестве элемента сравнения), что монастроения такой социальной категории, как заключенные, в отличие от колхозного крестьянства, характеризовались гораздо большим радикализмом. В качестве примера можно привести следующие данные. Лишенный свободы за сотрудничество с немецкими оккупантами гражданин Г.М. Асеев, отбывавший срок в Воркуте, в 1949 г. отправил в Москву, в редакцию центральной газеты “Правда”, свое стихотворение под названием “Ко дню одного 70-летия”, посвященное юбилею И.В. Сталина, которые начинались такими словами:

Ты ступил и как тень за тобою
Протянулся кровавый ковер,
От Кавказа до льда мирового,
От Берлина к Востоку в простор.
Ты взглянул и народные слезы
Океаном разлились вокруг...²⁷⁹

Совершенно очевидна, в данном случае, персонифицированная ответственность за общее положение в СССР и мире, возложенная на главу Советского государства, что свидетельствует уже о качественно ином уровне выражения политического протеста. Подобное не встречается среди высказываний колхозников.

Попытки самоубийства людей из-за невыносимых для них условий существования тоже можно в некоторой степени расценить как проявление протеста. Факты такого рода действий были зафиксированы и среди колхозников. По сообщению начальника Усть-Вымского райотдела МВД, спецпереселенец Д.К. Драхенберг 1900 г. рождения, немец, уроженец Житомирской области, вместе с женой и четырьмя детьми прибыл “в порядке репатриации” в Коми АССР в декабре 1945 г. и был направлен в колхоз “Виль Туй” Коквицкого сельсовета. На 200 выработанных трудодней в колхозе он ничего не получил, в итоге ему и семье пришлось голодать. 5 декабря 1946 г. Д. Драхенберг “в целях самоубийства нанес себе рану перочинным ножом глубиной 7 см в область сердца”²⁸⁰. Случай показательный. Другие колхозники, тоже работавшие в этом колхозе и не получавшие доход, смогли перенести данную ситуацию гораздо легче, поскольку она была для них достаточно обыденной и привычной, люди смогли к ней как-то приспособиться. Но перемещенный из несколько других условий человек оказался не в состоянии изменить обстоятельства или смириться и нашел только такой ужасный выход.

В другом случае по вине председателя колхоза “Сталинец” Сыктывдинского района, который, к тому же, являлся и членом

обкома ВКП(б) и депутатом Верховного совета Коми АССР, закончил с собой инвалид Великой Отечественной войны Муравьев “по причине изъятия у него сена”. Несмотря на инвалидность, Муравьев работал в колхозе хорошо. В 1950 г. он выработал 294 трудодня, за девять месяцев 1951 г. – 169. Однако все “незаконно” заготовленное им сено было отобрано, личный скот остался на зиму без корма, обреченный на голодную гибель. Не видя другого выхода, Муравьев сначала убил свою корову, а затем повесился. Следует добавить, что “вопрос о самоубийстве” обсуждался на бюро обкома партии, который ограничился тем, что объявил председателю строгий выговор²⁸¹.

На данном примере важно отметить весьма характерную особенность сознания крестьян, проявляющуюся в образе действий наиболее сильно “обиженных” из них. Отчаявшись, колхозники вместо принятия организованных, решительных и активных действий, направленных на привлечение внимания властей к своим проблемам, побуждению их к разработке и реализации мер по улучшению своего положения, предпочитали вести себя таким образом, что пытались привлечь внимание властей к своему неблагоприятному положению демонстрацией акта добровольного ухода из жизни. Подобное поведение весьма характерно для представителей “традиционных обществ”, в отличие от носителей “урбанизированной культуры”.

В 1951 г. пристальное внимание центральных властей вызвало несколько фактов самоубийств председателей укрупненных колхозов (“Партизан” Удорского района, им. Сталина Усть-Вымского района, им. Сталина Корткеросского района)²⁸².

Следует подчеркнуть, что независимо от конкретного случая такой способ выражения отчаяния, как суицид, несмотря на кажущийся его сверхрадикализм (т.е. когда гнев протестующего подавляет инстинкт самосохранения), нельзя отнести к эффективным и продуктивным, и не только из этических соображений. Данный метод начисто лишает процесс борьбы всякого смысла, ибо устраняет не саму проблему, а лишь ее проявление. Следовательно, социальное зло продолжает существовать. В сравнении с такими поступками даже “бессмысленная и беспощадная” пугачевщина, как это ни прискорбно, выглядит несравненно более рациональной и адекватной, хотя и вынужденной реакцией на ужасающую действительность.

Причиной того, что колхозники не выступали массово, с одной стороны, служил всеобщий страх (память о жутком терроре времен массовой коллективизации была еще очень свежа у испытывавшего его поколения), с другой – нельзя недооценивать умелую идеологическую политику, в результате которой народ испыты-

вал чрезвычайно высокое доверие к центральным властям, воспринимал свое тяжелое положение как временное и в глубине души верил в наступление скорых перемен к лучшему.

Рассмотрев основные формы борьбы колхозного крестьянства за свои интересы, можно сделать вывод, что протест против тяжелых условий существования колхозное крестьянство Коми АССР выражало в самых разнообразных формах: от невинных шуток до нанесения прямого экономического ущерба хозяйствам колхозов. Используемые при этом методы различались по степени радикализма, массовости и “сфере применения” (политика или экономика). Большой отпечаток на характер методов протеста откладывал относительно невысокий уровень политического и правового сознания колхозников. Всю вину за создавшееся положение они перекладывали на местный уровень власти, видя в центральной свою истинную защиту и опору. Официальная пропаганда всячески поддерживала данную версию, указывая на то, что существующие негативные моменты связаны исключительно с “извращением” безусловно правильной и справедливой “линии Партии и Правительства”. Советское законодательство также не подвергалось какому-либо критическому анализу со стороны крестьян. Ущемление своих прав и интересов они связывали с произволом ответственных лиц или ошибочным толкованием правовых норм в судах.

В рассматриваемый период крестьянскому протесту были совершенно не свойственны наиболее острые его формы: открытая политическая полемика с ответственными лицами по поводу принимаемых государством мер; организованные, массовые забастовки; акции неповиновения – открытые выступления с конкретными требованиями по поводу улучшения условий труда и быта, приводящими к прямым столкновениям с властями, как это было, например, в поселках спецпереселенцев, на предприятиях лесной промышленности Коми АССР²⁸³. Самыми характерными формами протеста колхозного крестьянства в рассматриваемый период были экономический саботаж – “итальянка”²⁸⁴, по меткому выражению И.В. Сталина²⁸⁵, и бегство из колхозов, под любым благовидным предлогом и даже без такового. Масштабы их проявления, несмотря на все меры, принимаемые государством, были достаточно велики и особенно усилились к концу 1940 – началу 1950-х годов, угрожая полностью дезорганизовать функционирование колхозной системы.

Резкий поворот аграрной политики советского государства после августа 1953 г., связанный с внедрением элементов прямой финансовой поддержки колхозов со стороны государства, значительным усилением роли материального стимулирования колхоз-

ников к труду и отменой мощного налогового пресса, душившего крестьянское подворье, можно, со всей очевидностью, рассматривать как явную победу колхозного крестьянства в многолетнем, “великом, но тихом” противостоянии государству. Однако цена этой “победы” была пирровой. Хозяйство колхозов оказалось в глубоком упадке, деревня испытывала серьезный демографический кризис – сокращение сельского населения шло невиданными темпами. В составе жителей села все более доминирующую роль играли люди преклонного возраста. Уходившая в поисках лучшей жизни в город молодежь забирала с собой и будущее российской деревни. Тем не менее благодаря принятым властями мерам, удалось несколько снизить чрезвычайно высокий накал социального напряжения в колхозной деревне. В аграрное производство стали возвращаться ушедшие ранее люди. У крестьян появилась надежда на столь долгожданную светлую жизнь. С середины 1950-х годов отмечался весьма значительный рост сельскохозяйственного производства.

Однако породив реформами довольно высокие социальные ожидания жителей деревни, государство не нашло возможности удовлетворить их в полной мере. К концу рассматриваемого периода труд в сельском хозяйстве по-прежнему оставался наиболее низкооплачиваемым, относительно других отраслей народного хозяйства. Не возрос и социальный статус крестьянина, продолжавший находиться на низшей ступени общественной стратификации. В колхозах, наряду с ростом материальных стимулов, продолжала доминировать административная система принуждения к труду. Основные социальные гарантии и часть гражданских прав (государственная пенсия по старости, выходные дни, оплачиваемый бюллетень, право на свободное передвижение и т.д.) оставались недоступными. Таким образом, приходится признать, что государству не удалось уничтожить социально-экономический источник проявления недовольства колхозного населения. Традиционно являющаяся “стрелкой компаса социального престижа” наиболее дееспособная часть любого общества (взрослые мужчины и молодежь) стремилась вырваться из жестких рамок колхозной системы.

Исчерпав без должной эффективности имевшиеся в наличии средства воздействия на трудовые ресурсы колхозов (усиление материального стимулирования, административное принуждение, внедрение в массовое сознание социальных мифов для идеологического манипулирования), государство было вынуждено с середины 1950-х годов инициировать применение достаточно радикальной меры: перевод коллективных хозяйств на полное финансовое обеспечение из государственного бюджета – по существу,

национализацию колхозно-кооперативной собственности, юридически оформлявшуюся как замена колхозов на совхозы (государственные аграрные предприятия). Даже в советской историографии такая форма помощи колхозной деревне получила оценку “вынужденной” со стороны правительства²⁸⁶. В последующие, 1960-е годы, данная мера приобрела характер и размах массовой кампании.

С одной стороны, это можно расценить как очередную уступку крестьянству, приобретшему вместе со статусом *государственных рабочих* совхозов или подсобных предприятий, несравненно больший спектр социальных гарантий со стороны государства. Оно также брало на себя расходы по расчетам с колхозниками за выработанные ими трудодни до преобразования колхозов и погашение задолженности другим организациям. С другой стороны, резкий рост бюджетных расходов, не обеспеченных должным уровнем доходов, зависящих либо от подъема государственных цен, либо от роста производительности труда и увеличения выпуска товаров, грозил в перспективе системным кризисом советской экономики, сводящим на нет все завоевания крестьянства. Другая потенциальная опасность состояла в том, что колхозный способ сельскохозяйственного производства, долгое время служивший необычайно эффективным источником государственных доходов, обеспечивавших рост остальных отраслей народного хозяйства СССР, переставал существовать как *система*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первые послевоенные пятилетки (1946–1958) были сложным периодом в развитии Коми колхозной деревни. К началу восстановительного этапа (к 1946 г.) ее экономика и социальная сфера были значительно подорваны предыдущими годами чрезвычайных условий хозяйствования. За годы Великой Отечественной войны в сельскохозяйственных артелях Коми АССР уменьшилось поголовье общественного скота, упали его продуктивность и общий выпуск животноводческой продукции. Резко сократились урожайность и валовые сборы полевых культур. Снизилась культура земледелия. Многие основные хозяйственные постройки и сооружения в колхозах за годы войны обветшали, а новых строилось недостаточно. Однако были и некоторые положительные моменты в развитии колхозной экономики. Возросли валовые денежные доходы колхозов республики, стоимость основных средств производства, неделимые фонды колхозов. При этом следует учитывать влияние инфляционных процессов, вызванных вынужденной эмиссией за годы войны. Несмотря на десятикратную деноминацию в конце 1947 г., советский рубль был “легче” довоенного.

К середине 1940-х годов были достигнуты определенные успехи в механизации трудоемких процессов в полеводстве. Ключевую роль сыграли государственные предприятия в аграрном секторе – машинно-тракторные станции. В сельском хозяйстве республики стало больше тракторов, увеличилась среднегодовая численность работников, повысилась стоимость неделимых фондов. В то же время значительно (в два раза) возросла себестоимость услуг МТС, резко снизилась средняя выработка на один условный трактор и комбайн, уменьшился общий объем выполненных работ. За годы войны новая сельскохозяйственная техника в республику не поступала, а основная часть имевшейся выработала свой ресурс и была значительно изношена. Большинство МТС Коми АССР заканчивало хозяйственный год с убытками. Животноводство республики было не механизировано. В колхозном производстве не применялось электричество.

Особенно тяжело последствия военного периода сказались на демографии коми колхозной деревни. Всего за пять лет численность наличного населения сократилась на треть. Максимальный ущерб понесла категория трудоспособных мужчин и женщин. Высокий удельный вес составляли лица, не принимавшие участие в колхозном производстве, но проживавшие в колхозах. Процент людей преклонного возраста возрастал, а молодежи, наоборот, падал. Большой ущерб был нанесен социальной сфере. Значительно повысившиеся денежные и натуральные налоги лежали тяжким бременем на крестьянской семье, сковывали развитие личного подсобного хозяйства, тормозили и консервировали рост жизненного уровня. Уровень выдач колхозникам на выработанные трудодни, будучи и без того крайне невысоким до войны, еще снизился. Размер денежных выдач исчислялся копейками, а натуральных – граммами. Доходы колхозников Коми АССР не обеспечивали приемлемого прожиточного минимума. Общая выработка трудодней резко сократилась.

В связи с тем, что в чрезвычайных условиях войны колхозная деревня эксплуатировалась весьма интенсивно, ее ресурсы были во многом подорваны. Исследование конкретно-исторического материала показало, что к началу восстановительного этапа коми колхозная деревня остро нуждалась в периоде реабилитации, помощи со стороны государства. Внесшее огромный вклад в дело победы над врагом колхозное крестьянство было вправе рассчитывать на благодарность и соответствующее отношение к себе со стороны властей, почувствовать реальное улучшение своего положения в столь долгожданных условиях мирной жизни. Однако, к сожалению, этого не произошло.

Суровая аграрная политика Советского правительства второй половины 1940 – начала 1950-х годов не оставляла колхозной деревне шансов на быстрое восстановление довоенного уровня и дальнейшее перспективное развитие. До 1953 г. деревне пришлось существовать в условиях жесткого режима реставрации довоенной модели колхозной системы, системы специфически сталинского типа. Она основывалась на сверхнеэквивалентном обмене стоимостями между городом и деревней при особом административном режиме в сельской местности. Государство изымало из коллективных хозяйств не только весь прибавочный продукт, но и часть необходимого. Данный принцип реализовывался, прежде всего, через особую систему ценообразования на продукцию колхозов, к которой сами хозяйства не имели никакого отношения. Принудительная продажа продуктов по чрезвычайно низким ценам, установленным государством, не возмещала колхозам производственных затрат.

Указанная политика, во многом объективно продиктованная напряженной международной обстановкой и грандиозными задачами послевоенного развития советской страны, тем не менее, значительно усугубила неблагоприятное положение колхозного села и обусловила развитие глубочайшего социально-экономического кризиса аграрной подсистемы в конце 1940 – начале 1950-х годов, в том числе и в коми деревне. Бегство колхозников из сельскохозяйственных артелей, уклонение от своих обязанностей, несмотря на хорошо развитую систему штрафных мер, как административного, так и идеологического характера, приобретало невиданные ранее размах и масштабы, все менее контролируемые со стороны властей. Изъятие всевозможных ресурсов деревни приводило к тому, что сокращались доходы колхозов и колхозников, падали объемы производства. Меры по стимулированию колхозной экономики, принимаемые в тот период, были основаны, главным образом, на усилении административного воздействия на деревню и являлись малорезультативными, ибо не касались важных причин сложившегося положения, коренившихся в таких отношениях между колхозами и государством, при которых учитывались исключительно интересы последнего. При этом юридически государство не признавало за собой никакой ответственности за положение дел в аграрном производстве. Трудно представить себе все последствия, если бы такое положение просуществовало бы еще несколько лет. Специфика советской политической системы того времени состояла в том, что все каналы принятия важнейших политических решений, в конечном счете, замыкались на фигуре верховного руководителя – И.В. Сталина, который до конца своей жизни был принципиальным противником какой-либо либерализации в отношении деревни.

После смерти И.В.Сталина, фактически единолично руководившего страной без малого 30 лет, и прихода к власти нового политического руководства были проведены объективно назревшие аграрные реформы, имевшие относительно радикальный характер. Прежде всего они были направлены на довольно существенное снижение уровня эксплуатации колхозов со стороны государства путем резкого повышения закупочных и заготовительных цен на производимую артелями сельскохозяйственную продукцию, а также на подъем материального состояния колхозного крестьянства с тем, чтобы стимулировать его трудовую активность. С крестьян была списана вся задолженность по недоимкам по состоянию на 1 января 1953 г., на порядок снижены ставки налогообложения, изменен порядок его исчисления. Прогрессивный характер налогов был заменен на фиксированный, исходя из размера площади личного крестьянского подворья, а не из мни-

мой “доходности” имеющихся в хозяйстве видов скота и растительных культур. Исследование показало, что меры правительства Г.М. Маленкова, впервые принятые непосредственно в интересах села, положительно сказались практически на всех сторонах жизни колхозной деревни. Период середины 1950-х годов оказался наиболее успешным за всю историю предыдущего существования колхозной системы СССР.

Данные процессы были всецело характерны и для коллективных хозяйств Коми АССР. Такие важнейшие показатели экономического развития, как денежные доходы сельхозартелей, стоимость основных средств производства и неделимых фондов, стремительно возросли. В колхозах увеличилась урожайность и продуктивность, валовой выпуск продукции. В животноводстве превзойден довоенный уровень развития. Возросло производство мяса, молока, яиц, шерсти как на единицу сельскохозяйственной площади, так и в абсолютных цифрах. Несмотря на некоторое сокращение количества крупного рогатого скота, серьезно улучшились качественная структура колхозного стада, уровень обеспеченности животных кормами, условия содержания. Однако развитие полеводства серьезно отставало от животноводства. Урожайность и валовой сбор сельскохозяйственных культур были ниже уровня 1940 г. Посевные площади неуклонно сокращались. Представляется, что это было вполне оправданным явлением, следствием усиления специализации сельского хозяйства республики, обусловленной суровыми природно-климатическими условиями, в большей степени допускавшими развитие животноводства, преимущественно мясомолочного направления.

Принятые меры по подъему жизненного уровня колхозного крестьянства позволили в довольно короткие сроки снять остроту социального напряжения в советской деревне. Сумма, распределенная на трудодни колхозами республики, в 1954 г. была более чем в три раза выше, чем в 1952 г. Положительные изменения коснулись не только размера, но и порядка оплаты колхозного труда. Решением союзного правительства впервые было введено ежемесячное денежное “авансирование” крестьян. До этого доходы распределялись один раз в год по итогам хозяйствования, и то при наличии такой возможности, т.е. если было что распределять. Процесс утечки трудовых ресурсов из деревни приостановился. У колхозников появилась надежда на скорое улучшение материального благополучия. В результате возросла производительность труда и общая выработка трудодней в коллективных хозяйствах. В колхозном производстве увеличилось число наиболее социально активной и дееспособной категории населения — трудоспособных мужчин. Чрезвычайно привлекательной на селе

стала профессия механизатора. С 1953 г. все работники МТС переводились в постоянный штат и получали статус рабочих со всеми вытекающими отсюда преимуществами в виде социальных гарантий по отношению к рядовым членам сельхозартелей (пенсия по старости, оплачиваемый отпуск, относительно высокий гарантированный заработок и т.д.). Молодежь стремилась получить образование в училищах механизаторов и вернуться в колхозное производство.

Большие успехи были достигнуты в механизации и электрификации сельского хозяйства Коми АССР. В республике увеличилось количество машинно-тракторных станций — с 17 в 1950 г. до 21 в 1954 г., все они были электрифицированы. В 1955 г. силами МТС обрабатывалась практически вся посевная площадь колхозов — 99,2 %. В несколько раз повысилась среднегодовая численность работников. В распоряжение станций все больше поступало мощных и современных машин. В результате возросла мощность тракторного парка, увеличился общий объем выполненных работ. Однако их себестоимость была по-прежнему весьма высокой, большинство МТС оставались убыточными предприятиями. Выработка на один условный 15-сильный трактор так и не превысила довоенную. Совершенно недостаточно были механизированы работы по заготовке кормов, посадке и уборке картофеля, обмолоте зерновых. Животноводство колхозов Коми АССР было механизировано крайне слабо. Электродойка коров и электрострижка овец в рассматриваемый период не применялись. Некоторое распространение получили автопоение и подвесной транспорт на фермах. Процесс электрификации хотя и был заметно интенсифицирован, однако к 1958 г. этим видом энергии пользовались лишь 44% коллективных хозяйств.

К сожалению, положительным тенденциям от реформ 1953 г. не суждено было носить долговременный характер. Отставка Г.М. Маленкова в начале 1955 г. с поста Председателя Совета Министров СССР обусловила значительные коррективы в намеченном курсе аграрного развития. С марта того же года был введен новый, более либеральный порядок планирования для “высвобождения хозяйственной инициативы колхозов”. С этого момента вместо множества самых разных показателей плановые задания стали включать лишь наиболее общие параметры производства продукции, что давало возможность “тактического маневра” артелям при стратегическом определении вектора их движения.

Неожиданным для инициаторов данного мероприятия стало то, что колхозы поспешили несколько своеобразно воспользоваться плодами ослабления над собой контроля со стороны госу-

дарственных и партийных органов. Лишившись устрашающей “дубинки” в виде жестко регламентированных плановых заданий, на которых только и держалась колхозная система, в условиях экономической незаинтересованности в собственной хозяйственной деятельности артели стали по возможности сокращать отдельные виды своего производства. В колхозах Коми АССР во второй половине 1950-х годов “было допущено” резкое уменьшение наиболее нерентабельного в местных условиях поголовья продуктивных животных и птиц (овец и кур), а также посевных площадей. В результате последовал упадок производства продовольствия и сырья.

Изменение отдельных положений “Устава” с 1956 г. послужило предлогом для нового наступления на индивидуальное подсобное хозяйство членов сельхозартелей, что не могло не сказаться на их материальном положении.

Реформа 1958 г., суть которой состояла в освобождении государства от инвестиций в систему МТС, путем продажи всей имеющейся сельскохозяйственной техники колхозам, была не вполне своевременной и негативно повлияла на развитие колхозного производства. Многие коллективные хозяйства Коми АССР к 1958 г. оставались недостаточно сильными, а зачастую, еще слабыми предприятиями и были не в состоянии нести расходы на принудительный выкуп, обслуживание и эксплуатацию дорогой техники. Единовременное расходование денег лишало колхозы значительной части ранее накопленных средств, а также ввергало в большую задолженность перед государством за полученные целевые кредиты, которые погашались десятилетиями. И все равно затем государство было вынуждено списывать эти долги.

Ввиду того что многие артели не обладали должной материально-технической базой, эффективность использования техники, а значит и уровень механизации, были снижены. Резко возросла себестоимость колхозной продукции, превысившая на тот момент многократно увеличенные государственные закупочные цены. Все перечисленное вновь лишало колхозную систему шансов на экономический расцвет в обозримом будущем. Сельское хозяйство оставалось отстающей отраслью народного хозяйства СССР.

Значительное внимание в данной работе уделено изучению форм и методов мобилизации трудовой активности колхозного крестьянства в сельскохозяйственном производстве на примере колхозов Коми АССР. Известно, что в процессе управления государственная власть всегда нуждается в рычагах воздействия на общество. Как правило, при наличии соответствующих ресурсов предпочтение отдается преимущественно экономическим методам принуждения граждан к заданным формам поведения. Одна-

ко в условиях ограниченных возможностей политическое руководство вынуждено чрезвычайно широко прибегать к административным и идеологическим приемам социального манипулирования для достижения поставленных задач.

Одной из основных таких задач руководящей элиты советского общества в рассматриваемый период было сохранение необходимого количества рабочей силы в колхозах и повышение эффективности ее использования. В то же время принципы функционирования колхозной системы, особенно до 1953 г., совершенно исключали возможность создания должной материальной заинтересованности у колхозников в результатах своего труда. Более того, оставаясь работать в сельхозартели, крестьяне обрекали себя на низкий уровень жизни, длительное полуголодное существование и тяжелый труд. Для того, чтобы пресечь вполне естественные в данной ситуации массовое бегство из артелей и экономический саботаж, последствия которых могли нанести колоссальный ущерб государственным интересам, всемерно использовалась жесткая система сдерживающих и стимулирующих факторов идеологического и административного характера.

Идеологическое воздействие ставило перед собой цель навязать сознанию крестьян достаточно искаженное восприятие окружающей политико-экономической действительности. При этом преследовались следующие задачи: примирение колхозников с их неблагоприятным социальным положением путем псевдообъяснения трудностей и апологетики существующих порядков, создание привлекательного образа властей и внушение к ним высокого политического доверия, вселение надежд на скорое улучшение ситуации. Так или иначе все сводилось к разработке и внедрению постулатов, мешающих адекватной оценке наиболее негативных моментов общественного бытия, реальных причин их возникновения, глубины возможных последствий и эффективных путей их преодоления.

Исследование показало, что, несмотря на весьма высокий уровень воздействия пропаганды на массовое сознание колхозного крестьянства Коми АССР, использование только ее одной было явно недостаточно. Всегда находились люди, не отличавшиеся лояльным отношением к существующим порядкам. Будучи вполне реалистами, представители высшей политической власти полностью отдавали себе отчет в ограниченности сферы применения методов убеждения. Это обуславливало использование идеологических методов лишь в качестве дополнения к хорошо развитой системе административных мер, воплощенной во второй редакции “Примерного устава сельскохозяйственной артели” и многих других законодательных актах.

Труд в колхозах, безусловно, носил характер принудительного. Крестьяне в обязательном порядке должны были отрабатывать необходимый годовой минимум трудодней формально в размере не менее 100, в действительности же – не менее 200 трудодней, причем в лучшие агротехнические сроки. За невыполнение данного условия они попадали в разряд “лжеколхозников” и “антисоветского элемента”. К таким лицам могли быть применены различные варианты административного взыскания: от штрафов и принудительных работ до конфискации индивидуального подсобного хозяйства и ссылки на поселение в отдаленные регионы СССР, прежде всего, в Сибирь. Молодежь принималась в артели автоматически, по достижении 16-летнего возраста, без личного письменного заявления. Выход, увольнение из колхоза формально не предусматривались. Колхозники были лишены паспортов общегражданского образца, что превращало их в лиц второго сорта и технически лишало права на свободное передвижение и выбор места работы. В судебной практике относительно демократичные нормы действовавшего КЗОТа на трудовые отношения членов колхозов не распространялись. Но все эти меры были направлены лишь на борьбу с симптомами, не затрагивая основных экономических причин нежелательного социального поведения колхозников, их эффективность была достаточно относительна. Все более углубляющийся социально-экономический кризис советской деревни в конце 1940 – начале 1950-х годов обусловил резкий рост социального напряжения среди крестьянства, все менее контролируемого со стороны государства.

Аграрные реформы второй половины 1950-х годов внесли свои коррективы в соотношение экономических и внеэкономических форм трудовой мобилизации по отношению к колхозному крестьянству. Наиболее жесткие формы административного принуждения (прежде всего, ссылка) были упразднены, интенсивность применения остальных была ослаблена. Колхозников стали значительно стимулировать “рублем”. Денежные выдачи на выработанные в колхозах Коми АССР трудодни возросли к 1958 г. в несколько раз по отношению к началу 1950-х годов. Однако следует учитывать, что солидные темпы роста заработков колхозников, опережающие даже темпы роста доходов рабочих, были столь впечатляющими лишь по отношению к совершенно ничтожному изначальному уровню. В абсолютном выражении заработная плата рабочих и служащих существенно превосходила доходы крестьянства. Даже к концу 1950-х годов по СССР общий размер совокупного натурального и денежных доходов в среднем на члена семьи у колхозников был на 39% ниже уровня доходов семей промышленных рабочих¹. Следует добавить, что к этому

времени в артелях республики резко сократились натуральные выдачи на трудодни. Полностью решить проблему материально-го стимулирования колхозного труда Советское правительство оказалось не в состоянии, от применения идеологических и административно-принудительных мер в сельскохозяйственном производстве отказаться не удалось.

Изучение ключевых элементов идеологических концепций, распространяемых на определенную социальную группу, а также конечной эффективности ее воздействия дает, кроме всего прочего, возможность раскрытия особенностей общественного сознания, ментальности. Такой прием становится достижимым в силу того, что технология создания и внедрения различных социальных мифов непременно предполагает наличие для этого “благоприятной почвы”. Иными словами, любая пропагандистская доктрина, претендующая на статус общепринятой, должна быть “актуальной”, т.е. соответствовать внутренним, зачастую до конца не осознанным запросам объекта воздействия – носителей массового сознания определенного типа.

Возвращаясь к теме исследования, следует отметить, что тысячекратно тиражируемое обещание И.В. Сталина быстрого достижения крестьянами пресловутой “зажиточности”, путем добросовестного труда в колхозе, представляет собой прекрасный образец эксплуатации извечной мечты крестьян, мелких собственников, о вольготной жизни в достатке и сытости.

Долгое время наименее изученной в отечественной историографии оставалась тема ответной реакции колхозного крестьянства на свое тяжелое социально-экономическое положение. Исследование конкретно-исторического материала позволило сделать вывод, что социальный протест в среде колхозников Коми АССР не только существовал, но был достаточно масштабным и интенсивным. Крестьянство, исходя из довольно здравых соображений, в массе своей предпочитало так называемое “оружие слабых”, т.е. скрытые, латентные формы борьбы за собственные интересы, избегая прямой конфронтации с властями. Самыми распространенными из них и значимыми по последствиям были уход из колхозов и экономический саботаж, что наносило огромный ущерб колхозному производству и, в конечном счете, государственным интересам. Общее число колхозников Коми АССР, принимавших участие в общественном производстве, сократилось к концу 1958 г. до 48,4 тыс.² против 79,7 тыс. в 1946 г. и 113,7 тыс. – в 1940 г. (Прил., табл. 44). В результате в сельскохозяйственных артелях упала общая выработка трудодней, ощущался острый дефицит рабочей силы. Несмотря на рост механизации аграрного производства, экономический ущерб от убыли колхозного населения компенсировать не удалось.

В силу того что основному сокращению подверглась наиболее социально-активная часть колхозников – взрослые трудоспособные, в коми колхозной деревне нарастал демографический кризис, если не сказать большего. В возрастной структуре жителей села все чаще стали преобладать престарелые и все меньше – молодежь.

Некоторое замедление процесса исхода крестьян из колхозов наблюдалось после 1953 г., что было связано с решительными попытками нового союзного правительства улучшить материальное положение колхозников. Однако столь положительная тенденция была прервана ухудшившимся экономическим положением колхозов в связи с их колоссальными затратами на вынужденный выкуп всей сельскохозяйственной техники у МТС, согласно реформе 1958 г.

Другая наиболее массовая форма социального протеста – экономический саботаж – выражалась, прежде всего, в уклонении колхозников от добросовестного труда, что было обусловлено его подневольным характером. Число членов сельхозартелей Коми АССР, так или иначе уклонявшихся от строгого выполнения своих трудовых обязанностей (не вырабатывавших положенного минимума трудодней или не принимавших участие в общественном хозяйстве в течение года), до 1953 г. неуклонно и стремительно возрастало. К началу 1958 г. ситуация была несколько улучшена, однако на протяжении всего рассматриваемого периода об эффективном использовании рабочей силы в колхозах Коми АССР говорить не приходится.

Кроме того, распространенными, однако, в несколько меньших масштабах, были такие формы протеста, как кражи колхозного имущества и урожая, безответственное отношение к имуществу и инвентарю артели, незаконные земельные прирезки к личному подсобному хозяйству, бойкот “колхозной демократии” и выборов в Советы, письменные обращения за помощью в различные инстанции. Наиболее острые формы реализации радикальных оппозиционных настроений были характерны для сравнительно небольшой, но самой политически активной категории сельского населения (так называемого “антисоветского элемента”): религиозных активистов, колхозников из числа спецпереселенцев и отчаявшихся людей. Протест в данном случае выражался, как правило, в форме резкой критики аграрной политики партии и правительства, политического устройства СССР. Нередко радикальные идеи облекались крестьянами в религиозные, мистические образы. На подобного рода социальные явления государство обращало особое внимание и стремилось пресекать их со всей решительностью.

Изученный материал дает возможность выявить специфику крестьянского протеста. Представляется обоснованным вывод, что ему были совершенно не свойственны открытые и радикальные формы, такие, как массовые забастовки и акции неповиновения, выдвижение конкретных политико-экономических требований, жесткая полемика с ответственными государственными лицами, характерные, в свою очередь, для категории послевоенных спецпереселенцев. А кроме того, возложение персонифицированной ответственности на высших руководителей государства, что было свойственно политическим заключенным.

Следует отметить, что значительными по своим последствиям были наиболее массовые формы протеста. Именно они побудили изменить отношение политического руководства страны к неблагоприятному положению крестьянства и инициировать аграрные реформы с 1953 г. Улучшение социально-экономической ситуации в колхозной деревне позволило смягчить социальное напряжение в среде крестьянства. Острые формы борьбы пошли на убыль. Однако такие явления, как саботаж и бегство из артелей, продолжали существовать, поскольку большинство колхозников оставалось не удовлетворенными в своих запросах. Реформа МТС 1958 г. ставила достижение приемлемого уровня жизни членов сельхозартелей под большое сомнение.

Подводя общий итог вышеизложенному, следует сделать ретроспективный вывод, что неблагоприятное положение в аграрной сфере Советского государства, во многом обусловленное просчетами в руководстве, имело огромные экономические и политические последствия для будущего нашей страны. Нараставший продовольственный кризис послужил одним из определяющих внутриполитических факторов разочарования большинства граждан СССР в социалистическом способе хозяйствования и в советской политической системе. Конечным итогом роста деструктивных настроений в обществе стал распад в начале 1990-х годов Советского Союза и приход к власти в бывших республиках новых правительств, провозгласивших своей основной задачей решение старых экономических проблем путем проведения радикальных рыночных реформ. Их итогам исторической науке еще предстоит дать всестороннюю оценку. В то же время, из-за отсутствия положительного результата в решении социально-экономических проблем, ставших одной из главных причин гибели СССР, а во многих случаях и их усугубления, вопрос о дальнейшем перспективном развитии российской государственности остается открытым. Однако хочется выразить надежду, что попытки вывести страну из тяжелого положения будут проводиться с учетом нашего прошлого, чтобы не повторить уже пройденных ошибок.

“ТРУДНЫЕ БУДНИ ЗАТЕРЯННЫХ ДЕРЕВЕНЬ...”

О социально-исторической монографии Д.В. Милохина и А.Ф. Сметанина “Коми колхозная деревня в послевоенные годы (1946–1958)”

“Мы работали всю жизнь в колхозе. Мы все пережили. Мы работали не покладая рук – голодные, землю копали лопатой, торф возили на поля зимой на санках, а летом носили на носилках. Мы косили вручную косами, выкашивали по 6–7 га, хлеб жали серпом. Берегли каждый колосок. Мы в это время питались лузгой, т.е. овсяной кожурой, на трудодни ничего не получали, но колхоз не бросили”.

Из письма крестьян в газету “Сельская жизнь” в 1971 г., сохранившегося в РГАСПИ

Понимание российского феномена лежит в изучении деревенской истории.

Сельская провинциальная Россия, доминирующая территориально, меняясь и трансформируясь, укрупняясь и теряя забытые деревеньки, в менталитете большинства населения оставалась *аграрной страной* с традиционными крестьянскими ценностями, взглядами на жизнь свою и своего окружения и будущее своего государства.

До середины XX в. в СССР преобладало сельское население. Модернизация, предпринятая Советским правительством в 1930-е годы и выразившаяся в индустриализации и форсированной коллективизации, повлекла за собой беспрецедентное передвижение населения в стране, где свыше двух третей проживало в деревне. Это была ломка устоявшейся жизни, связанная с переездом в чужие и далекие места, как правило, на стройки или в города, но не отказ от традиционных взглядов на действительность, духовных ценностей, стереотипов поведения. И к концу XX в. большинство горожан были “родом из деревни”. Именно крестьянский менталитет остался стержневым для старшего и последующих поколений переселенцев – новых горожан.

Аграрная история в советской и постсоветской историографии всегда вписывалась в общую историю Отечества. Для построения модели советского общества важны были черты объединяющие, нацеленные на свершения будущего с целью “подтянуть” отстающую деревню до уровня города, с которого начнется строительство лучшего в мире общества.

Подтягивающаяся “сверху”, перестраивающаяся деревня как отсталый пережиток аграрного сектора экономики советской передовой страны тормозила ее развитие прежде всего своими традиционными ценностями. Ее социалистическое обустройство в государственной политике сводилось к борьбе с религией, “преобразованию производственных отношений” по пути коллективного хозяйствования, регулированию семейных отношений и деторождения и привлечению женщин к участию в производстве. Знаменитый сталинский лозунг 1930-х годов “Женщина в колхозе – большая сила!”, брошенный в массы, указывал на значимость этой силы для быстрого и успешного проведения коллективизации и закрепления социалистических успехов в деревне. Предварительно велась жесточайшая борьба с религией, как подготовка “платформы” для будущего преобразования сельского хозяйства на рельсах социализма. Женская значимость в деревне была осознана, но “религиозный дурман” из сознания ликвидировать не удалось, не поддержана была и “сталинская революция сверху”, о чем говорят известные “бабьи бунты” и никогда в советской и постсоветской истории больше не обращались к женщинам для решения ключевых государственных задач!

Послевоенная “вдовья сторона” жила надеждой на благополучную жизнь после Победы 1945 г. Государственная политика строилась без расчета на “человеческий” фактор, по-прежнему главным оставалось сельскохозяйственное производство, физически изматывающее и не оставлявшее возможностей осуществить мечтавшееся благополучие.

Брежневские реформы были направлены на подъем сельскохозяйственного производства при одновременном улучшении социальных и культурных условий жизни на селе. Деревня получила гарантированную оплату труда, паспорта, социальное обеспечение, новое либеральное семейное законодательство. Финансовая поддержка аграрного сектора и осуществлявшаяся в 1970–1980-е годы демографическая политика принесли стране и деревне заметное оживление.

Аграрная перестройка, предпринятая М.С. Горбачевым, и последующие радикальные реформы привели сельское хозяйство России на уровень обеспечения продовольствием населения страны в основном за счет личного подсобного хозяйства (53%) с постоянно снижающейся долей крупных агрофирм и сельскохозяйственных объединений в национальном продукте. Привычный для крестьянства вопрос о путях развития сельского хозяйства вновь выходит на передний план в народнохозяйственном развитии, поскольку это связано с продовольственным обеспечением, а

значит независимостью государства. И вновь в деревне пытаемся найти традиционную помощь городу и стране.

Государственная политика всегда строилась по принципу равенства на город, городские условия жизни и социалистические идеалы. Но, разрушая традиционный деревенский образ жизни и подводя его под знаменатель города, оказалось, что утрачиваются национально определяющие созидательные черты и прежние деревенские ценности необходимо возрождать: отношение к семье, браку, труду, моральные качества, такие, как терпение, совестливость, богобоязненность... Ностальгический крик души писателей-деревенщиков В. Белова, Ф. Абрамова, В. Распутина, Б. Можая был услышан не только в России, и оказалось, что *духовное родство с деревней – это не унижающий пережиток, а принадлежность к высокой культуре, истокам национального самосознания.*

Интерес к крестьянству проявился во многих оригинальных исследованиях виднейших аграрных историков*, разносторонние подходы к пониманию крестьянской истории России предприняли и зарубежные обществоведы. Отечественная аграрная историография была всегда богата региональными исследованиями, которые составляют яркую и полную картину деревенской жизни огромной, многоликой и очень похожей деревенской действительности.

Новейшие архивные источники, современный исторический взгляд на колхозную деревню, отнюдь не всегда бесспорный, “живая история” создают послевоенную картину Коми края, запечатленную на страницах новой исторической книги.

Авторы монографии, сопоставляя партийно-правительственную доктрину и конкретно-исторический, статистический, социологический материал получили возможность обозначить масштабы оторванности политики от повседневной деревенской жизни. Главной особенностью исследования является привлечение многочисленных региональных архивных материалов, в том числе уникальных из ранее закрытых фондов.

Книга коми исследователей – это рассказ о жизни простых крестьян. Ее основная тематика сосредоточена на колхозной жизни сельских жителей коми деревни в трудные послевоенные годы.

* Островский В.Б. Колхозное крестьянство СССР. Саратов, 1967; Советское крестьянство. М., 1970; Выльцан М.А. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя. 1945–1958. М., 1976; Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977; Он же. Советская доколхозная деревня: социальная структура и социальные отношения. М., 1979; Зеленин И.Е. Аграрная политика Н.С. Хрущева и сельское хозяйство. М., 2001.

Общественная мысль, фокусируя внимание на социалистическом переустройстве сельскохозяйственного сектора экономики, всегда касалась трех основных проблем: производственной, социальной и культурной. “Объективно” показывая советскую действительность, недостатки системы виделись незначительными и легко устранимыми, а образ советского человека – строителя социалистического, коммунистического общества – создавался оптимистическим, устремленным к будущим свершениям, несмотря на “легко преодолимые” трудности и “отдельные” недостатки. В полной мере это касалось и колхозного крестьянства. В подтверждение официальной идеологической доктрине подбирались партийно-государственный, статистический, документальный и даже этнографический материал. Разрушая стереотипы, авторы попытались взглянуть из деревни на происходящее в ней, на окружающий мир и односельчан, далекую и местную власть, и простым языком писем, впечатлений и воспоминаний деревенских жителей рассказать об их трудных буднях, тяготах и трагедиях.

Как и городские жители, крестьяне вполне осознавали влияние политических и социальных перемен на деревенскую действительность и их жизнь, в которых они сами принимали участие или которым противостояли. Государство оказывало давление на селян через производственные и общественные организации, подвергая “законным” наказаниям и на доступном уровне разъясняя деревне глобальные задачи построения нового общества.

Разными были крестьянские судьбы, различны и культурный, образовательный, профессиональный уровень селян, отношение к труду, семейным ценностям, детям, общественному мнению... Но всех объединяла одна общая “крестьянская доля” – тяжелый труд, любовь к своему дому и традиционные крестьянские ценности.

Исследование комиисториков – это деревенская история, основанная на достоверных архивных документах и рассказах самих крестьян о том, как они трудились, не зная отдыха и вознаграждения за свой тяжелый и неоценимый вклад в экономику страны, история добровольного принятия одних перемен и противостояния другим.

Важной особенностью сельской жизни, подмеченной авторами, являются традиционные нормы и ценности, которым следовало большинство населения деревни, при том, что немало сильных по характеру крестьян отстаивали право на самостоятельный выбор профессии, отношение к труду, социалистическому энтузиазму, протестуя доступными им средствами.

Наиболее впечатляющими являются рассказы деревенских жителей о себе и своей жизни. Эти простые истории анализиру-

ются авторами на фоне конкретных исторических фактов советской действительности и потому не воспринимаются оторванными от жизни частными случаями, а иллюстрируют сельскую жизнь в развитии.

По объективным и субъективным причинам страна не могла взять на себя бремя заботы о деревенском населении и выполнение заявленных правительством государственных задач. Деревня отвечала непосильным трудом, усиливая мощь страны, сгибаясь под тяжестью социального и налогового пресса, взрываясь нечестными, как правило, единичными протестами, выраженными в различных, в основном “мирных” формах, с которыми во власти не считались, но призывали их участников к ответственности, в том числе уголовной.

Предпринятые Советском государством на протяжении всего XX в. усилия полностью изменить сознание и жизнь крестьян не поколебали основы крестьянского менталитета, тяготевшего к традиционному укладу жизни. Сельские жители доказали возможность соединения “нового и старого”: научных достижений с обычаями, прогресса с верой. Это подтверждают обобщающие и региональные исторические исследования.

Раскрытые и не упомянутые, живые и малозначимые исторические эпизоды *большой трудной деревенской жизни – крестьянская история многострадальной российской деревни*. И как показывает историческая практика, деревня заслужила внимания, а ее судьба оказалась привлекательной для широкого круга исследователей, каждый из которых вносит вклад в понимание российского феномена.

Рецензент – доктор исторических наук,
профессор Л.Н. ДЕНИСОВА
(Институт российской истории РАН)

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ Димони Т.М. Социальный протест в колхозной деревне 1945–1960 гг. (На материалах Европейского Севера России): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 1996. С. 1.
- ² Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1993.
- ³ См.: Отечественная история. 1992. № 5; 1993. № 2, 6; 1994. № 2, 4/5, 6; 1995. № 3, 4.
- ⁴ Там же. 1995. № 3. С. 101.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Волков И.М. Сельское хозяйство и колхозное крестьянство первых послевоенных лет в советской исторической литературе // Очерки историографии советского общества. М., 1967; Он же. Сельское хозяйство и крестьянство СССР в послевоенные годы в работах советских историков // Проблемы истории современной советской деревни 1946–1973 гг. М., 1975; Чинчиков А.М. Советская историография социалистического преобразования сельского хозяйства СССР (1917–1969). М., 1971; Он же. Историография трудового подвига советского крестьянства, 1941–1976. Саратов, 1977; Данилов В.П. Проблемы истории советской деревни в 1946–1970 гг. (Очерк историографии) // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970). М., 1972; Погудин В.И. Путь советского крестьянства к социализму: Историогр. очерк. М., 1975; Историография крестьянства советской Сибири. Новосибирск, 1976; История крестьянства СССР. М., 1988. Т. 4. С. 8–21.
- ⁷ Волков И.М. Колхозная деревня в первый послевоенный год, 1946–1947 гг. // Вопросы истории. 1966. № 1; Он же. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946–1950 гг. М., 1972; Он же. Колхозы СССР в годы четвертой пятилетки (1946–1950) // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970). М., 1972.
- ⁸ Вылцан М.А. Численность и состав сельского населения за 50 лет // История СССР. 1967. № 6; Он же. Историческая роль МТС в создании и развитии колхозного строя // История СССР. 1978. № 2; Он же. Восстановление и развитие материально-технической базы сельского хозяйства в 1946–1958 гг. // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970). М., 1972; Он же. Материально-техническая база сельского хозяйства СССР в 1950–1970 гг. // Проблемы истории современной советской деревни 1946–1973 гг. М., 1975; Он же. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945–1958). М., 1976.
- ⁹ Зеленин И.Е. Общественно-политическая жизнь советской деревни в первые послевоенные годы // История СССР. 1974. № 2; Он же. Общественно-политическая жизнь советской деревни, 1946–1958. М., 1978.

- ¹⁰ Арутюнян Ю.В. Формирование механизаторских кадров колхозного производства в послевоенный период (1946–1957) // История СССР. 1958. № 5; *Он же*. Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929–1957 гг. М., 1960; *Он же*. Опыт социологического изучения села. М., 1968; *Он же*. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971.
- ¹¹ Островский В.Б. Колхозное крестьянство СССР. Саратов, 1967; *Он же*. Новый этап в развитии колхозного строя. М., 1977.
- ¹² Тирина А.П. Укрепление колхозов и МТС кадрами руководителей и специалистов (1951–1958 гг.) // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970). М., 1972; *Она же*. Формирование кадров специалистов и организаторов колхозного производства 1946–1958 гг. М., 1973; *Она же*. О некоторых изменениях в составе и расстановке производственно-технической интеллигенции сельского хозяйства на завершающем этапе строительства социализма // Проблемы истории современной советской деревни 1946–1973 гг. М., 1975.
- ¹³ История советской деревни (1917–1977). М., 1985–1987. Вып. 2–3; Перечень более поздних работ см.: список использованной литературы в конце настоящей книги.
- ¹⁴ Весьма показательно, что в Советской исторической энциклопедии имя Г.М. Маленкова даже не упоминается / СИЭ. 1965. Т. 8. Стб. 967.
- ¹⁵ Димони Т.М. Указ. соч.; Безнин М.А., Димони Т.М. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х–1960-е гг.) // Отечественная история. 1999. № 3.
- ¹⁶ Зима В.Ф. Голод в России 1946–1947 гг. // Отечественная история. 1993. № 1; *Он же*. Послевоенное общество: голод и преступность (1946–1947) // Отечественная история. 1995. № 5; *Он же*. Голод в СССР 1946–1947 гг.: происхождение и последствия. М., 1996.
- ¹⁷ Безнин М.А. Хозяйство крестьянского двора в российском Нечерноземье. 1950–1965 гг. Вологда, 1989; *Он же*. Крестьянский двор российского Нечерноземья в 1950–1965 гг. // Отечественная история. 1992. № 3; Калугина З.И. Личное подсобное хозяйство в СССР: Социальные регуляторы и результаты развития. Новосибирск, 1991; Артемова О.В. Крестьянский двор на европейском Севере (вторая половина 1930-х – 1940-е годы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 1997.
- ¹⁸ Зима В.Ф. Второе раскулачивание (Аграрная политика конца 40-х–начала 50-х гг.) // Отечественная история. 1994. № 3; Иванов Н.С. Раскрестьянивание деревни (середина 40-х – 50-е гг.) // Россия: XX век. Судьбы российского крестьянства. М., 1996.
- ¹⁹ Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х–начало 60-х годов. М., 1992.
- ²⁰ Сельское хозяйство Коми АССР / Тр. конф. по вопросам развития сел. хозяйства Коми АССР (март 1949 г.). М., 1951; Макаров В.Г. Вопросы экономики колхозов севера Республики Коми (на примере колхозов Ижемского района): Дис. на соиск. уч. степ. канд. экон. наук. Сыктывкар, 1952 // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 9. Д. 126; Витязева В.А. Советская Коми Республика. Сыктывкар, 1954; *Она же*. Коми АССР. Сыктывкар, 1956; *Она же*. Коми АССР. Сыктывкар, 1959; Шишов В.Г. Некоторые вопросы экономики сельского хозяйства Коми АССР. Сыктывкар, 1956; Ануфриев А.Ф. Электрическая энергия в колхозах Коми АССР. Сыктывкар, 1957; Кучер П.А. Сельское хозяйство Коми АССР. Сыктывкар, 1957; Коновалов Д.А., Ченцов Р.Е. Сельское хозяйство Коми АССР за 40 лет. Сыктывкар, 1961.
- ²¹ См., например: Макаров В.Г. Указ. соч. // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 9. Д. 126.
- ²² Волков И.М. Сельское хозяйство и колхозное крестьянство первых послевоенных лет в советской литературе // Очерки по историографии советского общества. М., 1967. С. 219.
- ²³ Там же. С. 215–220.
- ²⁴ Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар, 1962. Т. 2. С. 389–397, 435–442, 461–465, 505–507. Авторы соответствующих разделов: Д.Д. Балугев, В.С. Дегтев, И.Н. Каверин.
- ²⁵ Очерки истории Коми партийной организации. Сыктывкар, 1964. С. 272–276, 283–284, 293–300, 325–330. Авторы соответствующих разделов: Я.Н. Безносилов, Н.П. Безносилов, Ю.М. Раппопорт, А.С. Макаров.
- ²⁶ История Коми АССР с древнейших времен до наших дней. Сыктывкар, 1978. С. 401–405, 422–427. Авторы соответствующих разделов: В.С. Дегтев, Т.Г. Калянова.
- ²⁷ Калянова Т.Г. Развитие сельского хозяйства Коми АССР в 1951–1958 гг. // Из истории сельского хозяйства Коми АССР. Сыктывкар, 1977 (Тр. Ин-та яз., лит. и ист. Коми фил. АН СССР. Вып. 19); *Она же*. Изменения в составе и материальном положении колхозного крестьянства Европейского Севера (советский период): Межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар, 1982; *Она же*. О росте политической активности колхозного крестьянства Коми АССР. Сыктывкар, 1982 (Тр. Ин-та яз., лит. и ист. Коми фил. АН СССР. Вып. 25).
- ²⁸ Калянова Т.Г. Развитие сельского хозяйства Коми АССР в 1951–1958 гг. // Из истории сельского хозяйства Коми АССР. Сыктывкар, 1977. С. 65 (Тр. Ин-та яз., лит. и ист. Коми фил. АН СССР. Вып. 19).
- ²⁹ Александров А.Н., Габов Л.А., Калянова Т.Г., Сметанин А.Ф. и др. Советское крестьянство и сельское хозяйство Коми АССР в период завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму (1938–1975). Сыктывкар, 1980 // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 253, 254, 255. Раздел о послевоенном развитии деревни см.: Д. 254. С. 3–149.
- ³⁰ Там же. С. 7.
- ³¹ Там же. С. 51.
- ³² Там же. С. 98.
- ³³ Там же. С. 50.
- ³⁴ История родного края. Сыктывкар, 1994. С. 142–147. Автор соответствующего раздела А.Ф. Сметанин; Жеребцов И.Л., Савельева Э.А., Сметанин А.Ф. История Республики Коми: Научн.-попул. очерки. Сыктывкар, 1996. С. 244–248.
- ³⁵ Сметанин А.Ф. Советская историческая литература о проблемах аграрной истории Коми АССР 1938–1985 годов // Проблемы историографии европейского Северо-Востока СССР. Сыктывкар, 1987. С.92 (Тр. Ин-та яз., лит. и ист. Коми фил. АН СССР. Вып. 42).
- ³⁶ Габов Л.А., Свиридова М.А., Кравцова М.Д. Сельское хозяйство Коми АССР в период развитого социализма (историческое исследование). М., 1981; Сметанин А.Ф. Колхозы и колхозное крестьянство Коми АССР в предвоенные годы (1938–июнь 1941): Дис. ... учен. степ. канд. ист. наук. Сыктывкар, 1985 // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 359; Попов А.А., Сметанин А.Ф. Советская северная деревня в 60-е – первой половине 80-х гг. Сыктывкар, 1995.
- ³⁷ Изучение аграрной истории европейского Севера СССР на современном этапе. Сыктывкар, 1989 (Тр. Коми науч. центра УрО АН СССР. № 112); Крестьянство европейского Севера России в XVII–XX вв.: проблемы изучения. Сыктывкар, 1993 (Тр. Ин-та яз., лит. и ист. УрО РАН. Вып. 54); Коми деревня в XX в.: история, современность, перспективы. Сыктывкар, 1995.

- 38 Коми республиканский государственный архив общественно-политических движений и формирований (г. Сыктывкар). Ф. 1.
- 39 *Сталин И.В.* Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952.
- 40 Фонды Статистического управления Коми АССР (№ 140) и Министерства сельского хозяйства Коми АССР (№ 408) Национального архива Республики Коми (г. Сыктывкар).
- 41 *Вылцан М.А.* Сводные годовые отчеты колхозов за 1935–1939 гг. как исторический источник // Исторический архив. 1962. № 6; *Ефременков Н.В., Звавич В.И.* Статистические источники по истории колхозов и колхозного крестьянства // Массовые источники по социально-экономической истории советского общества. М., 1979; *Милохин Д.В.* Годовые отчеты колхозов как источник по истории сельского хозяйства Коми АССР // Общественность и архивы: проблемы и пути сотрудничества. Сыктывкар, 1997.
- 42 Фонды Совета Министров Коми АССР (№ 605); Государственной плановой комиссии Коми АССР (№ 1329); Национального архива Республики Коми (г. Сыктывкар); Совета по делам колхозов при Совете Министров СССР (№ 9476); Российского государственного архива экономики (г. Москва).
- 43 Народное хозяйство Коми АССР: Стат. сб. Сыктывкар, 1957; Коми АССР за 40 лет. Сыктывкар, 1961; и др.
- 44 Фонды Прокуратуры Коми АССР (№ 1307), Верховного суда Коми АССР (№ 690), Министерства юстиции Коми АССР (№ 312), Президиума Верховного Совета Коми АССР (№ 642), Национального архива Республики Коми (г. Сыктывкар).
- 45 Коми республиканский государственный архив общественно-политических движений и формирований (г. Сыктывкар). Ф. 1.
- 46 Фонд Совета по делам колхозов при Совете Министров СССР (№ 9476), Российского государственного архива экономики (г. Москва).
- 47 *Осокина Е.А.* За фасадом сталинского изобилия. Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М., 1998. С. 27.

Глава первая

- 1 *Калинин М.И.* Беседы с народом. М., 1960. С. 347.
- 2 Советская деревня в первые послевоенные годы. М., 1978. С. 25.
- 3 Там же.
- 4 НА РК. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 911. Л. 280.
- 5 *Корнилов Г.Е.* Колхозная торговля на Урале в условиях Великой Отечественной войны // Отечественная история. 1994. № 2. С. 186.
- 6 Финансы СССР. М., 1967. С. 85.
- 7 *Корнилов Г.Е.* Указ. соч. С. 187.
- 8 За новый Север. 1946. 31 июля; 25 лет Коми АССР. Сыктывкар, 1946. С. 113.
- 9 Там же.
- 10 За новый Север. 1946. 3 марта.
- 11 Советская деревня в первые послевоенные годы. М., 1978. С. 35.
- 12 НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 2696. Л. 63.
- 13 *Волков И.М.* Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946–1950 гг. С. 125.
- 14 Там же.
- 15 Там же; Народное хозяйство Коми АССР: Стат. сб. Сыктывкар, 1957. С. 95.
- 16 История крестьянства СССР. М., 1988. Т. 4. С. 30.
- 17 НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 2681. Л. 47.

- 18 За новый Север. 1946. 31 июля.
- 19 25 лет Коми АССР. Сыктывкар, 1946. С. 186.
- 20 Там же. С. 187.
- 21 Там же. С. 186.
- 22 *Корнилов Г.Е.* Указ. соч. С. 187.
- 23 За новый Север. 1940. 1 марта.
- 24 Там же. 1946. 31 июля.
- 25 НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 2679. Л. 9, 10.
- 26 *Сметанин А.Ф.* Колхозы, колхозное крестьянство Коми АССР в предвоенные годы (1938 – июнь 1941): Дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 1985 // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 359. Л. 52.
- 27 *Корнилов Г.Е.* Указ. соч. С. 193.
- 28 *Сметанин А.Ф.* Указ. соч. // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 359. Л. 52.
- 29 За новый Север. 1946. 27, 30 июля.
- 30 Там же.
- 31 *Уильямс Р.* Но это вовсе не было правдой... // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 341.
- 32 История колхозного права: Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. М., 1959. Т. 1. С. 427–433.
- 33 Там же. С. 427.
- 34 Там же.
- 35 Там же. С. 432.
- 36 Там же.
- 37 В Постановлении СНК СССР от 6 декабря 1942 г. отмечалось, что «пользование данными об “амбарном урожае” ведут к укрытию хлеба от поставок государству, расхищению и разбазариванию». Цит. по: Рец. *Зеленин И.Е., Анисков В.Т.* Жертвенный подвиг деревни. Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1993 // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 163.
- 38 НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 3852. Л. 7.
- 39 Там же. Л. 8 об., 9.
- 40 История колхозного права: Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. Т. 1. С. 432.
- 41 *Верт Н.* История Советского государства. М., 1995. С. 222.
- 42 История колхозного права: Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. Т. 1. С. 431.
- 43 Существовал даже особый термин – “колхозная демократия”.
- 44 *Зима В.Ф.* “Второе раскулачивание” (Аграрная политика конца 40-х – начала 50-х годов) // Отечественная история. 1994. № 3. С. 124.
- 45 История колхозного права: Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. Т. 2. С. 291–294.
- 46 За новый Север. 1946. 21 сент.
- 47 История колхозного права: Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. Т. 2. С. 107–110.
- 48 История крестьянства СССР. Т. 4. С. 47.
- 49 РГАЭ Ф. 9476. Оп. 1. Д. 939. Л. 366.
- 50 Там же. Л. 294.
- 51 История колхозного права: Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. Т. 2. С. 292.
- 52 Коми ГА ОПДФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 589. Л. 7.
- 53 История колхозного права: Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. Т. 2. С. 297.

- 54 Там же. Т. 1. С. 224–225.
- 55 *Безнин М.А., Димони Т.М.* Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х–1960-е гг.) // Отечественная история. 1999. № 3. С. 90.
- 56 Новейшая история отечества. XX век / Под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Шагина. М., 1998, Т. 2. С. 256.
- 57 *Жуков Ю.Н.* Борьба за власть в руководстве СССР в 1945–1952 годах // Вопросы истории. 1995. № 1. С. 32.
- 58 *Безнин М.А., Димони Т.М.* Указ. соч. С. 86.
- 59 История колхозного права: Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. Т. 2. С. 309–317.
- 60 История крестьянства СССР. Т. 4. С. 81.
- 61 История колхозного права: Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. Т. 2. С. 334–350.
- 62 Советская деревня в первые послевоенные годы. С. 505.
- 63 *Денисова Л.Н.* Деревня Российского Нечерноземья. 1960–1980-е годы: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 1996. С. 18.
- 64 История колхозного права: Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. Т. 2. С. 327–334.
- 65 НА РК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 113. Л. 25; Ф. 140. Оп. 2. Д. 3822. Л. 6.
- 66 *Сталин И.В.* Экономические проблемы строительства социализма в СССР. М., 1952.
- 67 Там же. С. 211.
- 68 Там же. С. 213.
- 69 Там же. С. 219.
- 70 Цит. по: Советская деревня в первые послевоенные годы. С. 503.
- 71 *Морозов В.О.* Из истории развития сельского хозяйства РСФСР (1953–1958 гг.) // История СССР. 1961. № 4.
- 72 За новый Север. 1953. 9 авг.
- 73 *Александров А.Н., Габов Л.А., Калянова Т.Г. и др.* Советское крестьянство и сельское хозяйство Коми АССР в период завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму (1938–1975 гг.). Сыктывкар, 1980 // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 254. Л. 47.
- 74 Там же.
- 75 История колхозного права: Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. Т. 2. С. 419–423.
- 76 Там же. С. 438–439.
- 77 *Денисова Л.Н.* Деревня Российского Нечерноземья. 1960–1980-е годы. С. 18.
- 78 *Зеленин И.Е.* Первая советская программа массового освоения целинных земель (Конец 20-х – 30-е гг.) // Отечественная история. 1996. № 2. С. 66.
- 79 История колхозного права: Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. Т. 2. С. 441.
- 80 За новый Север. 1956. 4 дек.
- 81 История колхозного права: Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. Т. 2. С. 445–449.
- 82 Там же. С. 449–452.
- 83 Там же.
- 84 Красное Знамя. 1956. 29 авг.
- 85 История колхозного права: Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. Т. 2. С. 465–466.
- 86 Там же. С. 466.
- 87 *Боффа Д.* История Советского Союза. М., 1994. Т. 2. С. 525.

- 88 *Денисова Л.Н.* Деревня Российского Нечерноземья. С. 4, 5.
- 89 История колхозного права: Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. Т. 2. С. 470.
- 90 Там же. С. 471–473.
- 91 Там же. С. 473.
- 92 НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 4868. Л. 37об.
- 93 История Коми АССР. Сыктывкар, 1978. С. 525.
- 94 *Сталин И.В.* Год великого перелома. К двенадцатой годовщине Октября // *Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. М., 1952. С. 301; *Сталин И.В.* Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 90.
- 95 Республика Коми: Справочник. Сыктывкар, 1986. С. 5.
- 96 Почвы Коми АССР и пути повышения их плодородия. Сыктывкар, 1963. С. 8.
- 97 Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства Коми АССР на 1946–1950 гг. Сыктывкар, 1946.
- 98 Там же. С. 5.
- 99 Справедливости ради следует отметить, что подобная установка диктовалась во многом объективной необходимостью подъема тяжелой промышленности и наукоемких отраслей производства в качестве гарантии поддержания послевоенного статуса мировой супердержавы и адекватного уровня обороноспособности Советского государства.
- 100 История крестьянства СССР. Т. 4. С. 39.
- 101 Там же.
- 102 Там же. С. 40.
- 103 Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства Коми АССР. Сыктывкар, 1946. С. 19.
- 104 За новый Север. 1949. 15 июня.
- 105 Там же. 1940. 20 марта.
- 106 Там же. 1954. 17 марта.
- 107 Там же.
- 108 Данные о фактической площади посева кукурузы по другим источникам расходятся с опубликованными. В документах Статистического управления Коми АССР содержатся сведения всего о 3,7 тыс. га посева этой культуры в 1955 г., что составило 5% от всей посевной площади колхозов республики. См.: НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 1447. Л. 85, 86.
- 109 Красное Знамя. 1955. 15 июня.
- 110 НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 4775. Л. 149.
- 111 РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1219. Л. 82.
- 112 Там же.
- 113 Красное Знамя. 1956. 14 нояб.
- 114 Коми ГА ОПДФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 600. Л. 12.
- 115 Красное Знамя. 1956. 14 нояб.
- 116 Там же. 1957. 27 апр.
- 117 Там же.
- 118 Там же. 14 дек.
- 119 Подсчитано по: НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 3897. Л. 7 об.
- 120 Там же.
- 121 По отношению к величине условной себестоимости, определяемой трудовыми затратами колхозников, оплаченных на уровне рабочих совхозов.
- 122 *Ченцов Р.Е., Василенко В.П., Коновалов Д.А., Дроздов О.И.* Коми областному комитету КПСС, Совету Министров Коми АССР. Докладная записка: “О совершенствовании закупочных цен на колхозную продукцию” // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 9. Д. 264. Л. 3.

- 123 Почвы Коми АССР и пути повышения их плодородия. Сыктывкар, 1963. С. 40.
- 124 Включая все сельскохозяйственные угодья и площадь под лесом.
- 125 За новый Север. 1954. 6 апр.
- 126 Подсчитано по: НА РК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 113. Л. 17.
- 127 Подсчитано по: Там же. Д. 1954. Л. 3 об.
- 128 Республиканская газета "Красное Знамя" 20 апреля 1957 г. отмечала, что "зернышко, производимое в Коми АССР, поистине становится золотым".
- 129 Там же. 1956. 4 дек.
- 130 Ченцов Р.Е., Василенко В.П., Коновалов Д.А., Дроздов О.И. Указ. соч.
- 131 Необходимо отметить, что 1952 г. был крайне неурожайным для овощеводства. Уже в 1953 г. урожайность овощных культур выросла до 35 ц с га.
- 132 Красное Знамя. 1956. 4 дек.
- 133 Александров А.Н., Габов Л.А., Калянова Т.Г. и др. Советское крестьянство и сельское хозяйство Коми АССР в период завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму (1938–1975 гг.). Сыктывкар, 1980 // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 254. Л. 38.
- 134 НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 4834. Л. 38.
- 135 Красное Знамя. 1958. 2 фев.
- 136 Там же. 1957. 20 апр.
- 137 Здесь и далее, если нет специальной оговорки – в физических единицах.
- 138 НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 2681. Л. 47.
- 139 Там же. Л. 38 об.
- 140 Очерки по истории Коми АССР. Т. 2. С. 438.
- 141 НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 4834. Л. 40.
- 142 Там же. Д. 2681. Л. 38 об.
- 143 Там же. Д. 4842. Л. 34.
- 144 Александров А.Н., Габов Л.А., Калянова Т.Г. и др. Указ. соч. // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 254. Л. 24.
- 145 Там же.
- 146 НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 4834. Л. 34.
- 147 Там же. Л. 32.
- 148 За новый Север. 1954. 2 окт.
- 149 НА РК. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 1246. Л. 9.
- 150 Там же. Ф. 140. Оп. 2. Д. 3897. Л. 28.
- 151 Народное хозяйство Коми АССР: Стат. сб. Сыктывкар, 1957. С. 95.
- 152 Красное Знамя. 1959. 13 янв.
- 153 НА РК. Ф. 605. Оп. 1. Д. 2230. Л. 88.
- 154 Там же.
- 155 РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1219. Л. 253.
- 156 Красное Знамя. 1956. 7 янв.
- 157 Чупров А.С. Энергетика Республики Коми. Сыктывкар, 2000. Т. 1. С. 439.
- 158 НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 3858. Л. 5.
- 159 Там же. Д. 4771. Л. 22 об.
- 160 История колхозного права: Сборник законодательных актов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. Т. 2. С. 482.
- 161 Александров А.Н., Габов Л.А., Калянова Т.Г. и др. Указ. соч. // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 254. Л. 23.
- 162 Подсчитано по: НА РК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1954. Л. 6 об.; Д. 113. Л. 16 об.
- 163 Ченцов Р.Е., Василенко В.П., Коновалов Д.А., Дроздов О.И. Указ. соч. // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 9. Д. 264. Л. 3.
- 164 Кроме колхозов Крайнего Севера.

- 165 Красное Знамя. 1956. 4 дек.
- 166 Ченцов Р.Е., Василенко В.П., Коновалов Д.А., Дроздов О.И. Указ. соч. // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 9. Д. 264. Л. 3.
- 167 Там же // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 254. Л. 47.
- 168 Там же. Л. 48.
- 169 Там же. Л. 50.
- 170 НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 2967. Л. 7 об.
- 171 Там же. Д. 1441. Л. 47.
- 172 История крестьянства СССР. Т. 4. С. 63.
- 173 Коми ГА ОПДФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 564. Л. 72.
- 174 Тюрина А.П. Формирование кадров специалистов и организаторов колхозного производства, 1946–1958 гг. М., 1973. С. 69.
- 175 Там же.
- 176 За новый Север. 1940. 5 марта.
- 177 РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1219. Л. 155.
- 178 Там же. Л. 154.
- 179 НА РК. Ф. 642. Оп. 3. Д. 182. Л. 19.
- 180 Очерки по истории Коми АССР. Т. 2. С. 391.
- 181 Там же. С. 408.
- 182 Красное Знамя, 1955. 25 мая.
- 183 За новый Север. 1953. 4 окт.
- 184 Там же. 1950. 25 июня.
- 185 Там же. 1955. 18 янв.
- 186 Красное Знамя. 1957. 4 окт.
- 187 Александров А.Н., Габов Л.А., Калянова Т.Г. и др. Указ. соч. // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 254. Л. 33.
- 188 НА РК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 1280. Л. 267.
- 189 Красное Знамя. 1957. 6 июля.

Глава вторая

- 1 Сталин И.В. Речь на первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников. 19 февраля 1933 г. // Сталин И. Вопросы ленинизма. М., 1952. С. 453.
- 2 Там же.
- 3 За новый Север. 1948. 18 февр.
- 4 РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 795. Л. 103.
- 5 С 1950 г. данные несопоставимы из-за постоянного изменения числа колхозов, связанного с их укрупнением.
- 6 За новый Север. 1947. 8 марта.
- 7 Там же.
- 8 НА РК. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 1246. Л. 128.
- 9 Иванов Н.С. Раскрестьянивание деревни (середина 40-х годов – 50-е годы) // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 426.
- 10 За новый Север. 1947. 16 дек.
- 11 НА РК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 2221. Л. 50.
- 12 Арутюнян Ю.В. Формирование механизаторских кадров колхозного производства в послевоенный период (1946–1957 гг.) // История СССР. 1958. № 5. С. 10.
- 13 Там же. С. 11.
- 14 НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 3846. Л. 33 об.
- 15 За новый Север. 1948. 23 июня.

- 16 Красное Знамя. 1956. 10 июля.
- 17 НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 3846. Л. 53.
- 18 Красное Знамя. 1957. 26 марта.
- 19 Там же. 28 мая.
- 20 Там же. 27 апр.
- 21 Следует заметить, что диспропорция цен на промышленную и аграрную продукцию вовсе не является изобретением и прерогативой Советского государства. Это обычная мировая практика. Сущность данной формы эксплуатации городом деревни была метко подмечена русскими крестьянами еще в XIX в. в горькой поговорке: "Рубль пшеничка да триста рублей бричка".
- 22 За новый Север. 1947. 16 дек.
- 23 Там же.
- 24 Финансы СССР. М., 1967. С. 85.
- 25 За новый Север. 1948. 16 июля.
- 26 История крестьянства СССР: История советского крестьянства. М., 1988. Т. 4. С. 181.
- 27 НА РК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 1280. Л. 36 об.
- 28 Там же.
- 29 Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1952. С. 455.
- 30 За новый Север. 1948. 16 июля.
- 31 Записано автором со слов бывшего колхозника Н.Ф. Размыслова из с. Палевицы Сыктывдинского района Коми АССР.
- 32 НА РК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 1280. Л. 17 об., 63 об.
- 33 Финансы СССР. С. 93.
- 34 За новый Север. 1948. 15 мая.
- 35 Коми РГА ОПДФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 589. Л. 3.
- 36 Красное Знамя. 1957. 21 апр.
- 37 Финансы СССР. С. 252.
- 38 Зима В.Ф. Второе раскулачивание (Аграрная политика конца 40-х – начала 50-х годов) // Отечественная история. 1994. № 4. С. 118.
- 39 Там же. С. 116.
- 40 Там же. С. 121.
- 41 За новый Север. 1946. 24 апр.
- 42 Новейшая история отечества: XX век / Под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Шагина. М., 1998. Т. 2. С. 258.
- 43 Там же.
- 44 Димони Т.М. Социальный протест в колхозной деревне 1945–1960 гг. (На материалах европейского Севера России): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 1996. С. 12.
- 45 Безнин М.А., Димони Т.М. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х–1960-е гг.) // Отечественная история. 1999. № 3. С. 86.
- 46 Димони Т.М. Социальный протест в колхозной деревне 1945–1960 гг. (На материалах европейского Севера России): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 1996. С. 12.
- 47 Ленинскую оценку мелкого городского капиталистического производства И.В. Сталин экстраполирует на индивидуальное крестьянское хозяйство. Цит. по: Сталин И.В. К вопросам аграрной политики в СССР: Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. // Сталин И. Вопросы ленинизма. С. 311.
- 48 История крестьянства СССР: История советского крестьянства. Т. 4. С. 179.
- 49 За новый Север. 1955. 5 окт.

- 50 Голованов Н.В., Мацук М.А. Пути развития торговли в Коми в XX в. Сыктывкар, 1999. С. 157.
- 51 За новый Север. 1949. 1 марта.
- 52 Новейшая история отечества: XX век. Т. 2. С. 249.
- 53 Там же.
- 54 За новый Север. 1947. 17 дек.
- 55 Там же. 1949. 1 марта.
- 56 Красное Знамя. 1956. 16 февр.
- 57 За новый Север. 1947. 16 дек.
- 58 Во многих торговых точках ОРСов отсутствовали даже элементарные складские помещения для хранения продуктов питания. В результате тоннами портились поступающие мука, мясо, рыба. См.: Голованов Н.В., Мацук М.А. Указ. соч. С. 159.
- 59 Иванов Н.С. Раскрестьянивание деревни (середина 40-х годов – 50-е годы) // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 429.
- 60 Красное Знамя. 1956. 1 дек.
- 61 Там же. 10 мая.
- 62 За новый Север. 1953. 8 марта.
- 63 Постановление Совета Министров СССР "О мерах по улучшению организации, повышению производительности труда и упорядочению оплаты труда в колхозах" // За новый Север. 1948. 25 июня.
- 64 За новый Север. 1946. 2 окт.
- 65 Там же. 1948. 2 июня.
- 66 РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 239. Л. 201.
- 67 НА РК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 2221. Л. 10, 12, 25.
- 68 РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1219. Л. 30.
- 69 Там же. Л. 29.
- 70 Коми ГА ОПДФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 589. Л. 157.
- 71 РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1127. Л. 74.
- 72 Хрущев Н.С. О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР. М., 1953. С. 6.
- 73 За новый Север. 1953. 4 окт.
- 74 Там же.
- 75 НА РК. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 1247. Л. 106.
- 76 Там же. Ф. 605. Оп. 1. Д. 2240. Л. 35.
- 77 Маленков Г.М. О неотложных задачах в области промышленности и сельского хозяйства и мерах по дальнейшему улучшению материального благосостояния советского народа: Речь на V сессии Верховного Совета СССР в августе 1953 г. // За новый Север. 1953. 9 авг.
- 78 Там же.
- 79 Там же. 17 нояб.
- 80 Там же. 11 авг.
- 81 Там же. 12 сент.
- 82 Там же. 23 авг.
- 83 Там же. 17 нояб.
- 84 Красное Знамя. 1955. 5 апр.
- 85 Там же. 1953. 11 авг.
- 86 Там же. 29 сент.
- 87 Там же. 4 окт.
- 88 Там же. 12, 23 авг.
- 89 Там же. 1954. 7 марта.
- 90 История России / Под ред. С.В. Леонова. М., 1995. Т. 2. С. 361.

- 91 Жуков Ю.Н. Борьба за власть в руководстве СССР в 1945–1952 годах // *Вопр. истории*. 1995. № 1. С. 33.
- 92 История России. Т. 2. С. 345.
- 93 Решения январского (1955 г.) Пленума ЦК КПСС о Г.М. Маленкове (Выступление М. Реймана) // *Вопр. истории*. 1999. № 1. С. 31.
- 94 См.: Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 марта 1956 г. “Об Уставе сельскохозяйственной артели и дальнейшем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели” // *История колхозного права*. М., 1958. С. 451.
- 95 Новейшая история отечества: XX век. Т. 2. С. 310.
- 96 За новый Север. 1955. 2 февр.
- 97 Красное Знамя. 1956. 28 авг.
- 98 За новый Север. 1953. 28 янв.
- 99 Там же. 1955. 2 февр.
- 100 Там же. 1954. 31 июля.
- 101 Там же. 1955. 18 янв.
- 102 Шишкин Н.И. Коми АССР. Сыктывкар, 1959. С. 51.
- 103 За новый Север. 1954. 19 мая.
- 104 Красное Знамя. 1957. 22 марта.
- 105 Там же. 1956. 25 авг.
- 106 Артемова О.В. Крестьянский двор на европейском Севере (Вторая половина 1930-х–1940-е годы): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 1997. С. 15.
- 107 Термин употреблен в постановлении Совета Министров Союза ССР от 1 июля 1958 г. См.: *История колхозного права*. М., 1958. С. 483.
- 108 Сталин И.В. Вопросы ленинизма. С. 445.
- 109 Калинин М.И. О колхозном строе и колхозницах: Из беседы с колхозницами Ярославской области 1 августа 1945 г. // *Калинин М.И. Статьи и речи*. М., 1975. С. 485.
- 110 За новый Север. 1946. 22 сент.
- 111 Чаянов А.В. Краткий курс кооперации. М., 1989. С. 76. Репринтное воспроизведение издания 1925 г.
- 112 Там же. С. 11.
- 113 Сталин И.В. К вопросам аграрной политики в СССР: Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. // *Сталин И. Вопросы ленинизма*. С. 321.
- 114 За новый Север. 1946. 1 окт.
- 115 Там же. 31 июля.
- 116 Сталин И.В. Речь на первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников. 19 февраля 1933 г. // *Сталин И. Вопросы ленинизма*. С. 451.
- 117 За новый Север. 1946. 10 авг.
- 118 Там же. 24 июля.
- 119 Там же. 20 июля.
- 120 Там же. 29 сент.
- 121 Красное Знамя. 1957. 2 нояб.
- 122 За новый Север. 1946. 10 февр.
- 123 Красное Знамя. 1956. 13 янв.
- 124 Там же. 19 дек.
- 125 За новый Север. 1946. 20 янв.
- 126 Красное Знамя. 1957. 2 нояб.
- 127 Там же. 8 сент.
- 128 Там же. 2 нояб.
- 129 Там же. 30 авг.

- 130 За новый Север. 1946. 26 окт.
- 131 НА РК. Ф. 605. Оп. 1. Д. 1244. Л. 3.
- 132 Красное Знамя. 1957. 2 нояб.
- 133 Там же.
- 134 Там же.
- 135 За новый Север. 1946. 30 янв.
- 136 Там же. 1953. 18 сент.
- 137 Там же. 1946. 31 июля.
- 138 Красное Знамя. 1955. 5 апр.
- 139 Там же. 1957. 14 дек.
- 140 Там же. 1958. 18 апр.
- 141 НА РК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 2221. Л. 25.
- 142 Димони Т.М. Социальный протест в колхозной деревне. 1945–1960 гг. (На материалах европейского Севера России): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 1996. С. 11.
- 143 Коми ГА ОПДФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 562. Л. 94.
- 144 История колхозного права: Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. М., 1959. Т. 1. С. 432.
- 145 Там же. Т. 2. С. 41.
- 146 За новый Север. 1955. 29 янв.
- 147 Красное Знамя. 1956. 17 апр.
- 148 Там же. 24 нояб.
- 149 Там же. 12 июля.
- 150 За новый Север. 1946. 19 сент.
- 151 Там же. 2 июля.
- 152 За новый Север. 1946. 12 авг.
- 153 Красное Знамя. 1955. 28 окт.
- 154 История колхозного права: Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917–1958 гг. Т. 2. С. 297.
- 155 За новый Север. 1946. 2 окт.
- 156 Денисова Л.Н. Деревня Российского Нечерноземья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1996. С. 34.
- 157 За новый Север. 1953. 8 марта.
- 158 Там же. 18 марта.
- 159 Гагарин Ю.В. История религии и атеизма народа коми. М., 1978. С. 289.
- 160 Красное Знамя. 1955. 15 июня.
- 161 Там же. 24 апр.
- 162 Там же. 1956. 24 июля.
- 163 Там же. 1957. 24 авг.
- 164 Там же. 1956. 25 авг.
- 165 Там же.
- 166 Там же. 1957. 26 мая.
- 167 Там же. 2 нояб.
- 168 НА РК. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 1247. Л. 106.
- 169 Там же. Ф. 605. Оп. 1. Д. 2230. Л. 31.
- 170 Там же. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 1247. Л. 106.
- 171 Там же. Ф. 605. Оп. 1. Д. 2230. Л. 207.
- 172 Там же. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 1240. Л. 122.
- 173 Там же. Л. 127.
- 174 Там же. Ф. 140. Оп. 2. Д. 4869. Л. 77.
- 175 Красное Знамя. 1958. 11 янв.

- 176 Скотт Дж. Оружие слабых: повседневное сопротивление и его значение // Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 286–287.
- 177 Большая советская энциклопедия. М., 1973. Т. 12. С. 278.
- 178 Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952. С. 31.
- 179 Там же. С. 32.
- 180 Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 8. С. 134.
- 181 Там же. 1965. Т. 13. С. 503.
- 182 Там же. С. 499.
- 183 Подробнее см.: Верт Н. История советского государства. М., 1995. С. 257.
- 184 Сталин И.В. К вопросам аграрной политики в СССР: Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. С. 308.
- 185 Там же. С. 499.
- 186 Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. С. 62.
- 187 Там же.
- 188 Сталин И.В. К вопросам аграрной политики в СССР: Речь на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. // Сталин И.В. Вопросы ленинизма. С. 309.
- 189 Шанин Т. Понятие крестьянства // Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире. С. 13; Скотт Дж. Указ. соч. С. 285.
- 190 Скотт Дж. Указ. соч.
- 191 Димони Т.М. Указ. соч. С. 1.
- 192 Известна шутка начала 1930-х годов: После продолжительных уговоров о вступлении в колхоз крестьян спрашивают, что они обо всем этом думают, и слышат в ответ: “Мы все, конечно, за колхоз, но не в нашей деревне”.
- 193 Термин активно использовался в 1920-е годы экономистами-аграрниками, стоящими на марксистских позициях. См.: Преображенский Е.А. Основной закон социалистического накопления // Пути развития: дискуссии 20-х гг. Л., 1990. С. 53–130.
- 194 Данная политика была продиктована во многом теми грандиозными задачами, которые пыталось достичь советское государство в условиях жесткой ограниченности финансовых ресурсов.
- 195 Димони Т.М. Указ. соч. С. 10.
- 196 Данные о численности наличного населения колхозов на конец 1958 г. расходятся. Коллектив авторов ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН приводит цифру 82,4 тыс. человек. В таком случае убыль сельского населения за 1946–1958 гг. составляет 35%. См.: Александров А.Н., Габов Л.А., Калянова Т.Г. и др. Указ. соч. // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 254. Л. 33. Такая же цифра приводится в другой публикации. См.: Безнин М.А., Димони Т.М. Социальный протест колхозного крестьянства (Вторая половина 1940-х–1960-е гг.) // Отечественная история. 1999. № 3. С. 89.
- 197 Александров А.Н., Габов Л.А., Калянова Т.Г. и др. Указ. соч. // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 254. Л. 34.
- 198 История советского крестьянства. Т. 4. С. 281.
- 199 Коми ГА ОПДФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 609. Л. 48.
- 200 Димони Т.М. Указ. соч. С. 11.
- 201 НА РК. Ф. 605. Оп. 1. Д. 359. Л. 106.
- 202 Красное Знамя. 1955. 28 авг.
- 203 Александров А.Н., Габов Л.А., Калянова Т.Г. и др. Указ. соч. // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 254. Л. 33.
- 204 РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1219. Л. 208.
- 205 Коми ГА ОПДФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 609. Л. 47.

- 206 Александров А.Н., Габов Л.А., Калянова Т.Г. и др. Указ. соч. // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 254. Л. 34.
- 207 НА РК. Ф. 605. Оп. 1. Д. 372. Л. 2.
- 208 Александров А.Н., Габов Л.А., Калянова Т.Г. и др. Указ. соч. // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 254. Л. 34.
- 209 НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 2681. Л. 47.
- 210 Коми ГА ОПДФ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 609. Л. 48.
- 211 Там же. Л. 50.
- 212 Там же. Л. 49.
- 213 Красное Знамя. 1958. 15 февр.
- 214 НА РК. Ф. 605. Оп. 1. Д. 1244. Л. 266.
- 215 Там же. Ф. 140. Оп. 2. Д. 3846. Л. 33 об.
- 216 Там же. Л. 39, 40.
- 217 За новый Север. 1946. 21 сент.
- 218 Коми ГА ОПДФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 37. Л. 62.
- 219 Там же. Оп. 1. Д. 629. Л. 157.
- 220 Там же. Д. 536. Л. 124.
- 221 За новый Север. 1954. 25 авг.
- 222 НА РК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 113. Л. 1; Оп. 2. Д. 3852. Л. 3; Ф. 140. Оп. 2. Д. 3897. Л. 2 об.
- 223 Там же. Ф. 605. Оп. 1. Д. 1246. Л. 545.
- 224 РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 641. Л. 27.
- 225 За новый Север. 1946. 21 сент.
- 226 РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 641. Л. 26.
- 227 Там же. Л. 26, 27, 28.
- 228 Там же. Л. 30.
- 229 НА РК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 1280. Л. 36 об.
- 230 РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 788. Л. 53.
- 231 НА РК. Ф. 690. Оп. 1. Д. 1280. Л. 272.
- 232 Там же. Л. 292.
- 233 РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 939. Л. 294.
- 234 Там же. Д. 1127. Л. 31.
- 235 Там же. Л. 30.
- 236 Коми ГА ОПДФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 179. Л. 15.
- 237 НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 4869. Л. 5.
- 238 Там же.
- 239 Безнин М.А., Димони Т.М. Указ. соч. // Отечественная история. 1999. № 3. С. 87.
- 240 Красное Знамя. 1957. 26 февр.
- 241 НА РК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1267. Л. 2.
- 242 Там же. Д. 1254. Л. 1.
- 243 Там же. Д. 1267. Л. 3.
- 244 Там же. Д. 1254. Л. 1.
- 245 Там же. Д. 1269. Л. 6.
- 246 Известный писатель Василий Белов отмечает, что обычай устраивать праздничные собрания, которые завершались торжественным общим обедом, трапезой, существовал в большинстве северных колхозов. Участвовали в этом обеде все поголовно, от мала до велика. Тем, кто не мог прийти, приносили еду с общественного стола на дом. Безусловно, колхозные собрания еще и в послевоенные годы имели отдаленные ритуальные признаки. См.: Белов В.И. Повседневная жизнь Русского Севера: Очерки о быте и народном искусстве крестьян Вологодской, Архангельской и Кировской областей. М., 2000. С. 276.

- 247 НА РК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1269. Л. 4.
- 248 РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 939. Л. 335.
- 249 НА РК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1269. Л. 7.
- 250 Там же. Д. 1267. Л. 3.
- 251 Коми ГА ОПДФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 30. Л. 11.
- 252 Там же. Л. 35.
- 253 Там же. Л. 34.
- 254 Там же. Л. 35.
- 255 Там же.
- 256 Там же. Л. 11.
- 257 Там же. Д. 181. Л. 43.
- 258 Безнин М.А., Димони Т.М. Указ. соч. // Отечественная история. 1999. № 3. С. 93.
- 259 НА РК. Ф. 605. Оп. 1. Д. 2230. Л. 38, 39.
- 260 За новый Север. 1954. 23 окт.
- 261 Не случайно большинство опубликованных его работ носят форму обращений к гражданам и бесед с избирателями.
- 262 Несмотря на то что данный эпизод произошел не в Коми АССР, все же представляется уместным привести его в работе, так как единые принципы аграрной политики государства по отношению ко *всей* колхозной деревне во все не исключали возможность повторения такого же случая и в колхозах республики.
- 263 Калинин М.И. Некоторые вопросы партийно-политической работы в деревне // Калинин М.И. Статьи и речи. М., 1975. С. 516.
- 264 Коми ГА ОПДФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 181. Л. 62.
- 265 Там же. Л. 6.
- 266 Гагарин Ю.В. Религиозные пережитки в Коми АССР и их преодоление. Сыктывкар, 1971. С. 189.
- 267 Коми ГА ОПДФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 181. Л. 41.
- 268 Там же. Л. 45.
- 269 Там же. Л. 43.
- 270 Безнин М.А., Димони Т.М. Указ. соч. // Отечественная история. 1999. № 3. С. 94.
- 271 Гагарин Ю.В. История религии и атеизма народа Коми. С. 290.
- 272 Безнин М.А., Димони Т.М. Указ. соч. // Отечественная история, 1999. № 3. С. 95.
- 273 Гагарин Ю.В. История религии и атеизма народа Коми. С. 293.
- 274 Русское православие: Вехи истории. М., 1989. С. 651.
- 275 Боффа Дж. История Советского Союза. М., 1994. Т. 2. С. 396.
- 276 Красное Знамя, 1956. 14 окт.
- 277 Там же. 1957. 4 июня.
- 278 Гагарин Ю.В. Религиозные пережитки в Коми АССР и их преодоление. С. 175.
- 279 НА РК. Ф. 1307. Оп. 1. Д. 315. Л. 68.
- 280 Коми ГА ОПДФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 30. Л. 217.
- 281 РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1127. Л. 171.
- 282 Там же. Л. 169.
- 283 Игнатова Н.М. Формы протеста спецпереселенцев на территории Республики Коми в 1930–1940-е годы // Проблемы материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран: Тез. докл. Сыктывкар, 1999. С. 98.
- 284 Имеется в виду особая, “скрытая” форма забастовки, изобретенная рабочими Италии в XIX в., заключавшаяся в том, чтобы, не давая формального по-

вода к привлечению к ответственности, создавая вид “нормальной” работы, в то же время, прибегая к разным уловкам, полностью срывать производственный процесс.

- 285 Письмо И.В. Сталина М.А. Шолохову // Судьбы российского крестьянства: Россия XX век. М., 1996. С. 358. См. также: Писатель и вождь: Переписка М.А. Шолохова с И.В. Сталиным. М., 1997. С. 68.
- 286 История советского крестьянства. Т. 4. С. 275.

Заключение

- ¹ Безнин М.А., Димони Т.М. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х–1960-е гг.) // Отечественная история. 1999. № 3. С. 89.
- ² НА РК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 113. Л. 127 об.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблицы

Таблица 1

Землепользование в колхозах Коми АССР (без земель долгосрочного пользования) в 1940–1958 гг., тыс. га*

Показатель	1940 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1952 г.
Закреплено за колхозами всего земли в бессрочное пользование	898,0	859,0	863,1	910,8	861,7	876,0
В том числе						
пахотной (посев, пар, целина, залежь и перелоги)	Нет свед.	Нет свед.	104,0	101,8	106,4	104,0
пашни (посев и пар)	93,8	106,0	99,4	96,8	97,3	89,1
естественных сенокосов	265,6	273,0	234,5	266,8	234,9	235,6
естественных пастбищ	43,4		41,8	45,3	42,3	43,5
под лесом	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	339,2	385,5	339,6
Земельная площадь, принятая в расчет при исчислении						
обязательных зернопоставок государству ^{2*}	Нет свед.	106,0	91,0	86,9	107,8	89,8
обязательных поставок по продуктам животноводства	Нет свед.	417,0	417,2	388,7	421,0	419,0

Таблица 1 (окончание)

Показатель	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.	1958 г.
Закреплено за колхозами всего земли в бессрочное пользование	876,4	881,7	883,0	876,3	820,4	820,2
В том числе						
пахотной (посев, пар, целина, залежь и перелоги)	104,0	105,8	105,6	94,6	87,6	87,4
пашни (посев и пар)	92,6	91,5	88,3	84,9	77,4	75,2
естественных сенокосов	235,5	236,0	236,0	232,0	213,4	213,3
естественных пастбищ	42,9	42,8	43,0	44,1	43,2	43,1
под лесом	342,5	346,2	346,5	353,5	325,9	329,2

Земельная площадь, принятая в расчет при исчислении

обязательных зернопоставок государству ^{2*}	Нет свед.	90,2	–	–	–	–
обязательных поставок по продуктам животноводства	Нет свед.	417,2	–	–	–	–

* Сост. по данным: Сметанин А.Ф. Колхозы и колхозное крестьянство Коми АССР в предвоенные годы (1938–июнь 1941): Дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 1985 // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 359. Л. 222; НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 2679. Л. 7 об.; Там же. Ф. 408. Оп. 2. Д. 113. Л. 14 об., 94 об.; Там же. Ф. 140. Оп. 2. Д. 3852. Л. 15; Там же. Д. 3896. Л. 11 об.; Д. 3897. Л. 15 об., 19, 43.

^{2*} С 1953 г. колхозы и индивидуальные хозяйства были освобождены от обязательных поставок государству по отдельным продуктам. С 1958 г. многоуровневая система заготовок сельскохозяйственной продукции, при которой параллельно существовали госпоставки, госзакупки, натуроплата за работы МТС, контрактация были упразднены с заменой на единую форму – госзакупки.

Таблица 2

**Распределение посевных площадей по категориям хозяйств Коми АССР 1940–1959 гг., %
к общей площади данной группы культур***

Показатель	1940 г.	1945 г.	1950 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1959 г.
Вся посевная площадь								
Все категории хозяйств	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Колхозы	85,9	80,7	83,1	82,3	81,8	80,5	79,1	60,1
Личное подсобное хозяйство колхозников	6,2	4,7	5,0	4,5	4,7	4,9	4,9	4,2
Посевная площадь зерновых культур								
Все категории хозяйств	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Колхозы	96,4	95,0	96,2	95,8	96,4	96,3	96,3	84,7
Личное подсобное хозяйство	0,2	0,8	1,1	1,3	1,2	1,2	0,9	0,6
Посевная площадь технических культур								
Все категории хозяйств	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Колхозы	96,7	90,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Личное подсобное хозяйство колхозников	—	—	—	—	—	—	—	—
Посевная площадь овощей и картофеля								
Все категории хозяйств	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Колхозы	44,0	48,6	53,4	51,7	50,7	45,8	43,0	32,8
Личное подсобное хозяйство колхозников	37,8	17,5	25,5	24,5	25,0	26,8	28,1	24,0
Посевная площадь кормовых культур								
Все категории хозяйств	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Колхозы	80,5	61,9	57,6	65,0	62,0	70,8	67,3	50,1
Личное подсобное хозяйство колхозников	0,8	0,8	—	—	—	—	—	—

* Сост. по данным: Народное хозяйство Коми АССР: Стат. сб. Сыктывкар, 1957. С. 43–46; Коми АССР за 40 лет: Стат. сб. Сыктывкар, 1961. С. 60, 61.

Таблица 3

Структура посевных площадей колхозов Коми АССР в 1940–1958 гг., % *

Показатель	Удельный вес во всей площади посева						
	1940 г.	1945 г.	1950 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1958 г.
Вся посевная площадь	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
В том числе							
зерновые	71,0	76,8	76,4	73,8	78,5	74,4	45,0
рожь озимая	21,1	21,7	24,0	22,0	24,9	27,7	22,0
пшеница яровая	5,5	8,3	6,5	9,8	11,7	11,5	7,9
ячмень	25,7	30,0	28,6	26,1	22,4	16,9	7,9
овес	16,0	12,9	14,9	12,9	11,9	14,4	5,8
Технические культуры	7,5	1,1	2,1	0,1	0,5	0,8	0,6
овощи	1,0	3,9	3,3	3,2	2,3	2,0	1,5
овоще-бахчевые	8,1	13,8	10,7	9,7	8,9	8,5	Нет свед.
картофель	7,1	9,9	7,4	6,5	6,6	6,5	8,0
кормовые культуры	13,4	8,3	10,8	16,4	12,1	16,3	Нет свед.
однолетние травы	2,0	0,03	0,3	0,7	1,6	5,0	Нет свед.

* Сост. по данным: НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 806. Л. 83; Д. 3896. Л. 3 об.

Таблица 4

Структура посевных площадей в колхозах Коми АССР в 1940–1958 гг., тыс. га *

Показатель	1940 г.	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.
Вся посевная площадь	77,4	88,2	86,4	Нет свед.	85,0	82,7	80,4
В том числе							
зерновые культуры	55,0	67,8	62,3	66,8	66,0	61,8	61,4
технические « »	5,8	0,9	0,5	0,4	1,3	1,8	1,7
картофель	5,6	8,8	7,9	6,4	5,8	7,2	5,9
овощи	0,7	3,4	3,5	3,7	3,3	3,1	2,7
кормовые культуры	10,3	7,3	12,2	Нет свед.	8,6	8,8	8,7

Показатель	1952 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.	1958 г.
Вся посевная площадь	71,1	79,0	77,4	73,0	68,6	59,3	62,2
В том числе							
зерновые культуры	53,3	57,9	57,2	47,2	42,9	37,4	28,0
технические « »	0,9	0,35	0,07	0,4	0,5	0,5	0,4
картофель	5,0	4,8	5,0	4,8	4,5	4,9	5,0
овощи	1,9	2,6	2,5	1,7	1,3	0,9	0,9
кормовые культуры	10,0	13,4	12,6	18,9	19,4	15,6	Нет свед.

* Сост. по данным: Народное хозяйство Коми АССР: Стат. сб. Сыктывкар, 1957. С. 39–42; Сметанин А.Ф. Указ. соч. // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 359. Л. 223; НА РК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 113. Л. 2 об., 3, 7 об., 18, 26 об., 27, 66 об., 67, 78 об., 79; Ф. 140. Оп. 2. Д. 3852. Л. 3 об., 4, 4 об., 5; Ф. 408. Оп. 1. Д. 1954. Л. 3 об., 4, 4 об., 5; Ф. 140. Оп. 2. Д. 3896. Л. 3 об., 4; Д. 3897. Л. 3 об., 4, 21 об., 22, 45 об., 46.

**Динамика посевных площадей сорговых посевов в колхозах Коми АССР в 1940–1959 гг., тыс. га
и % к общему посеву данной культуры***

Показатель	1940 г.		1945 г.		1950 г.		1951 г.	
	тыс. га	%	тыс. га	%	тыс. га	%	тыс. га	%
Все яровые культуры	13,4	24,4	17,6	26,0	25,4	41,4	22,7	37,5
В том числе								
озимые	3,3	19,8	3,2	16,8	10,2	52,8	9,6	54,9
яровые	10,1	26,4	14,4	26,9	15,2	36,1	13,1	30,4
пшеница	2,9	69,0	6,2	75,6	1,9	86,5	1,4	25,5
ячмень	3,1	15,6	4,2	15,8	10,4	45,2	9,0	38,8
овес	3,3	26,6	2,6	22,8	2,6	21,7	2,5	18,4
Картофель	–	–	0,2	2,3	1,4	23,7	1,9	32,8

Показатель	1952 г.		1953 г.		1956 г.		1959 г.	
	тыс. га	%	тыс. га	%	тыс. га	%	тыс. га	%
Все яровые культуры	24,3	45,5	25,5	44,9	20,4	45,9	Нет свед.	53,4
В том числе								
озимые	7,7	57,5	10,3	59,2	10,8	57,1	Нет свед.	69,6
яровые	16,6	41,5	15,2	38,6	9,6	37,6	Нет свед.	41,0
пшеница	2,1	38,2	5,8	81,7	2,2	30,1	Нет свед.	42,6
ячмень	10,6	50,0	7,4	38,3	5,3	51,0	Нет свед.	59,3
овес	3,5	28,5	1,4	12,6	1,8	26,5	Нет свед.	28,8
Картофель	1,7	34,0	2,0	41,7	1,2	26,7	Нет свед.	28,6

* Сост. по данным: Народное хозяйство Коми АССР: Стат. сб., 1957. С. 57; Коми АССР за 40 лет. С. 70.

Таблица 6

Группировка колхозов Коми АССР по размеру посевной площади в 1946–1958 гг.*

Посевная площадь, га	1946 г.	1947 г.	1949 г.	1950 г.	1954 г.	1958 г.
До 25	57	57	61			
От 26 до 50	88	79	93	150	139	104
От 51 до 100	165	153	152			
От 101 до 200	243	250	253	126	65	92
От 201 до 300	98	104	94	55	40	35
От 301 до 500	19	32	25	28	42	36
От 501 до 700	3	1	3	18	21	19
От 701 до 1000	–	–	–	16	24	9
От 1001 до 1500	–	–	–	6	4	2
От 1501 до 3000	–	–	–	1	–	–
Итого колхозов	673	676	681	400	331	301

* Сост. по данным: НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 2679. Л. 23; Д. 2688. Л. 21; Д. 3863. Л. 37; Д. 3897. Л. 167; Ф. 408. Оп. 1. Д. 113. Л. 36, 57.

**Важнейшие виды сельскохозяйственных работ в колхозах Коми АССР
в 1940–1958 гг., тыс. га ***

Сельскохозяйственные работы	1940 г.		1946 г.		1948 г.		1950 г.	
	МТС	Колхозами	МТС	Колхозами	МТС	Колхозами	МТС	Колхозами
Весновспашка	9,9	32,2	17,6	23,9	21,4	38,7	19,9	31,9
Перепашка зяби и пара (весенняя)	1,8	13,6	0,5	3,3	1,2	6,9	2,2	2,2
Боронование в один след	6,4	118,3	21,0	84,7	28,6	120,0	20,7	113,0
Предпосевная культивация	0,5	1,5	3,7	0,4	7,8	0,7	9,4	0,7
Сев яровых зерновых	7,0	36,7	3,5	34,9	5,4	43,1	8,0	34,4
Сев прочих яровых	–	Нет свед.	–	Нет свед.	0,08	15,1	0,06	15,6
Уборка зерновых комбайнами	6,0	–	2,0	–	1,7	–	1,6	–
Уборка зерновых прочими сельскохозяйств. машинами	–	27,6	–	30,3	5,6	35,5	3,5	31,0
Уборка зерновых вручную	–	20,6	–	18,2	–	23,2	–	22,2
Обмолочено зерновых, тыс. т	26,2	32,1	20,7	30,1	16,1	42,8	24,9	31,7
Убрано естественных сенокосов	–	264,8	–	Нет свед.	0,1	238,1	2,3	252,5
В том числе вручную	–	169,4	–	Нет свед.	–	145,7	–	112,9
Подъем пара, всего	8,2	6,3	10,9	2,5	11,7	3,3	10,9	5,3
Перепашка пара, всего	5,8	4,3	5,4	3,8	6,4	4,9	10,7	4,5
Культивация пара	2,5	1,0	7,3	0,1	8,8	0,2	15,5	0,2
Боронование пара в один след	21,4	36,3	24,1	13,1	15,9	31,7	19,3	26,5
Пахота под озимые	5,9	13,8	6,0	9,0	7,7	5,6	0,1	9,2
Сев озимых	3,3	12,0	2,0	13,0	3,3	15,7	6,2	11,6
Подъем зяби	19,2	11,5	7,0	2,0	10,0	1,8	11,1	2,3

Таблица 7 (окончание)

Сельскохозяйственные работы	1952 г.		1954 г.		1958 г.	
	МТС	Колхозами	МТС	Колхозами	Всего	В том числе машинами колхозов МТС и РТС
Весновспашка	19,8	17,5	26,8	12,0	Нет свед.	17,6
Перепашка зяби и пара (весенняя)	6,2	2,9	2,4	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
Боронование в один след	36,9	73,8	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	39,4
Предпосевная культивация	20,9	0,1	26,1	5,6	Нет свед.	20,0
Сев яровых зерновых	17,4	22,6	27,2	13,0	Нет свед.	16,5
Сев прочих яровых	0,9	13,0	0,6	8,0	Нет свед.	4,5
Уборка зерновых комбайнами	3,1	–	26,0	–	10,4	10,4
Уборка зерновых прочими сельскохозяйств. машинами	2,4	24,1	1,2	21,4	Нет свед.	2,4
Уборка зерновых вручную	–	19,4	–	6,4	Нет свед.	Нет свед.
Обмолочено зерновых, тыс. т	26,7	19,2	12,2	16,7	Нет свед.	Нет свед.
Убрано естественных сенокосов	7,5	215,9	16,3	216,2	189,1	18,8
В том числе вручную	–	101,6	–	86,8	170,3	–
Подъем пара, всего	12,9	2,7	13,5	1,0	11,2	10,6
Перепашка пара, всего	14,9	2,4	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
Культивация пара	20,2	0,1	21,1	0,1	Нет свед.	13,6
Боронование пара в один след	24,4	15,8	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
Пахота под озимые	5,6	1,7	5,1	0,8	Нет свед.	3,6
Сев озимых	11,7	7,0	15,2	3,9	Нет свед.	14,9
Подъем зяби	5,7	0,5	29,7	1,1	10,0	9,7

* Сост. по данным: *Сметанин А.Ф.* Указ. соч. // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 359. Л. 221; НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 1441. Л. 45; Д. 2679. Л. 7; Д. 3822. Л. 10; Д. 3852. Л. 13 об., Д. 3896. Л. 5 об.; Д. 3897. Л. 14 об.; Д. 4775. Л. 28; Д. 4868. Л. 30 об.; Ф. 408. Оп. 1. Д. 113. Л. 22; Ф. 695. Оп. 1. Д. 1246. Л. 57.

Внесение удобрений на поля колхозов Коми АССР в 1940–1958 гг.*

Удобрения	1940 г.		1948 г.		1949 г.	
	Всего внесено	Удобренная площадь, тыс. га	Всего внесено	Удобренная площадь, тыс. га	Всего внесено	Удобренная площадь, тыс. га
Органические удобрения, тыс. т	605,2	26,2	593,3	23,2	605,1	29,3
Торф, тыс. т	5,7	0,5	12,2	0,5	0,1	0,2
Суперфосфат и другие фосфорные (без фосфоритной муки), тыс. ц	—	—	0,1	0,06	1,9	1,1
Фосфоритная мука, тыс. ц	0,9	0,4	0,1	0,1	0,07	0,03
Калийные (в том числе зола), тыс. ц	9,9	1,7	6,1	0,6	6,6	1,8
Азотные, тыс. ц	0,4	0,2	0,2	0,1	2,9	1,8
Известь, тыс. ц	—	—	Нет свед.	0,02	0,1	0,01

Удобрения	1952 г.		1957 г.		1958 г.	
	Всего внесено	Удобренная площадь, тыс. га	Всего внесено	Удобренная площадь, тыс. га	Всего внесено	Удобренная площадь, тыс. га
Органические удобрения, тыс. т	601,0	26,6	413,9	Нет свед.	443,6	Нет свед.
Торф, тыс. т	0,2	0,1	21,5	Нет свед.	32,4	Нет свед.
Суперфосфат и другие фосфорные (без фосфоритной муки), тыс. ц	2,4	1,8	11,1	Нет свед.	17,5	Нет свед.
Фосфоритная мука, тыс. ц	0,1	4,0	4,8	Нет свед.	5,1	Нет свед.
Калийные (в том числе зола), тыс. ц	5,5	2,9	64,7	Нет свед.	14,1	Нет свед.
Азотные, тыс. ц	1,3	0,7	4,9	Нет свед.	9,9	Нет свед.
Известь, тыс. ц	—	—	4,9	0,3	20,4	Нет свед.

* Сост. по данным: НА РК. Ф.1 40. Оп. 2. Д. 1441. Л. 41; Д. 3852. Л. 13 об.; Д. 3897. Л. 6, 23 об.; Ф. 408. Оп. 1. Д. 113. Л. 19 об., 47.

Таблица 9

Средняя урожайность и валовой сбор сельскохозяйственных культур в колхозах Коми АССР в 1940–1958 гг., ц

Показатель	1940 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.	1952 г.
Урожайность с 1 га посева							
зерновые	10,2	5,3	4,87	6,13	5,1	5,8	3,6
картофель	81,7	30,2	16,4	48,1	23,6	23,6	35,7
овощи	103,4	28,0	15,21	47,8	27,8	25,1	8
Валовой сбор							
зерновые	555 622	318 883	305 490	397 205	309 453	353 193	176 472
картофель	448 115	226 595	101 048	270 727	162 368	169 727	168 183
овощи	62 560	67 961	45 555	139 763	71 140	67 444	4712
Показатель	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.	1958 г.	
Урожайность с 1 га посева							
зерновые	5,6	4,7	6,6	6,7	7,8	5,1	
картофель	40,0	57,0	41,0	62,0	46,9	42,3	
овощи	35,0	46	29	51	100,4	28,7	
Валовой сбор							
зерновые	322 291	257 988	313 234	286 189	295 143	144 167	
картофель	190 291	289 810	199 512	281 270	226 830	214 136	
овощи	91 850	111 527	48 851	65 916	95 264	24 682	

* Сост. по данным: Сметанин А.Ф. Указ. соч. // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 359. Л. 224; НА РК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 42. Л. 62, 73, 98, 169; Д. 113. Л. 2 об., 3, 7 об., 27; Ф. 140. Оп. 2. Д. 3852. Л. 3 об., 4, 4 об., 5; Ф. 140. Оп. 2. Д. 3896. Л. 3 об., 4; Ф. 408. Оп. 1. Д. 113. Л. 78 об.; Ф. 140. Оп. 2. Д. 3897. Л. 3 об., 4, 21 об., 22.

Посевные площади личных подсобных хозяйств колхозников Коми АССР в 1940–1959 гг., тыс. га*

Показатель	1940 г.	1945 г.	1950 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1959 г.
Вся посевная площадь	5,6	5,1	4,8	4,3	4,4	4,4	4,2	3,7
В том числе								
зерновые культуры	0,1	0,6	0,7	0,8	0,7	0,6	0,4	0,2
технические « »	–	–	–	–	–	–	–	–
овощи и картофель	5,4	4,4	4,1	3,5	3,7	3,8	3,8	3,5
кормовые культуры	0,1	0,1	–	–	–	–	–	–

* Сост. по данным: Народное хозяйство Коми АССР: Стат. сб., 1957. С. 39–42; Коми АССР за 40 лет: Стат. сб. С. 58, 59.

Структура посевных площадей в индивидуальных хозяйствах колхозников в 1940–1958 гг.*

Показатель	1940 г.	1945 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.	1958 г.
Вся посевная площадь, га	5623	5039	4426	4215	4297	4206
В том числе, % к общей площади						
картофель	87,9	72,5	79,0	84,5	85,8	85,6
овощи	8,9	14,6	6,3	6,0	5,9	7,2
зерновые	2,1	10,7	14,5	9,3	8,3	7,2

* Сост. по данным: НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 4806. Л. 85; Д. 4834. Л. 52; Д. 4896. Л. 53.

Поголовье скота и птицы в колхозах Коми АССР в 1940–1958 гг. (на конец года)*

Вид скота	1940 г.	1944 г.	1945 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.
Крупный рогатый скот	84 022	81 598	77 542	72 481	64 517	79 127	88 752	98 748
в том числе коровы	29 540	29 378	29 662	27 218	23 030	25 957	29 041	31 958
Свиньи	12 034	9355	7969	8194	6736	9210	12 717	12 818
в том числе свиноматки	2385	2480	2301	2039	1771	2261	2928	3570
старше 9 мес.								
Овцы и козы	26 317	47 060	49 493	50 208	47 835	55 532	61 370	69 574
в том числе овцематки	14 418	23 275	24 130	24 338	23 613	25 983	29 258	32 385
старше года								
Куры и петухи	Нет свед.	19 535	17 048	13 257	9772	9751	19 566	35 393
Олени	95 626	114 891	126 966	104 380	129 615	146 257	153 023	159 901
в том числе важенки	46 916	54 623	63 350	47 700	64 312	69 925	74 568	80 339
Лошади	44 226	30 373	31 569	31 174	29 612	31 527	32 836	36 099
в том числе рабочие лошади	20 617	20 439	21 253	20 366	19 084	19 619	20 807	21 890
Серебристо-черные лисицы	–	–	–	–	–	44	31	64
Пчелы (семьи)	Нет свед.	Нет свед.	1555	1402	1305	1189	846	767

Таблица 12 (окончание)

Вид скота	1952 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.	1958 г.
Крупный рогатый скот в том числе коровы	77 773 29 869	69 030 27 511	69 295 30 668	65 783 32 729	60 513 32 930	62 874 32 134	64 938 32 589
Свиньи	10 415	9966	9644	7481	7560	10 696	14 539
в том числе свиноматки старше 9 мес.	3411	Нет свед.	3050	2744	2572	2164	2071
Овцы и козы	50 634	49 514	48 290	36 005	28 519	28 712	30 908
в том числе овцематки старше года	28 110	Нет свед.	23 402	18154	14 893	Нет свед.	14 217
Куры и петухи	40 254	26 300	27 895	13 449	10 059	8396	8105
Олени	125 234	137 100	127 504	92 059	88 513	82 965	73 671
в том числе важенки	70 382	Нет св.	Нет св.	Нет св.	Нет св.	33 415	39 924
Лошади	37 503	33 200	30 665	28 351	25 268	22 736	22 398
в том числе рабочие лошади	22 621	Нет св.	20 695	20 972	18 842	17 325	16 936
Серебристо-черные лисицы	93	Нет св.	188	162	169	192	243
Пчелы (семьи)	516	Нет св.	330	223	194	133	131

* Сост. по данным: РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1219. Л. 72; НА РК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 42. Л. 1, 68, 98; Ф. 408. Оп. 1. Д. 113. Л. 4, 11, 19 об., 42 об., 69 об., 80 об.; Ф. 140. Оп. 2. Д. 3852. Л. 7 об.; Д. 3896. Л. 6; Д. 3897. Л. 23 об., 47 об.; Д. 3898. Л. 6; Ф. 1329. Оп. 1. Д. 897. Л. 6, 7, 8, 20.

Таблица 13

Поголовье породного скота в колхозах Коми АССР в 1950–1959 гг.*

Показатель	1950 г.		1953 г.		1955 г.		1959 г.	
	тыс. голов	%	тыс. голов	%	тыс. голов	%	тыс. голов	%
Крупный рогатый скот	64,5	69	55,4	83	54,5	87	59,9	72
в том числе коровы	24,1	75	23,5	85	28,9	88	32,5	85
Свиньи	6,7	62	6,7	72	5,9	77	13,2	90
Овцы (без валухов)	28,2	50	25,9	64	20,8	70	21,0	88

* Сост. по данным: Народное хозяйство Коми АССР, 1957. С. 60–63, 83; Коми АССР за 40 лет: Стат. сб. С. 78, 75.

Валовой выпуск продукции животноводства и полеводства колхозами Коми АССР в 1940–1958 гг.*

Показатель	1940 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1950 г.	1952 г.
Мясо и сало всякое ^{2*} , тыс. т ^{3*}	1,8	1,2	1,6	1,2	3,0	1,4
Молоко коровье цельное, тыс. л	22 900	21 479	18 863	22 378	25 656	21 421
Шерсть овечья, ц	200	454	457	494	643	545
Яйца, тыс. шт.	100	374	263	238	322	406
Мед,	112	262	33	12	10	19
Рыба	« »	Нет свед.	3755	2514	1400	1555
Масло коровье	« »	2025	1418	1908	2187	2908
Сливки и сметана	« »	Нет свед.	89	Нет свед.	272	391
Сыр и творог	« »	Нет свед.	203	676	840	680
Рожь озимая	« »	Нет свед.	64 535	108 024	124 107	51 964
Пшеница яровая	« »	35 410	28 034	30 332	29 035	32 120
Ячмень яровой	« »	188 198	156 177	190 920	Нет свед.	Нет свед.
Овес	« »	123 485	58 387	63 162	65 890	59 179
Бобовые культуры	« »	Нет свед.	6466	5267	Нет свед.	Нет свед.
Всего зерновых и бобовых	« »	555 622	318 883	397 205	356 219	191 887
Картофель	« »	448 115	101 048	270 724	165 201	179 500
Всего овощных культур	« »	62 560	45 555	139 736	67 419	14 800
(без картофеля)	« »					
Кормовые корнеплоды	« »	23 614	28 890	74 694	84 710	Нет свед.

Таблица 14 (окончание)

Показатель	1953 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.	1958 г.
Мясо и сало всякое ^{2*} , тыс. т ^{3*}	3,5	4,3	5,3	3,6	5,4
Молоко коровье цельное, тыс. л	20 675	36 319	41 887	45 511	50 142
Шерсть овечья, ц	552	559	472	385	463
Яйца, тыс. шт.	650	558	372	300	244
Мед,	32	4	2	12	3
Рыба	1724	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
Масло коровье	2865	2299	2675	2831	2894
Сливки и сметана	371	6876	6224	6950	8110
Сыр и творог	611	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
Рожь озимая	90 428	150 733	171 580	112 146	74 434
Пшеница яровая	Нет свед.	49 806	31 882	54 773	27 143
Ячмень яровой	Нет свед.	73 924	57 375	72 231	22 063
Овес	46 662	35 150	35 329	54 663	16 575
Бобовые культуры	Нет свед.	3397	Нет св.	7602	3922
Всего зерновых и бобовых	322 433	313 234	286 189	295 143	144 167
Картофель	168 366	199 512	281 270	226 830	214 136
Всего овощных культур	92 145	48 851	65 916	95 264	24 686
(без картофеля)	« »				
Кормовые корнеплоды	« »	15 156	24 200	31 218	4133

* Сост. по данным: *Сметанин А.Ф.* Указ. соч. // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 359. Л. 76, 86; Коми АССР за 40 лет: Стат. сб. С. 96; НА РК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 42. Л. 29; Д. 113. Л. 2, 2 об., 3, 3 об., 7 об., 8, 8 об., 9, 9 об., 10, 16 об., 17, 17 об., 18, 66 об., 67, 68 об., 69, 78 об., 79, 79 об., 80, 80 об., 81; Д. 1954. Л. 3 об., 4, 4 об., 5; Ф. 140. Оп. 2. Д. 1441. Л. 38, 40; Д. 3834. Л. 37; Д. 3852. Л. 3 об., 4, 4 об., 5, 6 об., 7; Д. 3863. Л. 7 об., 8; Д. 3897. Л. 3 об., 4, 4 об., 5, 7, 21 об., 22, 22 об., 23, 23 об., 24, 45 об., 46, 46 об.; Ф. 1329. Оп. 1. Д. 911. Л. 283–285.

^{2*} В натуральном виде, исключая продажу и сдачу живого скота. Данные о которых несопоставимы.

^{3*} В убойном весе.

Изменение численности скота в колхозах Коми АССР в процентном соотношении за 1940–1958 гг.*

Показатель	Крупный рогатый скот		Свиньи		Овцы		Лошади	Олени		Птица
	всего	в том числе коровы	всего	в том числе свиноматки	всего	в том числе овце-матки	всего	всего	в том числе важенки	всего
1946 г., % к 1953 г., % к	86,3	92,0	68,0	85,5	191,0	168,8	70,5	109,0	101,7	Нет свед.
1940 г.	82,2	93,1	82,8	Нет свед.	188,1	Нет свед.	75,0	143,4	Нет свед.	Нет свед.
1946 г.	95,2	101,0	121,6	Нет свед.	98,6	Нет свед.	106,5	131,3	Нет свед.	198,4
1950 г.	69,9	86,0	77,7	Нет свед.	71,1	Нет свед.	92,0	85,7	Нет свед.	74,3
1940 г.	77,3	110,3	120,8	86,8	117,4	98,6	50,6	77,0	85,1	Нет свед.
1946 г.	89,6	119,7	177,4	101,7	61,6	58,4	71,8	70,6	83,7	61,1
1950 г.	65,8	102,0	113,4	58,0	44,4	44,0	62,0	46,0	49,7	22,9
1953 г.	94,0	118,4	145,9	Нет свед.	62,4	Нет свед.	67,5	53,7	Нет свед.	30,8
1955 г.	98,7	99,6	194,3	75,5	85,8	78,3	79	80,0	Нет свед.	60,3

* Сост. по данным: РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1219. Л. 72; НА РК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 42. Л. 1, 68, 98; Ф. 408. Оп. 1. Д. 113. Л. 4, 11, 19 об., 42 об., 69 об., 80 об.; Ф. 140. Оп. 2. Д. 3852. Л. 7 об.; Д. 3896. Л. 6; Д. 3897. Л. 23 об., 47 об.; Д. 3898. Л. 6; Ф. 1329. Оп. 1. Д. 897. Л. 6, 7, 8, 20.

Таблица 16

Распределение поголовья продуктивного скота по категориям хозяйств Коми АССР в 1940–1959 гг., % к общему поголовью данного вида скота*

Вид скота	Категории хозяйств		1940 г.	1950 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1959 г.
Крупный рогатый скот	Все категории хозяйств		100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
	Колхозы		63,9	70,8	67,3	67,9	66,1	61,6	47,8
	Личные подсобные хозяйства колхозников		23,5	15,3	15,0	16,5	17,6	18,0	13,9
Коровы	Все категории хозяйств		100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
	Колхозы		46,0	51,6	53,1	55,0	54,6	52,7	40,2
	Личные подсобные хозяйства колхозников		41,8	30,5	26,6	26,1	26,5	26,8	20,5
Свиньи	Все категории хозяйств		100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
	Колхозы		29,7	63,1	48,8	28,6	26,3	27,2	23,8
	Личные подсобные хозяйства колхозников		36,6	5,4	5,6	24,2	22,4	22,9	14,5
Овцы	Все категории хозяйств		100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
	Колхозы		23,8	75,5	74,5	66,0	57,0	52,4	39,5
	Личные подсобные хозяйства колхозников		72,4	21,9	22,4	30,0	37,8	41,5	38,9
Козы	Все категории хозяйств		100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
	Колхозы		—	—	—	—	—	—	—
	Личные подсобные хозяйства колхозников		48,1	27,0	21,5	27,2	25,8	23,5	9,8

* Сост. по данным: Народное хозяйство Коми АССР: Стат. сб., 1957. С. 64–67; Коми АССР за 40 лет: Стат. сб. С. 77, 78.

Продуктивность животноводства в колхозах Коми АССР в 1940–1958 гг.*

Показатель	1940 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.
Среднегодовое число фуражных коров, голов	26 941	28 618	25 295	24 850	28 168	30 540
Среднегодовой удой молока на одну среднегодовую корову, л	850	751	745	900,5	900,1	840
Настриг шерсти на одну овцу, кг	1,44	0,92	0,878	1,033	0,950	1,04
Среднегодовое число кур несушек, голов	Нет свед.	12 838	8848	7944	9054	12 221
От них получено яиц, шт.	Нет свед.	372 302	265 440	238 320	266 003	305 525
Средняя яйценоскость кур, шт.	Нет свед.	29	30	30	29,3	25
Количество основных свиноматок на конец года, голов	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
От них получено поросят, голов	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
В среднем на одну свиноматку, голов	7,1	4,6	3,5	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.

Таблица 17 (окончание)

Показатель	1952 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.	1958 г.
Среднегодовое число фуражных коров, голов	32 297	30 208	33 069	34 648	32 960	33 184
Среднегодовой удой молока на одну среднегодовую корову, л	647	965	1044	1209	1381	1511
Настриг шерсти на одну овцу, кг	0,757	1,190	1,544	1,62	1,7	1,612
Среднегодовое число кур несушек, голов	22 275	33797	18759	9840	6343	5616
От них получено яиц, шт.	405 781	727 949	561 929	372 476	300 355	244 000
Средняя яйценоскость кур, шт.	18	30	30	38	47	43,4
Количество основных свиноматок на конец года, голов	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	2236	2285
От них получено поросят, голов	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	29 159	27 265
В среднем на одну свиноматку, голов	8	9	Нет свед.	Нет свед.	13	11,9

* Сост. по данным: *Сметанин А.Ф.* // Научный архив Коми НЦ Уро РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 359. Л. 85, 86; НА РК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 113. Л. 2, 10, 17, 42, 69, 81; Ф. 140. Оп. 2. Д. 3852. Л. 6 об.; Д. 3896. Л. 6; Д. 3897. Л. 7, 24, 48; Д. 4775. Л. 60.

Удельный вес и численность коров в стаде крупного рогатого скота колхозов Коми АССР в 1940–1958 гг.
(на конец года)*

Показатель	1940 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.	1952 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.	1958 г.
Всего коров	29 540	27 218	23 030	25 957	29 041	31 958	29 869	27 511	30 668	32 729	32 930	32 134	32 589
Удельный вес коров в стаде	35,2	37,6	35,7	32,8	32,7	32,4	38,4	39,9	44,3	49,8	54,4	51,1	50,2

* Сост. по данным: РГАЭ, ф. 9476. Оп.1. Д.1219. Л.72; НА РК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 42. Л. 1, 68, 98; Д. 113. Л. 4, 11, 19 об., 42 об., 69 об., 80 об.; ф. 140. Оп. 2. Д. 3852. Л. 7 об.; Д. 3896. Л. 6; Д. 3897. Л. 23 об., 47 об.; Д. 3898. Л. 6.

Таблица 19

Группировка колхозов Коми АССР с годовым удоем молока на одну среднегодовую фуражную корову в 1940–1958 гг.*

Колхозы	1940 г.	1946 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.	1952 г.	1953 г.	1958 г.
Число хозяйств с годовым удоем до 400 л		4	2	–	2	35	27	–
От 401 до 600	438	117	68	48	56	142	106	–
От 601 до 800		314	242	221	130	98	119	24
От 801 до 1200	246	229	313	364	180	60	68	67
От 1201 до 1600	26	9	56	48	29	6	16	115
От 1601 до 2000	2	–	3	–	3	1	–	77
От 2001 до 2400	–	–	–	–	–	–	–	17
От 2401 до 3200	–	–	–	–	–	–	–	1
Свыше 3200	–	–	–	–	–	–	–	–
Итого колхозов с коровами	712	673	684	681	400	342	336	301

* Сост. по данным: НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 1441. Л. 43; Д. 2679. Л. 14; Д. 2699. Л. 5, 6; Д. 3852. Л. 21; Д. 3863. Л. 41; Д. 3897. Л. 168; Ф. 408. Оп. 1. Д. 113. Л. 31, 59.

Таблица 20

Молочная продуктивность коров в колхозах Коми АССР в 1940–1957 гг.*

Показатель	1940 г.	1945 г.	1950 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.
Валовой надой молока, тыс. т	23,6	22,8	27,5	23,7	33,0	38,9	43,6	42,5
Средний удой на одну фуражную корову, кг	825	743	898	814	1061	1154	1260	1281
На 100 га сельхоз. угодий получено молока, ц	–	–	65,1	56,7	85,8	93,3	107,4	114,3

* Сост. по данным: НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 4834. Л. 69.

Таблица 21

Уровень обеспеченности кормами общественного стада колхозов Коми АССР в 1946–1958 гг.*

Показатель	Процент обеспеченности на период стойлового содержания скота						
	1946 г.	1948–1949 гг.	1949–1950 гг.	1952–1953 гг.	1953–1954 гг.	1953–1954 гг.	1953–1954 гг.
Грубые корма	61,1	66,7	69,2	51,7	55,6	55,6	55,6
Сочные корма	50,9	77,1	35,3	24,8	33,4	33,4	33,4
Зернофураж	Нет свед.	15,0	15,1	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
Концентраты	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
Показатель	Процент обеспеченности на период стойлового содержания скота						
	1954–1955 гг.	1955–1956 гг.	1956–1957 гг.	1957–1958 гг.	1957–1958 гг.	1957–1958 гг.	1957–1958 гг.
Грубые корма	63,1	76,1	61,1	80	80	80	80
Сочные корма	25,3	31,2	42	54	54	54	54
Зернофураж	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
Концентраты	Нет свед.	33	39	40	40	40	40

* Сост. по данным: НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 2707. Л. 34; Д. 4806. Л. 126; Д. 4834. Л. 71; Д. 4869. Л. 21; ГА ОПДФ. Ф. 1. Оп. 4. Д. 114. Л. 100.

Основные хозяйственные постройки и сооружения (типовые и приспособленные) колхозов Коми АССР в 1940–1958 гг.*

Показатель	1940 г.		1946 г.		1950 г.		1953 г.		1958 г.	
	Об- щие чис- ло	Вмести- мость, ското- мест или тонн	Об- щие чис- ло	Вмести- мость, ското- мест или тонн	Об- щие чис- ло	Вмести- мость, ското- мест или тонн	Об- щие чис- ло	Вмести- мость, ското- мест или тонн	Об- щие чис- ло	Вмести- мость, ското- мест или тонн
Конюшни	1459	32 215	1166	28 972	1216	31 632	1086	31 995	985	26 789
Коровники	1224	45 844	992	45 154	1033	46 854	989	46 565	820	44 682
Телятники	1047	28 104	1074	37 613	1207	39 123	1183	43 444	952	37 676
Свинарники	557	8805	513	11 966	456	11 552	386	12 191	357	17 284
Овчарни	441	13 724	665	43 017	653	55 018	555	54 661	325	39 160
Птичники	Нет свед.	Нет свед.	240	14 860	221	22 246	309	41 474	96	20 990
Зернохранилища	1829	53 028	1525	45 032	1758	46 573	1647	42 204	1306	32 657
Картофелехранилища	1302	37 422	974	33 190	699	22 684	972	21 841	632	24 397
Овощехранилища	148	5536	217	7517	150	6024	112	2989	73	2135
Зерносушилки	91	975	295	317	Нет свед.	Нет свед.	296	59	298	38
Силосные башни	568	13 300	342	1003	Нет свед.	Нет свед.	34	2646	261	Нет свед.
Сушилки для технических культур	32	892	--	--	--	--	2	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.

* Сост. по данным: НА РК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 1954. Л. 15 об.; Ф. 140. Оп. 2. Д. 1441. Л. 46; Д. 2679. Л. 7 об.; Д. 3822. Л. 11; Д. 3897. Л. 11 об.

Таблица 23

Обеспеченность скотом индивидуальных хозяйств колхозников Коми АССР в 1946–1958 гг.*

	Год	Всего налич- ных хо- зяйств	Число хозяйств						
			без вся- кого скота	без круп- ного ро- гатого скота	без коров	с одной ко- ровой сов- местного пользования	с дву- мя коро- вами	без овец и коз	без сви- ней
По республике	1946	41 249	8889	15 527	18 085	4594	18 533	37	21 338
	1949	37 087	7496	13 070	15 810	3132	18 125	19	19 315
	1953	33 784	4730	10 236	12 669	2973	18 142	--	15 574
	1956	31 670	4038	10 532	12 252	3180	16 177	61	13 691
	1958	28 944	4051	8773	10 845	2544	15 535	20	13 345
В % к числу наличных хозяйств	1946	100,0	21,6	37,6	43,8	11,1	44,9	0,1	51,7
	1947	100,0	21,0	36,8	41,8	9,7	48,4	0,1	51,4
	1948	100,0	21,8	35,8	42,6	9,0	48,9	0,1	52,7
	1949	100,0	20,2	35,2	42,6	8,4	48,9	0,1	52,1
	1953	100,0	14,0	30,3	37,5	8,8	53,7	--	46,1
	1955	100,0	12,8	34,8	40,1	10,7	49,1	0,1	40,4
	1956	100,0	12,8	33,3	36,7	10,0	51,1	0,2	43,2
	1957	100,0	19,8	41,7	47,5	11,3	41,1	--	53,0
	1958	100,0	14,0	30,3	37,5	8,8	53,7	0,	46,1
								1	1

* Сост. по данным: НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 2707. Л. 37 об.; Д. 2586. Л. 5; Д. 2649. Л. 79; Д. 4806. Л. 135; Д. 4869. Л. 28; Ф. 605. Оп. 1. Д. 1246. Л. 88.

Таблица 24

Численность поголовья продуктивного скота в личных подсобных хозяйствах колхозников Коми АССР в 1940–1959 гг., тыс. голов*

Вид скота	1940 г.	1946 г.	1950 г.	1952 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.	1959 г.
Крупный рогатый скот	30,9	23,7	21,4	17,3	19,3	21,6	23,8	23,0	19,8	16,4
в том числе коровы	26,8	20,8	18,5	15,0	15,4	16,1	17,5	18,1	Нет свед.	14,1
Свиньи	14,8	2,2	1,1	1,2	8,6	13,0	12,1	13,3	7,4	8,3
Овцы	81,4	27,8	20,2	15,2	18,8	25,0	31,4	30,4	26,6	26,8
Козы	2,6	7,5	8,1	6,9	11,0	12,2	11,3	8,8	4,3	2,5

* Сост. по данным: Народное хозяйство Коми АССР. Стат. сб. 1957. С. 60, 61, 62, 63; Коми АССР за 40 лет: Стат. сб. Сыктывкар, 1961. С. 77, 78; НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 2707. Л. 37; Д. 4896. Л. 27, 133; Ф. 1329. Оп. 1. Д. 897. Л. 21.

Таблица 25

Государственные заготовки (госпоставки, госзакупки и натуроплата за услуги МТС) продуктов животноводства колхозов Коми АССР в 1940–1958 гг.*

Год	Мясо и сало ^{2*}		Молоко		Шерсть		Яйца	
	всего, т ^{3*}	% от валового производства	всего, тыс. л	% от валового производства	всего, ц	% от валового производства	всего, тыс. шт.	% от валового производства
1940	Нет свед.	Нет свед.	10671,4	46,6	96,2	48,1	0,4	0,4
1946	110,4	9,2	11088,0	51,6	287,0	63,2	8,0	2,1
1948	110,6	9,0	10576,0	47,3	292,4	59,2	12,5	5,2
1950	76,2	4,8	10763,1	41,9	601,0	93,0	2,4	0,7
1952	280,1	9,3	10054,6	46,9	524,3	96,2	25,0	6,2
1953	174,7	5,0	11569,7	56,0	525,4	95,2	19,2	2,9
1956	204,6	3,9	21797,0	52,0	337,0	71,4	56,0	15,0
1958	97,3	1,8	28118,0	56,1	291,0	62,8	8,0	1,7

* Сост. и рассчитана по данным: НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 1441. Л. 24 об.

^{2*} Заготовлено в чистом виде, исключая госпоставки и госзакупки живого скота, в которых "государственная доля" могла доходить до 40–50%.

^{3*} В убойном весе.

Таблица 26

Показатели колхозного производства Коми АССР на единицу земельной площади в 1940–1958 гг.*

Год	Произведено зерна на 100 га пашни, ц	Произведено на 100 га сельскохозяйств ^{2*}			Поголовье скота на конец года на 100 га сельскохозяйств		
		мяса и сала, кг ^{3*}	молока, л	шерсти овечьей, кг	крупного рогатого скота	овец и коз	Голов свиней на 100 га пашни
1940	592,3	446,9	5685,2	4,96	20,9	6,5	12,8
1946	300,8	316,6	5667,3	11,98	19,1	13,2	7,7
1948	410,3	425,9 ^{4*}	5472,7	12,08	19,3	13,6	9,5
1949	318,0	нет св.	6770,8	14,07	23,7	16,4	13,1
1952	198,1	943,4 ^{5*}	5817,8	14,80	21,1	13,7	11,7
1954	281,9	1170,7 ^{6*}	7947,6	15,93	18,7	13,0	10,5
1956	337,1	1468,1	11603,0	13,07	16,8	7,9	8,9
1958	191,7	1628,5	15121,2	13,96	19,6	9,3	10,3

* Подсчитано автором по данным сводных годовых отчетов Коми АССР.

2* Площадь под пашней, сенокосами и пастбищами.

3* В убойном весе.

4* Данные за 1947 г.

5* Данные за 1953 г.

6* Данные за 1955 г.

Таблица 27

Основные показатели по машинно-тракторным станциям Коми АССР на 1940–1957 гг. (конец года)*

Показатель	1940 г.	1946 г.	1950 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.
Число МТС на конец года	16	17	17	19	21	21	21	18
Число обслуживаемых ими колхозов	423	413	214	222	239	313	270	273
В них посевной площади, га	59 618	65 828	70 561	71 886	70 898	72 438	63 123	Нет свед.
% посевной площади колхозов, обслуживаемых МТС	77,1	80,0	87,8	91,2	91,6	99,2	97,2	Нет свед.
Среднегодовая численность работников МТС	1609	1932	1041	2253	3475	3853	3220	3004
Основные фонды МТС на конец года, млн руб.	11,8	13,4	24,0	46,9	55,3	66,3	74	82,0
Число всех тракторов, шт.	482	575	696	920	758	826	855	869
Всего тракторов, в переводе на 15-сильные, шт.	652,5	775,5	1069	1581	1290	1374	1530	1705
Тяговая мощность тракторного парка, тыс. л.с.	10,2	11,6	16,0	23,7	19,4	20,6	24,0	22,3
Число грузовых автомобилей, шт.	97	41	52	73	144	142	172	145
Их общий тоннаж, т	156	68,7	88,4	180,5	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	402
Всего произведено работ, в переводе на мягкую пахоту, тыс. га	154	91,7	132	235	285	314	308	334
Выработка на один условный 15-сильный трактор в среднем за год (в переводе на пахоту), га	237	118	156	146	195	207	205	196

Таблица 27 (окончание)

Показатель	1940 г.	1946 г.	1950 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.
Число комбайнов, шт.	69	73	84	195	175	164	167	191
Число комбайнов, в переводе на 15-футовые	36	38,7	49	126	147	138	126	132
Выработка на один условный 15-футовый комбайн (всех культур, в среднем за год), га	98	51,1	34	134	181	112	92	151
Убрано комбайнами всех культур, тыс. га	4	2	1,6	17	26	15	11	20
Себестоимость 1 га мягкой пахоты, руб., коп.	42,41	83,47	84,39	69,70	86,54	76,03	68,29	59,56

* Сост. по данным: *Сметанин А.Ф.* Указ. соч. // Научный архив Коми НЦ УРО РАН. Ф.5. Оп.2. Д.359. Л. 220; Народное хозяйство Коми АССР. Статист. сб., 1957. С. 95, 96; НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 1443. Л. 2-12; Д. 2681. Л. 2-8; Д. 4775. Л. 26; Д. 4806. Л. 49, 53; Д. 4842. Л. 49-65; Д. 4771. Л. 21-33; Ф. 1329. Оп. 1. Д. 899. Л. 78; *Александров А.Н., Габов Л.А., Калянова Т.Г. и др.* Заключительный отчет по теме: "Советское крестьянство и сельское хозяйство Коми АССР в период завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму (1938-1975)". Сыктывкар, 1980 Т. 2 // Научный архив Коми НЦ УРО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 254. С. 18, 22.

Таблица 28

Итого состав работников МТС (РТС) Коми АССР в 1946-1958 гг. (на конец года)*

Показатель	1940 г.	1946 г.	1950 г.	1952 г.	1953 г.	1955 г.	1957 г.	1958 г.
Аппарат МТС								
агрономы	40/11*	56/41	85/52					
механики	57/3	55/3	99/4	230	739	467	352	103
прочие инженерно-технические работники	73	17/-	35/-					
служашие МТС	129	122/71	109/56	140	250	195	174	103
младший обслуживающий персонал	111	97/78	38/32	37	119	174	158	64
шоферы легковых машин	8	5/-	9/-	10	15	17	16	Нет свед.
прочие работники МТС	19	-	33/19	43	38	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
Итого	437	352/193	408/163	460	1161	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
Производственные рабочие								
трактористы	594	816/527	736/281	818	885	670	1019	Нет свед.
бригадиры тракторных бригад	153	144/58	124/32	133	205	167	144	Нет свед.
помощники бригадиров	Нет свед.	60/42	51/27	Нет свед.		Нет свед.	37	Нет свед.
комбайнеры	57	63/54	55/34	90	126	127	109	Нет свед.
прочие работники	Нет свед.	101/66	142/88	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	474	Нет свед.
Итого	Нет свед.	1184/747	1108/462	Нет свед.	Нет свед.	2201	1783	551

Таблица 28 (окончание)

Показатель	1940 г.	1946 г.	1950 г.	1952 г.	1953 г.	1955 г.	1957 г.	1958 г.
Аппарат мастеровских и прочие работники								
механики	Нет свед.	7/1	16/2		4			Нет свед.
прочие инженерно-технические работники	10	9/-	7/1	21	30	27	25	Нет свед.
служашие МТМ	—	3/2	7/6	Нет свед.	13	3	5	Нет свед.
ремонтные рабочие	341	257/108	654/221	416	674	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
шоферы грузовых машин	84	38/1	54/3	64	70	92	100	87
прочие	7	82/56	3/3	Нет свед.	110	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
<i>Итого</i>	Нет свед.	396	687/233	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
<i>ВСЕГО</i>	1775	1932/1106	2203/858	1848	Нет свед.	3321	2734/695	987

* НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 1443. Л. 7, 7 об.; Д. 2681. Л. 6 об.; Д. 3852. Л. 10; Д. 3846. Л. 39, 40, 41, 57; Д. 3858. Л. 13 об., 14; Д. 4771. Л. 26; Д. 4842. Л. 55 об.; Д. 4868. Л. 29, 35 об.
 2* В том числе женщин.

Таблица 29

Парк основных сельскохозяйственных МТС Коми АССР в 1940—1957 гг., шт.*

Показатель	1940 г.	1946 г.	1950 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.
Плуги тракторные общего назначения								
Лушительники тракторные	8	13	56	81	96	194	189	Нет свед.
Культиваторы тракторные (включая окучники)	120	108	128	315	340	375	452	Нет свед.
Сеялки зерновые тракторные	124	121	189	390	399	318	364	462
Картофелесажалки тракторные	35	32	28	42	59	87	119	Нет свед.
Сенокосилки тракторные	—	32	23	366	402	433	406	Нет свед.
Грабли тракторные	—	—	—	40	121	242	276	Нет свед.
Льнотеребилки тракторные	39	31	25	17	12	14	14	Нет свед.
Картофелеуборочные комбайны	—	—	—	—	19	44	45	39
Молотилки сложные	79	76	96	146	100	92	86	102

* Сост. по данным: Народное хозяйство Коми АССР: Стат. сб. 1957. С.97; НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 2681. Л. 14 об., 15; Д. 4842. Л. 63 об.

Мастерские и прочие постройки и сооружения МТС Коми АССР в 1940–1957 гг.*

Показатель	1940 г.		1946 г.		1950 г.	
	Количество	Площадь, м ²	Количество	Площадь, м ²	Количество	Площадь, м ²
Мастерские	Нет свед.	Нет свед.	17	Нет свед.	17	6748
в том числе текущего ремонта	Нет свед.	Нет свед.	16	Нет свед.	17	6748
в том числе капитального ремонта	Нет свед.	Нет свед.	1	Нет свед.	–	–
Автогаражи (типовые и приспособленные)	9	1836	9	2252	Нет свед.	Нет свед.
Навесы и сараи	10	3001	13	4048	Нет свед.	Нет свед.
для тракторов	Нет свед.	Нет свед.	16	Нет свед.	5333	Нет свед.
для прочих сельхоз. машин	17	7733	20	7640	Нет свед.	Нет свед.

Показатель	1953 г.		1955 г.		1957 г.	
	Количество	Площадь, м ²	Количество	Площадь, м ²	Количество	Площадь, м ²
Мастерские	18	6111	20	11 906	19	13 547
в том числе текущего ремонта	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	14	8839
в том числе капитального ремонта	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	5	4708
Автогаражи (типовые и приспособленные)	9	1636	9	2668	8	2678
Навесы и сараи	9	1636	9	2668	8	2678
для тракторов	20	Нет свед.	7170	Нет свед.	15	Нет свед.
для прочих сельхоз. машин	22	8404	29	17 898	23	12 749

* Сост. по данным: НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 1443. Л. 14; Д. 2681. Л. 2, 15; Д. 3825. Л. 20 об.; Д. 3858. Л. 26; Д. 4771. Л. 36; Д. 4842. Л. 49, 65.

Таблица 31

Механизация основных полевых работ в колхозах Коми АССР в 1940–1959 гг., %

Вид работ	1940 г.	1946 г.	1952 г.	1953 г.	1956 г.	1959 г.
Подъем паров	56,1	Нет свед.	57,6	89,7*	93,1	97,1
Подъем зяби	62,6	64,0	–	98,1	95,7	97,3
Сев зерновых	9,6	8,5	47,8	57,2	77,2	95,4
Посадка картофеля	1,4	Нет свед.	18,6	27,9	37,8	34,3
Уборка зерновых комбайнами	7,4	3,1	7,2	30,4	27,1	50,2
Уборка картофеля	1,7	Нет свед.	2,4	4,8	2,3	7,3
Теребление льна	5,5	Нет свед.	–	–	–	50,0
Силосование	0,2	Нет свед.	6,6	5,4	10,6	23,1
Сенокошение	–	Нет свед.	3,5	5,4	6,3	18,9

* Сост. по данным: Коми АССР за 40 лет: Стат. сб. Сыктывкар, 1961. С. 54; НА РК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 42. Л. 85; Ф. 1329. Оп. 1. Д. 899. Л. 78.

Электрификация колхозов Коми АССР в период 1940–1958 гг. (по состоянию на конец года)*

Показатель	1940 г.	1946 г.	1947 г.	1950 г.	1951 г.	1953 г.	1955 г.	1956 г.	1958 г.
Общее число колхозов	718	673	676	400	343	336	332	325	301
Число колхозов, пользовавшихся электроэнергией	1	9	16	60	56	63	83	89	134
Их удельный вес к общему числу колхозов	0,14	1,3	2,4	15	16	19	25	27	44
Количество колхозных электростанций	1	9	15	26	31	34	—	71	78
От них получено электроэнергии, тыс. кВт·ч	—	—	—	307	404	435	913	1115	1682
Их мощность, кВт	5	167	278	470	633	699	—	1956	2914
Средняя мощность одной электростанции, кВт	5	18,5	18,5	18	20	21	—	28	37,4
Количество межколхозных электростанций	—	—	—	3	4	5	—	5	—
Их мощность, кВт	—	—	—	173	130	252	—	380	—
От них получено электроэнергии, тыс. кВт·ч	—	—	—	122	136	246	308	363	339
Получено электроэнергии от других электростанций и сетей, тыс. кВт·ч	—	—	—	—	—	226	310	467	1087
Использовано электроэнергии в колхозах на производственные нужды, тыс. кВт·ч	—	—	—	—	—	—	—	658	1088
Число электродвигателей, шт	—	—	—	102	136	119	315	462	597
Их мощность, кВт	—	—	—	402	554	713	1742	2775	3614

* Сост. по данным: РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1219. Л. 264; НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 3897. Л. 15; Народное хозяйство Коми АССР; Стат. сб. Сыктывкар, 1957. С. 84; Коми АССР за 40 лет: Стат. сб. Сыктывкар, 1961. С. 51; Коми АССР к 50-летию Советской власти: Стат. сб. Сыктывкар, 1967. С. 68.

Посевная площадь на одного трудоспособного колхозника, участвовавшего в колхозном производстве и мощностей тракторного парка МТС Коми АССР в 1940–1958 гг.*

Показатель	1940 г.	1946 г.	1948 г.	1950 г.	1952 г.	1954 г.	1956 г.	1958 г.
На одного трудоспособного приходится посевной площади, га	1,12	2,31	2,18	2,14	2,05	2,35	1,97	1,91
Приходится мощности тракторного парка МТС на 100 га посевов, л.с.	13,18	13,43	Нет свед.	19,90	30,00 ^{2*}	25,06	34,98	37,60 ^{3*}

* Подсчитано по данным табл. 4, 27 и 44.

^{2*} Данные за 1953 г.

^{3*} Данные за 1957 г.

**Наличие важнейших сельскохозяйственных машин и орудий (работавших и простоявавших)
в колхозах Коми АССР в 1940-1958 гг.***

Показатель	1940 г.	1946 г.	1948 г.	1949 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1958 г.
Автомшины грузовые	112	11	7	28	78	137	172	245	300	331	392
Их общий тоннаж, т	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	42	244	279	369	555	717	792	994
Тракторы	18	13	7	7	8	6	6	Нет	Нет	24	636
Их мощность, л.с.	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	свед.	Нет	Нет	16 334
Комбайны зерновые	свед.	свед.	свед.	свед.	свед.	свед.	свед.	свед.	свед.	свед.	свед.
Двигатели	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	117
В том числе локомобили	44	60	83	93	174	179	206	231	292	308	308
Электродвигатели	40	26	27	36	67	68	79	88	105	113	105
Электродвигатели	—	—	17	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	462	Нет
Их мощность, кВт	—	—	146	свед.	свед.	свед.	свед.	свед.	свед.	2769	свед.
Доильные агрегаты	—	—	—	Нет	Нет	Нет	Нет	Нет	1290	Нет	Нет
Автопоилки парные	—	—	—	свед.	свед.	свед.	свед.	свед.	свед.	свед.	свед.
Электростригальные аппараты	—	—	—	—	—	—	—	—	10	13	3
Плуги конные	23 938	16 123	14 950	14 153	12 735	12 301	11 160	Нет	8344	8102	5847
								свед.			

Таблица 34 (окончание)

Показатель	1940 г.	1946 г.	1948 г.	1949 г.	1951 г.	1952 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1958 г.
Бороны всякие	5522	4272	3299	3427	2782	3500	4122	4759	4544	4218	Нет
Культиваторы всякие	550	79	96	124	79	57	50	46	62	56	свед.
Сеялки зерновые всякие	749	651	600	532	502	462	381	313	241	220	188
Картофелепалки	6	—	—	—	—	1	—	1	Нет	Нет	308
Сенокосилки	2124	1557	1682	1886	2120	2258	2171	2132	свед.	свед.	7
Конные грабли	1128	1133	1110	1421	1694	1762	1707	1667	Нет	2200	свед.
Косы	Нет	5318	6543	6088	4389	4129	Нет	Нет	свед.	1896	213
Жатки всякие	свед.	967	595	292	212	191	свед.	свед.	свед.	Нет	свед.
Молотилки всякие	Нет	788	791	805	762	730	640	470	Нет	164	203
Сбруа (комплекты)	свед.	19 844	21 758	21 644	22 736	21 193	21 741	Нет	свед.	Нет	318
Весы десятичные	свед.	1037	979	1113	1027	1053	989	свед.	свед.	свед.	свед.
Картофелекопатели	92	75	57	61	39	35	26	свед.	свед.	Нет	28
										свед.	

* Сост. по данным: НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 1441. Л. 46; Д. 3852. Л. 12 об.; Д. 3896. Л. 10 об., 13, 13 об., 52; Ф. 408. Оп. 1. Д. 113. Л. 4 об., 21 об., 46, 94; Д. 1954. Л. 13 об.

Основные средства производства колхозов Коми АССР в 1940–1958 гг. (на конец года), млн руб.*

Показатель	1940 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.
Рабочий скот	7,3	8,1	8,3	9,4	10,6
Продуктивный скот	11,1	13,3	15,5	18,9	18,3
Сельскохозяйственные машины, орудия и двигатели	4,5	5,0	5,1	5,4	7,0
Инвентарь и оборудование	2,3	3,4	4,0	4,8	5,7
Автомшины	1,0	0,089	0,05	0,05	0,28
Гужевои транспорт	3,4	5,9	6,8	7,4	7,6
Производственные постройки и сооружения	15,8	17,3	19,2	21,5	22,0
Жилые и культурно-бытовые постройки	1,5	2,2	2,2	2,3	2,6
Многолетние насаждения	0,2	0,045	0,003	0,008	0,008
<i>Итого</i> основных средств производства	47,1	56,7	61,2	69,7	74,2

Показатель	1950 г.	1952 г.	1955 г.	1956 г.	1958 г.
Рабочий скот	12,0	12,2	10,6	9,5	31,8
Продуктивный скот	17,6	12,4	15,1	14,6	115,9
Сельскохозяйственные машины, орудия и двигатели	8,5	10,5	13,9	16,5	33,4
Инвентарь и оборудование	6,3	8,9	12,6	13,4	16,4
Автомшины	0,5	2,0	Нет свед.	Нет свед.	6,6
Гужевои транспорт	8,0	8,5	14,2	15,6	12,2
Производственные постройки и сооружения	23,3	25,1	34,8	44,0	50,0
Жилые и культурно-бытовые постройки	2,5	3,0	2,3	Нет свед.	2,2
Многолетние насаждения	0,01	–	–	–	1
<i>Итого</i> основных средств производства	78,7	82,7	103,4	113,6	268,5

* Сост. по данным: *Сметанин А.Ф.* Указ. соч. // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 359. Л. 217; РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 939. Л. 193, 194; НА РК. Ф. 408. Оп. 113. Д. 123. Л. 6, 13, 22 об., 45, 92 об.; Ф. 140. Оп. 2. Д. 3822. Л. 8; Ф. 140. Оп. 2. Д. 3852. Л. 11; Ф. 140. Оп. 2. Д. 3896. Л. 9; Ф. 140. Оп. 2. Д. 3897. Л. 9 об., 26 об., 50 об.

Неделимые фонды колхозов Коми АССР в 1940–1958 гг., млн руб.*

Показатель	1940 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.	1952 г.
От обобществленного имущества и вступительных взносов	8,5	9,7	9,7	6,7	9,7	9,7	9,7
От безвозмездно полученного имущества и зачисления списанных ссуд по решению правительств	1,5	1,9	1,8	1,9	1,9	1,9	1,9
Отчисления от доходов в соответствии со ст. 12 Устава сельхозартели	11,3	37,0	33,1	30,7	35,0	36,2	41,5
От зачисления стоимости приплода и прироста животных	5,4	10,0	11,0	11,9	13,5	15,5	16,5
От накоплений в строительстве и средствах производства	24,4	40,4	42,0	35,5	34,0	33,1	33,9
<i>Итого</i> неделимых фондов	51,1	99,0	97,7	89,7	94,1	96,4	114,1

Показатель	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.	1958 г.
От обобществленного имущества и вступительных взносов	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
От безвозмездно полученного имущества и зачисления списанных ссуд по решению правительств	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
Отчисления от доходов в соответствии со ст. 12 Устава сельхозартели	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
От зачисления стоимости приплода и прироста животных	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
От накоплений в строительстве и средствах производства	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
<i>Итого</i> неделимых фондов	115,2	150,248	118,7	131,1	138,3	325,5

* Сост. по данным: *Сметанин А.Ф.* Указ. соч. // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5 Оп. 2. Д. 359. Л. 217; РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 939. Л. 193, 194; НА РК. Ф. 408. Оп. 113. Д. 360. Л. 6, 13, 22 об., 45, 92 об.; Д. 3822. Л. 8; Д. 3852. Л. 11; Д. 3863. Л. 11; Ф. 140. Оп. 2. Д. 3896. Л. 9; Ф. 140. Оп. 2. Д. 3897. Л. 9 об., 26 об., 50 об.

2* Неделимые фонды и паевые взносы.

Структура денежных поступлений в колхозах Коми АССР в 1940–1958 гг., млн руб.*

Источники поступления	1940 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.
От растениеводства	5,3	8,4	8,8	7,3	4,9	4,1
В том числе в порядке колхозной торговли	Нет свед.	Нет свед.	7,0	5,0	2,7	2,1
От животноводства	16,0	30,5	33,0	25,6	27,1	25,0
В том числе в порядке колхозной торговли	6,9	Нет свед.	Нет свед.	19,8	20,3	17,8
От подсобных предприятий и промыслов	2,2	2,4	2,0	1,4	1,8	1,2
От заработков на стороне	7,5	8,4	10,1	13,4	11,9	14,9
Прочие	1,7	4,0	5,8	5,0	4,3	3,7
<i>Всего</i>	32,7	53,7	59,7	52,7	50,0	48,9

Источники поступления	1952 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.	1958 г.
От растениеводства	3,0	3,7	5,5	4,4	6,9	6,8	5,3
В том числе в порядке колхозной торговли	1,6	Нет свед.	4,4	3,4	4,8	5,6	2,3
От животноводства	24,3	30,2	49,6	57,7	66,7	67,9	105,3
В том числе в порядке колхозной торговли	16,2	Нет свед.	40,1	48,0	56,1	20,2	22,3
От подсобных предприятий и промыслов	1,2	1,2	2,3	1,7			
От заработков на стороне	12,0	10,4	10,1	9,9	17,3	22,3	36,9
Прочие	4,7	3,4	2,3	4,4			
<i>Всего</i>	45,2	48,9	69,8	78,1	90,2	97,6	147,5

* Сост. по данным: *Сметанин А. Ф.* Указ. соч. // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 359. Л. 213, 214; НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 2688. Л. 4; Ф. 408. Оп. 1. Д. 113. Л. 11 об., 15, 43, 43 об., 91, 91 об.; Ф. 140. Оп. 2. Д. 3822. Л. 6, 6 об.; Д. 3952. Л. 8 об., 9; Д. 3896. Л. 7 об., 8; Д. 3897. Л. 8 об., 25, 49, 49 об.

Таблица 38

Структура расходов денежных средств в колхозах Коми АССР в 1940–1958 гг., млн руб.*

Статья расходов	1940 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.	1952 г.
Всего распределено денежных средств	46,0	53,8	59,6	52,7	50,3	49,2	47,2
Из них							
налоги и сборы	5,3	9,6	8,7	8,6	10,2	10,1	11,3
возврат ссуд на капвложения	1,2	0,3	0,26	0,28	0,32	0,6	1,5
на производственные нужды	11,1	13,1	16,6	16,4	16,0	15,0	14,3
административно-хозяйственные расходы ^{2*}	0,6	1,6	1,7	2,1	2,3	2,3	2,5
на культурные нужды	1,8	1,3	1,1	1,1	0,9	0,9	0,9
на пополнение неделимого фонда	7,3	8,1	9,1	8,0	7,7	7,7	6,8
определено к выдаче на трудодни	17,7	19,2	20,8	16,2	12,6	12,5	7,8
прочие расходы	1,3	0,6	1,34	0,03	0,28	0,1	2,1

Статья расходов	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.	1958 г.
Всего распределено денежных средств	50,4	70,3	78,7	90,2	98,0	148,0
Из них						
налоги и сборы	9,3	9,5	11,9	13,0	13,5	10,3
возврат ссуд на капвложения	1,4	1,6	2,0	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
на производственные нужды	14,0	17,5	17,3	19,6	21,3	36,5
административно-хозяйственные расходы ^{2*}	2,5	2,9	3,3	3,6	3,6	4,7
на культурные нужды	0,9	0,9	0,9	1,2	1,2	1,3
на пополнение неделимого фонда	8,8	10,5	11,8	13,5	14,5	23,9
определено к выдаче на трудодни	13,4	25,5	30,5	37,3	40,9	65,5
прочие расходы	0,1	1,9	1,0	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.

* Сост. по данным: *Сметанин А. Ф.* Указ. соч. // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 359. Л. 213, 214; НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 2688. Л. 4; Ф. 408. Оп. 1. Д. 113. Л. 11 об., 15, 43, 43 об., 91, 91 об.; Ф. 140. Оп. 2. Д. 3822. Л. 6, 6 об.; Д. 3852. Л. 8 об., 9; Д. 3896. Л. 7 об., 8; Д. 3897. Л. 8 об., 25, 49, 49 об.

^{2*} Согласно действовавшим правилам отчетности, денежная доплата председателям колхозов и счетоводам не входила в статью "административно-хозяйственные расходы", что представляется неверным. С 1946 г. данные показатели сведены автором воедино.

Группировка колхозов Коми АССР по размеру денежных поступлений в 1940–1958 гг., тыс. руб.*

Показатель	1940 г.	1946 г.	1947 г.	1949 г.	1950 г.	1953 г.	1954 г.	1957 г.	1958 г.
До 5	9	1	1	2	6				
От 5 до 10	25	4	7	11					
От 10,1 до 15	55	17	7	27	24				
От 15,1 до 20	64	18	13	27					
От 20,1 до 25	69	22	45	32	23	153	100	42	18
От 25,1 до 30	55	32	39	44					
От 30,1 до 50	195	157	142	144	58				
От 50,1 до 80	135	187	108	206	79				
От 80,1 до 100	49	73	127	43	32				
От 101 до 120	19	40	57						
От 121 до 160	22	54	43	115	111	92	103	134	93
От 161 до 200	8	32	36						
От 201 до 300	4	23	31	20	38	62	59		
От 301 до 500	3	12	14	6	24	21	50	68	72
От 501 до 600	—	1	4	3	3	4	13		
От 600 до 700	—	—	1					49	90
От 700 до 999	—	—	—	1	2	4	3		
От 1 млн до 2 млн руб.	—	—	1	—	—	—	3	10	27
Свыше 2 млн руб.	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Итого учтенных колхозов	712	673	676	681	400	336	331	303	301

* Сост. по данным: НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 1441. Л. 45 об.; Д. 2679. Л. 17; Д. 2688. Л. 15; Д. 3863. Л. 44; Д. 3896. Л. 28; Д. 3897. Л. 168, 172; Ф. 408. Оп. 1. Д. 113. Л. 31, 60.

Таблица 40

Основные показатели среднестатистического колхоза Коми АССР в 1940–1958 гг.*

Показатель	1940 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1950 г.	1953 г.	1956 г.	1958 г.
Общее число колхозов в Коми АССР	718	673	684	400 ^{2*}	336	325	301	
На один колхоз в среднем приходится								
колхозных дворов	65	64	56	92	100	101	101	
всего наличного населения	250	188	175	308	302	308	326	
в том числе трудоспособного	114	76	72	126	137	139	144	
в том числе принимавших участие в общественном хозяйстве	96	56	57	94	100	107	108	
в том числе мужчин	37	12	14	25	26	34	37	
всего выработано трудовой посевной площади, га	27 342	22 362	20 921	35 017	36 125	47 465	49 710	
валовой денежный доход, основных средств производства, тыс. руб.	107,8	128,4	124,3	201,0	235,1	211,1	206,6	
неделимых фондов	45,5	79,8	77,0	122,3	145,5	277,5	490,0	
крупного рогатого скота, в том числе коров	65,6	84,2	101,9	169,7	255,1	349,5	892,0	
овец	71,2	147,1	131,1	241,0	342,9	365,2	1081,4	
свиней	117	108	116	247	205	186	216	
птицы	41	40	38	80	82	101	108	
	37	75	81	174	147	88	103	
	17	12	13	32	30	23	48	
	Нет свед.	20	14	88	78	31	27	

* Сост. и подет. по данным: Народное хозяйство Коми АССР: Стат. сб. 1957. С. 87; Коми АССР за 40 лет: Стат. сб.. Сыктыв-кар, 1961. С. 54; РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1127. Л. 75; НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 1441. Л. 38; Ф. 408. Оп. 1. Д. 113. Л. 1, 15, 50; Ф. 408. Оп. 1. Д. 1954. Л. 2; Ф. 140. Оп. 2. Д. 3897. Л. 1 об., 43 об.

^{2*} Сокращение числа колхозов связано с их объединением.

Выработка трудоней в колхозах Коми АССР в 1940–1958 гг., тыс.*

Показатель	1940 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.	1952 г.
В растениеводстве	10 056	7508	8070	7447	6362	6044	4922
В животноводстве	3497	3441	3342	3505	3735	4002	3963
По уходу за рабочим скотом	1377	981	905	Нет свед.	1005	1174	1280
На строительство	879	314	324	357	312	468	300
В подсобных предприятиях	379	Нет свед.	224	191	182	207	198
Административные расходы	1280	1510	1339	965	1002	960	815
Вне колхоза	213	63	25	21	34	24	Нет свед.
<i>Итого</i>	19 632	15 050	15 340	14 310	13 694	14 007	12 604
Число трудоней, на которые был распределен доход	19 615	14 980	15 261	14 054	13 349	13 791	12 368
Было намечено по плану выработать трудоней	Нет свед.	Нет свед.	17 957	18 377	17 217	18 224	18 238

Показатель	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.	1958 г.
В растениеводстве	5179	5308	5766	6093	5622	5448
В животноводстве	3501	4734	5298	4898	4558	4905
По уходу за рабочим скотом	1186	1183	1096	1068	865	890
На строительство	272	498	681	857	845	979
В подсобных предприятиях	157	226	284	226	236	238
Административные расходы	772	806	845	756	686	998
Вне колхоза	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	323	463	591
<i>Итого</i>	12 138	13 908	14 854	15 426	14 436	14 963
Число трудоней, на которые был распределен доход	11 970	13 837	14 830	15 405	14 426	14 946
Было намечено по плану выработать трудоней	17 542	18 061	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
* Сост. по данным: НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 1441. Л. 38; Д. 2679. Л. 6; Ф. 408. Оп. 1. Д. 113. Л. 1, 7, 15, 25 об., 50, 77 об.; Ф. 140. Оп. 2. Д. 3852. Л. 2 об.; Ф. 140. Оп. 1. Д. 1954. Л. 2 об.; Ф. 140. Оп. 2. Д. 3896. Л. 2 об.; Ф. 140. Оп. 2. Д. 3897. Л. 2, 20, 44.						

Среднегодовая выработка трудоней на одного колхозника, принимавшего участие в общественном хозяйстве артелей Коми АССР в 1940–1958 гг.*

Показатель	1940 г.	1946 г.	1948 г.	1950 г.
Выработано за год трудоней				
Всего всеми колхозниками, тыс.	19 632	14 896	14 072	13 836
мужчиной от 16 до 60 лет	259	331	311	331
женщиной от 16 до 55 лет	216	292	260	279
В среднем на одного трудоспособного	233	300	273	293
Нетрудоспособным или престарелым	Нет св.	113	105	102
Подrostком от 12 до 16 лет	Нет св.	65	61	42
В среднем на одного работающего	173	188	178	186

Показатель	1952 г.	1954 г.	1956 г.	1958 г.
Выработано за год трудоней				
Всего всеми колхозниками, тыс.	12 419	13 414	14 714	14 293
мужчиной от 16 до 60 лет	336	364	368	372
женщиной от 16 до 55 лет	274	318	340	363
В среднем на одного трудоспособного	290	330	349	366
Нетрудоспособным или престарелым	127	108	92	110
Подrostком от 12 до 16 лет	37	45	54	51
В среднем на одного работающего	188	207	224	244

* Сост. по данным: РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1219. Л. 220, 228; НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 1441. Л. 38; Д. 3852. Л. 3; Д. 3896. Л. 3; Д. 3897. Л. 2 об., 44 об.; Ф. 408. Оп. 1. Д. 113. Л. 1, 15 об., 66.

Подсобные предприятия колхозов Коми АССР в 1946–1958 гг.*

Показатель	1946 г.		1947 г.		1949 г.	
	Число пред-приятий	Из них не работало	Число пред-приятий	Из них не работало	Число пред-приятий	Из них не работало
Мельницы, всего	209	66	199	65	163	50
В том числе						
водяные	Нет свед.	Нет свед.	157	50	117	38
ветряные	Нет свед.	Нет свед.	5	4	8	2
механические	Нет свед.	Нет свед.	37	11	38	10
Переработано зерна в муку, ц	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	52 162	
Маслобойки	Нет свед.	Нет свед.	25	8	Нет свед.	Нет свед.
Кирпичные заводы	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	1	--
Обожжено кирпича, тыс. шт.	90		35		66	
Лесопилки	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	15	3
Выработано пиломатериалов, м ³	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	823	
Столярно-плотничные мастерские	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	4	--
Шорные мастерские	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	7	--
Обозные мастерские	7	1	15	5	33	1
Изготовлено повозок (телег и саней), шт.	4743		4680		8629	
Кузницы	509	91	520	96	474	22
Веребное производство	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	21	2
Выработано веревки хозяйственной, ц	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	446	
Мастерские по ремонту сельскохозяйственных машин	--	--	--	--	--	--

Таблица 43 (окончание)

Показатель	1950 г.		1952 г.		1958 г.	
	Число пред-приятий	Из них не работало	Число пред-приятий	Из них не работало	Число пред-приятий	Из них не работало
Мельницы, всего	145	52	172	55	157	50
В том числе						
водяные	105	38	116	39	63	20
ветряные	5	4	4	3	2	1
механические	35	10	52	13	92	29
Переработано зерна в муку, ц	42 121		30 434		25 012	
Маслобойки	2	--	33	3	78	10
Кирпичные заводы	Нет свед.	Нет свед.	6	--	Нет свед.	Нет свед.
Обожжено кирпича, тыс. шт.	40		86		59	
Лесопилки	13	3	40	4	161	25
Выработано пиломатериалов, м ³	1518		5068		7238	
Столярно-плотничные мастерские	2	--	1	--	6	1
Шорные мастерские	23	1	9	--	Нет свед.	Нет свед.
Обозные мастерские	26	--	8	--	Нет свед.	Нет свед.
Изготовлено повозок (телег и саней), шт.	9078		7745		Нет свед.	Нет свед.
Кузницы	437	61	391	59	289	59
Веребное производство	17	1	9	1	Нет свед.	Нет свед.
Выработано веревки хозяйственной, ц		261		199	Нет свед.	Нет свед.
Мастерские по ремонту сельскохозяйственных машин	--	--	--	--	10	4

* Сост. по данным: НА РК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 113. Л. 4 об, 11, 46 об.; Ф. 140. Оп. 2. Д. 3822. Л. 9 об.; Д. 3897. Л. 12.

Общее число и участие колхозников Коми АССР и членов их семей в общественном хозяйстве колхозов в 1940–1958 гг.*

Год	Трудоспособные мужчины, принимавшие участие в производстве	Наличные трудоспособные мужчины	Трудоспособные женщины, принимавшие участие в производстве	Наличные трудоспособные женщины	Итого трудоспособных, принимавших участие в производстве	Всего наличных трудоспособных	Трудоспособные, участвующие в режидии и предприятия
1940	26 324	27 322	42 501	43 708	68 825	71 030	11 807
1946	7985	12 769	29 404	38 205	37 389	50 974	14 042
1947	10 243	14 635	31 096	37 656	41 391	52 291	13 639
1948	9859	14 137	29 196	35 260	39 055	49 397	13 106
1949	10 062	14 299	28 326	34 164	38 388	48 463	11 555
1950	10 038	15 881	27 583	34 736	37 623	50 617	11 160
1951	10 000	Нет свед.	27 600	Нет свед.	37 600	Нет свед.	10 500
1952	8819	14 262	25 847	32 718	34 666	46 980	10 630
1953	8700	14 403	24 900	31 625	33 600	46 028	8000
1954	8800	14 462	24 100	30 739	32 900	45 201	10 300
1955	9744	16 083	23 853	30 420	33 597	46 503	10 262
1956	10 963	16 397	23 888	28 913	34 851	45 310	9860
1957	10 582	16 034	21 797	27 183	32 379	43 217	8740
1958	11 225	16 734	21 391	26 730	32 616	43 464	8911

Таблица 44 (окончание)

Год	Престарелые и нетрудоспособные, принимавшие участие	Наличные престарелых и нетрудоспособных	Подростки 12–16 лет, принимавшие участие в производстве	Наличные подростки 12–16 лет	Всего участвовавших в общественном хозяйстве	Всего наличного населения
1940	27 452	17466	17 466	23 564	113 743	179 729
1946	13 289	Нет свед.	14 650	15 467	79 370	126 586
1947	13 528	Нет свед.	13 466	14 621	81 972	128 320
1948	14 375	17 266	12 630	13 599	79 166	119 425
1949	14 560	18 702	12 055	13 293	76 558	109 516
1950	13 490	18 068	11 928	14 505	74 201	946 4159
1951	13 300	Нет свед.	10 700	Нет свед.	72 100	Нет свед.
1952	10 447	18 466	10 328	13 608	66 071	105 936
1953	12 300	19 083	9500	12 718	64 400	101 473
1954	12 000	Нет свед.	9700	10 782	64 900	101 232
1955	13 386	17 420	8205	9052	65 450	74 929 ^{2*}
1956	14 044	20 019	6960	7241	65 725	100 234
1957	12 437	19 807	5292	5254	58 842	96 083
1958	12 344	19 972	4611	4945	58 485	98 172

* Сост. по данным: НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 1441. Л. 38; Ф. 408. Оп. 1. Д. 113. Л. 1, 7, 15, 25, 50, 77, 126 об., 127 об.; Д. 1954. Л. 2; Ф. 140. Оп. 2. Д. 3896. Л. 2; Д. 3897. Л. 1, 19 об., 43; Д. 3852. Л. 2; Александров А.Н., Габов Л.А., Калянова Т.Г. и др. Заключительный отчет по теме "Советское крестьянство и сельское хозяйство Коми АССР в период завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму (1938–1975)". Сыктывкар, 1980 Т. 2 // Научный архив Коми НЦ УРО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 254. Л. 33, 36; Сметанин А.Ф. Указ. соч. // Научный архив Коми НЦ УРО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 359. Л. 227, 228.

^{2*} Без детей до 12 лет.

Участие членов колхозов Коми АССР и их семей в общественном хозяйстве в 1940–1958 гг.*

Показатель	1940 г.				1946 г.			
	Всего (кол- хозников)	Ими вы- работано трудодней, тыс.	Число взрослых колхоз- ников и подростков		Ими выра- ботано трудодней, тыс.	Всего (кол- хозников)	Ими выра- ботано трудодней, тыс.	Число взрослых колхоз- ников и подростков
			выработав- ших менее обязат. ми- нимума трудодней	не вырабо- тавших ни одного трудодня				вырабо- тавших ме- нее обязат. минимума трудодней
Мужчины от 16 до 60 лет	26 324	6809	1457	172	7985	2641	145	51
Женщины от 16 до 55 лет	42 501	9199	2048	186	29 404	8585	545	78
Итого	68 825	16 008	3505	358	37 389	11 226	690	129
“Отходники” ^{2*}	—	—	—	—	14 042	1224	—	—
Нетрудоспособные, престарелые	27 452	Нет свед.	17 190	957	13 289	1496	—	37
Подростки от 12 до 16 лет	17 466	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	14 670	950	5137	797
Всего	11 3743	19 632	Нет свед.	Нет свед.	79 390	14 896	5827	963

Таблица 45 (продолжение)

Показатель	1948 г.				1950 г.			
	Всего (кол- хозников)	Ими выра- ботано трудодней, тыс.	Число взрослых колхоз- ников и подростков		Ими вы- работано трудодней, тыс.	Всего (кол- хозников)	Ими выра- ботано трудодней, тыс.	Число взрослых колхоз- ников и подростков
			выработав- ших менее обязат. ми- нимума трудодней	не выра- ботавших ни одного трудодня				вырабо- тавших ме- нее обязат. ми- нимума трудодней
Мужчины от 16 до 60 лет	9859	3070	189	4	10 038	3321	339	22
Женщины от 16 до 55 лет	29 169	7595	614	12	27 583	7687	872	47
Итого	39 055	10 665	803	16	37 623	11 008	1211	69
“Отходники” ^{2*}	13 106	1135	1159	858	11 160	953	1045	1765
Нетрудоспособные, престарелые	14 375	1503	—	2928	13 490	1378	—	4578
Подростки от 12 до 16 лет	12 630	768	1796	1062	11 928	497	1798	2577
Всего	79 166	14 072	3758	4834	74 201	13 836	4054	8989

Таблица 45 (продолжение)

Показатель	1952 г.				1954 г.			
	Всего (кол- хозников)	Ими выра- ботано трудодней, тыс.	Число взрослых колхоз- ников и подростков		Всего (кол- хозников)	Ими выра- ботано трудодней, тыс.	Число взрослых колхоз- ников и подростков	
			выработав- ших менее обязат. минимума трудодней	не вырабо- тавших ни одного трудодня			вырабо- тавших ме- нее обязат. минимума трудодней	не вырабо- тавших ни одного тру- додня
Мужчины от 16 до 60 лет	8819	2964	547	40	8800	3201	749	49
Женщины от 16 до 55 лет	25 847	7078	1543	85	24 100	7656	2185	119
<i>Итого</i>	34 666	10 042	2090	125	32 900	10 857	2934	168
“Отходники” ^{2*}	10 630	674	5097	3524	10 300	828	—	2791
Нетрудоспособные, престарелые	10 447	1324	—	5841	12 000	1296	—	6934
Подростки от 12 до 16 лет	10 328	379	3953	3614	9700	433	2527	1867
<i>Всего</i>	66 071	12 419	11 140	13 104	64 900	13 414	5461	11 760

Таблица 45 (окончание)

Показатель	1956 г.				1958 г.			
	Всего (кол- хозников)	Ими выра- ботано трудодней, тыс.	Число взрослых колхоз- ников и подростков		Всего (кол- хозников)	Ими выра- ботано трудодней, тыс.	Число взрослых колхоз- ников и подростков	
			выработав- ших менее обязат. минимума трудодней	не вырабо- тавших ни одного трудодня			выработав- ших менее обязат. минимума трудодней	не вырабо- тавших ни одного трудодня
Мужчины от 16 до 60 лет	10 963	4031	1017	102	11 225	4174	883	200
Женщины от 16 до 55 лет	23 888	8123	2109	115	21 391	7767	1749	165
<i>Итого</i>	34 851	12 154	3126	217	32 616	11 941	2632	365
“Отходники” ^{2*}	9860	890	—	2334	8911	758	—	2380
Нетрудоспособные, престарелые	14 044	1295	—	6073	12 344	1358	—	7628
Подростки от 12 до 16 лет	6960	375	521	682	4611	236	—	529
<i>Всего</i>	65 725	14 714	3647	9306	58 485	14 293	2632	10 902

* Сост. по данным: РГАЭ, Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1219. Л. 220, 228; НА РК, Ф. 140. Оп. 2. Д. 1441. Л. 38; Ф. 408. Д. 113. Л. 1, 15 об., 66.

^{2*} Ушедшие в Красную Армию, на работу в госпредприятия и учреждения, вступившие или вернувшиеся в колхозы в течение года.

Структура трудовых затрат в колхозах Коми АССР в 1940–1958 гг., % к итогу*

Показатель	1940 г.	1946 г.	1948 г.	1950 г.	1952 г.	1954 г.	1956 г.	1958 г.
Всего выработано трудовой	100	100	100	100	100	100	100	100
мужчинами от 16 до 60 лет	34,7	17,7	21,8	24,0	23,9	23,9	27,4	29,2
женщинами от 16 до 55 лет	46,8	57,6	54,0	55,5	57,0	56,3	55,2	54,3
Итого трудоспособными	81,5	75,3	75,8	79,5	80,9	80,2	82,6	83,5
“Отходниками” ^{2*}	0,0	8,2	8,0	6,9	5,4	6,2	6,0	5,3
Нетрудоспособными и престарелыми	Нет свед.	10,1	10,7	10,0	10,6	10,4	8,8	9,5
Подростками от 12 до 16 лет	Нет свед.	6,4	5,5	3,6	3,1	3,2	2,6	1,7

* Подсч. по данным: РГАЭ. Ф.9476. Оп.1. Д.1219. Л.220, 228; НА РК. Ф.140. Оп. 2. Д.1441. Л.38; Ф.408. Оп. 1. Д. 113. Л. 1, 15 об., 66; Ф.140. Оп.2. Д.3852. Л.3; Д.3896. Л.3; Д.3897. Л.2 об., 44 об.

^{2*} Ушедшие в Красную Армию, на работу в госпредприятия и учреждения, вступившие или вернувшиеся в колхозы в течение года.

Таблица 47

Число трудоспособных колхозников, работавших в промышленности, на транспорте и в других отраслях хозяйства, но проживавших в колхозах Коми АССР (из общего числа наличных трудоспособных на конец года) в 1940–1958 гг.*

Показатель	1940 г.	1946 г.	1948 г.	1950 г.	1952 г.	1954 г.	1956 г.	1958 г.
Трудоспособные	10 232	12 690	11 897	11 451	10 660	10 494	9730	9217
Их удельный вес к числу трудоспособных, принимавших участие в колхозном производстве	14,9	33,9	30,5	30,4	30,7	31,9	27,9	28,3

* Сост. по данным: НА РК. Ф.140. Оп.2. Д.1441. Л.38; Д.3852. Л.2; Д.3896. Л.1; Д.3897. Л.1 об., 2 об., 43 об.; Ф.408. Оп.1. Д.113. Л. 1, 15, 50.

Таблица 48

Административный и обслуживающий персонал колхозов Коми АССР в 1946–1952 гг.*

Категория работников	1946 г.				1948 г.			
	Всего	В том числе женщин	Начислено трудовой по основной работе	Всего	В том числе женщин	Начислено трудовой по основной работе		
Председатели колхозов	673	75	Нет свед.	684	32	338 752		
Зам. председателей, кладовщики, завхозы и т.п.	724	290	Нет свед.	860	312	198 613		
Бухгалтеры и счетоводы	704	321	Нет свед.	697	285	258 563		
Учетчики в бригадах и другие счетные работники	24	10	Нет свед.	30	4	5258		
Работники дет. яслей и др. культ.-быт. учреждений колхоза	–	–	Нет свед.	179	173	24 601		
Обслуживающий персонал (уборщицы, сторожа и т.п.)	999	729	Нет свед.	913	701	108 701		
Прочие работники	156	129	Нет свед.	61	21	9418		
Итого	3280^{2*}	1554	Нет свед.	3424	1538	943 906		

Категория работников	1950 г.			1952 г.		
	Всего	В том числе женщин	Начислено трудодней по основной работе	Всего	В том числе женщин	Начислено трудодней по основной работе
Председатели колхозов	400	13	297 757	341	18	204 671
Зам. председателей, кладовщики, завхозы и т.п.	750	280	208 070	814	Нет свед.	61 265
Бухгалтеры и счетоводы	493	217	266 797	479	Нет свед.	236 283
Учетчики в бригадах и другие счетные работники	66	25	9391	34	Нет свед.	7912
Работники дет. яслей и др. культ. быт. учреждений колхоза	188	188	24 235	Нет свед.	Нет свед.	—
Обслуживающий персонал (уборщицы, сторожа и т.п.)	573	449	89 533	501	Нет свед.	71 704
Прочие работники	29	18	6945	39	Нет свед.	11 084
<i>Итого</i>	2510	1201	904 676	2212	Нет свед.	774 553

* Сост. по данным: НА РК. Ф.140. Оп.2. Д.2679. Л.7 об.; Д.3822. Л.10 об.; Д.3852. Л.14; Ф.408. Оп.1. Д.113. Л.23 об.

2* В материалах РГАЭ содержатся иные данные по наличию административно-обслуживающего персонала колхозов: 1946 г. — 5531 человек, 1948 г. — 5619 человек. См.: РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д.9 39. Л. 335.

Бригадиры и специалисты сельского хозяйства в колхозах Коми АССР в 1946–1952 гг.*

Группа работников	1946 г.			1948 г.		
	Всего	В том числе женщин	Начислено трудодней по основной работе	Всего	В том числе женщин	Начислено трудодней по основной работе
Бригадиры-растениеводы	1487	737	Нет свед.	1504	696	398 874
Бригадиры-животноводы	688	477	Нет свед.	646	394	214 882
Агрономы	5	3	Нет свед.	—	—	—
Зоотехники	17	13	Нет свед.	13	9	2712
Ветеринарные врачи и фельдшера	54	34	Нет свед.	32	17	6093
<i>Итого</i>	2251	1262	Нет свед.	2195	1116	622 561

Группа работников	1950 г.			1952 г.		
	Всего	В том числе женщин	Начислено трудодней по основной работе	Всего	В том числе женщин	Начислено трудодней по основной работе
Бригадиры-растениеводы	1273	539	385 576	968	328	29 9685
Бригадиры-животноводы	657	367	269 957	658	354	250 406
Агрономы	—	—	—	1	1	116
Зоотехники	8	4	1182	10	6	2028
Ветеринарные врачи и фельдшера	17	10	4444	28	14	5947
<i>Итого</i>	1955	920	661 159	1665	703	558 182

* Сост.: НА РК. Ф.140. Оп.2. Д.2679. Л.7 об.; Д.3822. Л.10 об.; Д.3852. Л. 14; Ф.408. Оп.1. Д.113. Л.23 об.

Растениеводческие бригады и звенья в колхозах Коми АССР в 1940–1957 гг.*

Растениеводство	1940 г.			1946 г.		1949 г.		
	Полевод- ческих	По кор- модобы- ванию	Овощных	Полевод- ческих	Овощных	Полевод- ческих	По кор- модобы- ванию	Овощных
Число бригад	1723	Нет свед.	360	1450	236	1409	9	91
В них колхозников	46 266	Нет свед.	1100	54 063	1061	50 520	159	687
Число звеньев по произв. плану	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	766	352	784	13	354
Число звеньев, сохранив- шихся до конца уборки	164	Нет свед.	27	Нет свед.	Нет свед.	19	4	322
В сохранившихся звеньях колхозников	1800	Нет свед.	200	16 794	2226	206	27	1550

Таблица 50 (окончание)

Растениеводство	1955 г.			1957 г.			Комплек- сных
	Полевод- ческих	По кормо- добыванию	Овощных	Полевод- ческих	По кормо- добыванию	Овощных	
Число бригад	828	118	121	610	92	91	130
В них колхозников	34 186	2719	1328	32 434	2994	794	6661
Число звеньев по произв. плану	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
Число звеньев, сохранив- шихся до конца уборки	42	140	112	107	76	51	41
В сохранившихся звеньях колхозников	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.

* Сост. по данным: *Сметанин А.Ф.* Указ. соч. // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 359. Л. 212; НА РК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 113. Л. 1 об., 26, 78; Ф. 140. Оп. 2. Д. 1441. Л. 42; Д. 3897. Л. 21.

Таблица 51

Производственные кадры животноводов в колхозах Коми АССР в 1946–1958 гг.*

Категория работников	1940 г.	1946 г.	1949 г.	1952 г.	1955 г.	1957 г.	1958 г.
Доярки-скотницы	2497	2486	2442	2528	2818	2748	2758
Скотники-пастухи	Нет свед.	1102	1347	1008	997	850	903
Телятницы	Нет свед.	1790	2117	2071	1467	1247	1319
Свинари	823	557	626	485	434	416	476
Овчары-чабаны	Нет свед.	826	843	664	519	377	376
Птичницы	Нет свед.	343	373	285	165	72	60
Пчеловоды	Нет свед.	88	63	31	23	14	17
Конюхи	2637	2179	2329	2334	1906	1502	1442
Оленеводы	Нет свед.	683	Нет свед.	Нет свед.	772	670	600
Обслуживающие несколько видов скота	Нет свед.	Нет свед.	211	219	91	139	95
Прочие	Нет свед.	Нет свед.	1404	1839	959	896	972
<i>Итого</i>	Нет свед.	Нет свед.	11 755	10 342	10 151	8931	9018

* Сост. по данным: НА РК. Ф. 408. Оп. 1. Д. 113. Л. 1 об., 26, 78; Ф. 140. Оп. 2. Д. 1441. Л. 11; Д. 3852. Л. 3; Д. 3897. Л. 3, 21.

Таблица 52

Средняя выдача колхозникам Коми АССР (без трактористов*) на один трудодень, включая дополнительную оплату труда в 1940–1958 гг.2*

Показатель	1940 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.	1949 г.	1950 г.	1952 г.
Зерно, кг	0,96	0,42	0,379	0,64	0,59	0,482	0,523
Деньги, руб.	0,64	1,31	1,39	1,18	0,96	0,92	0,63
Картофель, кг	0,4	0,05	0,02	0,208	0,02	0,031	0,038
Овощи	0,016	0,08	0,042	0,345	0,12	0,11	0,007
Сено	2,242	1,01	1,185	1,466	1,78	1,008	1,208
Солома	0,773	0,14	0,21	0,228	0,52	0,312	0,033
Мясо	0,009	0,05	0,016	0,02	0,027	0,0002	0,031
Молоко	0,007	0,017	0,024	0,02	0,036	0,058	0,02
Мясо	–	–	–	–	0,0015	0,0016	0,0005
<i>Итого в денежном эквиваленте, руб.3*</i>	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.

Таблица 52 (окончание)

Показатель	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1956 г.	1957 г.	1958 г.
Зерно, кг	0,65	0,379	0,675	0,66	0,709	0,22
Деньги, руб.	1,12	1,86	2,08	2,63	3,09	4,79
Картофель, кг	0,07	0,108	0,07	0,089	0,048	0,035
Овощи « »	0,22	0,257	0,073	0,09	0,159	0,02
Сено « »	1,4	1,896	1,75	1,36	1,998	1,691
Солома « »	0,096	0,063	0,142	0,122	0,173	0,054
Мясо « »	0,03	0,051	0,019	0,021	0,02	0,014
Молоко « »	0,018	0,26	0,041	0,006	0,064	0,057
Мясо « »	—	—	—	—	0,002	—
Итого в денежном эквиваленте, руб. ^{3*}	Нет свед.	3,97	Нет свед.	5,18	6,50	6,31

* По существующим правилам трактористы получали “гарантийный минимум” (т.е. при любых условиях) зерна на трудодни (во второй половине 1950-х годов, как правило, в денежном эквиваленте), который составлял от 2 до 3 кг в зависимости от качества работы, и денег — от двух до трех рублей, по остальным видам продуктов размер выдачи был тем же, что и для всех колхозников.

2* Сост. по данным: НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 2688. Л. 4 об.; Д. 3822. Л. 7 об.; Д. 1441. Л. 38; Д. 3896. Л. 10 об.; Д. 3897. Л. 11, 27 об., 51 об.; Д. 3852. Л. 10; Ф. 408. Оп. 1. Д. 113. Л. 44 об., 93; Д. 1954. Л. 10; *Сметанин А.Ф.* Указ. соч. // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 359. Л. 153, 157, 158.

3* Исходя из стоимости определенного к выдаче на трудодень по государственным розничным ценам и суммы денежного дохода.

Таблица 53

**Группировка колхозов Коми АССР по размеру выдачи
на один трудодень денег колхозникам (без трактористов)
в 1940–1958 гг.***

Показатель	1940 г.	1946 г.	1947 г.	1949 г.	1950 г.
Число колхозов без выдачи денег	18	53	65	94	35
С выдачей до 20 коп.	97	39	57	77	39
От 21 до 40 « »	196	83	109	139	68
От 41 до 60 « »	140	83	83	85	54
От 61 коп. до 1 руб.	124	117	114	92	58
От 1 до 2,5 « »	133	200	130	141	116
От 2,51 до 4 « »	2	69	64	49	27
От 4 до 6 « »	2	29	54	4	3
От 6 до 10 « »	—	—	—	—	—
Свыше 10 « »	—	—	—	—	—
Всего колхозов, представивших данные	712	673	676	681	400

Показатель	1953 г.	1954 г.	1955 г.	1958 г.
Число колхозов без выдачи денег	8	2	2	—
С выдачей до 20 коп.	37	4	4	Нет свед.
От 21 до 40 « »	74	24	32	Нет свед.
От 41 до 60 « »	57	44	34	Нет свед.
От 61 коп. до 1 руб.	33	67	59	Нет свед.
От 1 до 2,5 « »	67	109	99	Нет свед.
От 2,51 до 4 « »	47	42	37	Нет свед.
От 4 до 6 « »	11	30	49	Нет свед.
От 6 до 10 « »	2	9	18	Нет свед.
Свыше 10 « »	—	—	—	Нет свед.
Всего колхозов, представивших данные	336	331	332	301

* Сост. по данным: НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 2679. Л. 19; Д. 2688. Л. 18; Д. 3863. Л. 46; Ф. 408. Оп. 1. Д. 113. Л. 33, 62, 85.

Таблица 54

Группировка колхозов Коми АССР по проценту денежных поступлений, распределенных на трудодни в 1940–1958 гг.*

Показатель	1940 г.	1946 г.	1947 г.	1950 г.
Число колхозов, не распределявших денежный доход по трудодням	18	53	65	35
Распределявших до 10 %		42	80	Нет свед.
От 10,1 до 19,9 « »	367	110	150	Нет свед.
От 20 до 29,9 « »		145	124	Нет свед.
От 30,0 до 49,9 « »	262	245	163	Нет свед.
От 50 до 70 « »	29	78	94	Нет свед.
Свыше 70%	6	—	—	Нет свед.
Итого учтенных колхозов	712	673	676	400

Показатель	1953 г.	1954 г.	1957 г.	1958 г.
Число колхозов, не распределявших денежный доход по трудодням	8	1	—	—
Распределявших до 10 %	51	6	3	1
От 10,1 до 19,9 « »	119	83	9	13
От 20 до 29,9 « »	64	103	56	42
От 30,0 до 49,9 « »	79	105	190	153
От 50 до 70 « »	15	33	45	93
Свыше 70%	—	—	—	—
Итого учтенных колхозов	336	331	303	301

* Сост. по данным: НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 2679. Л. 17; Д. 2688. Л. 16; Д. 3863. Л. 46; Д. 3896. Л. 30; Д. 3897. Л. 169; Ф. 408. Оп. 1. Д. 113. Л. 62, 85.

Таблица 55

Группировка колхозов Коми АССР по размеру выдачи зерна на один трудодень колхозникам (без трактористов) в 1940–1955 гг.*

Показатель	1940 г.	1946 г.	1947 г.	1948 г.
Число колхозов без выдачи зерновых	37	89	82	74
До 100 г		83	68	62
От 101 до 300 « »		170	231	161
От 301 до 500 « »	410	146	158	101
От 501 до 700 « »		72	63	76
От 701 до 1000 « »		63	40	80
От 1001 до 2000 « »	250	48	29	111
От 2001 до 3000 « »	14	1	5	18
От 3001 до 5000 « »	1	1	—	1
Свыше 5000 г	—	—	—	—
Итого учтенных колхозов	712	673	676	684

Показатель	1949 г.	1953 г.	1954 г.	1955 г.
Число колхозов без выдачи зерновых	94	46	73	75
До 100 г	49	52	91	37
От 101 до 300 « »	137			
От 301 до 500 « »	108	72	74	46
От 501 до 700 « »	70	101	81	90
От 701 до 1000 « »	103	33	45	93
От 1001 до 2000 « »	109	65	12	82
От 2001 до 3000 « »	10	—	—	2
От 3001 до 5000 « »	1	—	—	—
Свыше 5000 г	—	—	—	—
Итого учтенных колхозов	681	336	331	332

* Сост. по данным: НА РК. Ф. 140. Оп. 2. Д. 1441. Л. 41; Д. 2679. Л. 19; Д. 2688. Л. 17; Д. 2699. Л. 91; Д. 3863. Л. 47; Ф. 408. Оп. 1. Д. 113. Л. 83.

Таблица 56

Физиологические (рациональные) нормы питания*
на одного взрослого мужчину, занятого немеханизированным
физическим трудом^{2*}

Продукты питания	Среднесуточная норма, г	Норма на год, кг
Хлебные продукты	710	259,1
Картофель	300	109,5
Мясо и мясопродукты	250	91,2
Молоко	500	182,5
Масло животное	35	12,7
Рыба и рыбопродукты	70	25,5
Масло растительное и другие жиры	20	7,3
Яйца, шт.	1	365
Сахар, включая кондитерские изделия	100	36,5
Овощи и бахчевые	500	182,5
Творог	30	10,9
Сметана	25	9,1
Сыр	20	7,3
Чай	1	0,365
Кофе и смесь	3,5	1,2
Какао	0,5	0,182
Мед	5	1,8
Фрукты и ягоды свежие	240	87,6

* Сост. по нормам Института питания АМН СССР. Цит. по: *Старовойтова Н.А.* Формирование и распределение фонда потребления в колхозах. Минск, 1978. С. 36.

^{2*} Научно обоснованные нормы отражают, кроме общей калорийности питания по различным группам населения (возраст, пол, условия труда, климатические и сезонные факторы), наиболее правильное соотношение между отдельными частями пищи (жиры, белки, углеводы и витамины), обеспечивающие оптимальные потребности организма. Они рассчитаны вне зависимости от размеров производства продуктов и наличия денежных средств у населения.

Таблица 57

Единые государственные розничные цены на продовольственные
товары*, введенные в рамках денежной реформы
с 16 декабря 1947 г., руб. и коп. за 1 кг^{2*}

Продукты	Цена
Хлеб ржаной	3,20
Хлеб пшеничный из муки 1 сорта	7,80
Мука пшеничная, 1 сорт	9,00
Крупа гречневая ядрица	13,00
Макаронны из муки 1 сорта	11,00
Сахар рафинад	16,50
Мясо говяжье, 1 сорт	32,00
Масло сливочное соленое, высший сорт	66,00
Масло подсолнечное рафинирование	32,00
Рыба свежемороженая, 1 сорт	10,50
Сельдь каспийская бочкового посола, крупная	17,00
Соль молотая № 2	1,80
Яблоки 1 группы "Кандиль", 1 сорт	от 16,00 до 25,00
Молоко цельное, л	от 5,00 до 14,00
Яйца столовые 1 категории, дес.	18,00
Чай байховый грузинский 1 сорт, 100 г ^{3*}	16,00
Водка особая московская, 0,5 л	60,00

* Цены даны для третьего ценового пояса СССР, в который входила и Коми АССР.

^{2*} Приказ № 550 Министерства торговли СССР от 14 декабря 1947 г. Цит. по: За новый Север. 1947. 16 дек. Цены, установленные этим приказом, не распространялись на колхозный рынок и кооперативную торговлю.

^{3*} На чай и водку цены были едиными для всех поясов.

Таблица 58

**Единые государственные розничные цены на промышленные товары
(руб. и коп.), введенные в рамках денежной реформы
с 16 декабря 1947 г.***

Промышленные товары		В городах	В сельской местности
Ситец набивной (шир. 60–62 см),	м	10,10	11,20
Сатин “Экстра” (шир. 60–63 см)	« »	25,20	28,00
Шерсть байка меланж (шир. 142 см)	« »	108,00	120,00
Бостон чисто шерстяной (шир. 136 см)	« »	450,00	510,00
Крепдешин чисто шелковый набивной	« »	137,00	151,00
Платье женское хлопчатобумажное из кашемира, плетенки,	шт.	77,00	86,00
Платье женское шерстяное из крепа	« »	510,00	560,00
Костюм мужской “двойка” однобортный	« »	430,00	450,00
из камвольного полушерстяного трико			
Костюм мужской шерстяной “двойка”	« »	1400,00	1500,00
однобортный из бостона			
Полуботинки мужские на кожаной подошве всех видов из черного шавро,	пара	260,00	288,00
Туфли женские	« »	260,00	288,00
Галоши резиновые мужские обыкновенные	« »	45,00	45,00
Валенки мужские некрашенные	« »	195,00	216,00
Чулки женские хлопчатобумажные	« »	7,00	7,50
Носки мужские	« »	17,00	19,00
Нитки хлопчатобумажные, катушка			1,75
Спички, коробка			0,20
Мыло туалетное “Семейное”, 1 кусок 100 гр.			4,00
Мыло хозяйственное (высш. сорт 60%) 1 кусок 400 гр.			5,20
Керосин, л		2,00	2,50
Папиросы “Казбек” (высш. сорт № 3), коробка			6,30
Папиросы “Беломорканал”, коробка			4,00
Часы металлические наручные “Звезда” и “Зиф”,	шт.	900,00	
Радиоприемник “Рекорд” пятиламповый	« »	600,00	
Фотоаппарат “ФЭД-1”	« »	1100,0	

* Сост. по данным: За новый Север. 1947. 16 дек. Приказ № 550 Министерства торговли от 14 декабря 1947 г.

Таблица 59

**Одежда и белье для взрослых мужчин и женщин в год,
а также средние показатели метража тканей на душу населения***

Промышленные товары	Мужчины	Женщины
Пальто и плащи, шт.	3	3
Костюмы « »	7	2
Куртки и свитера « »	2	—
Обувь (без комнатной), пар	6	7
Платья для домашней и повседневной носки, шт.	—	15
Жакеты и свитера « »	—	3
Верхний трикотаж « »		4,0
Бельевой трикотаж « »		9,4
Ткани хлопчатобумажные, м		32,6
Ткани шерстяные « »		3,8
Ткани шелковые « »		9,1
Ткани льняные « »		4,5

* Сост. по данным: Старовойтова Н.А. Указ. соч. С. 40, 41.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Архивные фонды

- Российский Государственный архив экономики (г. Москва) (РГАЭ)
Фонд 9476 – Совет по делам колхозов при Совете Министров СССР
Национальный архив Республики Коми (г. Сыктывкар) (НАРК)
Фонд 140 – Статистическое управление Коми АССР
Фонд 312 – Министерство юстиции Коми АССР
Фонд 408 – Министерство сельского хозяйства Коми АССР
Фонд 605 – Совет министров Коми АССР
Фонд 642 – Президиум Верховного совета Коми АССР
Фонд 690 – Верховный суд Коми АССР
Фонд 1307 – Прокуратура Коми АССР
Фонд 1329 – Государственная плановая комиссия Коми АССР
Коми республиканский государственный архив общественно-политических движений и формирований (г. Сыктывкар) (Коми РГА ОПДФ)
Фонд 1 – Коми областной комитет КПСС
Научный архив Коми НЦ УрО РАН (г. Сыктывкар)
Фонд 1
Фонд 5

Источники

1. Конституция (Основной закон) Коми Автономной Советской Социалистической Республики. Сыктывкар, 1937.
2. Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства Коми АССР на 1946–1950 гг. Сыктывкар, 1946.
3. Сборник сообщений Чрезвычайной Государственной Комиссии о злодеяниях немецко-фашистских захватчиков. М., 1946.
4. Сельское хозяйство Коми АССР: Труды конференции по вопросам развития сельского хозяйства Коми АССР (март 1949 г.). М., 1951.
5. Примерный устав сельскохозяйственной артели. М., 1950.
6. 25 лет Коми АССР. Сыктывкар, 1946.
7. Народное хозяйство Коми АССР: Стат. сб. Сыктывкар, 1957.
8. Коми АССР за 40 лет: Стат. сб. Сыктывкар, 1961.
9. Коми АССР к 50-летию Советской власти: Стат. сб. Сыктывкар, 1967.
10. Коми АССР за 50 лет: Стат. сб. Сыктывкар, 1971.
11. Коми АССР 60 лет: Стат. сб. Сыктывкар, 1981.
12. Коми областная организация КПСС в цифрах. 1921–1976: Стат. сб. Сыктывкар, 1977.
13. 40 лет Коми АССР. Сыктывкар, 1961.
14. Народное хозяйство РСФСР: Стат. сб. М., 1957.
15. Сельское хозяйство РСФСР. М., 1959.

16. Сельское хозяйство России. 1917–1967: Стат. справ. М., 1967.
17. Посевные площади СССР: Стат. сб.: В 2 т. М., 1957.
18. Численность скота в СССР: Стат. сб. М., 1957.
19. Сельское хозяйство СССР. 1913–1970 гг.: Стат. сб. М., 1971.
20. Народное хозяйство СССР в 1959 году: Стат. ежегодник. М., 1960.
21. Справочник по новой технике в сельском хозяйстве. М., 1959.
22. Финансы СССР. М., 1967.
23. Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1957 гг. М., 1957–1958. Т. 2–4.
24. Почвы Коми АССР и пути повышения их плодородия. Сыктывкар, 1963.
25. Шишкин Н.И. Коми АССР: Экон.-геогр. характеристика. М., 1959.
26. Газета “За новый Север” (с 18 марта 1955 г. – “Красное Знамя”) – орган обкома, Сыктывкарского горкома ВКП (б) (КПСС) и Президиума Верховного совета Коми АССР.
27. Партия – организатор крутого подъема сельского хозяйства СССР: Сб. док. (1953–1958). М., 1958.
28. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967): В 5 т. М., 1967–1968.
29. История колхозного права: Сб. законод. материалов СССР и РСФСР 1917–1958 гг.: В 2 т. М., 1958–1959.
30. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: В 2 т. 7-е изд. М., 1953.
31. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: В 15 т. М., 1970–1989.
32. Настольный календарь колхозника. М., 1939.
33. Статистический сборник по бюджетам рабочих и колхозников РСФСР. М., 1954.
34. Бюджеты рабочих, служащих и колхозников РСФСР. М., 1959.
35. Азбука экономики колхоза. М., 1970.
36. Ченцов В.П., Василенко В.П., Коновалов Д.А., Дроздов О.И. Коми областному комитету КПСС, Совету министров Коми АССР докладная записка “О совершенствовании закупочных цен на колхозную продукцию” // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 9. Д. 264.
37. Материальное положение колхозников российского Нечерноземья в 1950–1965 гг. Вологда, 1988.
38. Материальное положение рабочих и колхозников. 1950–1965 гг. Вологда, 1989.
39. Хозяйство крестьянского двора в российском Нечерноземье. 1950–1965 гг. Вологда, 1989.
40. Крестьянская торговля на рынках Нечерноземья в 1950–1965 гг. Вологда, 1990. Ч. 1–3.
41. Колхозное население в российском Нечерноземье в 1950–1965 гг. Вологда, 1990. Ч. 1–2.
42. Попов В.П. Российская деревня после войны (июнь 1945 – март 1953): Сб. док. М., 1993.
43. Чаянов А.В. Краткий курс коллективизации. М., 1989. (Репринтное воспроизведение издания 1925 г.)
44. Преображенский Е.А. Основной закон социалистического накопления // Пути развития: дискуссии 20-х годов. Л., 1990.
45. Письмо И.В. Сталина М.А. Шолохову // Судьбы российского крестьянства. Россия. XX век. М., 1996. С. 358.
46. Писатель и вождь: Переписка М.А. Шолохова с И.В.Сталиным. М., 1997.
47. Калинин М.И. Беседы с народом. М., 1960.

48. Калинин М.И. Статьи и речи. М., 1975.
49. Сталин И.В. Вопросы ленинизма. М., 1952.
50. Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР. М., 1952.
51. Сталин И.В. Речи на предвыборных собраниях избирателей Сталинского избирательного округа г. Москвы. М., 1954.
52. Хрущев Н.С. О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР. М., 1953.
53. Русская частушка: Фольклорный сб. М., 1993.
54. Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах. М., 1996.
55. Решения январского (1955 г.) Пленума ЦК КПСС о Г.М. Маленкове (вступление М. Реймана) // Вопросы истории. 1999. № 1.

Литература

1. Александров А.Н., Габов Л.А., Калянова Т.Г., Сметанин А.Ф. и др. Советское крестьянство и сельское хозяйство Коми АССР в период завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода к коммунизму (1938–1975). Сыктывкар, 1980 // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 253, 254, 255. Раздел о послевоенном развитии деревни см.: Д. 254. С. 3–149.
2. Алексанов П.А. Развитие социального обеспечения советского крестьянства // Вопросы истории. 1974. № 9.
3. Алексеев А.И. Многоликая деревня. М., 1990.
4. Алексеев А.И. Мир таинственный... Размышления о крестьянстве. М., 1991.
5. Аникин В.В. К вопросу о миграции населения в городах РСФСР в 1950–1956 гг. // Вопросы истории. 1981. № 12.
6. Анисимов Н.И. Развитие сельского хозяйства в первой послевоенной пятилетке. М., 1952.
7. Анисков В.Т. Жертвенный подвиг деревни. Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1995. № 1.
8. Ануфриев А.Ф. Электрическая энергия в колхозах Коми АССР. Сыктывкар, 1957.
9. Артемова О.В. Крестьянский двор на Европейском Севере (вторая половина 1930-х – 1940-е гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 1997.
10. Арутюнян Ю.В. Формирование механизаторских кадров колхозного производства в послевоенный период (1946–1957) // История СССР. 1958. № 5.
11. Арутюнян Ю.В. Механизаторы сельского хозяйства СССР в 1929–1957 гг. М., 1960.
12. Арутюнян Ю.В. Опыт социологического изучения села. М., 1968.
13. Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971.
14. Безнин М.А. Материальное благосостояние колхозной семьи в Нечерноземье. 1959–1965 // История СССР. 1989. № 1.
15. Безнин М.А. Крестьянское хозяйство в российском Нечерноземье. 1950–1965 гг. М.; Вологда, 1990.
16. Безнин М.А. Землепользование крестьянского двора в российском Нечерноземье в 1950–1965 гг. // История СССР. 1990. № 3.
17. Безнин М.А. Колхозное население в российском Нечерноземье в 1950–1965 гг. Вологда, 1990.
18. Безнин М.А. Крестьянский двор в российском Нечерноземье. 1950–1965 гг. М., 1991.
19. Безнин М.А. Крестьянский двор российского Нечерноземья в 1950–1965 гг. // Отечественная история, 1992. № 3.

20. Безнин М.А. Хозяйство крестьянского двора в российском Нечерноземье. 1950–1965 гг. Вологда, 1989.
21. Безнин М.А., Димони Т.М. Крестьянство и власть в России в конце 1930-х – 1950-е годы // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.). М., 1996.
22. Безнин М.А., Димони Т.М. Социальный протест колхозного крестьянства (вторая половина 1940-х–1960-е гг.) // Отечественная история. 1999. № 3.
23. Белязо Е.П. Крестьянство Белоруссии на пути к развитому социализму. Минск, 1982.
24. Белянов В.А. Личное подсобное хозяйство при социализме. М., 1970.
25. Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1973; 2-е изд., доп. М., 1986.
26. Богдашкин П.И. Электрификация сельского хозяйства СССР. М., 1960; 2-е изд., М., 1967.
27. Богденко М.Л. Основные проблемы развития совхозов в 1954–1965 гг. // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970). М., 1972.
28. Богденко М.Л. Совхозы СССР, 1951–1958. М., 1972.
29. Богденко М.Л. Некоторые проблемы развития совхозов в 1946–1970 гг. // Проблемы истории современной советской деревни 1946–1973 гг. М., 1975.
30. Болтушкин В.В. Совхозное строительство в Российской Федерации в 1954–1958 гг. // Вопросы истории. 1963. № 8.
31. Борисов Ю.С. Ред.: Зеленин И.Е. Общественно-политическая жизнь советской деревни 1946–1958 гг. (Состав и деятельность общественных организаций, Советов, рост политической активности сельских тружеников) // Вопросы истории. 1979. № 12.
32. Борисов Ю.С. Ред.: Тюрина А.П. Формирование кадров специалистов и организаторов колхозного производства 1946–1958 гг. М.: Наука, 1973 // История СССР. 1975. № 2.
33. Боффа Дж. История Советского Союза. М., 1994. Т. 2.
34. Буздалов И.Н., Карлюк И.Я., Морозов В.А. Материальное стимулирование и подъем колхозного производства. М., 1965.
35. Венжер В.Г. Вопросы комплексной механизации колхозного производства. М., 1955.
36. Венжер В.Г. Колхозный строй на современном этапе. М., 1966.
37. Вербицкая О.М. Изменения численности и состава колхозного крестьянства РСФСР в первые послевоенные годы (1946–1950) // История СССР. 1980. № 5.
38. Вербицкая О.М. Российское крестьянство: демографическая ситуация в 1926 и 1959 годах // Крестьянское хозяйство: история и современность / Матер. к Всерос. науч. конф. Вологда. Октябрь, 1992 г. Вологда, 1992. Ч. 1.
39. Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву: Середина 40-х–начало 60-х годов. М., 1992.
40. Верт Н. История Советского государства. М., 1995.
41. Викентьев А. Очерки развития советской экономики в четвертой пятилетке. М., 1952.
42. Винокурова Р.Ф. Основные этапы развития колхозного производства в 1946–1970 гг. // Проблемы истории современной советской деревни 1946–1973 гг. М., 1975.
43. Витязева В.А. Советская Коми Республика. Сыктывкар, 1954.
44. Витязева В.А. Коми АССР. Сыктывкар, 1956.
45. Витязева В.А. Коми АССР. Сыктывкар, 1959.
46. Волков И.М. Колхозная деревня в первый послевоенный год, 1946–1947 // Вопросы истории. 1966. № 1.

47. Волков И.М. Сельское хозяйство и колхозное крестьянство первых послевоенных лет в советской исторической литературе // Очерки историографии советского общества. М., 1967.
48. Волков И.М. Колхозы СССР в годы четвертой пятилетки (1946–1950) // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970). М., 1972.
49. Волков И.М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР в 1946–1950 гг. М., 1972.
50. Волков И.М. Сельское хозяйство и крестьянство СССР в послевоенные годы в работах советских историков // Проблемы истории современной советской деревни 1946–1973 гг. М., 1975.
51. Волков И.М., Данилов В.П., Шерстобитов В.П. Проблемы истории советского крестьянства // История СССР. 1977. № 3.
52. Вопросы аграрной истории / Матер. науч. конф. по истории сельского хозяйства и крестьянства европейского Севера СССР. Вологда, 15–17 июня 1967 г. Вологда, 1968.
53. Воронович А.А. Ленинская аграрная программа и ее осуществление в СССР. М., 1961.
54. Всесоюзная научная конференция в Москве, ноябрь 1983 г. Проблема: Снабжение города и деревни // История СССР. 1984. № 6.
55. Вылцан М.А. Сводные годовые отчеты колхозов за 1935–1939 гг. как исторический источник // Исторический архив. 1962. № 6.
56. Вылцан М.А. Численность и состав сельского населения за 50 лет // История СССР. 1967. № 6.
57. Вылцан М.А., Мокин С.В. Что увидел и чего не заметил французский ученый в советской деревне // История СССР. 1963. № 6.
58. Вылцан М.А. Восстановление и развитие материально-технической базы сельского хозяйства в 1946–1958 гг. // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970). М., 1972.
59. Вылцан М.А. Материально-техническая база сельского хозяйства СССР в 1950–1970 гг. // Проблемы истории современной советской деревни 1946–1973 гг. М., 1975.
60. Вылцан М.А. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945–1958). М., 1976.
61. Вылцан М.А. Историческая роль МТС в создании и развитии колхозного строя // История СССР. 1978. № 2.
62. Вылцан М.А. Крестьянство России в годы большой войны 1941–1945 гг. Пиррова победа. М., 1995.
63. Вылцан М.А. Приказ и проповедь: способы мобилизации трудовых ресурсов деревни в годы войны // Отечественная история. 1995. № 3.
64. Габов Л.А., Свиридова М.А., Кравцова М.Д. Сельское хозяйство Коми АССР в период развитого социализма (историческое исследование). М., 1981.
65. Гагарин Ю.В. История религии и атеизма народа коми. М., 1978.
66. Гагарин Ю.В. Усть-Вымь. Сыктывкар, 1980.
67. Гагарин Ю.В., Жеребцов Л.Н. Быт и культура села. Сыктывкар, 1968.
68. Голованов Н.В., Мацук М.А. Пути развития торговли в Коми в XX веке. Сыктывкар, 1999.
69. Григорьевский В.Я., Алексеев М.А. Личное подсобное хозяйство колхозников, рабочих и служащих в СССР. Л., 1968.
70. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа “Анналов”. М., 1993.
71. Данилов В.П. К итогам изучения истории советского крестьянства и колхозного строительства СССР // Вопросы истории. 1960. № 8.
72. Данилов В.П. Некоторые итоги научной сессии по истории советской деревни // Вопросы истории. 1962. № 2.

73. Данилов В.П. Проблемы истории советской деревни в 1946–1970 гг.: Очерк историографии // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970). М., 1972.
74. Данилов В.П. Советская колхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977.
75. XIX сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. 3 октября 1982 г., г. Уфа // Вопросы истории. 1983. № 4.
76. Демьяненко В.Н. Государственное руководство колхозной демократией. Саратов, 1968.
77. Денисов Ю.П. Кадры председателей колхозов 1950–1968 гг. // История СССР. 1971. № 1.
78. Денисов Ю.П. Развитие колхозной демократии, 1946–1970. Ростов-н/Д, 1975.
79. Денисов Ю.П. Рец. Волков И.М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. Колхозы СССР. 1946–1950 гг. М.: Мысль, 1972 // История СССР, 1973. № 2.
80. Денисова Л.Н. Деревня российского Нечерноземья. 1960–1980-е годы: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1996.
81. Димони Т.М. Письма в органы власти как источник для изучения социально-политических воззрений северного крестьянства в период конца 1930-х–1950-х годов (на материалах Вологодской области) // Актуальные проблемы археологии, источниковедения и историографии. Вологда, 1995.
82. Димони Т.М. Социальный протест в колхозной деревне 1945–1960 гг. (на материалах европейского Севера России): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вологда, 1996.
83. Дмитренко Т.А., Кузакова В.И. Шефская помощь рабочего класса труженикам села (1946–1967 гг.) // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970). М., 1972.
84. Долгов В.С. Общественное хозяйство колхозов к концу восстановительного периода (по материалам годовых отчетов колхозов за 1949–1950 гг.) // Проблемы истории современной советской деревни 1946–1973 гг. М., 1975.
85. Дорогой борьбы и побед: Хроника Коми областной организации КПСС 1917–1981 гг. Сыктывкар, 1982.
86. Дубоносов Д.И. Деятельность Коммунистической партии по восстановлению и развитию сельского хозяйства, 1946–1950 гг. Ростов-н/Д, 1970.
87. Жданов Л.А., Канев Н.Ф. Удора – земля дружбы. Сыктывкар, 1985.
88. Жиромская В.Б. Рец. Корнилов Г.Е. Уральское село и война: проблемы демографического развития // Вопросы истории. 1994. № 9.
89. Жуков Ю.Н. Борьба за власть в руководстве СССР в 1945–1952 гг. // Вопросы истории. 1995. № 1.
90. Заславская Т.И. Принцип материальной заинтересованности и оплата труда в колхозах. М., 1958.
91. Заславская Т.И. Распределение по труду в колхозах. М., 1966.
92. Зеленин И.Е. Общественно-политическая жизнь советской деревни в первые послевоенные годы // История СССР. 1974. № 2.
93. Зеленин И.Е. Общественно-политическая жизнь советской деревни, 1946–1958. М., 1978.
94. Зеленин И.Е. О некоторых показателях сельскохозяйственной статистики (50–60-е годы) // Актуальные проблемы археологии, источниковедения и историографии. Вологда, 1995.
95. Зеленин И.Е. Первая советская программа массового освоения целинных земель (конец 20-х – 30-е годы) // Отечественная история. 1996. № 2.

96. Зеленин И.Е. Рец.: *Денисевич М.Н.* Индивидуальное хозяйство на Урале (1930–1985 гг.) // Вопросы истории. 1993. № 9.
97. Зеленин И.Е. Рец.: *Моторевич В.П.* Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941–1950 гг.) // Отечественная история. 1994. № 3.
98. Зеленин И.Е. Рец.: *Анисков В.Т.* Жертвенный подвиг деревни. Крестьянство Сибири в годы Великой Отечественной войны. Новосибирск, 1993 // Вопросы истории. 1995. № 1.
99. Зеленин И.Е. Рец.: *Никонов А.А.* Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М., 1995 // Вопросы истории. 1997. № 3.
100. Зеленин И.Е. Рец.: *Попов В.П.* Российская деревня после войны (июнь 1945 – март 1953). М., 1993 // Отечественная история. 1995. № 2.
101. *Зима В.Ф.* О роли личного подсобного хозяйства в материальном обеспечении колхозного крестьянства (по материалам парторганизации Центрального Нечерноземья) 1941–1945 гг. // Социально-политическое и экономическое развитие советской деревни. Ярославль, 1979. Вып. 3.
102. *Зима В.Ф.* Второе раскулачивание (Аграрная политика конца 40–начала 50-х годов) // Отечественная история. 1994. № 3.
103. *Зима В.Ф.* Голод в России 1946–1947 гг. // Отечественная история. 1993. № 1.
104. *Зима В.Ф.* Послевоенное общество: голод и преступность (1946–1947) // Отечественная история. 1995. № 5.
105. *Зима В.Ф.* Голод в СССР 1946–1947 годов: происхождение и последствия. М., 1996.
106. *Зотова О.И., Новиков В.В., Шорохова Е.В.* Особенности психологии крестьянства. Прошлое и настоящее. М., 1983.
107. *Зубкова Е.Ю.* Маленков и Хрущев: личный фактор в политике послесталинского руководства // Отечественная история. 1995. № 4.
108. *Ефременков Н.В., Завяич В.И.* Статистические источники по истории колхозов и колхозного крестьянства // Массовые источники по социально-экономической истории советского общества. М., 1979.
109. *Иванова Г.А.* О подготовке кадров производственно-технической интеллигенции для социалистического сельского хозяйства. М., 1962.
110. *Иванов Н.С.* Раскрестьянивание деревни (середина 40-х – 50-е годы) // Россия. XX век: Судьбы российского крестьянства. М., 1996.
111. *Игнатова Н.М.* Формы протеста спецпереселенцев на территории Республики Коми в 1930–1940-е годы // Проблемы материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран: Тез. докл. Сыктывкар, 1999.
112. *Игнатовский П.А.* Социально-экономические изменения в советской деревне. М., 1966.
113. *Игнатовский П.А.* Крестьянство и экономическая политика партии в деревне. М., 1971.
114. Изучение аграрной истории европейского Севера СССР на современном этапе. Сыктывкар, 1989 (Тр. Коми науч. центра УрО АН СССР. № 112).
115. *Индова Е.И.* 30 лет Комиссии по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР // Вопросы истории. 1980. № 10.
116. Историография крестьянства Советской Сибири. Новосибирск, 1976.
117. История крестьянства СССР. М., 1988. Т. 4.
118. История Коми АССР с древнейших времен до наших дней. Сыктывкар, 1978. С. 401–405, 422–427. Авторы соответствующих разделов – В.С. Дегтев, Т.Г. Калянова.
119. История крестьянства СССР. Крестьянство в годы упрочения и развития социалистического общества 1945–конец 50-х годов. М., 1988.
120. История Республики Коми: Науч.-попул. очерки. Сыктывкар, 1996. С. 244–248.
121. История родного края. Сыктывкар, 1994. С. 142–147.
122. История России. XX век / Под ред. В.П. Дмитренко. М., 1997. С. 524.
123. История России / Под ред. С.В. Леонова. М., 1995. Т. 2. С. 361.
124. История сельского хозяйства и крестьянства европейского Севера, Верхнего Поволжья, Урала / Конференция в Кирове // История СССР. 1979. № 5.
125. История советского крестьянства и колхозного строительства в СССР. М., 1963.
126. История советской деревни (1917–1977 гг.): Указатель лит-ры (1968–1977). М., 1985–1987. Вып. 2–3.
127. История социалистической экономики СССР, 1946–начало 1960-х годов. М., 1980. Т. 6.
128. *Калугина З.И.* Личное подсобное хозяйство в СССР: Социальные регуляторы и результаты развития. Новосибирск, 1991.
129. *Калянова Т.Г.* Развитие сельского хозяйства Коми АССР в 1951–1958 гг. // Из истории сельского хозяйства Коми АССР. Сыктывкар, 1977 (Тр. Ин-та яз., лит. и ист. Коми фил. АН СССР; Вып. 19).
130. *Калянова Т.Г.* Изменения в составе и материальном положении колхозного крестьянства Коми АССР в годы первых послевоенных пятилеток (1946–1958 гг.) // Актуальные вопросы истории крестьянства европейского Севера (советский период): Межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар, 1982.
131. *Калянова Т.Г.* О росте политической активности колхозного крестьянства Коми АССР. Сыктывкар, 1982 (Тр. Ин-та яз., лит. и ист. Коми фил. АН СССР. Вып. 25).
132. *Калянова Т.Г.* Послевоенные пятилетки республики: 1946–1958 гг. // Вестник политической информации, № 13. Сыктывкар, 1987. С. 9–14.
133. *Канев Г.В.* Совхозное строительство на европейском Севере СССР. Проблемы социально-экономического развития советской деревни // Вопросы аграрной истории европейского Севера СССР. Вологда, 1975. Вып. 5. С. 148–153.
134. *Канев Г.В., Беляев В.В., Степанова Г.И.* Экономическая эффективность сельского хозяйства европейского Севера. М., 1974.
135. *Канев Г.В., Пийр В.П.* Эффективность пригородного сельскохозяйственного производства. Сыктывкар, 1971.
136. *Канев Г.В., Пийр В.П.* Ордена Ленина совхоз “Сыктывкарский”. Сыктывкар. 1981.
137. *Канев Г.В., Терентьев В.В.* Оплата труда в совхозах. Сыктывкар, 1964.
138. *Канев Г.В., Терентьев В.В.* Сдвиги в социальной структуре современного села: Преображенный край: Материалы республ. науч. конф. Сыктывкар, 1982.
139. *Карташев Р.Н.* Развитие сельского хозяйства СССР после сентябрьского Пленума ЦК КПСС (1953 г.) // Вопросы истории. 1957. № 11.
140. *Клементьев Е.И., Кожанов А.А.* Сельская среда и население Карелии 1945–1960 гг. // Историко-социологические очерки. Л., 1988.
141. *Климов П.И.* Колхозная деревня после сентябрьского Пленума ЦК КПСС. 1953–1958 гг. // История СССР. 1959. № 2.
142. *Клодин Ф.И.* Рец.: История советского крестьянства. Т. 4 (Крестьяне в годы упрочения и развития социалистического общества. 1945–конец 1950-х годов. М.: Наука, 1988) // История СССР. 1989. № 3.
143. Коми деревня в XX веке: история, современность, перспективы. Сыктывкар, 1995.
144. *Коновалов Д.А., Ченцов Р.Е.* Сельское хозяйство Коми АССР за 40 лет. Сыктывкар, 1961.
145. *Коркоценко Д.И., Куликов В.И.* Коммунистическая партия в борьбе за дальнейшее развитие сельского хозяйства, 1946–1958. М., 1974.

146. Корнилов Г.Е. Колхозная торговля на Урале в условиях Великой Отечественной войны // Отечественная история. 1994. № 2.
147. Корольков Н.В. Сельские индустриальные кадры в 1953–1963 гг. // История СССР. 1964. № 2.
148. Краев М.А. Победа колхозного строя в СССР. М., 1954.
149. Крестьянство европейского Севера России в XVII–XX веках: проблемы изучения. Сыктывкар, 1993 (Тр. Ин-та яз., лит. и ист. Коми НЦ УрО РАН. Вып. 54).
150. Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма. Новосибирск, 1985.
151. Криводед В.В. КПСС и колхозное крестьянство в 1945–1959 гг. Ростов-н/Д, 1984.
152. Кузнецов Ю.В. Аграрная политика КПСС в 1950 – первой половине 1960-х гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Орел, 1995.
153. Куликов В.И. Массовое освоение целинных земель и его социально-экономическое значение // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970). М., 1972.
154. Куликов В.И. О научно-технической революции в сельском хозяйстве // История СССР. 1974. № 1.
155. Куликов В.И. Исторический опыт освоения целинных земель. М., 1978.
156. Кучер П.А. Сельское хозяйство Коми АССР. Сыктывкар, 1957.
157. Лаврентьев В.Н. К вопросу о роли совхозов в развитии колхозно-кооперативной собственности // Вопросы истории. 1959. № 9.
158. Лагутин Н.С. Проблемы сближения уровня жизни рабочих и колхозников. М., 1965.
159. Лашук Л.П. Некоторые итоги изучения истории народа коми за годы Советской власти. Сыктывкар, 1958. (Тр. Коми фил. АН СССР. Вып. 6).
160. Левыкин И.Т. Теоретические и методологические проблемы социальной психологии: На опыте изучения психологии колхозного крестьянства. М., 1975.
161. Ленинский кооперативный план и современная деревня / Материалы XVII сессии симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Ростов-на-Дону, Ростов-н/Д, 1978; 1980.
162. Макаров В.Г. Вопросы экономики колхозов севера республики Коми (на примере колхозов Ижемского района): Дис. ... канд. экон. наук. Сыктывкар, 1952 // Научный архив Коми НЦ УрО РАН Ф. 1. Оп. 9. Д. 126.
163. Малеев В.Г., Осолков Е.Н. Рец.: Советская деревня в первые послевоенные годы. 1946–1950. М.: Наука, 1978) // Вопросы истории. 1980. № 6.
164. Маркова М.Т., Филимонов А.В. Материальное положение и культура северо-западной деревни в 1944 – начале 50-х годов // Социально-экономическое развитие северной деревни (советский период). Вологда, 1988.
165. Массовые источники по социально-экономической истории советского общества. М., 1979.
166. Материальное положение, быт и культура северного крестьянства (советский период). Вологда, 1992.
167. Мельников Б.П., Чувьоров М.А. Социально-экономическое развитие современного села. Сыктывкар, 1975.
168. Место и роль крестьянства в социально-экономическом развитии общества: XVII сессия Всес. симпози. по изучению проблем аграрной истории. Сентябрь 1978 г., Ростов-на-Дону // История СССР. 1979. № 2.
169. Миграция сельского населения. М., 1970.
170. Милохин Д.В. Годовые отчеты колхозов как источник по истории сельского хозяйства Коми АССР // Общественность и архивы: проблемы и пути сотрудничества. Сыктывкар, 1997. С. 18–20.

171. Милохин Д.В. Итоги и задачи изучения истории коми колхозной деревни 1946–1958 годов // Историография Коми: Материалы по истории Коми. Сыктывкар, 1999. Вып. 2. С. 58–63.
172. Милохин Д.В. Методы стимулирования труда колхозников в сельскохозяйственном производстве в 1946–1953 гг. (На примере колхозов Коми АССР) // Проблемы материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран: Тез. докл. Сыктывкар, 1999. С. 102–103.
173. Милохин Д.В. Доходы колхозников Коми АССР от общественного хозяйства в первые послевоенные годы (1946–1953 гг.) // Крестьянство Вычегодского края в XVII–XX веках / Науч.-практич. конф.: Тез. докл. Яренск, 1999. С. 36–38.
174. Милохин Д.В. Аграрная политика Советского государства и материальное положение колхозников в послевоенный период (На материалах Коми АССР). Сыктывкар, 2002 (Науч. докл. / Коми НЦ УрО РАН. Вып. 447).
175. Миронов Б.Н. Историк и социология. Л., 1984.
176. Монов А.И., Аверин И.Г., Пожегов В.П. Сельское хозяйство Нечерноземной зоны РСФСР. М., 1978.
177. Морозов В.О. Из истории развития сельского хозяйства РСФСР (1953–1958 гг.) // История СССР. 1961. № 4.
178. Морозов В.О. Совершенствование оплаты труда колхозников (1953–1958 гг.) // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970). М., 1972.
179. Население России в 1920–1950-е годы: численность, потери, миграции. М., 1994.
180. Некоторые вопросы деятельности КПСС по развитию сельского хозяйства. Орел, 1973.
181. Некрасова И.М. Развитие электрификации сельского хозяйства в 1945–1965 гг. // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970). М., 1972.
182. Никонов А.А. Спираль многовековой драмы: аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М., 1995.
183. Новейшая история отечества. XX век / Под ред. А.Ф. Киселева, Э.М. Шагина. М., 1998. Т. 2.
184. Общественно-политическая жизнь сельского населения Коми АССР: Сб. статей. Сыктывкар, 1982.
185. Общественно-политическая жизнь советской сибирской деревни. Новосибирск, 1974.
186. Огарков А.М. Историография по теме: Северная деревня в послевоенный период 1946–1960 гг. Архангельск, 1993.
187. Ольшеская Г.К. К истории реорганизации МТС // Проблемы истории современной советской деревни 1946–1973 гг. М., 1975.
188. Осокина Е.А. За фасадом сталинского изобилия. Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации 1927–1941. М., 1998.
189. Островский В.Б. Колхозное крестьянство СССР. Саратов, 1967.
190. Островский В.Б. Новый этап в развитии колхозного строя. М., 1977.
191. Островский В.Б., Полищук В.Д. Рец.: Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970). М.: Наука, 1972 // История СССР. 1973. № 6.
192. Очерки истории Коми партийной организации. Сыктывкар, 1964. С. 272–276, 283–284, 293–300, 325–330. Авторы соответствующих разделов – Я.Н. Безносиков, Н.П. Безносиков, Ю.М. Раппопорт, А.С. Макаров.
193. Очерки по истории Коми АССР. Сыктывкар, 1962. Т. 2. С. 389–397, 435–442, 461–465, 505–507. Авторы соответствующих разделов – Д.Д. Балужева, В.С. Дегтев, И.Н. Каверин.

194. Павлов И.В. Развитие колхозной демократии в период развернутого строительства коммунизма // От социалистической государственности к коммунистическому общественному самоуправлению. М., 1961.
195. Павлов Н.П. Борьба КПСС за укрепление кадров машинно-тракторных станций, 1951–1955. Ижевск, 1957.
196. Павлов Н.П. Колхозная демократия – действенное средство укрепления общественной собственности (1946–1970). Ижевск, 1984.
197. Павлов Н.П. Крестьянство Удмуртии, 1946–1970. М., 1975.
198. Переведенцев В.И. Население СССР: вчера, сегодня, завтра. М., 1972.
199. Плотников К.Н. Очерки истории бюджета Советского государства. М., 1955.
200. Погодин С.А. Городское население СССР: историко-демографический анализ (середина 40–конец 50-х годов). Саратов, 1994.
201. Погодин В.И. Путь советского крестьянства к социализму: Историогр. очерк. М., 1975.
202. Полетаев В.Е., Устинов В.А. Изменение социального облика колхозной молодежи (1938–1969 гг.) // История СССР. 1970. № 4.
203. Полищук В.Д. Критика антикоммунизма по вопросам социальной активности колхозного крестьянства СССР // Проблемы истории современной советской деревни. 1946–1973 гг. М., 1975.
204. Полищук В.Д. Развитие колхозной демократии. Саратов, 1972.
205. Полищук В.Д., Рыбаков А.Г., Павлов Н.П. Рец.: Колхозная демократия – действенное средство укрепления общественной собственности (1946–1970 гг.). Ижевск, 1984 // Вопросы истории. 1986. № 1.
206. Польских М.П. Рец.: Вербицкая О.М. Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40–начало 60-х годов. М., 1992 // Отечественная история. 1994. № 2.
207. Проблемы истории советского крестьянства. М., 1981.
208. Промышленные рабочие Коми АССР. 1918–1970. М., 1974.
209. Пуцкова З.С. Реорганизация МТС и новые формы организации производственно-технического обслуживания колхозов // Проблемы истории современной советской деревни 1946–1973 гг. М., 1975.
210. Развитие социалистической экономики в послевоенный период. М., 1965.
211. Русинов И.В. Аграрная политика КПСС в 50-е–первой половине 60-х годов: Опыт и уроки // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9.
212. Русское православие. Вехи истории. М., 1989.
213. Сдобнов С.И. Возникновение и развитие колхозной собственности в СССР. М., 1956.
214. Селунская В.М. Ленинский кооперативный план и его решение, развитие в новой Программе КПСС // Вопросы истории. 1963. № 7.
215. Сельское хозяйство Коми АССР: Тр. конф. по вопросам развития сельского хозяйства Коми АССР (март 1949 г.). М., 1951.
216. Сен А. Политическая экономия голода // Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992.
217. Селявский С.Л. Изменения в социальной структуре советского общества. 1938–1970. М., 1973.
218. Сидоренко А.А. Подъем материального благосостояния дальневосточного крестьянства (1945–1959 гг.) // Сельское хозяйство и крестьянство Дальнего Востока СССР в период строительства социализма и коммунизма: Межвуз. сб. науч. тр. Хабаровск, 1984.
219. Симуш П.И. Социальный портрет советского крестьянства. М., 1976.
220. Сказ о земле Коми. Сыктывкар, 1977.

221. Скотт Дж. Моральная экономика крестьянства как этика выживания // Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992.
222. Скотт Дж. Оружие слабых: повседневное сопротивление и его значение // Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992.
223. Сметанин А.Ф. Колхозы и колхозное крестьянство Коми АССР в предвоенные годы (1938–июнь 1941): Дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 1985 // Научный архив Коми НЦ УрО РАН. Ф. 5. Оп. 2. Д. 359.
224. Сметанин А.Ф. Советская историческая литература о проблемах аграрной истории Коми АССР 1938–1985 годов // Проблемы историографии Европейского Северо-Востока СССР. Сыктывкар, 1987 (Тр. Ин-та яз., лит. и ист. Коми фил. АН СССР. Вып. 42).
225. Советская деревня в первые послевоенные годы / Гл. редактор И.М. Волков. М., 1978.
226. Советское крестьянство: Краткий очерк истории. М., 1970; 2-е изд., доп. М., 1973.
227. Союз рабочего класса и крестьянства СССР на современном этапе. М., 1962.
228. Староверов В.И. Социально-демографические проблемы деревни. М., 1975.
229. Старовойтова Н.А. Формирование и распределение фонда потребления в колхозах. Минск, 1978.
230. Суслов И.Ф. Экономические интересы и социальное развитие колхозного крестьянства. М., 1973.
231. Суслов И.Ф. Экономические проблемы развития колхозов. М., 1967.
232. Сымонович Ч.Э. Советская деревня в 50–80 гг. // Вопросы истории. 1988. № 2.
233. Теоретический семинар. Современные пути аграрного развития // Отечественная история. 1992. № 5; 1993. № 2, 6; 1994. № 2, 4/5, 6; 1995. № 3, 4.
234. Терентьев П. Брыкаланск – село печорское: Ист. очерк. Сыктывкар, 1973.
235. Теряева А.П. Вопросы организации и оплаты труда в колхозах. М., 1954.
236. Толмачева Р.П. Колхозы Урала в первые послевоенные годы, 1946–1950. Томск, 1979.
237. Толмачева Р.П. Колхозы Урала в 50-е годы. Томск, 1981.
238. Трапезников С.П. Исторический опыт КПСС в социалистическом преобразовании сельского хозяйства. М., 1959.
239. Трапезников С.П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М., 1967. Т. 2; 2-е изд., М., 1974. Т. 2.
240. Тулупников А.И. Общественное хозяйство – основа зажиточности колхозников. М., 1941.
241. Тюрина А.П. Укрепление колхозов и МТС кадрами руководителей и специалистов (1951–1958 гг.) // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970). М., 1972.
242. Тюрина А.П. Формирование кадров специалистов и организаторов колхозного производства 1946–1958 гг. М., 1973.
243. Тюрина А.П. О некоторых изменениях в составе и расстановке производственно-технической интеллигенции сельского хозяйства на завершающем этапе строительства социализма // Проблемы истории современной советской деревни 1946–1973 гг. М., 1975.
244. Тюрина А.П. К вопросу о преобразовании колхозов и совхозов // История СССР. 1983. № 5.
245. Уильямс Р. Но это вовсе не было правдой... // Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992.

246. *Ульянов Л.Н.* Трудовой подвиг рабочего класса и крестьянства Сибири, 1945–1953. Томск, 1979.
247. *Филимонова Г.С.* Восстановление сельского хозяйства в районах РСФСР, подвергавшихся немецко-фашистской оккупации, 1943–1945: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 1965.
248. *Хатанзейский Н.К.* На земле Ижемской. Сыктывкар, 1982.
249. *Цыбульский В.А.* Из истории становления социалистического образа жизни коми крестьянства // Становление и совершенствование советского образа жизни: На материалах Коми АССР: Межвуз. сб. науч. тр. Сыктывкар, 1981.
250. *Чершеев Д.* Дальнейшее повышение материального благосостояния колхозного крестьянства после сентябрьского Пленума ЦК КПСС 1953 г. М., 1959.
251. *Чигиринов Г.А.* Некоторые вопросы развития сельскохозяйственного производства Нечерноземной зоны РСФСР во второй половине 40–50-х годов // История СССР. 1982. № 4.
252. *Чинчиков А.М.* Советская историография социалистического преобразования сельского хозяйства СССР (1917–1969 гг.). М., 1971.
253. *Чинчиков А.М.* Историография трудового подвига советского крестьянства, 1941–1976. Саратов, 1977.
254. *Чистяков В.Б.* Подготовка кадров руководителей колхозного производства в 1946–1950 гг. // Проблемы истории современной советской деревни 1946–1973 гг. М., 1975.
255. *Чураков В.Я., Суворова Л.И.* Использование трудовых ресурсов в колхозах и совхозах. М., 1967.
256. *Шанин Т.* Понятие крестьянства // Великий незнакомец: Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992.
257. *Шарова П.Н.* Укрепление сельских партийных организаций в 1950–1965 гг. // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970). М., 1972.
258. *Шилобод М.И.* Рец.: *Вербницкая О.М.* Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х—начало 60-х годов. М., 1992 // Вопросы истории. 1994. № 2.
259. *Ширинов В.Г.* Некоторые вопросы экономики сельского хозяйства Коми АССР. Сыктывкар, 1956.
260. *Шмелев Г.И.* Личное подсобное хозяйство и его связи с общественным производством. М., 1971.
261. *Яковцевский В.Н.* Социалистическое сельское хозяйство СССР за 50 лет. М., 1967.

Справочная литература

1. Советская историческая энциклопедия. М., 1961–1976. Т. 1–16.
2. Большая советская энциклопедия. М., 1970–1978. Т. 1–30.
3. Республика Коми: Справочник. Сыктывкар, 1986.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

СМЕТАНИН Александр Франсович

Родился 24 апреля 1949 г. в с. Кельчиюр Ижемского района Республики Коми.

Кандидат исторических наук, доцент, директор Института языка, литературы и истории, заместитель председателя президиума Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, заслуженный работник Республики Коми, академик Академии военно-исторических наук. Награжден Почетной грамотой Республики Коми. Член Совета ректоров Республики Коми, член диссертационного совета в Сыктывкарском госуниверситете, заместитель председателя Межведомственной координационной комиссии при Правительстве Республики Коми, член комиссии по присуждению Государственных премий Республики Коми, председатель Государственной аттестационной комиссии исторического факультета СыктГУ. Опубликовал более 100 научных работ по проблемам аграрной истории, политической истории XX в. и другим научным проблемам.

МИЛОХИН Дмитрий Владимирович

Родился 22 февраля 1974 г. в г. Котласе Архангельской области.

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, член-корреспондент Академии военно-исторических наук. Опубликовал более 40 научных работ по проблемам социально-экономического развития северной деревни в советский период. В 2003 г. стал победителем конкурса грантов Президента Российской Федерации молодым российским ученым – кандидатам наук. В настоящее время работает в должности советника Главы Республики Коми по вопросам науки.

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора. Новые штрихи к портрету “великого незнакомца” (А.А. Попов)	3
Введение	6
<i>Глава первая</i>	
Развитие колхозного строя в Коми АССР в 1946–1958 гг.	18
Положение колхозной деревни после Великой Отечественной войны	18
Основные принципы аграрной политики Советского государства	30
Хозяйственное развитие колхозов	55
<i>Глава вторая</i>	
Социально-экономическое положение колхозного крестьянства в Коми АССР в 1946–1958 гг.	89
Материальное положение колхозников	89
Методы стимулирования труда крестьян в колхозном производ- стве	122
Формы социального протеста колхозного крестьянства	140
Заключение	173
“Трудные будни затерянных деревень...” (Л.Н. Денисова)	184
Примечания	189
Приложение	206
Таблицы	206
Список использованных источников и литературы	278
Сведения об авторах	291

Научное издание

Милохин Дмитрий Владимирович
Сметанин Александр Франсович

КОМИ КОЛХОЗНАЯ ДЕРЕВНЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ 1946–1958

Социально-экономические
аспекты развития

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института языка, литературы
и истории Коми
научного центра УрО РАН*

Зав. редакцией Н.Л. Петрова

Редактор Л.М. Кузнецова
Художник В.Ю. Яковлев

Художественный редактор Т.В. Болотина
Технический редактор В.В. Лебедева

Корректоры
Р.В. Молоканова, Т.И. Шеповалова

Подписано к печати 25.01.2005

Формат 60 × 90^{1/16}. Гарнитура Таймс

Печать офсетная

Усл.печ.л. 18,5. Усл.кр.-отт. 18,5. Уч.-изд.л. 17,8

Тираж 520 экз. Тип. зак. № 44

Издательство “Наука”

117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru

Internet: www.naukaran.ru

ППП “Типография “Наука”

121099, Москва, Шубинский пер., 6